

Тера Ли

Отец

Тера Ли Отец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24612537

Аннотация

Всего одна случайная встреча при необычных обстоятельствах может кардинально изменить твою жизнь и тебя самого. Причем ты не знаешь, когда и где это произойдет. То же коснулось и Пайпер, шестнадцатилетнюю девчонку, одним ненастным утром решившую отправиться на юг страны в солнечную Луизиану. Что заставило ее преодолеть тысячи миль и покинуть родной дом? Какие тайны она скрывает? И сможет ли она найти на другом конце страны то, что ищет, даже не подозревая, что для этого осталось слишком мало времени?

«Стать отцом совсем легко. Быть отцом, напротив, трудно»

Вильгельм Буш

Пролог

Смерть. Достаточно произнести вслух, а лучше прокричать, чтобы ощутить бессилие перед комбинацией пяти букв. Чувствуете приближающийся рокот, когда язык толкается в небо? Обязательно посмакуйте мерзкое слово, перевоплотитесь в профессиональных дегустаторов красного эликсира. Вдохните белую дорожку, кайфа не почувствуете, только дикое жжение в районе переносицы. Не хватает зрительного образа: вездесущей старухи с косой, выполняющей важную миссию в согласии с совестью. Накопленные за долгую жизнь банкноты не помогут откупиться от беспристрастной сущности, чековая книжка здесь не придет на помощь, и запугать не получится; у смерти нет слабых мест и, когда настанет судьбоносный час, любой окажется во власти костлявых лап.

Страшное слово, пугающее тех, кого жнецы преследуют по пятам, поджидая в темных переулках, на борту самолета, в супермаркете с заложенной бомбой или стирая с лица земли близких людей. Исключим из списка впечатлительных личностей, устраивающих погребальные обряды по каждому мертвому таракану или мухе: независимо от глубины страданий столь ранимых членов общества по неподвижному насекомому. Обратимся к серьезному.

Бывает вокруг с нарастающей регулярностью погибают

жители зеленой планеты, в один прекрасный день понимая бессмысленность существования, пока горстка круглых таблеток катится по пищеводу; или пока сквозь тело и сознание проникают адские муки, когда ты находишься в самом эпицентре войны; или пока тебя режут на кусочки жаждущие крови последователи Лукаса, Гейси и остальных, известных в своей среде. Вероятно, сказывается положение луны или политическая ситуация в стране, либо мир сошел с оси здравого смысла. Матерые убийцы и новички испытывают сильнейший зуд, заставляющий наносить первому встречному глубокие раны, у самоубийц аналогичные обстоятельства, только вред они переносят на собственное тело, вот почему совершивших суицид впору назвать посмертными мазохистами.

Ах да, существует еще так называемый «несчастный случай». Когда запах газа неделю щекочущий ноздри не наделенному достаточным обонянием парнишке, и последующая зажженная спичка приводят к огромной дыре в доме. Незнание техники безопасности не вяжется с действительным определением случайности. В определенной мере погибший от неотремонтированных вовремя тормозов или пьяного сна в обнимку с сигаретой сам виноват во внезапно наступившей кончине. С неудавшимися личностями долго разбираться – бессмысленное действие, как говорят, «судьба внезапно настигла». Полная чушь. Объяснение одно – седовласый старец наверху или краснокожий черт внизу, смотря

кто заведует ссылкой неугодных в другое измерение, застыдился созданного творения. Знаете, как мальчишка, три летних месяца угробивший на строительство крутой машинки с пультом управления, опозорился, в знаменательный день собрав друзей для презентации чуда инженерной мысли, когда способности машины ограничились механическим чиханием и последующей тишиной. Несложно догадаться о дальнейшей судьбе изобретения.

В любом случае – истекая кровью в руках маньяка, охотящегося на приглянувшуюся жертву неделями или стоя на крыше высотного здания и собираясь познакомиться с асфальтом поближе – испуская последний вдох, каждый оставляет за собой любящих людей. Когда над умершим свершается суд, определяя дальнейшее место жительства бесцветной души, соленые слезы родных, пропитанные горечью и скорбью, прожигают дыры в холодной земле. Они медленно угасают, разрушая еле бьющееся сердце бесполезным страданием: лежащих на глубине пяти метров в темных гробах или сгоревших в раскаленной печи крематория уже не вернешь. Поэтому следует подумать, прежде чем сознательно идти на риск, ощущая близость аромата гниющего мяса.

Случается и другое. Практически кто угодно слышал фразу: «живой мертвец». Речь идет не о вампирах или зомби, а об убийстве, совершенном мысленно. Звучит безумно. Довольно простое объяснение – сжигающая ненависть, направленная на определенного человека и принуждающая тебя за-

крыть глаза, телепатически нанести не совместимые с жизнью увечья и с почестями проводить в закрытый для живых мир. Отпевание, церковь, кладбище. Яркая картинка предстает перед глазами, заменяя реальность. Неоднократное повторение похоронного процесса приводит к осознанию фактической смерти объекта ненависти, и при случайной встрече с «упокоенной душой» можно ненароком лишиться рассудка. Мертвецы восстают из могил, ну надо же.

Стоит пораскинуть мозгами и уяснить наконец – жизнь на земле, начиная с момента появления на свет и заканчивая уходом в закат, отмеряется одной чертой, выдолбленной полосой между датами на надгробной плите. Независимо от количества прожитых лет за спиной, длина тонкой линии будет одинакова, так представляется наш путь, всего лишь краткое мгновение.

Ни в коем случае не забывайте об этом.

Смерть всегда рядом.

Глава 1

Начало

Если вдруг среднестатистическому американцу приспичит покинуть насиженное за долгие годы место и отправиться искать приключения, какой уголок родной страны он предпочтет? Солнечные пляжи Флориды, или тишину Аппалачской тропы, или бодрящий мороз «холодильника нации», другими словами города Интернешнл–Фоллс, штат Миннесота? Прежде чем выбрать подходящее направление, амери-

канцу придется ответить: зачем я вообще поднимаю задницу со стула и еду хрен пойми куда? Найти работу? Наметился долгожданный отпуск? Или внезапно открылась перспектива получить наследство от возникшего из ниоткуда родственника? Ответы на зудящие в подкорке вопросы порождают новые: как добираться? Например, сесть на самолет и за шесть часов долететь до желаемого пункта, или купить билет на междугородний автобус и почти сутки трястись, пока мозги из ушей не вытекут. В душном способе передвижения по стране не видится заманчивой перспективы. Другой вариант – взять машину на прокат, но и здесь появляется множество нюансов, заставляющее нас отбросить неудачную затею. В итоге, заманчивая идея дать телу и душе заслуженную порцию волнующих впечатлений обрастает очередными сложностями.

Итак, два человека направляются на юг Соединенных Штатов. Для чего? Что или кто ждет их в жаркой стороне? И снова. Отпуск, наследство, работа? Ни то, ни другое, ни третье. И пока вы не узнаете о них больше, не поймете, почему вместо повседневных домашних дел или семейных посиделок за просмотром вечерней телевикторины они едут за сотни миль от родного города.

Начнем с возраста: оба пассажира несовершеннолетние. Как? – спросите вы. Как они могли уехать без сопровождения взрослых? Не забывайте: Америка – страна возможностей. К тому же парню скоро исполнится восемнадцать и

поддельные паспорта не проблема. Второй путешественник – его младшая сестра, точнее ребенок шести лет. Подойдем к ситуации поближе.

Молодой мужчина сидит на дальнем от входа месте у окна и одной рукой обнимает девочку. Она в свою очередь спит. До пункта назначения осталось часов семь пути. Он грезил о жилье подешевле и почище (точно потерял связь с реальностью) и долгожданном сне в обнимку с подушкой. Парень не спал почти двое суток, изредка опуская тяжелые веки: везущий путешественников автобус представлялся ему скопищем преступных элементов, посягающих на младшую сестру. Каждый проходящий мимо пассажир награждался суровым взглядом, пресекающим дружелюбные улыбки.

Приоткроем завесу еще на дюйм, защитника детей зовут Грег Марлоу, любит бег и слушает рок, в свободное время занимается резьбой по дереву. Звучит как данные анкеты для сайта знакомств, но нам нужно смириться, если парень не желает говорить о своей персоне. Младшую сестру зовут Шерри, частенько близкие называют ее «вишенкой». Около года назад она отдала все свои игрушки девочке, живущей по соседству. Их недавно построенный дом сгорел, пока члены семьи в полном составе, держась за животы, смеялись над удачно снятой комедией в кинотеатре на вечернем сеансе. Похоже фильм предназначался специально для них. Картина словно говорила: «Вам теперь негде жить, но вы посмейтесь хорошенько перед предстоящими объяснениями с детьми на

тему: временное проживание у сумасшедшей тетушки Роуз». Пока мы размышляли о щедрости вишенки и горестях неудачливой семьи, брат с сестрой ступили на еще не остывший асфальт автостанции. Грег достал из спортивной сумки черную бейсболку и надел ее, закрывая козырьком лицо. Затем протянул девочке миниатюрные солнцезащитные очки.

Через пятнадцать минут они подходили к дому, который им посоветовал водитель такси. Вероятно, смельчак пропустил родительскую лекцию об опасности подозрительных личностей и неосвященных районов, или вообще плевать на них хотел, поэтому передал деньги за неделю вперед пропахшему потом и безнадегой скелету в лохмотьях с пустотой в широких зрачках, еле сдерживая рвотные позывы. Наркоша. Первая мысль, промелькнувшая в голове парня при виде владельца комнаты. Нет, а чего он ждал? Шикарные апартаменты с бассейном и личной домработницей? Когда сбегашь из дома стоит проститься с домашними удобствами, но Грегу легко простить явную оплошность, спишем на молодость и постоянное проживание в пределах Реддинга. Дополнительные факты из биографии.

Вот мы стоим перед входом в собственность молодого самоубийцы, ожидая, пока ребята позволят нам посмотреть на внутренности снятого жилья. Хочется, представляя их героями фильма, закричать: «Да открывай ты уже эту долбанную дверь, с тобой поседеть можно!». Услышав наши молитвы, парень открыл проход в новый для них мир и в присту-

пе отвращения скривил губы. Цвет стен напоминал болотную тряси́ну или коктейль из сельдерея, помощник в борьбе с лишним весом тети Тре́йси. Мерзкая, напоминавшая блевоту, жижа. Рисунок из трещин и потерянных кусков штукатурки придавал кирпичной коробке болезненный вид. Посмотрев вниз, он подумал: если я сейчас рискну наступить на пол, моя нога не провалиться по колено в дерьмо? Усмехнувшись, временный владелец тесной комнаты прошел внутрь, пропуская Шерри вперед.

Местная прачечная станет их постоянным прибежищем в ближайшем будущем: запах, проникающий в ноздри еще перед входом в многоквартирный дом, казалось навечно впитался в одежду и волосы уставших путников. Сделав про себя пометку отдраить новый дом до блеска завтра утром, Грег покрутил шейю, разрабатывая затекшие мышцы.

Настал подходящий момент для проведения описи имущества, искать толстую тетрадь – бессмысленная затея, хватит и клочка бумаги. Довольно широкая для односпальной кровать с грязным матрасом, на удивление крепкая тумбочка и пьяный стул. Ставим точку, опись закончена. По необъяснимым причинам парень решил отложить осмотр второй комнаты, обозначенной дверью слева от входа до лучших времен, несмотря на толкающий в спину интерес увидеть сокрытые от посторонних тайны. На долю секунды он представил себя Гарри Поттером.

– Мы будем здесь жить? – слышался испуганный дет-

ский голосок.

Грег вывел на лице уверенную улыбку:

– Понимаю, как это выглядит, но выхода у нас нет, – выдержав паузу, он снова осмотрелся, затем повернулся к сестре. – Вспомни, как мы смогли вычистить подвал мисс Старой Клячи! У нас есть опыт, которого хватит, чтобы вычистить здесь все до блеска.

Мать, не признававшая насилия, просверлила бы мозг сына правилами хорошего тона, услышь она не лестное высказывание о соседской старушке, в полной мере честное: бабуля действительно стерва. Сначала просит о помощи, а после орет благим матом на живущих в округе ребят, называя их исчадиями ада. Конечно, бабка не настолько глупа, чтобы извергать потоки желчи в присутствии родителей маленьких сорванцов, поэтому соседка – милая и добропорядочная женщина, а Грег – хам. Жизнь несправедлива, и парень не может с этим смириться.

По крайней мере, Шерри расслабилась и захихикала, оживляя в памяти картину слезной мольбы соседки. Старушка, проклиная больные колени и слабое зрение, просила помощи детей в уборке подвала за небольшую мзду, а в итоге не заплатила и к тому же соврала о неумемной жадности соседских ребят. Неприятное событие из недалекого прошлого не могло вытянуть из девочки улыбку, вы правы. Милые ямочки на пухлых щечках появились от воспоминания о мести брата. Собранный мусор из подвала парнишка раскидал

на участке старухи, в общем вернул принадлежавшее ей по праву. Избежал ли он наказания? В уме всплывает поговорка: не пойман – не вор.

Но вернемся к нашим героям.

Подбодрив ребенка, Грег нехотя дотронулся до ручки и внезапно застыл. На смену уверенности пришло беспокойство, оно тянулось из груди тонкой липкой струей и опускалось в пах. Дыхание сбивалось, пульс зашкаливал. Он провел ладонью по волосам и приказал себе не впадать в панику.

Парень снова обернулся и подмигнул сестре, стараясь прикрыться маской спокойствия и собранности, решительно убеждая себя в отсутствии опасности скрытой за пошарпанной деревянной дверью. Не старайтесь выносить поспешных вердиктов: якобы он трусоват и боится выдуманных страшил и наверняка грязных запертых комнат. И не судите его строго, не узнав произошедшей с ним истории.

Пять лет назад случилась трагедия, перевернувшая мир ребенка. Тогда внутри мальчишки сломалась важная деталь, как в механизме часов, поначалу идеально отлаженном, а затем из-за возникшей поломки, подталкивающим стрелку к безумствам: то делает ход назад, то три вперед, и хрен ты предугадаешь ее следующий шаг, да она и сама не в курсе, куда дернется через секунду.

Так случилось и с Грегом, парню двенадцать лет, он уже строил планы, не такие глобальные, как устранение экологического кризиса в стране или борьба с наркотиками, но

не менее важные для него: смастерить подарок Шерри на день рождения и поехать летом в лагерь бойскаутов. А потом неделю просидел в своей спальне, и, смотря сквозь мать, слушал ее слова о скором возвращении к прежнему укладу. Можно ли действительно верить в восстановлении навсегда разрушенного и думать о предстоящих днях с волнительным ожиданием, если в одно мгновение твоя жизнь, посмеиваясь, перечеркнет заветные мечты?

После недельного отупения пришла следующая стадия: злость. Мальчик срывался на учителей и ввязывался в драки, причем в моменты агрессии желание испытать боль пересиливало искушение переломать кости сопернику. Спустя два месяца безумных попыток убить себя руками одноклассников, Грега отдали в секцию по боксу. Пусть лучше калечит парней, подписавшихся на получение синяков и ушибов, чем угрожает жизням бывших друзей.

Через год агрессия уменьшилась, через четыре сошла на нет. Бывали редкие случаи, когда подросток не мог сдержать горячего потока ненависти, бьющего в мозг, слушая несущиеся в след насылаемые проклятия ему и его семье от попрошайки, не получившего «заработанного» доллара или выкрики учителя химии о способностях «мелкого тупого засранца», сопровождающиеся душем из слюней. В такие моменты агрессия наполняла кулаки кровью, и он вносил в свою воображаемую тетрадь список людей, ожидающих казни.

Прошло пять лет. Грег постиг науку молчаливой угрозы, когда из-под нахмуренных бровей лился свет, убивающий в других позы к насилию; на помощь благому делу выступали внушительные габариты: шесть футов и сто восемьдесят фунтов. Против такого не поперешь. Себе дороже.

Но сейчас, давно похороненные кошмары вылезли наружу: он топтался перед дверью, не решаясь войти. Детский психолог, назначенный ему в возрасте двенадцати лет, дал единственный дельный совет: когда становится страшно – представить зону комфорта. Грег закрыл глаза и по памяти нарисовал стойку с инструментами напротив входа и блестящий станок, занимающий половину площади гаража. Запахло пряной свежестью деревянной стружки. Парень перестал дрожать и толкнул дверь. Она не сдвинулась ни на дюйм. Неудачная попытка рассмешила его. Удивительный народ – подростки. Несколько секунд назад он воображал нападение неведомого чудовища, а теперь еле сдерживает смех. Большинство голосов склоняется к нервному напряжению или необоснованности страхов. Спрятанный труп в дикой жаре давно дал бы о себе знать, распространяя специфические ароматы разложения или присутствие постороннего, притаившегося за дверью, не прошло бы мимо ушей Грега. Тогда чего бояться? Тараканов или дохлой крысы?

Парень сильнее навалился на нее плечом и толкнул. В камерке площадью около четырех квадратных метров ютились треснувшая раковина в форме квадрата, в желтовато-зеле-

ных подтеках унитаза, кусок зеркала, прибитый к стене чуть выше умывальника, и потемневшая ванная, походившая на тазик. Вот кошмар!

– Что там? – спросила Шерри.

Он обернулся и посмотрел на сестру:

– Туалет, как я и думал.

Ага, как же.

– Грег, мы здесь надолго?

Девочка обняла себя руками. Попытка отгородиться от возникших обстоятельств вызвала в брате жалость. Ей бы сейчас нестись на велосипеде вниз по улице мимо выкошенных лужаек и безудержно хохотать, а не стоять и смотреть на запущенность чужих стен в двух тысячах миль от дома. Он подошел к ней и присел, подгоняя уровень своих глаза под рост ребенка.

– Я не знаю. Надеюсь, не долго. Завтра утром прогуляемся, купим, что надо для уборки. Вдруг тебе город понравится, и уезжать не захочешь.

На последней фразе Шерри сделала кислую мину, рассмешившую брата.

– Окей, я пошутил, – Грег вскинул руки, сдаваясь.

Будучи в приподнятом настроении, юноша подхватил и крепко прижал к себе хохочущую сестру, чувствуя холодные пальчики на больной шее. Вдыхая запах дома, впитавшийся в кожу девочки, парень вспомнил о человеке, занимающем в тетради смерти почетное первое место. Он думал о хрустя-

щем звуке ломающейся переносицы и погружающихся в тело кулаков. Тонкая линия губ, медленно растягиваемая на загорелом лице, внушала ужас. Какую тайну она скрывает?

Пайпер

Теперь настало время познакомиться с Пайпер. Ей шестнадцать, и неделю назад она, преодолевая препятствия на тысячемильном пути, приехала в Новый Орлеан. Причина поспешного отъезда, скрываясь за воздвигнутой перегородкой, к сожалению, не значится в купленных билетах. Наберитесь терпения.

Денег, которые девушка позаимствовала из семейной записки, обнаруженной ей по счастливой случайности, хватало, чтобы не сдохнуть с голоду и снять на месяц удобное жилье в безопасном районе. Однако Пайпер предпочла альтернативный вариант: сэкономила на квартире и тратит на еду около семи долларов в день. Не так уж плохо, учитывая полученную в первые же сутки работу. Но сейчас разговор о другом.

Изнурительные часы, потраченные на долгую дорогу, отдавались тяжестью в плечах, приходилось разбрасывать за собой маленькие крошки следов, уводящие в никуда. Синий рюкзак за спиной и одежда, свободно болтающаяся на хрупкой фигурке, составляли полный перечень имущества молодой девушки, прихваченный из широкой гардеробной. За тысячу с лишним миль путешествия она успела увидеть больше городских агломераций, чем за шестнадцать лет, пе-

ресекая границы штатов и задерживаясь в обозначенных точках. Солнце, извечный спутник, непривычно грело шею, прошел день, маршрут сократился вдвое. Вторая половина странствия готовила для нее не менее трудные испытания. В волосах скопилась горячая пыль, от нескончаемого количества шагов болели икры, отчаянно хотелось лечь прямо на землю и крепко заснуть. Как только автобус въехал в «большую простоту», путешественница выдохнула накопившиеся в легких тревогу и усталость. Она сошла на станции и остановилась, следя за проезжающими мимо автомобилями и вслушиваясь в мотив Нового Орлеана; затем взяла буклет и направилась в сторону Пойдрас–стрит, оттуда, не сбавляя темпа, добралась до Лойоло–авеню, плавно переходящего в Бейсин–стрит. Спустя тридцать минут девушка по записанному в блокноте адресу отыскала дом: перед отъездом она определилась с грядущим пунктом проживания, изучая особенности портового городка.

Здание, к которому Пайпер подошла, согласно собственноручно сделанному путеводителю, стояло последним на короткой улице: три этажа, один вход. Слабый ветерок толкал дверь, заставляя ее протяжно скрипеть. Она подняла голову: в двух окнах из восьми горел свет. Наличие жизни в обветшалой постройке обнадеживало. Несмотря на темноту, поглотившую район, на некоторых участках дома зеленая плесень, ползущая по когда–то молочного оттенка фасаду, привлекала внимание. Внутри держалась тишина. Путница за-

мерла у входа, не зная, как поступить дальше: она просчитала каждый этап, но не учла одной детали – существование собственника жилья. И к кому теперь обращаться по поводу свободных комнат? Ответ пришел из ниоткуда.

– Чего пялишься? Налюбоваться не можешь? – послышался гнусавый голос. Пайпер вздрогнула и отступила, мужчина противно хихикнул. – Не бойсь. Если хочешь снять комнату, я хозяйку знаю. Могу свести.

Девушка молчала, и благодетель, махнув рукой, развернулся, чтобы уйти.

– Подождите. Я ищу комнату.

– Жди здесь, – сказал мужчина после непродолжительного молчания и исчез.

Ожидание затянулось. Фонари в радиусе пятидесяти метров не работали, улица утопала в концентрированном мраке. Когда нервозность Пайпер достигла пика, послышались приближающиеся шаги. Из черноты ночи вышли двое: помощник страждущих и, по всей видимости, хозяйка. Через десять минут девушка стала обладательницей приза в виде клетки четыре на четыре, ключи от которой грузная, светловолосая женщина с носом на пол лица торжественно вручила арендатору, не забыв смачно плюнуть на пожухлую траву.

Пайпер вошла в здание и, осторожно ступая по трухлявым ступенькам, поднялась на третий этаж. Нужная дверь располагалась в конце длинного коридора. Под ногами лежал засаленный ковер темно-красного цвета. Девушка подумала

о подходящем для выбранной дорожки предназначении: сокрытия кровавых улик. Она поежилась и подбежала к двери. Ключ без помех открыл замок, повернувшись оба раза, комната не простаивала зря.

Первую ночь пришлось провести в сумраке: висящая на тонком проводе лампочка перегорела. Поэтому Пайпер лишь с рассветом удалось изучить неповторимость приобретенного «дворца»: узкое окно в серых разводах и крепкая железная кровать, на стенах буграми вздувалась небрежно нанесенная краска, грозящая в любое мгновение лопнуть и осколками посыпаться на пол. Девушка чертыхнулась и вновь легла в постель, желая отоспаться за безумные сорок восемь часов, проведенных в междугородних автобусах и на пыльных дорогах южных штатов. Тогда и начались странности: Пайпер посмотрела на потолок. Да, вы не ослышались.

С тех пор он стал ее навязчивой идеей. Каждую ночь, пытаясь уснуть, ворочаясь и путаясь в простынях и каждое утро, просыпаясь от пугающих снов, бедняжка вглядывалась в потолок, прожигая его глазами, и старательно выискивала необходимый для собственного умиротворения оттенок. Лучше не засорять свой мозг шлаком и отбросить надоедливые мысли, вы несомненно правы, но она с упорством осла не переставала за него цепляться. Страшно представить, чем закончится маниакальная тяга к окраске комнаты.

По дороге в Новый Орлеан беглянка сочиняла сказку о самой себе, приклеивала к ней подробности и вписывала про-

тиворечащие ее сущности привычки. Переваривать в подсознании правду – больно, поэтому ее мозг и она сама поэтапно блокировали часть бросающих в дрожь воспоминаний, но иногда, в ночных кошмарах, они представляли ярче реальности. Пайпер просыпалась, чувствуя стекающий по спине ручеек холодного пота, и хваталась за потолок, как за спасительный круг, в одиночестве выплывая из бушующего в груди шторма. Сложно выяснить, спустя какой отрезок времени несуществующие факты из ее биографии заменят реальную историю, и в голове развеются тени.

Чужачка понемногу приспособливалась к новой обстановке, стараясь найти одни плюсы, когда неожиданно возник раздражитель: на рассвете ровно в шесть часов из крана начинала капать вода, распространяя по спальне мерзкие хлюпающие звуки. Она пряталась под подушкой, но мелодия разбивающихся о керамику капель настойчиво проникала в уши.

Очередное утро. Пайпер проснулась, встала со скрипучей кровати и бросив взгляд на черный циферблат, – удивительно, но на нем снова вырисовывалась шестерка – начала собираться на работу (умыться, одеться и на выход), о которой вы сейчас узнаете.

Молодой привлекательной девушке, к тому же в чужом городе, нельзя расслабиться ни на секунду: пристальные взоры и заигрывающие посвистывания делают из тебя жертву для самоуверенных и наглых мужчин. Если не найдешь друга в

лице местного жителя, пользующегося уважением у коренных орлеанцев, не выживешь и тебя порвут на клочки. Девчонку оберегают, раз она в скором времени встретила незаменимого человека: Марту Гудман.

По приезде Пайпер решила изведать незнакомую территорию и заодно поискать оплачиваемое занятие. Бурбон-стрит к полудню уже кишел людьми, а девушка, сверяясь с брошюрой, наведывалась в приличные заведения, готовые предоставить молодой беглянке источник дохода. Она зашла в паб Джонни Уайта и Корнет, обошла гриль бары и посетила Текила Хаус. В отдыхе и выпивке нигде не отказывали – работников не приглашали. В итоге, улица длинной в милю, вмещавшая в себя около пятидесяти баров и кафе, ресторанов и пабов, не принимала приезжую девчонку в лоно пищевой индустрии. Пайпер практически сдалась, от отчаяния заурчало в животе. Пройдя пару метров, она увидела выросшее впереди двухэтажное аккуратное строение цвета спелых персиков. Второй этаж был огражден чугунным балконом с миллионом завитков, на котором громоздились горшки с цветами, занимавшие бóльшую площадь кафе. Красная дверь со стеклянными вставками притягивала магнитом. Девушка знала: она должна туда войти, и, не колеблясь ни секунды, открыла дверь.

На входе ее встретили острый аромат жареной рыбы, заставивший слюнные железы включиться на полную мощь, и идеальная чистота. В обстановке простора и свободы от

внешних бед ощущалась уверенная женская рука, по-хозяйски заботящаяся об уюте и моральном удовлетворении посетителей. Поэтому, подошедшая к Пайпер низкая брюнетка лет пятидесяти, показалась девушке владелицей кафе. На ней были надеты чистый фартук поверх тонкого ситцевого платья и мягкие тапочки. Доброжелательность женщины отразилась в теплой улыбке. Она неловко улыбнулась в ответ:

– Здравствуйте, эм... у вас есть в меню... блины? – пальцы безостановочно теребили край блузки.

– Конечно, проходи, милая, – женщина указала ей на свободный столик и ушла на кухню.

Девушка терпеть не могла блины, но обновленная Пайпер, оставившая далеко позади прежние навыки, требует блинов, пусть даже они ей в глотку не полезут. Пока готовился ее заказ, она осмотрелась, и впервые за долгие месяцы в ее сердце послышались отголоски покоя. Свет струился из окон, отражаясь от поверхности барной стойки, со столов свисали отутюженные чистые скатерти с примостившимися в центре глиняными вазами. Пайпер наклонилась и вдохнула сладкий аромат цветов, расставаясь с напряжением. Кроме нее в зале сидело шесть посетителей. Пожилая парочка: оба читали принесенные с собой газеты, женщина с неугомонным ребенком и двое мужчин, живо обсуждающих будущее команды «Пеликанс». Намного позже, прокручивая в памяти «каникулы» в Новом Орлеане, она поняла, что именно тогда она нашла СВОЕ место; возможно причина таилась в окружа-

ющей тишине или приятном аромате горячего сливочного масла, или дело в ином: живущие здесь люди – настоящая семья, встречавшая в жизни печаль и веселье, сражавшаяся с невзгодами и получавшая за это награды. В родном доме Пайпер не ощущала доверия и командной сплоченности. Никогда.

Принесли заказ, и девушка, которая не собиралась придрагиваться к политой сиропом гадости, внезапно накинулась на еду. Иначе никак: голодный желудок давал о себе знать, скручиваясь в тугой узел. Горячая пища обжигала язык, однако она продолжала жевать, восполняя дефицит углеводов. Опустевшая тарелка намекала ей на выход. Девушка поднялась, и в этот момент об ее затылок споткнулся чей-то сосредоточенный взгляд, но она его не заметила.

– Добавки? – спросила недавняя знакомая.

– Нет, спасибо. Мне пора, – сказала Пайпер, уставившись в пол.

Пока она слишком энергично натягивала на плечи рюкзак, путаясь в ляжках, между женщиной и незнакомым нам мужчиной проходила бессловесная перепалка. Наконец, сдавшись, хозяйка обратилась к посетительнице:

– Послушай, мы ищем сотрудника, как раз, молодую и аккуратную девушку, если тебя это интересует, можешь устроиться.

Брови Пайпер взлетели вверх, и она в недоумении уставилась на женщину. Не послышалось ли ей? Стоило потратить

несколько часов на розыск достойного места в пустую, чтобы потом зайти перекусить и обнаружить свободную вакансию. Неужели ее способность поглощать калорийные продукты подтолкнула хозяйку кафе к внезапному предложению. Девушка затараторила, побоявшись реакции женщины на затянувшееся молчание:

– Это здорово. Я с удовольствием...огромное спасибо. Что мне нужно делать? Я почти ничего не умею, но я готова попробовать и, надеюсь, пригожусь вам.

Она подняла уголки губ – вокруг глаз образовалась сетка морщин.

– Ты пройдешь обучение, будешь разносить заказы и иногда помогать мне на кухне. Я быстро научу тебя готовить, – пообещала женщина.

Они пожали друг другу руки, скрепляя устный договор, и условились начать завтра в восемь. Пайпер вышла из кафе, слушая несущийся вслед звон колокольчика. Девушка не спросила про оплату и забыла все те уроки, предостерегающие от контактов с незнакомцами, которыми ее любила пичкать, как индейку на День благодарения яблоками, Эрика, строгая няня.

Иногда кажется сама удача падает тебе прямо в руки, и ты не обращаешь внимания на легкость достижения желаемого и подводные камни. Не переживайте, девушке действительно повезло, ей попались добрые люди, готовые прийти на помощь ищущему спасения. Остаток вечера она провела

в магазинах краски, принадлежностей для рисования и мощных средств. До полуночи оставалось достаточно времени на уборку комнаты и ужин в компании с захваченной по дороге домой горячей пищей. Пайпер чувствовала себя чертовски счастливой, и эйфория не проходила на протяжении последующих семи дней, наполненных хлопотами помощника повара и официантки. Девушка готовила ранее ненавистные блины и училась не дергаться всякий раз, слыша свое имя. Работа ей нравилась, она приводила в порядок мысли и не мешала притворяться нормальным подростком без диких заскоков.

К сожалению, оставалось совсем немного уплывающих минут неги в лучах гармонии и защищенности, скоро прозрачная пленка иллюзии даст трещину, но, когда Пайпер вышла в прохладное утро, она об этом еще не подозревала.

Грег

Каждому, кто хотя бы раз останавливался в непрезентабельных мотелях, не понаслышке известно о тоске по дому и чистой постели. Засаленные простыни, пятна на ковре, и, к тому же замок заедает. Спи, милый друг, с открытой дверью и жди гостей. Единственное, чего требует организм – скорее пережить тревожную ночь и отправится восвояси, выбросив из памяти пункт вынужденной остановки. О чем разговор? Вы по крайней мере спали в мотеле, где есть уборщицы, создающие видимость активной деятельности и управляющий, которому, если быть честным, до вас нет никакого дела, но

тем не менее это какой–никакой сервис. Грегу повезло меньше: он проснулся в районе, не входящем в список наиболее посещаемых мест страны. Захотите оказаться в центре клоаки, поинтересуйтесь у любого полицейского в округе: куда отправиться за порцией адреналина? Они обязательно укажут вам путь. Но нас должно волновать другое. Парень лежит на узкой койке рядом с сестрой и мечется во сне. Чем же он так напуган? Придвинемся ближе.

За шесть безумных часов «отдыха» Грег увидел яркий образ дома в Биллингсе, каким он был еще до ремонта – с красной крышей и одним этажом. Он повернулся, оставив за спиной входную дверь и посмотрел по сторонам. Вокруг клубилась тишина: мимо не проезжали машины, сигналив в сторону незадачливых водителей, по тротуарам не прогуливались люди. Парень не обнаружил завсегдатаев спального района – соседских собак и не услышал привычного пения птиц. Он направился в сторону центра в надежде найти жизнь. Во сне одиночество, которого Грег жаждал в реальности, пугало. Через двадцать минут неспешной ходьбы парень заметил вдалеке тень и, не сомневаясь в правильности решения, пустился за ней бежать, ноги не двигались, застревая в возникшем из пустоты песке. Тень оказывалась на шаг впереди, Грегу не удавалось догнать ее. Он ускорил темп, но приблизился лишь на дюйм. Этого оказалось достаточно, чтобы понять: тенью являлась женщина. Она стояла спиной и теперь, когда парень страшился коснуться темной сущности,

его потянуло к ней магнитом, он упирался ногами и кричал. Женщина обернулась, испещренное глубокими полосами лицо скрывала серая дымка, оно показалось Грегу смутно знакомым. На уродливой маске зашевелились губы, но звука не последовало. Тень, не замолкая, продолжала высказываться на неизведанном языке, а парень хмурился и пытался разобрать нечленораздельную речь. Глазницы сущности наполнялись страхом. Женщина схватила его за руку, и он проснулся.

При пробуждении Грег не сразу сообразил где находится. Неразгаданное послание из кошмара затуманило мозги, ввергая его в пучину дезориентации. Парень потер переносицу и медленно выдохнул, через секунду он вернулся в действительность. Грег сразу же по старой привычке потянулся к тумбочке, чтобы схватить телефон, но под рукой ничего не оказалось. Парень приподнялся на локтях и огляделся: на стуле лежала спортивная сумка, из расстегнутой молнии торчали полотенце и футболка. К счастью на пол ничего не успело упасть. Дверь в ванную оставалась открытой еще с прошлого вечера. Так Грег чувствовал себя спокойней. Дневной свет, проникающий в комнату, выделял и без этого бросающиеся в поле зрения недостатки. Сколько ночей ему предстоит провести здесь, мечтая о домашней еде и устойчивой к ветру крыше над головой и стараясь не думать, в какой жопе он оказался?

Парень повернулся на правый бок и взглянул на сестру.

Девочка спала, свернувшись в клубок и тихо сопела. Шерри – точная копия матери, тот же цвет глаз, те же веснушки на бледной коже, исключение – темные волосы, доставшиеся от отца. И почему она сейчас здесь, лежит на бывшей постели наркомана, не представляя, что ждет ее впереди. Разве нельзя составить план получше? Вместо того, чтобы чуть свет мчаться на станцию, догоняя автобус, стоило купить билет на самолет и отправиться на север страны. Шерри оказалась бы там в безопасности. Позже Грег посчитал себя дураком, согласившись на необоснованные доводы и потащив за собой ребенка в мир, полный опасностей. В сознании менялись кадры, показывающие вероятное развитие событий: испугавшись давящей тишины, она покидает пределы дома и повсюду ищет брата, тогда ничего кроме катастрофы в лице жителей гнилого района не произойдет. Не менее жуткий вариант: в комнату залезает бродяга, надеясь холодную ночь провести под защитой кирпичных стен или наркоман, созывающий друзей собраться в узком кругу специалистов по крэку. Грег опасался за рассудок девочки, признавая свою беспомощность: кулаки выбьют дурь из каждого, кто позариться на его сестру, но они бессильны перед черным страхом, пожирающим ее изнутри. Проходить через злобу и порочность чужого города для маленькой девочки – невыносимый труд. Неужели никто кроме него не печется о ее состоянии?

Наверху заорали соседи. Любой звук, сочащийся из тонких стен, моментально оглушал. Мужчина кричал, женщи-

на не молчала в ответ, поливая сожителя отборным матом. Грег не удивился бы, начни они драться. Наверняка такое случается не в первый раз. И неудивительно. В гнилых местах ссоры разрастаются от брошенного вскользь неосторожного слова, словно само здание вытягивает из когда-то прочных отношений силу. Неожиданно ругань стихла, парень облегченно вздохнул: если соседи так же быстро мирятся, как и ссорятся, то они смогут поладить.

Подумав, что уже не получится уснуть от крутящихся в голове мыслей и недавней сцены гнева, он посмотрел на часы, осторожно встал, не разбудив сестру, и подошел к окну.

Грег наслаждался, выходя на пробежку ранним утром, когда на просторных тротуарах не встретишь ни единого человека; он ощущал себя единственным выжившим после апокалипсиса. В минуты властвования природы бегун поглощал растекающуюся по дороге свободу, чистый воздух врывался в легкие и свежей струей бил в мозг, пространство вокруг не сжималось до размеров крошечной коробки. Живописный уголок в дали от людских глаз, куда по утрам, в один и тот же час, независимо от погоды, бежал Грег, показал мальчику отец. Он открыл священную тайну, посвятив в нее только сына, и парнишка гордился оказанным ему доверием. Майкл казался мальчику божеством, как и многие другие отцы для своих сыновей, но здесь присутствовало нечто большое. То, чего Грег не мог понять.

Все свободное время глава семьи проводил с детьми, не

замечая карьерных высот, маячащих на расстоянии вытянутой руки. Он никогда не пропускал соревнования сына по футболу и родительские собрания, упрекая своим присутствием остальных отцов, для которых важнее копаться в бумажках на работе или посмотреть очередной матч за бутылочкой пива в компании офисных планктонов. Майкл научил Грега кататься на велосипеде, плавать и создавать из дерева причудливые фигурки. Звон станка и шлифовка древесины успокаивали и позволяли сосредоточиться. По субботам они заходили в гараж, закрывались в нем от не входящих в клуб «Майкла и Грега» и размышляли над следующим творением. Мужчина терпеливо выслушивал предложения сына и вносил незначительные коррективы. Находиться в одной лодке с отцом и выдвигать новые идеи воодушевляли мальчишку, заставляли чувствовать свою значимость. Несмотря на важность гаражного ремесла, Грегу куда лучшим занятием представлялось взобраться на холм совместно с Майклом. Утренние пробежки отделяли двух мужчин от остального мира расстоянием в четыре километра.

Каждое утро в сопровождении отца мальчик добирался до холма, не жалея сил, карабкался на вершину и падал по пути, сдирая кожу с колен. Несмотря на царапины и боль в мышцах, он ни разу не пожаловался, вставая до рассвета и пробегая заученный маршрут. В пасмурную погоду парень поднимался сам, разбуженный стучащим по стеклу дождем. Солнечные дни перекладывали ответственность на Майкла.

Они бежали в полном молчании, слыша лишь свое дыхание и стук кроссовок по уличной плитке. Отец, поначалу идущий бок о бок с сыном, опережал его и впереди белым пятном маячила широкая спина, указывая Грегу на серьезный разбег между ними. Парню потребовался долгий год тренировок, чтобы наконец коснуться холма первым. Он сохранил в сердце мгновение своей победы. Днем ранее лил дождь, пропитывая иссушенную землю, на утро небо осталось таким же хмурым, но синоптики осадков не обещали. Майкл вошел в спальню к Грегу и с удивлением обнаружил, что мальчик уже не спит:

– Где мой сын? Когда его успели похитить?

– Твой сын перед тобой, и он решил, что сегодня день его триумфа! – он гордо задрал подбородок.

Майкл сложил руки на груди:

– Неужели? Покажешь мне класс?

Мальчик усмехнулся и ответил:

– Если ты считаешь вид моей спины крутым, то я могу обещать.

Майкл рассмеялся и, не дожидаясь сына, спустился вниз. Тогда парень не задался вопросом: победил бы он, не узнай отец о его намерениях, но сейчас Грега одолевали сомнения. Мужчина, не обремененный излишней гордостью и самомнением, уступил ребенку, выказывая любовь и давая веру в собственные силы. С воспоминанием об одном из счастливых дней пришла грусть. Не желая впускать в душу мрак,

Грег вызвал из памяти картинку, помогающую в трудных ситуациях не падать духом.

Он закрыл глаза и мысленно представил знакомую тропу: выйти из дома и повернуть налево, добежать до перекрестка, оттуда вновь сворачивая влево продолжить путь по Пепертри–лэйн строго до пересечения с Хилтон драйв, где начинается проселочная дорога и, преодолев несколько метров, оставить позади Север–Маркет стрит и выскочить на Лост–Роуд, через пару миль покажется пригорок. Парень внимал свистящему в ушах ветру и шелесту листвы, вдыхал запахи свежескошенной травы на проносившихся мимо лужайках и мокрого асфальта. Грег ощутил плавный переход с твердой дороги на упругую землю и побежал быстрее, прячась за деревьями. До холма оставалось несколько метров, он достиг вершины и обессиленно остановился. Даже воображаемый процесс пробежки накрывал парня приятной усталостью, сменяемой последующей вспышкой энергии.

Грег открыл глаза и снова бросил взгляд на часы, с удивлением обнаружив, что простоял всего три минуты. За столь короткое время солнце успело подняться немного выше и потерять свою нежную блеклость, превратившись в огненный шар. Теперь, когда рассвет перестал привлекать к себе внимание Грега, парень смог рассмотреть окрестности нового «дома». Ветхие здания с обшарпанными стенами и непристойными надписями привалились к друг другу словно вдребезги пьяные приятели в злачном баре, в воздухе витала ат-

мосфера запустения и морального разложения. Переполненные мусорные баки оцепили бездомные, будто охраняя свою собственность. Для правдоподобной иллюстрации банального неблагоприятного района, как их называют органы правопорядка, не хватало проституток и шпаны, толкающей наркотики. Но даже Грег, не видевший изнанку жизни, знал: с наступлением сумерек на улицы выползают не только бродяги и ночные бабочки, но и кое-кто похуже. Подслушав как-то беседу родителей, мальчик в тихом бормотании разобрал фразу Майкла: «Они всегда выходят с наступлением темноты, мне иногда кажется, мы имеем дело с вампирами». Грег давно понял о ком говорит отец, и ожидая услышать в его тоне омерзение или злость на нарушителей спокойствия, он с облегчением отмечал в голосе нотки жалости и сочувствия.

Однажды, натолкнувшись на стоящего под дверью маленького «шпиона», Майкл на вопрос сына о преступниках «особого рода» сказал ему: «Они идут на преступления не ради самоудовлетворения, а для того, чтобы выжить, я не считаю, что кто-либо мечтает оказаться в их числе». Грег соглашался с отцом, вспоминая своих друзей, которые в девятилетнем возрасте боялись пить газировку, по мнению их родителей разъедающую желудок, а спустя несколько лет попробовали первый косяк. Как могут отличники и спортсмены опускаться до разрушения собственного тела и мозга, принимая всякую дрянь. Что они намереваются в ней найти?

Наслаждение? Умиротворенность? Какой смысл заключается в яде? Медленно сгнить, теряя часть за частью, не оставляя после себя ни кусочка.

Из глубоких раздумий Грега вырвал телефонный звонок. Парень посмотрел на экран мобильного и почему-то заколебался. В груди закипала злость. Он собирался все сделать по-другому, а его отбросили на задний план. И что ему теперь делать? Черт! После пятого гудка, Грег нехотя ответил на вызов.

Пайпер

Так и кто бы мог подумать: наша маленькая стеснительная девчонка продержалась в чужом штате целую неделю! Вот ведь сюрприз. Но она выдержала, нельзя сказать, что путь длинной в семь дней отличался легкостью, и шероховатостей не наблюдалось. Но тем не менее. Не каждому из нас часто удается похвастаться обнадеживающим результатом. Девчушка заслужила медаль, жаль, мы их не выдаем.

«Курс молодого бойца» или лучше переименуем его в «курс самостоятельной жизни» многому обучил Пайпер. Например, теперь вряд ли, путешествуя по стране, она отправится в незнакомый уголок, не выявив сначала так называемых «особенностей». Или взвесит все «за» и «против», прежде чем подойти и спросить дорогу у мужчины с нездоровым видом и тупым взглядом. Оказывается, чего только не обнаружишь, всего лишь открыв глаза и тщательно поразмыслив.

Каждый новый день оборачивался для девушки тренировкой, уроком выживания. В 7:00 она просыпалась и совершала обязательный ежедневный ритуал: ополоснуть лицо водой, воняющей гнильем, натянуть удобные вещи из скудного гардероба и отправиться на работу в «Кракен». На дорогу Пайпер тратила около тридцати минут, за это время девчонка успевала изучить стоящие впритирку дома на просторных улицах: одни выглядели богато и ухоженно, на нескольких кусках осыпалась штукатурка; разнообразие баров и кафе, начинавшихся в основном на пересечении Бурбон-стрит и Сейнт-Энн-стрит и следующих на юго-запад. Встречая случайных прохожих, Пайпер следила за ними. Некоторые слегка наклоняли голову в знак приветствия (большинство женщин), другие проходили мимо, словно ее не существует, а третьи приводили девушку в ужас, пожирая глазами стройное тело (относится к мужчинам). Вторая категория населения максимально ее устраивала, при любых обстоятельствах они не вспомнят миловидную брюнетку с бледной кожей, сплошное везение. Замечать подозрительных личностей оказалось трудной задачей, которую она сама перед собой поставила и довольно неплохо справлялась.

Выбрав для жилья унылый и опасный район, Пайпер не сомневалась в скорейшем столкновении с рядом сложностей. Иногда жуткий шум, поступающий к ней из широких щелей в каркасе ветхой обители, резко вырывал ее из еще более отвратительного сна, и она, к нашему удивлению, ис-

пытывала нечто похожее на благодарность за внезапное пробуждение среди ночи. Крики женщин и пьяные разбирательства мужчин поначалу пугали, не давая расслабиться ни на секунду, девчонка словно часовой на посту охраняла... себя от постороннего вмешательства. Плюс — если можно так выразиться — было отсутствие стрельбы и предсмертной агонии, сопровождающейся криками. Однако Пайпер, проводившая шестнадцать лет под защитой стен крепости из камня и стекла, именно таким представляла существование людей в полуразвалившихся хибарах на окраинах приличной жизни. Теперь спустя неделю пребывания в Штате пеликанов ей удалось наконец-то, не опасаясь за свою безопасность, покинуть всеобщий караул и провалиться в сон. До нее никому нет дела, как приятно!

Прошагав почти две мили, Пайпер требовалось повернуть направо с Орлеан-стрит, и та дам — «Кракен» прямо перед тобой. Ни за что не пройдешь мимо. Кафе-бар числился гордостью его полноправного владельца Арчи Гудмана. Мужчина никогда не покидал пределов штата. Проработав сорок лет за стойкой бара, он успел повидать различных субъектов и услышать душещипательные истории, как живущих во французском квартале орлеанцев, так и туристов, и приезжих в поисках занятости выходцев из Мексики. Арчи умеючи вел дела, находив к любому посетителю нужный подход. Мужчина казался диковинным психотерапевтом для местных, но в его арсенале не завалилось гипноза и кушетки, а

только крепкий виски и добрый совет.

Его жена – Марта Гудман, вполне симпатичная кареглазая женщина, в свои пятьдесят сохранившая стройную фигуру и роскошные густые волосы. Она низвергала на каждого гостя, посетившего их кафе, потоки доброты и участия. Вот почему вторым любимцем французского квартала несомненно объявлялась Марта. На хрупких плечах лежала забота об украшении и поддержании уюта в зале и готовке потрясающе вкусных блюд.

Пайпер ощущала необычайную признательность по отношению к добродушной женщине, предоставившей ей возможность не умереть с голоду и заняться полезной деятельностью. Мы не знаем, присутствовало ли здесь подхалимство или желание начать работу в тишине и одиночестве, но девушке нравилось появляться в «Кракене» задолго до открытия. По–видимому, ранее утро привлекало Пайпер сиянием солнца, мягко проникающим сквозь окна и накапливающим тепло в прохладном помещении кафе или витающим в воздухе ароматом свежести и неограниченности пространства. Дабы не потревожить сон хозяев, она включала джаз на своем плеере и отгораживалась от внешнего гула маленькими наушниками. Новый Орлеан, колыбель Джаза и родина Луи Армстронга, который интриговал Пайпер густым, волнующим голосом с осколками хрипотцы, создавая атмосферу джаз клубов 20–х годов. Звучная зажигательная мелодия «Kiss of fire» щекотала уши девушки, заставляя бедра ви-

лять в такт и наполнять блеском глаза: «Love me tonight and let the devil take tomorrow». Играющая композиция в составленном на скорую руку плейлисте светила первой в постоянно прослушиваемых дорожках. В ней сшибающим с ног потоком несется любовь и страсть, и ты невольно тонешь в нем, наслаждаясь видом улетающих в никуда проблем. Это дает тебе шанс дорожить и радоваться каждым прожитым мгновением. Жаль, что эффект произведенный песней, не вечен.

Взявшись за швабру, Пайпер прошла к задней части бара и начала уборку. Волосы, достававшие лишь до середины шеи, танцевали вместе с ней, темные пряди болтались из стороны в сторону. Маленькие руки с коротко обрезанными ногтями, не знавшие ранее труда, ловко управлялись со шваброй. На девушке точно влитые сидели светлые джинсы и простая черная футболка, первая покупка на заработанные деньги! Определенно успех.

Пайпер, не слыша ничего вокруг, плавно отходила к концу зала, маневрируя среди круглых столиков. Прикосновение теплой руки ударило ее разрядом под двести вольт. Она испуганно дернулась и зацепила шваброй скатерть. Возмутитель спокойствия с легкостью удержал опасно накренившийся стол и, тем самым, спас вазу от неминуемой гибели.

– Эй, эй, спокойно! Я всего лишь хотел поздороваться, а ты смотришь на меня, как на маньяка-потрошителя, – произнес парень, поправляя фиолетовые примулы. К тому же в

свое оправдание заявляю: я звал тебя, кричал, умолял, но ты не ответила мне. Что мне оставалось делать? – юноша ехидно улыбнулся.

Несмотря на сердце, продолжающее отбивать бешенный ритм в груди, девушка не удержалась и улыбнулась парню в ответ. Но у кого получится ее обвинить в потере осторожности. Привлекательный молодой мужчина, обаяние льется через край, немногие бы устояли. Между прочим, его зовут Барри Гудман, и он единственный и желанный сын Арчи и Марты. Доставшиеся от отца вечно взъерошенные ярко-рыжие волосы и ореховые с зелеными крапинками глаза матери создавали немного экзотичный облик. Превосходство в росте не подавляло Пайпер, как обычно происходило с остальными мужчинами, а наоборот, накрывало чувством защиты. В первый же день на посту девушка познакомилась с Барри и тут же выяснила всю его подноготную, парня не удавалось заткнуть. Но ей и не хотелось, лучше обсудить историю чужой жизни, чем разбираться с вопросами, в которых она запуталась.

Каков итог? Молодой парень бросил обучение в колледже четыре года назад, не выдержав и пары месяцев, и вернулся домой со словами: «неужели отец, сорок лет управляющий прибыльным заведением, научит меня необходимым правилам ведения бизнеса хуже, чем зазнавшиеся профессора?» Будучи полной противоположностью своей сестре, рассудительной и примечающей любое изменение в окружающих ее

людях или событиях, Пайпер впервые сосредоточилась на рассказе парня, и неожиданно для себя поняла, сколько нюансов и подсказок спрятано в речи собеседника. Главное – внимательно слушать. Например, она с уверенностью могла утверждать: Барри вернулся в Новый Орлеан не потому что на него навалились скука, лень и отсутствие стремления к учебе. Главной причиной отказа от колледжа выступал отец. За показной бравадой и критикой глупых профессоров, которые не в состоянии ни грамма полезного вложить в его голову, скрывалось беспокойство за здоровье Арчи. Отец давно уже не молод, тяжелое ремесло, разделявшееся ранее на двоих мужчин, перешло бы на плечи главы семьи. Девушка не выдала тайну парня и взглядом голубых глаз дала знак, что все понимает.

– Сейчас всего половина восьмого, – удивилась Пайпер, посмотрев на часы. – А ты не встаешь раньше десяти. Незыблемое правило!

– Мне пришлось, – вздохнул Барри, изображая вселенское горе. – Отец попросил помочь с выпивкой, нужно навестить Бена и забрать ящики.

Бен приходился единственным и незаменимым поставщиком алкоголя для «Кракена». Доверие, отданное маленькому улыбчивому мужчине, являлось честно заработанным за пятьдесят долгих лет. Дружба длинной в полвека не прекращалась и никогда не обременялась бессмысленными склоками.

– Он же сам всегда приходит, если я не ошибаюсь. Что-то случилось? – поинтересовалась Пайпер.

– Ты серьезно? У Бена дочь вчера родила, он весь вечер просидел с ней в больнице. Роды были тяжелыми, а зять как назло в отъезде, – пояснил Барри.

Увидев на лице Пайпер стыд и печаль, которые ушли так же быстро, как и появились, парень ощутил замешательство, а затем на него по необъяснимой причине внезапно накатила гнев. Вероятно, девчонка не привыкла к мужчинам, с интересом, обсуждающим женские способности к деторождению, и ей откровенные слова кажутся грубыми и пошлыми. Да, Барри определенно не помешает иногда попридержать язык.

– Извини, я думал, ты в курсе, об этом все болтали... Я не..., – мужчина переминался с ноги на ногу, не представляя, как продолжить разговор. Раньше ему и в голову не пришло бы извиниться или растеряться перед кем-либо. К тому же перед привлекательной девушкой. Болтливость не порок. Выражение в точности подходит для рыжеволосого мужчины: он умел завязать диалог на любую тему с любой молодой особой. И похоже та доля посетителей кафе, что с длинными ногами, была вкладом Барри в развитие общего дела.

С приходом Пайпер многое изменилось: парень осторожничал, как только открывал рот, что раньше не всегда у него получалось. Во время первого разговора с нанятой работницей, он почувствовал себя растерянным и сразу же спросил

совета у отца. Арчи ответил: «Верь своим инстинктам, Барри». С тех пор парень занял позицию наблюдения и пытался понять, кто она? И в какую передрыгу попала? Ведь дураку ясно: девушка слишком молода, следовательно, жить в одиночку по закону не имеет права, да и сказала лишь, что приехала из Техаса, никаких подробностей о детстве и семье. Ничего. Барри оказался бы полным дураком, поверив хоть в одно слово из плохо скроенной выдумки. Очевидно существовала веская причина, вызывающая вранье, и он решил не заваливать ее вопросами, которые либо останутся без ответа, либо повлекут за собой дальнейшую ложь.

– Ничего, ты не виноват, – ее губы дрогнули в неловкой улыбке. – Наверное, я слышала, просто забыла...

Опять ложь. Ничего она не слышала. Сказывается врожденная способность ничего не замечать или все-таки причина в ином, и в конечном счете ей плевать? Девушка не хотела превратиться в бесчувственное существо, ни в коем случае. Вглядываться в зеркало и различать в чертах лица отражение своей матери, постепенно заоченеть и перестать пропускать через себя эмоции – второй из самых страшных ее кошмаров. Временами Пайпер ощущала наплыв апатии, девушка проводила в таком состоянии несколько часов, уставившись в приглянувшуюся точку, а когда приходила в себя, удивлялась тому, как долго она просидела, не меняя положения. Пайпер называла это выбросом из реальности, тогда пелена опускается на глаза, и ты крошечным комочком

прячешься в укромных уголках своего сознания. Моя мать – сумасшедшая, и ее судьба – мое будущее. Как бы я не бо-ролась, мне не справиться.

– Ладно, я пойду, а то отец с меня шкуру сдерет, – произ-нес Барри, в попытке пошутить.

Он бросил последний взгляд на Пайпер, убедился, что она пришла в себя и вышел на оживленную улицу.

Глава 2

Рейчел

Ну что ж, на солнышке погрелись, пора нам двигаться дальше. Следующая точка на карте наших путешествий – се-веро–восток. Конкретики мало, но мы обойдемся и без нее. Мы ищем определенный дом и очень скоро его находим. К югу от Рокленд авеню и к западу от парка Латурет распола-гается величественное строение в бельгийском стиле. Особ-няк, построенный десять лет назад по заказу его единствен-ного владельца, по периметру необъятного участка огоро-жен трехметровым забором, оберегающим ценную собствен-ность; на зеленой лужайке лентой тянутся кустарники и ели, в центре владений установлен фонтан, охраняемый желез-ными оленями. Спрашивается: для чьих глаз предназначена изысканная красота, если соседям вход воспрещен, и загля-нуть за высокое ограждение не представляется возможным? У богатеев в заднице свербит от желания утереть всем нос заоблачно высоким статусом и размером кошелька, поэтому редким гостям и прислуге выдается шанс полюбоваться ши-

карной обстановкой.

Поднимемся выше, заглянем на второй этаж с восточной стороны. Спальня – интимная зона для любого человека. Здесь же царит атмосфера отчужденности и безразличия. Комната не забита предметами роскоши и блестящими побрякушками. Единственное украшение убежища – широкая кровать с голубым покрывалом. Того же цвета стены и ковер – окружающее царство льда навевает дикий холод – ежедневно умиротворяют хозяйку комнаты. Поворачиваясь на девяносто градусов, мы замечаем бледную женщину со встревоженным взглядом. Лицо, не тронутое косметикой, выглядит молодо, переживания сделали его безжизненным. Она сидит в любимом кресле и как всегда витает в облаках. Но похоже сегодня что-то произошло, и вряд ли инцидент носит счастливый характер. Не терпится выяснить подробности случившегося.

Среда начиналась как обычно, за исключением двух вещей, ускользнувших от внимания Рейчел. Во-первых, тщательно выстроенный распорядок сбился чересчур ранним пробуждением домочадцев, словно они собирались в увлекательную поездку по странам Европы, а не в скучную, по их же мнению, школу, а во-вторых, снаружи распаялся долгожданный для многих дождь. Крупные капли барабанили по стеклу и крыше, предвещая скорую беду. На первый взгляд, не влияющие друг на друга происшествия привели к неожиданной развязке, обрушились на семью непоправимой ката-

строфой. Рейчел сидела в своей комнате напротив окна и сжимала ледяными пальцами обивку кресла. Ее штормило, качало из стороны в сторону, как матроса на корабле, а в голове билась мысль: «Главное удержаться и не впасть в истерику, иначе...». Страшно вообразить, что женщине доведется испытать при неблагоприятном развитии событий.

Вот уже восемнадцать лет ее жизни каждый следующий день похож на предыдущий, никаких эксцессов или отклонений от намеченного курса. И Рейчел такой расклад вполне устраивал, но сегодня произошел сбой, и женщина не представляет, как вернуться в привычное русло и решить возникшую проблему. Она этого не делала приблизительно... никогда. Сначала ее выручала мать, затем настигали кулаки отца. Приобретенная за долгие годы привычка отстраниться от неприятностей и придавать себе вид, что происходящее вокруг ее никоим образом не трогает, помогли Рейчел окончательно не свихнуться в обстановке домашнего насилия. Очередная история жестокости отца, похожая на сотню других.

Все начиналось довольно безобидно: мужчина тридцати семи лет, протрудившийся двадцать из них на химическом заводе, любит и желает родным лучшего. Редкие склоки между родителями не в счет. Мужчина не имеет образования, и не заглядывает в будущее. К черту мечты, нужно кормить семью. В одну из обычных смен, сложно вспомнить в какую именно, на работников завода обрушивается кризис, естественным ходом затронувший кормильца американской

ячейки общества. Сколько в тот год разродилось неблагополучных семей, сколько женщин и детей пострадали от рук опустившихся на дно отцов и сколько мужчин не понесли наказания, не сосчитать и не описать. И случай Рейчел не исключение.

Три месяца поисков нового дела не увенчались успехом, пришлось обратиться за подмогой к выпивке, к сожалению, дьявольское зелье подсказало простой выход: выпустить пар на жене и дочери, обтесать об них кулаки. В первый раз проснулся стыд за себя и боль за семью, затем они ушли, уступив место ненависти. Когда жена не пропадала на трех работах, пытаясь в одиночку прокормить троих, ей попадало по ногам, потом по спине, и в конечном итоге мужчина добрался до лица. Но бóльшую ярость в когда-то заботливом отце вызывала малолетняя дочь, обвиненная во всех смертных грехах, главный из которых: высасывание денег из родительского кармана. Мужчина уверенно полагал, что, если бы на свет не появилось вечно требующее создание, их брак сложился бы иначе.

Проходили месяцы, в девочке росла неловкость: то с лестницы упадет, то получит мячом по носу от соседского мальчика. Записи в больничной карточке множились – мер не предпринималось. Мать старалась изолировать ребенка от притязаний отца, но ей не удавалось остановить двухметровую глыбу. В приступах ярости и алкогольного опьянения он кричал: «Ты ничтожество, не приносящее никакой пользы,

только делаем, что и тратим деньги на тебя». Девочка плакала и пряталась под кроватью, где ее все равно доставали грубые руки. Он бил, и с каждым ударом она умирала. Малышка так его любила, а теперь отец ее предал. Мужчина должен ее защищать, прятать от злого мира, а оказалось он и есть зло. После побоев, лежа на маленькой постели, Рейчел горько плакала. Она страдала, осознавая, что навсегда потеряла отца. Когда девушка подросла, то часто думала: сколько таких семей по всему миру, чувства разные, а результат одинаков – синяки и растравленные души. И я одна из них. Почему мать, слыша горькие рыдания дочери не обратилась в полицию или не попросила помощи у родственников, так и останется нерешенной загадкой.

В результате человеческой слабости и необъяснимой любви в доме на окраине рабочего района умерла жизнь. Больше в его стенах не слышалось смеха и радости. В архиве соцработников данных о несчастной семье не значилось. О людях, лишаящих родителей их прав девчонка узнала намного позже, достигнув того возраста, когда машешь ручкой и покидаешь надоевшее гнездо. Закончив школу, Рейчел не поехала учиться в колледж и не нашла себя в роли обслуги, она познакомилась с будущим мужем: короткий роман и скорая свадьба. Старая клетка сменилась на новую. И воспоминания об отцовской ярости и жестоких словах остались с ней.

Со временем раны затянулись и эмоции притупились, тем более, когда она узнала о смерти отца: допился до ручки. Его

жена осталась одна. Рейчел не интересовалась судьбой женщины, которую она в далеком прошлом называла матерью, которая рассказывала ей сказки, когда отец не пытался их уничтожить, купала ее в огромной ванной, играя вместе с ней. Куда подевалась та женщина, готовая самое дорогое отдать ради своего ребенка? В каких уголках души спрятался любящий родитель? Почему она выгораживала его? Рейчел не понимала, как реагировать на отношение матери к несостоявшемуся отцу. Маленькая девочка сердилась на несправедливость, взрослая женщина ощущает лишь грусть. Поступила бы она также будь на месте матери или выступила против мужа? Спасла бы своих детей от жестокости? Вопросы, встающие перед ней, оставались без ответа. Они крутились в голове, сводя ее с ума: дети или муж, унижение или благо? Думай, Рейчел, думай. Мы так просто с тобой не расстанемся.

Спустя восемнадцать лет безмятежности в шикарном особняке женщину снова подстерегал страх. Она не боялась новых побоев и издевательств, прошлое давно перестало ее пугать. Страх был другого рода. Видеть, как выстроенные планы, система, доведенная до автоматизма, разваливается на твоих глазах, и ты не можешь остановить процесс разрушения. Я никогда не управляла своей жизнью, он должен сам все распутать. Подняться с кресла и сделать шаг к двери – непосильная задача, требующая от женщины невероятных усилий. Рейчел ненавидела перемены, была не в силах с ни-

ми смириться и не спала по ночам, зная о невозможности возврата к прежнему укладу. Вы несомненно правы, без движения нет прогресса и нет будущего, но она никуда не хотела стремиться, она не мечтала, очерчивая красочные перспективы, вспоминая к чему привели детские желания: к полной пустоте; не грезила о широких горизонтах, о власти и богатстве. Престиж и влияние не привлекали женщину, она понимала, что они преходящи. В одну секунду ты бесконечно счастлив, а в следующую ты брошен и забыт всеми. В ее судьбе не присутствовало ничего, за что хотелось бы держаться. Но она с упорством продолжала жить, медленно сгорая изнутри.

Через пару недель после свадьбы обеспокоенный муж, заверяя Рейчел в своей заботе, отвел жену к доктору. Полный мужчина в тесных для расплывшегося лица очках назначил ей пилюли, подавляющие депрессию. Пациентка порывалась тогда сказать врачу: «У меня нет никакой депрессии, у меня ничего нет». Но она промолчала. В тот момент, когда официальный штамп скрепил союз, ответственность за Рейчел плавно переключалась на плечи мужа. Он – мужчина, пусть и решает.

Если до похода к врачу у женщины в сознании сверкали отблески, похожие на вражду, грусть или восторг, то после кратких пяти минут, проведенных в больнице, она кардинально изменилась. Чувствовала себя мальчиком со слабым иммунитетом: закрывалась в шаре от любых заразных

инфекций: коллеги мужа, надоедливая прислуга и печальный опыт. Удивительно, что по прошествии почти двадцати лет, у Рейчел не возникло идеи одним скопом проглотить выписанные таблетки и попрощаться с миром живых. Перед ней маячила цель – продолжать находиться на этой земле в попытке отомстить отцу: вот, я здесь и у меня все прекрасно, а ты мертв и никогда не сможешь причинить мне боли. Таким образом она мстила и матери: спаси ты меня тогда, жила бы сейчас так же хорошо и беззаботно, как я, а не страдала в одиночестве и нищете. Вероятно, такие мысли слишком жестоки для сломленной женщины, но у кого получится, преодолев ужасное детство, в чем-либо ее обвинить. Она справляется по мере возможности, пусть даже желая матери зла.

Снаружи покачнулся размашистый кипарис: единственный друг и собеседник Рейчел. Она наблюдала за процессом посадки, рассматривала его, замечая, как дерево растет с наступлением новых суток. С каждым дюймом женщина испытывала эмоции, не сравнимые с теми, когда на свет появились ее дети. Через пару лет в окне показались тонкие ветви, заставившие Рейчел в изумлении ахнуть. С того дня она разговаривала с густой кроной кипариса, а он отвечал ей стуком в стекло или шелестом листьев. Только безмолвному дереву она доверяла свои печали, мужа не заботили ее горести. Он и не догадывался, почему жена грустит. Прекрасный дом, репутация, деньги. Безделушки, которые занимали большую часть его сердца – если оно вообще существует – у нее вызы-

вали лишь скуку. Поэтому женщина уже давно не обсуждала с ним свою жизнь и не интересовалась его. За короткими семейными ужинами, куда муж приказывал ей являться, говорил он один. Его неумное веселье и бурлящая активность смущала остальных. Дети опускали головы, ковыряясь в тарелке, а Рейчел сидела, не притронувшись к еде. Когда ужин заканчивался, она сбегала к себе в спальню и с облегчением выдыхала: наконец то кошмар кончился.

Отвернувшись от окна, женщина взглянула на часы. Минутная стрелка прошла полный оборот, а ответ так и не найден. Не чувствуя ног, Рейчел поднялась с насиженного места и направилась в кабинет мужа. Комната дочери маячила впереди словно красный флаг, раздражая до чертиков воспаленное сознание хозяйки дома. Женщина приложила ладонь к двери, закрыла глаза и отдышалась, за прошедшие несколько секунд она поняла, что скажет мужу. Оставалось сделать пару шагов вглубь коридора, и темный портал как пасть дикого зверя откроется пред тобой. Она на негнущихся ногах подошла ближе и схватилась за ручку.

Джеймс

Мы плавно скользим по ковру, передвигаясь вместе с натянутой как струна Рейчел. В противоположной части дома, куда направляется женщина, расположен кабинет хозяина дома. Он сидит в кресле, закинув ноги на стол, и предается размышлениям. На привлекательном лице застыла гримаса безмятежности, глаза закрыты. Светлые волосы немного

взьерошены после трудового дня, проведенного в здании суда. Следующее слушание назначено через неделю. Мужчина не сомневался в тотальном разгроме противника.

Последние полгода дела шли как по маслу. Он чувствовал себя богом, способным сворачивать горы и осушать моря. Работа наполняла его сознание и смешивалась с кровью как наркотик, входя в зал заседаний, адвокат вдыхал запах лжи и чуть слышный аромат «справедливого» суда. Уголки губ незаметно приподнимались в хитрой ухмылке, а внутри мужчина хохотал, уверенный в очередной победе.

Еще будучи школьником, Джеймсу удавалось вытащить наружу тщательно скрываемые страхи и слабости других людей, а потом с наслаждением управлять ими. Он притягивал к себе толпы одноклассников и считался их предводителем, мальчишки заглядывали командиру в рот и ждали его приказаний, девчонки боролись за счастье находиться с ним рядом хотя бы один вечер. Странно, если спросить каждого из бывших «друзей» Джеймса о нем как о личности и человеке, любой ответится о мужчине с теплом, несмотря на унижения и прислужничество, продолжавшееся одиннадцать лет за право быть поглаженным за ушком словно преданная собачонка. С возрастом он стал тем, кого мужчины ненавидели, а чаще завидовали как ошеломительному успеху у женщин, так и полезному таланту заморозить собеседника глубоким тембром голоса с нотками таинственности. Представительниц слабого пола к нему влекло, причем назвать вле-

чение здоровым, язык не повернется, единожды заглянув в темноту его души, они уже не находили пути назад.

Джеймс упивался властью, выпитывал ее и не мог насытиться. Поэтому единственным верным для него решением оказалось поступить на юридический факультет Стэнфорда и с отличием его закончить. Сразу после окончания школы парень собрал вещи и, не колеблясь, двинулся в сторону Калифорнии. Несколько незаменимых знакомств, налаживание отношений с преподавателями, которые в дальнейшем окажут ему огромную услугу, согласившись посодействовать в продвижении по карьерной лестнице. Джеймс не страдал глупостью, и семья, владеющая солидными сбережениями, не внесла за него ни цента, свыше положенного. Изучаемые дисциплины не несли в себе осложнений: молодой тогда парень оттачивал умения в области манипулирования живыми ресурсами и считал свое мастерство дороже любых денег и знаний. Подходящее слово и незначительная похвала и жертва уже у твоих ног. Бери и пользуйся.

В студенческую пору Джеймс не заводил приятелей среди студентов за ненадобностью. Наконец, теперь пропала необходимость собирать вокруг себя армию из бесполезных олухов, он придирчиво отбирал кандидатов, которые пригодятся ему в будущем. Парень видел потенциал своего окружения и заставлял учащихся жаждать его дружбы. После полного истощения он выбрасывал их как сломанные игрушки, позабавившись вволю и взяв от них требуемое.

Покинув стены родного университета, Джеймс рванул в Нью-Йорк, вознамерившись начать практику в большом яблочке. Желания выклянчить деньги на перелет у отца не возникало, поэтому мужчина пользовался попутками и общественным транспортом. По дороге в наполненный людьми и жизнью мировой центр ему пришлось остановиться – если быть честным, новоиспеченный юрист попросту заблудился – и передохнуть от избыточно жаркого лета. Джеймса принял в свои объятия городок Спрингвилл в штате Юта с населением около тридцати тысяч жителей. Он спрятался на севере штата, охваченный с запада заливом Прово и с востока горой Бакли. Подумав, что проведет здесь всего одну ночь, он, следуя указаниям местных, нашел мотель и провалился в сон. Утром мужчина собрал вещи и отбыл на станцию, среди грязных домов с забитыми окнами и разбитых тротуаров он обнаружил девушку и... конечно же не влюбился. Это не про Джеймса. Адвокат понял: задержка в глухом, всеми брошенном районе обернется приятным сюрпризом. Мозг мужчины работал отлаженным механизмом и заглядывал далеко вперед. Он не забывал о своих мечтах и твердо обещал себе добиться признания и уважения. А для полной картины ему не хватало жены. Юная красивая девушка предстала перед мужчиной затравленной овечкой, она в точности соответствовала предпочтениям Джеймса. Пара коротких свиданий и недорогих подарков, и девчонка попала под воздействие самонадеянного охотника. Они встречались три неде-

ли, до того, как он забрал ее в Нью-Йорк и объявил родителям о готовящейся свадьбе. Отец не пожалел денег: роскошные кольца и куча знаменитых в узких кругах гостей. Джеймс светился то ли от радости, то ли от ожидаемых перспектив.

После свадьбы начался трудный период наработки часов. Перед ним встала задача: набраться опыта и навыков, изучить тонкости судебной системы. Мужчина, не покладая рук, засиживался допоздна, штудировал юридическую литературу и знал к чему стремиться. Безбедная старость маячила впереди.

Коллеги и начальство давало лестные отзывы о Джеймсе и его заслугах перед обществом, несомненно повлиявшие на его блестящую карьеру. В свои двадцать пять он ясно представлял грядущее. Шикарный особняк на Форест-Хилл-Роуд, красавица жена и пара детишек (последний штрих для завершения образа «достопочтенного» гражданина США). И если для того, чтобы через двадцать лет попивать марочный виски в богато обустроенной гостиной, следовало ублажать властных ублюдков, то это стоило всех приложенных усилий.

Через три года после свадьбы появился ребенок и с тех пор радость Джеймса не иссякала. В отличие от жены, он постоянно уделял время дочери, успокаивал ее, когда она болела, кормил и менял пеленки. Мужчина делал вклад в благополучие семьи. Проходили месяцы – девочка росла и становилась точной копией отца, те же светлые волосы, тот же

пронзительный взгляд голубых глаз. Когда малышке исполнилось восемь, жена родила второго ребенка, снова девочку. Джеймс был расстроен. Девочка! К тому же походившая на Рейчел, которая в свою очередь никогда не волновала мужчину, выполняя свои функции и не отвлекая его от цели. Но спустя несколько недель разочарование прошло, он пророчил скорое рождение сына. Мальчика, которого отец научит выживать в мире конкуренции.

Джеймс работал длинными днями и холодными ночами, и вскоре о нем услышали, распространившаяся известность помогла ему в открытии собственной адвокатской конторы на Манхэттене. Небоскреб, декорированный стеклом и окнами размером со стену, открывал панораму кипящего города. Дорого обставленный кабинет с кожаным креслом и столом из черного дерева и личная секретарша. В высотном здании Джеймс занимал целый этаж, – что уже было неплохо для начинающего адвоката – сдавая свободные помещения в аренду другим юристам, в последствии перешедшим на его сторону. Мужчина выбрал достойное направление – область уголовного права, и через его офис проходило около тридцати дел в год, прославлявшие его и приносящие огромные деньги. Невинные отправлялись на свободу, а он принимал дары.

Но вы однозначно плохо знаете Джеймса Брукса, если полагаете, что частная адвокатская практика – предел его мечтаний. Продумывать стратегии ведения боя и раз за ра-

зом пересматривать на новостных каналах неотступный триумф каждого процесса, которое он вел, доставляло удовольствие, сродни оргазму. Но в последнее время мужчине в спину дышала скука, и, хотя жаловаться ему было не на что, и он обрастал популярностью среди юридических коллегий, Джеймс потерял остроту ощущений, будто утратил обоняние или ослеп. Предсказуемая слава от выигранного дела, неловко брошенный заинтересованный женский взгляд, зависть коллег и ненависть врагов не возбуждали как раньше, не заставляли сердце биться быстрее словно перед встречей с предметом обожания. Такие чувства его не пугали, не впервой. Это знак, точнее предзнаменование того, что его ждет величие и могущество. Для развития необходим толчок, пинок в задницу, иначе останешься стоять на месте. Поэтому вот уже два месяца Джеймс строил планы, держа их в секрете ото всех. Ото всех, кроме одной. Он улыбнулся и воссоздал ее по памяти, мягкий образ будоражил кровь и дурманил мозги. Неповторимая и любимая.

Неуверенный стук в дверь прервал его размышления. Мужчина открыл глаза и плавно будто пантера поднялся из глубокого кожаного кресла и, подойдя к окну, пригласил посетителя войти.

То, что произошло в следующие десять минут, Джеймс долго будет переваривать в мозгу, пытаясь осознать, как он мог не заметить перемен, витающих в воздухе, пропитавших его кожу и сверлящих черепную коробку. Они жужжали в

голове, настойчивым роem трупных мух, словно шептали: «Джеймс – ты кретин, тебя провели как мальчишку». После рассказа Рейчел о недавних событиях мужчине показалось, что пол ушел у него из–под ног, в груди собирался жгучий комок злости, обиды и отголоски давно забытой эмоции – страха. А в эту самую секунду миссис Брукс смотрела мужу прямо в глаза и видела в них бушующий огонь, лишь взгляд выдавал его состояние, маска, высеченная из камня, никогда не меняла своего выражения: легкая дружелюбная улыбка и слегка приподнятые брови на смуглом гладко выбритом лице.

Рейчел посчитала, что муж приблизится к ней достаточно близко, чтобы с присущей ему невозмутимостью влепить звонкую пощечину. Любопытно, откуда у нее взялись такие мысли, если он за восемнадцать лет брака ни разу не поднял на жену руку. Да, это правда, Джеймс не проявлял насилия, но сейчас обстоятельства изменились.

Простояв несколько секунд в кататоническом ступоре, мужчина вынул из карманов брюк сжатые кулаки и подошел к супруге. Рейчел непроизвольно задрожала, не в силах отвести от него взгляд, однако, сдавшись слишком скоро, резко опустила голову. Почувствовав сильные горячие ладони на своих плечах, женщина вздрогнула: настолько не слышны были его шаги. Джеймс слегка сжал руку жены повыше локтя и заговорил, тщательно подбирая слова:

– Не волнуйся, Рейч, я разберусь. Придумай, что сказать

миссис Стоун, например, ветрянка или тяжелая простуда. Нам понадобится какое-то время, чтобы найти выход. Доверься мне, и молчи об этом. Ты поняла?

Рейчел, не поднимая головы, кивнула и вышла из кабинета мужа, стараясь быстрее добраться до своей комнаты, где она хотела восстановить утраченные силы. Поэтому женщина не присутствовала при звонке с одноразового телефона мужчине, способному решать самые деликатные вопросы.

– Мне нужны твои услуги, – он вкратце описал ситуацию.

От резкой фразы Джеймс поморщился и сжал руку в кулак.

– Хорошо, я подожду. Но я рассчитываю на положительные результаты.

Безмянный человек задал вопрос, требующий незамедлительного ответа. Джеймс поколебался долю секунды и произнес со стальными нотками в голосе:

– Сделай сначала то, что я сказал, затем я объясню, что делать дальше.

Телефон упал на ковер с глухим ударом, после чего его встретила смерть под каблуком итальянского ботинка. Можно подумать, спектакль был необходим, но успешному адвокату иногда жизненно важно выпускать пар, иначе сосуд из плоти и крови с динамитом внутри за мгновение взлетит на воздух.

Теперь на пути защитника обездоленных появились большие проблемы, и он знал, кого в них стоит винить.

Глава 3

Грег

Прогулка по окрестностям Нового Орлеана не принесла долгожданных плодов. Грег рассчитывал на гостеприимство портового городка и изобилие подходящих для него вакансий, что в конечном счете оказалось заблуждением. Конечно, он сомневался по поводу распростертых объятий и устроенного в его честь торжества: чужак, и лицо как у дикого зверя, такой видок любого оттолкнет, но хоть крошечная возможность обязана быть, всего один шанс, и он вгрызется в него зубами. Парень сохранял в себе честность: людская природа проста, они скорее доверятся местным, чем примут на работу проходимца со злобным взглядом. Даа, его успели уже так назвать. И нет, он не врезал жирному козлу в морду. К тому же сегодня ужасный день еще и потому, что за последние девять лет Грег впервые не вышел на пробежку. Энергия, не нашедшая выход наружу была в нем ключом, он скрипел зубами от каждого отказа и постепенно закипал.

И, наконец, судьба решила добить его миксом из трех ингредиентов: в кармане болталось четыре десятидолларовых купюры, ужасно хотелось есть, и к тому же парень остро ощущал беспокойство, оставив сестру в пустой комнате. Ранним утром они провели время вдвоем, прогуливаясь по насыщенным жизнью улочкам, наслаждаясь теплом. Они дошли до парка Луи Армстронга, спрятавшись от шума города, полюбовались фонтаном в центре небольшого пруда и цветущи-

ми клумбами. Грег представил какovo прийти сюда поздним вечером, следуя за светом фонарей и отчетливой слыша пение птиц.

Они находились под охраной тяжелых крон около часа, тем самым парень подарил сестре надежду, надежду на свободу от серых стен, а теперь она без защиты сидит в запертой клетке. Смело вручаем Грегу награду «Брат года». Радует одно – у них получилось избавиться от липкой, воняющей болотом грязи, и в чистое раскрытое окно ворвался свежий воздух. На короткое мгновение они забыли прошлое, зачеркнули свои имена и терзания, они смеялись будто ничего не изменилось, будто дышать стало легче. Шерри улыбалась, как и должен улыбаться шестилетний ребенок: быстро и часто. Когда из комнаты выветрился затхлый запах, и стены посветлели, Грег с трудом произнес:

– Мне нужно уйти, но я обещаю, что это ненадолго.

По лицу девочки пробежала тень, грубый мальчишка почти довел сестру до слез, но Шерри не заплакала и не попросила брата остаться, она молча приняла свою участь. Закрывая за собой дверь, он увидел ее глаза, в них застыла обреченность. Сердце невольно сжалось.

В характер молодого парня при появлении на свет врезалась определенная черта: он почти не чувствовал вины, точнее она рождалась где-то в подкорке, но Грег моментально подавлял ее, призывая злость. Вот такой простой приемчик. Обязательно возьмите на заметку. Поэтому, когда он на-

чал обвинять себя в одиночестве сестры, гнев заполнил вены, смешиваясь с кровью. Он не в состоянии исправить выпавшие на ее долю горести и спасти их положение. Ему необходимо найти работу, чтобы они выжили здесь. В чем его вина?

Единственным положительным событием хренового утра стал звонок, который в какой-то степени прояснил будущее Шерри, как он думал безоблачное будущее. Разговор длился всего минуту, но Грег успел ее простить и узнать, что она в полном порядке, и в скором времени он вместе с сестрой вернется домой. Шерри проснулась от голоса брата, и он, в спешке попрощавшись, положил трубку. Парень не сообщил ей о звонке, посчитав за лучшее не обнадеживать девочку раньше времени.

Грег не переставая бродил по переулкам французского квартала, обходя Дамейн-стрит, Ерсулайнс-авеню и центр – Бурбон-стрит. Восемь лет назад Майкл передал сыну рассказ своего отца, посетившего в путешествиях по миру юг страны. Чарли восхищался живописными видами и с интересом изучал историю старого порта. Грег держал в памяти некоторые детали. В начале XVI века испанцы открыли город. Однако недолго им оставалось праздновать освоение новых территорий, в восьмидесятых годах XVII века его захватили французы, приступившие к колонизации южных провинций. И только в 1718 году возник Новый Орлеан. Та земля, по которой сейчас ступает нога Грега, являлась

центром старой части современного города – французский квартал. Он помнил обрывки информации о Филиппе Орлеанском, в чью честь дали имя завоеванной земле, но парень не знал кого он из себя представлял, кроме того, что мужчина со стопроцентной вероятностью был французом. Спустя год после завершения семилетней войны французы уступили Новый Орлеан испанцам и лишь в начале XIX века город был продан США.

Чарли с воодушевлением описывал карнавал Марди Гра, куда он по счастливой случайности попал, но внутреннее чутье подсказывало Грегу, что его охочий до веселья дед подготовился к ежегодной встрече весны заранее. Радость, музыка и яркие костюмы – все вокруг предаются веселью, забывая про беды, настигшие их в прошлом. Парень нарисовал в памяти его любимую фотографию: улыбающийся дед с болтающимся фотоаппаратом на шее приобнимает стоящую рядом женщину в купальнике и торчащих в разные стороны перьях на голове, ее лицо скрывает маска. Чарли похоже был единственным участником карнавала без соответствующего образа.

Подарки, привезенные из Луизианы пугали маленького Грега: черные фигурки, проткнутые иглами и всевозможные кресты. Мрачная атрибутика носила в себе зло африканской религии. Как говорил дед, в Новом Орлеане не обращают внимания на католический пост, там практически правит вуду. Тайны и магия. Внук никогда не размышлял о тяге Чар-

ли к сказочным мифам и небылицам, к тому, во что Грег отказывался верить. Гуляния, смех и безделье – то лучшее и незабвенное, что старший Марлоу изведal в Городе-полумесеце. Не зря его девиз гласил: «Пусть текут хорошие деньки».

Но разве легко похоронить горе? Горе, влекущее за собой моря слез и незаживающие раны. Горе, также затронувшее мирных обитателей, поселившихся здесь. Когда на дорогой сердцу деда город обрушилась катастрофа в лице урагана Катрина, унесшего жизни более полутора тысячи человек, он уже отошел в мир иной. Мужчина не видел, как Новый Орлеан громят его же жители, как на улицы выходят мародеры и бездействует полиция и как население заметно оскудевает. Он не смотрел на снимки затопленной земли и не слышал криков пострадавших, не наблюдал зрелища разрушенных зданий и искалеченных детей, получивших статус сирот. Но кто знает, возможно Чарли видел больше, чем любой в скорбящей Луизиане.

После многочисленных рассказов Грег, приехав сюда, не чувствовал себя посторонним. Он смотрел на фотографии и сразу же их фиксировал, поэтому, гуляя по Новому Орлеану и натываясь на заснятые достопримечательности, ему легко удавалось вспомнить даты основания, особые события и связанных с ними знаменитых личностей. К тому же мальчику нравились уроки истории в школе: изучай подноготную места, куда собираешься, тогда не окажешься там потерянным

или лишним. Город примет тебя, если ты облачишься в доспехи из подробностей о его секретах.

Проделав путь длиной в пять миль и три часа, Грег подумал было вернуться к сестре, как ему показалось, что кто-то зовет его:

– Эй, парень! Да-да, я к тебе обращаюсь, – добавил мужчина, когда подросток обернулся. Помоги-ка, – он указал на тяжелый ящик.

В другой день Грег приметил бы в неожиданной просьбе грубость и не замедлил бы отказаться, да и послать куда подальше. Но он нуждался в работе, которую обратившийся к нему незнакомец вполне мог ему предложить. Несмотря на раздражение, накопившееся за бессмысленно потраченные минуты, парень сохранил спокойствие и дал выходной кулакам. Подойдя поближе, Грег с легкостью поднял ящик, и посмотрел мужчине в глаза.

– Куда нести? – вопрос прозвучал враждебно.

– Тут недалеко, пойдем, – незнакомец улыбнулся подростку, раздражая его еще сильнее. И чего это он такой любезный?

Грег не горел желанием разговаривать, никогда не отличался болтливостью и не терпел тех, кто страдал зловредным пороком. Мужчина каким-то образом ощутил отстраненность спутника, потому что на протяжении недолгого пути не произнес ни единого слова. Подросток следовал за мужчиной и исподтишка изучал его: лет шестьдесят, много

времени проводит на ногах, женат. Похоже парень старается походить на Шерлока Холмса, выведывая обстоятельства личной жизни по истесанным пальцам и пятнам на одежде.

Они быстро дошли до пункта назначения, и Грег приятно удивился обстановке заведения: чисто и ухоженно, вкусно пахло едой и цветами, напоминая ему о доме.

Он осторожно переступил порог, оглядываясь по сторонам. Барная стойка, начищенная до блеска, витая лестница, ведущая на второй этаж и темный деревянный пол создавали атмосферу уюта. На кухне слышалась возня и потрескивание кипящего масла. За столиками сидели люди, набивая животы домашней едой, они непринужденно болтали и приветственно кивали женщине, разносящей еду. Возвращаясь на кухню, она бросила на него мимолетный взгляд и, как при виде Грегу, подбодрила его.

Сколько раз парень пытался понять к какой ячейке он принадлежит, и сейчас на другом конце страны, он вдруг почувствовал себя в своей тарелке как много лет назад в обстановке семейного тепла. Испытает ли он это снова или так и останется чужаком? Внезапное озарение и возникший за ним вопрос испугали его. Парню везде чудился подвох. Тем более, когда к нему относились по-доброму. Он не привык к такому отношению, слыша лишь непрекращающееся недовольство в свой адрес.

– Можешь поставить ящик на стойку, – сказал мужчина, вписывая что-то в толстую тетрадь.

Руки Грега мертвой хваткой вцепились в ящик, не желая его отпускать, если он выпустит его из рук, ему придется уйти, а так хотелось продлить секунды спокойствия, тихой умиротворенности. Мысленно выругавшись и прозвав себя нытиком, парень поставил ящик и торопливо прошел к двери.

– Стой, погоди! – крикнул мужчина. – Я еще не успел тебя поблагодарить, а ты уже уходишь. Присядь, Марта принесет тебе поесть. Должен же ты перед тем, как приступить к своим обязанностям, ознакомиться с рабочим местом, – он открыто ему улыбнулся, закрывая тетрадь.

– Но...я...не понял.

Сказать, что он был ошарашен, ничего не сказать. Кажется, ему предложили источник дохода, а он мямлит как идиот. Конечно, Грег этого ждал, вернее жаждал, но напористость мужчины и его уверенность в положительном ответе казались парню внезапными и не совсем обычными. Хозяин кафе не удосужился спросить, он констатировал факт: ты принят и точка. Была ли это своеобразная благодарность за доставленный ящик или все-таки в глазах подростка читалась мольба.

– Когда мне начать? – спросил Грег, приняв, по его мнению, верное решение.

– Попридержи коней, парень! – захохотал мужчина. – Ты даже не знаешь моего имени. Я – Арчи Гудман, владелец пристанища для нуждающихся, как в выпивке, так и в рабо-

те. Как тебя зовут?

С этого момента началась их дружба.

Пайпер

В кафе на углу Бурбон стрит разворачивалась драма. Точнее трагедия бушевала в душе милой девушки. Она была единственной, кто не поддерживал нарушения заведенного порядка в стенах «Кракена». Негоже наблюдать за людьми через окна, лучше зайдем и подслушаем их разговор.

Они сидели за одним столом, женщины напротив мужчин. Кусая губы, Пайпер с обидой смотрела на Арчи, несущего им «хорошую» весть. Новый работник. Только этого не хватало. Еще утром жизнь била ключом, она чувствовала, как постепенно возрождается, а теперь...

Девушка проснулась, разрешая превосходному настроению растекаться под кожей и, напевая под нос, вышла навстречу жаркому дню. Проходя мимо католической церкви, стоящей в не богатом районе на углу Хенриетт–Делил–стрит и Говернор–Николс–стрит, она улыбнулась. Здание из белого кирпича, покрытое разводами, стекающими из ржавых решеток, впитало в себя старину. Вершину темного купола украшал покосившийся крест, на территории церкви находилась могила неизвестного раба с железными цепями. Она являлась символом свободы для афроамериканцев, поселившихся в Новом Орлеане.

Пайпер наткнулась на собор в первую рабочую смену, привлеченная собравшейся перед входом толпой, и вот уже

целую неделю она навещала церковь Святого Августина. Девушка посещала ее не из-за веры в Бога или высшие силы, это наваждение испарилось, когда ей исполнилось десять. Причина была иной: святыня пропагандировала заповеди и безгрешность, отличающиеся от политики остальных церквей. Пайпер прослушала джазовую мессу лишь раз, но уже влюбилась в храм, одаривший ей надеждой, которой сейчас она безумно желала.

Всего за несколько часов действительность перевернулась с ног на голову. Пайпер ощущала себя счастливой и полезной, строила планы на ближайшее будущее, а теперь Гудманам не терпится ее заменить. Возможно дело в том, что она – девушка и не справляется должным образом с возложенными на нее обязанностями. Тогда почему они ей этого не объяснили, почему делали вид, что ничего не изменилось? Пайпер за столь короткий срок не успела привыкнуть к семье Гудманов, предстоял еще долгий путь, а тут, нарушая ее планы, заявился чужак. Да, она и сама здесь не родная, только вот уже долбанных семь дней Пайпер доказывает свою преданность и выказывает благодарность за предоставленное место. А что он? Кто сказал, что ему можно открыть двери и впустить в святая святых? Откуда он и почему оказался на юге? В своем городе он всех перерезал, поэтому приехал в Новый Орлеан за очередными жертвами?

Арчи долго уговаривал парня поехать, прежде чем он уйдет, но, заметив неловкость подростка, отпустил его, прика-

зав прийти утром. И только дождавшись вечера, вздумал сообщить семье о молодом парнишке. Поэтому никто из сидящих за столом не успел с ним встретиться. Только Марта вспомнила о неожиданном посетителе, заявившемся около четырех часов. Краткое описание увиденного не вселяло в Пайпер уверенности в собственных силах: молодой привлекательный парень с добрыми глазами и явными намерениями заполучить работу. Слишком уж положителен отзыв женщины. Именно поэтому девушка так нервничала. Что, если он приглянулся Марте больше, чем врунишка Пайпер? Она знала каждую слабость, запрятанную в сознании и довольно четко определяла свои способности к вранью. Гудманы давно раскусили обман, но, несмотря на все это, регулярно ее прощали, а теперь новичок без труда покорит их честностью. Полный кошмар.

Перед Пайпер крутились сменяющие друг друга образы, в ушах звенело, подступали слезы. Только не здесь, успокойся, они не поймут. Вдохнула, выдохнула, ущипнула себя за руку и с трудом пришла в себя. Как раз вовремя, Арчи ждал пока остальные выразят свое мнение. Он сидел, облокотившись на стол и сцепив руки в замок. Первой высказалась Марта:

– Арчи, я на твоей стороне, если ты считаешь, что этот мальчик нуждается в работе, то мы поможем ему, – женщина мягко улыбнулась мужу. Следующим на очереди был Барри – Я думаю, не для кого ни секрет, как я люблю соперничать, даже по мелочам, поэтому я надеюсь ты возьмешь это-

го парня, пап... и тогда у нас будет численный перевес, – он с хитрой ухмылкой оценил реакцию женщин.

Все засмеялись кроме Пайпер. Она угадывала обращенные на нее в ожидании ответа взгляды присутствующих.

– Милая, а ты что скажешь? – тихо спросила Марта, драгиваясь до плеча девушки.

Что она должна сказать? Разве у нее есть выбор, разве ей позволено решать?

– Я... Как большинство, – девушка запнулась на полуслове и замолчала, чтобы ненароком себя не выдать.

– Значит, можем считать, в нашей команде прибавился еще один игрок! – Арчи громко хлопнул в ладоши.

Обратив внимание на девушку, мужчина немного умерил свой пыл. Реакция Пайпер на его заявление не удивляла, он был свидетелем ее робости и недоверия к посторонним, в начале не избежать сложностей, но Арчи не покидала убежденность: знакомство с Грегом пойдет ей на пользу. Мужчина незаметно от остальных кивнул жене, и она, разгадав его замысел, обратилась к девушке:

– Пайпер, помоги мне убраться на кухне.

Мужчины покосились на официантку, и ей пришлось молча отправиться за Мартой. Женщина заперла за ними дверь и огляделась в поисках отвлекающего от мрачных мыслей задания. Кухня сияла чистотой.

– Это ты здесь все вымыла?

Пайпер кивнула.

– Почему ты не сказала мне, что уже убралась?

– Я задумалась, – виновато ответила девушка.

Она стояла, прислонившись к стене, будто в любую секунду готовилась опуститься на пол; холодная плитка поддерживала ее в вертикальном положении. Марта не подходила к ней, уважая очерченное пространство девушки.

– Ты расстроена из-за этого парня?

Пайпер резко подняла голову:

– Нет, я не расстроена, – она старалась растянуть губы в улыбке, убеждая женщину в лживых словах.

Марта посмотрела на девушку и вздохнув, заговорила:

– В любом случае, я хочу тебе сказать, что мы относимся к работникам, как к членам семьи, не поощряя бесполезной конкуренции. Не рассчитывай на увольнение и не опасайся парня. Мой муж разбирается в людях, и он никогда бы не принял на работу человека, если бы не мог ему доверять. Просто знай это.

– Спасибо, для меня это важно.

Пайпер наконец-то перестала сжимать руки, избавляясь от сдавливающих оков. Девушка не сомневалась, что Марта ее не подведет и не предаст. Эта вера, пусть даже преувеличенная, помогала ей не сойти с ума.

– На сегодня с тебя хватит, иди домой и отдохни хорошенько.

Пайпер вышла из кафе, не забыв попрощаться с обеспокоенным Арчи и свернув на Эспланаде авеню, заметила Барри.

– Ты что здесь делаешь?

– Тебя жду, хотел проводить. На улице темнеет.

Ей льстил оказанный дружеский жест, но девушка не могла позволить Барри лицезреть халупу, в которой она временно обитает. Пускаться в пространные объяснения девушка не намеревалась, к тому же если он узнает об этом, то расстреплет родителям и ничего, кроме порицаний и обвинений в беспечности, она не услышит. За кого Гудманы ее сочтут: за проститутку или избалованного подростка, пытавшегося наказать родителей спонтанным побегом? К тому же у нее возникла очередная проблема, и усугублять без того шаткое положение – крупная ошибка. Если они узнают, куда ей останется податься? У нее никого нет, кроме этой семьи. Пайпер подумала, что молчание опасно затянулось и пробормотала:

– Я живу недалеко, в паре кварталов отсюда. Со мной ничего не случится.

– Ты уверена? – с нажимом спросил Барри.

– Абсолютно.

Парень пожал плечами и сдался:

– Тогда до завтра.

Пайпер попрощалась с ним и развернувшись, быстрым шагом удалилась по направлению к Треме. Еще несколько метров она чувствовала на спине изучающий взгляд Барри. Мы–то с вами понимаем с какой неохотой парень отпустил девушку, жаль, что она слепа к ухаживаниям мужчины.

Пайпер шла в сторону дома, на автомате обходя препят-

ствия и сворачивая в надлежащих переулках. Иногда приятно и даже полезно побыть наедине с собственными мыслями, когда никому не удастся прочитать написанное на лице. Сейчас девушка размышляла только о том, что приготовил для нее завтрашний день.

Грег

На следующее утро Грег проснулся полный энтузиазма. Впереди маячила перспектива продержаться здесь хотя бы неделю, а при удачном стечении обстоятельств и месяц. Благодаря рабочему месту непростое существование в Новом Орлеане стало не таким ужасным, как виделось еще вчера. У него появился стимул, возможность сделать все необходимое для младшей сестры.

Придя в свой временный дом после разговора с хозяином «Кракена», Грег обрадовал Шерри свалившимся на него чудом, но он ошибся в ожидании последующей реакции, девочка даже не улыбнулась. Ему и так нелегко, а она не осознает, что сегодня возникла высокая вероятность заработать денег, которых у них и так в обрез. Неужели нельзя... А потом вдруг, сняв пелену радости с глаз, до него дошло, ведь действительно нельзя, сестра не понимает. Ее вырвали из родной среды и привезли хрен знает куда, а теперь ей к тому же придется сидеть одной, пока Грег займется делом. И к тому же, ей всего шесть, чего можно требовать от шестилетнего ребенка? С трудом усмирив гнев, парень повел Шерри на прогулку по окрестностям портового городка. Так он убьет

двух зайцев сразу: выведет сестру к солнцу и понаблюдает за местными. Парень был уверен: сегодня его заключительный выходной, с завтрашнего дня он забудет об отдыхе. К тому же девочка наверняка проголодалась, и он, принимая на себя функции старшего брата, должен позаботиться о том, чтобы ее накормить.

Грег понимал, искушение бездумно потратить оставшиеся деньги – не самый умный ход, Арчи вполне способен ему не заплатить или вычесть его оклад на оплату многочисленных штрафов, выдуманных из воздуха. Он не знал, стоит ли довериться мужчине, и кого он из себя представляет. Да, владелец кафе несомненно вел себя дружелюбно и гостеприимно, даже предложил ему поесть, но парень с ранних лет выучил незыблемое правило: когда человеку что-то нужно, он становится очень услужливым, тем более стоимость обеда намного меньше той суммы, которую парень зарабатывает за месяц. Так что, согласись Грег перекусить в «Кракене», Арчи получил бы большую прибыль, отделавшись меньшими затратами. И если его обманут, тогда им с Шерри не останется ничего, кроме как вернуться домой. За парнишкой не сохранялось никакого права подводить семью, поэтому ему нужно относиться к обязанностям брата и защитника со взрослой рассудительностью. В общем Грег как обычно не изменял настороженности и подозрительности, видя в окружающих лишь желание навариться на его осложненном положении. Когда уже подросток поймет, что не все вокруг

такие скоты, какими он представляет людей. Некоторые бескорыстно отдают последнюю рубашку ради спасения нуждающегося.

Перед Грегом, как и перед большинством из нас остро вставал вопрос финансов. Расходы росли, доходов не прибавлялось. Загвоздка по поводу бюджета у подростка вызывала противоречия, где-то в груди рождался соблазн порадовать сестру любимым мороженым или новенькой игрушкой. Так что же ему выбрать? Потратить часть средств на мимолетную радость или все-таки использовать их с умом?

Они обошли самые красивые улочки Нового Орлеана, избегая Треме, нашли дорогу к порту и гуляли вдоль него, ощущая прохладу Миссисипи. Мимо проходили люди, для которых этот город был родным. Они счастливо улыбались и болтали друг с другом, им не нужно бежать и скрываться, снимать непригодную для жилья комнату и беспокоиться проснутся ли они завтра или уже никогда не откроют глаз. Их жизнь шла своим чередом, они прятались от негатива в родных стенах, набираясь сил. А как поступить Грегу, когда опустятся руки, когда не будет больше надежды и смысла? Что случится тогда? Парень посмотрел на сестру, вовремя долгой прогулки он ни на секунду не выпустил ее руки. Девочка шла рядом с ним, подставляя лицо вечернему солнцу. Грег подумал, что в ней и есть его цель. Оберегать ее – это, то что остановит его от необдуманных поступков, позволит восстановить курс, по которому он двигался ранее.

Закончив знакомство с рекой, парень решил отвести сестру в кафе неподалеку и накормил до отвала. Возвращаться домой в темноте Грегу показалось плохой идеей, рядом с ним ребенок, и ее сложно будет защитить если на их пути появится пьяный сброд, жаждущий проявить насилие (а он не сомневался, что так и произойдет). Поэтому, как только горячая звезда сменила краски, он повел сестру в сторону Эспланаде-авеню, перед этим посетив магазин игрушек в паре кварталов от Баррекс-стрит.

В подсвеченной витрине теснились куклы разных форм и размеров, со светлыми и темными волосами, с длинными платьями и сарафанами, с голубыми и карими глазами. Кто-то из них умел говорить, кто-то вечно молчал. Они ходили вдоль стеллажей, рассматривая игрушки, в конце концов, после долгих раздумий и тщательного выбора, Грег купил сестре весьма милую и недорогую куклу, чем вызвал благодарность Шерри в виде румянца на детских щечках и широкой улыбки. Все-таки детей легко отвлечь от насущных проблем.

Мысли о вчерашних событиях крутились в его голове, пока он бежал вдоль портовых доков ранним утром его первого рабочего дня. Перед сном парень попросил маленькую девочку ничего не бояться, когда он будет оставлять ее одну. Он рассчитывал на поддержку сестры: брату затруднительно содержать их, и он не в состоянии позволить себе ежедневно сидеть с ней. У него возникало огромное желание увезти ее

туда, где она оказалась бы в безопасности, но он не мог поступить так без предупреждения. Такая возможность существовала, но Грегу не хотелось обнадеживать Шерри и говорить о звонке, в то же время невысказанные слова не давали ему уснуть, заставляя ворочаться и постепенно закипать от злости. Парень провалился в беспокойный сон только около трех часов ночи.

Проснувшись в шесть тридцать, он успел заскочить в ближайшую кофейню и купить сестре завтрак, быстро забежал домой, положил пакет с едой на тумбочку и поцеловал спящую девочку в лоб.

Утреннее солнце мягко согревало его голую спину, волосы промокли насквозь, а он не переставал бежать, огибая реку. Бегать с надрывающейся музыкой в ушах Грег не любил, куда приятней наслаждаться естественными звуками природы и пробуждения города. Ему казалось, он кожей чувствует, как его пытается догнать река, переливчато смеясь или слышит, как искрит, поднимаясь все выше и выше, золотой диск. Вместе с давно знакомой музыкой жизни и яркими ощущениями прибавились новые, незнакомые звучания: тихий скрип деревянных весел, стук проносащихся мимо товарных вагонов и шаги проснувшихся пораньше рабочих.

Пробежка от улицы Сейнт-Энн-стрит до Уолденберг парк и обратно заняла где-то сорок минут. Приближаясь к дому, чтобы привести себя в порядок, Грег заметил черную помятую Тойоту у соседнего забора, солнце слепило в гла-

за, и ему не удавалось рассмотреть, сидел ли кто-то в машине, или она пустовала. Сделав вид, что ничего не увидел, парень отвернулся, пряча лицо. Забежал в здание, спотыкаясь на каждом шагу и успокоился, увидев сестру, неподвижно сидящую на постели.

Пакет с остатками завтрака скомканным клубком лежал на прежнем месте, Шерри грела руки о стаканчик с давно остывшим чаем.

– Давно проснулась? – спросил Грег из ванной комнаты, стараясь не смущать ее пристальным взглядом. Не хватало еще вызвать в сестре чувства лабораторной мыши, которую изучают под микроскопом.

– Нет, где-то пол часа назад, – ответила она с завидным спокойствием, а потом чуть тише добавила, – я думала, ты уже не вернешься.

Слова Шерри прозвучали так, словно он по-быстрому собрал свои вещички и смылся в какое-нибудь Тимбукту, лишь бы от нее подальше.

– Послушай, я тебя не брошу, но ты должна понимать: мы сейчас в полной жопе, – гнев в груди разрастался с новой силой.

Грег знал, что девочка ни в чем не виновата, кто угодно из них, но не она. Но ему тоже было трудно и больно, раньше не приходилось отвечать за кого-то кроме себя. Это ноша. И он обязан ее нести. Парень вышел из ванной и, подойдя к сестре, осторожно взял ее за руку:

– Будь сильной, мне очень нужна твоя помощь, один я не справлюсь.

Она отважно кивнула, смахнув слезы, и Грег посчитал, что еще не все потеряно.

Глава 4

Сара

Отправляемся на запад, нет–нет, забудьте о диком западе и безбашенных ковбоях. Обычный штат. Обычный дом. Но ситуация не совсем простая. Подслушивать, конечно, не хорошо, но у нас нет иного выхода. Поэтому подберемся поближе.

– Джерри, ты уверен в этом? – спросила Сара с нотками боли в голосе.

После услышанного женщине казалось, что она грохнется в обморок. Только сила воли и пара пощечин привели ее в чувство. Молодой высокий мужчина смотрел на собеседницу, и в его взгляде читалось беспокойство за рассудок друга. Он подвел ее к дивану и усадил как ребенка, а сам устроился в кресле напротив женщины. Наклонившись вперед, Джерри доверительным шепотом рассказал все подробности, избегая наиболее щекотливых моментов. Ей не стоило знать кровавую подоплеку давней истории.

– Сара, я сочувствую твоему горю и понимаю твоё желание ничего не замечать вокруг, но так нельзя, – он осторожно подбирал слова, ступая на зыбкую почву. – Тебе есть о ком позаботиться, не забывай об этом.

Женщина сидела прямо, словно ей вогнали спицу в позвоночник, по щекам текли слезы, а в голове пойманной птицей билась мысль: как я сразу не сообразила, как я могла так поступить?

Через секунду, взяв себя в руки, она посмотрела на Джерри, ее глаза наполнялись решимостью:

– Что мне нужно делать?

Мужчина ободряюще улыбнулся ей и объяснил свой план.

После того разговора Сара почему-то подумала о своей бывшей работе в службе доверия. Она устроилась туда сразу после школы, огорошив родителей заявлением об бесполезности высшего образования. После этого девушка сменила много мест, от сотрудницы почтового отделения до няньки, но несколько недель бесед со страдающими людьми навсегда останутся в памяти. Особенно запомнился один.

Каждый вечер, ровно в шесть, Саре звонил мужчина, назвавшийся Генри Скофилдом. Он отличался от остальных звонивших тем, что не жаловался на жизнь, а просто коротал время за беседой. Он был дружелюбен и вежлив, развлекал девушку описанием событий из его прошлого и не задерживал линию дольше пятнадцати минут, ценя важность благого дела. Сара понимала: Генри стар и одинок, телефон доверия – единственное средство, разгоняющее скуку. Молодой девушке становилось тогда очень страшно от того, что она и любой другой может оказаться на месте старика. Потерять

всех и остаться ни с чем.

Проходили дни, и мужчина неизменно и без опозданий звонил на телефон доверия, и Сара узнавала всю его подноготную: где он родился и вырос, куда поступил после школы, кем работал и в каких уголках зеленой планеты успел побывать. Когда от него не поступило звонка, девушка решила, что наконец внуки или дети решили побаловать Генри своим вниманием, и он в данный момент счастлив, качая на коленях маленьких карапузов. А потом, спустя сутки, читая газету, наткнулась на некролог, сообщавший о кончине Генри Скофилда, уроженца Миннесоты. Сара вглядывалась в черные строки не в силах поверить, что это произошло именно с тем человеком, который регулярно звонил ей.

Девушка пришла на похороны и провела там много времени, так никого и не дождавшись. Она смотрела на гроб, погружаемый в раскопанную могилу и ощущала, как осознание мира круто меняется. В голове перекликались сменяющие друг друга вопросы. Но среди них четко выделялся один: какково умирать в пустом доме, не чувствуя присутствия родных?

Прошло пару дней, и когда девушка немного пришла в себя, она вспомнила о разговоре с Генри за несколько часов до его смерти:

– Служба доверия, меня зовут Сара. Поделитесь своей бедой.

В трубке раздался хриплый смех:

– Какие могут быть беды у древнего старика? Я лишь хотел побеседовать с вами.

– Я знала, что это вы, Генри. Но над нами стоят надсмотрщики, и я должна четко следовать инструкциям, – девушка не сдержала улыбки. – Что вы расскажете мне сегодня? Мне не терпится послушать.

– Сегодня я спрошу о ваших делах. Ваша задача – поддерживать страдающих людей, но есть ли те, кто помогут вам, когда станет совсем уж тяжело?

– Об этом не беспокойтесь, я не унываю, иногда мне кажется, моей энергии и жажды жизни хватит на десятерых.

– Молодость – прекрасная пора. Только в юные годы в сутках недостаточно часов для осуществления ваших планов, вы спешите навстречу мечте и приключениям, не думая притормозить. Затем, к сожалению, боевой настрой падает и все вокруг не кажется таким ярким, как раньше, тогда и приходит понимание, что ты уже не молод. Но надеюсь, на вас не распространится уныние старости. – добавил мужчина, сменяя горький тон на обнадеживающие нотки.

– Я уверена, что буду бодрой старушкой и еще дам фору молодым.

Он снова рассмеялся и произнес:

– Ничуть не сомневаюсь.

На секунду воцарилось молчание, и Сара догадалась: Генри не решается сказать ей нечто важное. Девушка не стала его торопить и терпеливо выжидала, наконец, с тяжелым

вздохом мужчина произнес:

– На самом деле, я позвонил вам, чтобы предупредить о своем отъезде. Через пару дней, я вернусь туда, где родился.

– Возвращаться домой всегда волнительно. И я не улавливаю в вашем голосе радости, вы же пройдёте по знакомым вам местам и наберётесь сил, вспоминая былое.

– Да, на это у меня времени предостаточно.

Они поговорили положенных пятнадцать минут, и Генри попрощался с Сарой. Девушка после похорон металась среди предположений: он действительно собирался покинуть город или ощущал приближение смерти? Он умирал, пока она со спокойной душой шла развлекаться с друзьями? Он страдал, пока она светилась радостью? Как такое возможное?

После долгого бдения на кладбище Сара задала себе цель найти адрес Генри, что в конечном итоге она и сделала. Пожилая соседка, написавшая некролог и получившая скромное наследство мужчины по завещанию, впустила девушку в дом. Среди нажитых вещей ей приглянулось несколько фотографий, где молодой Генри стоит в окружении друзей и семьи. С течением многих лет их количество значительно уменьшалось, повергая мужчину в пучину одиночества. Она рассматривала снимки и соотносила их с рассказами Генри о путешествиях и первой любви, о дружбе и кажущейся в юные годы вечной молодости. После своей свадьбы Сара забросила любезно подаренные соседкой фотографии ставшего ей близким мужчины, которого она никогда не видела, но

шесть лет назад, женщина вновь вглядывалась в черно-белые рисунки лиц и размышляла о том, как быстро жизнь поворачивается к тебе неприглядной стороной. Сара подумала о нем, не потому, что ей было сейчас также больно и грустно, словно она вернулась в прошлое. Произошедшее с Генри стало неожиданностью, сравнимой по своей невыносимости лишь с тем, что открыл ей Джерри. Она не представляла тогда, как может человек, который в эту минуту смеется и дышит, в следующую навеки замолкнуть? Молодая девушка считала смерть медленной пыткой, тем, что заранее предрешено и заметно даже слепому. И после разговора с Джерри, Сара вернулась к прежним мыслям: как она не обнаружила дышащую ей в спину погибель?

С тех пор прошло чуть больше двух месяцев, а она не переставала удивляться откуда у нее такие способности к вранью. Женщине огромных усилий стоило улыбаться, когда на самом деле возникало огромное желание вогнать нож поглубже в сердце, или пристрелить как бешенную собаку. Каждую ночь, когда он засыпал, Сара молилась всем Богам, просила прощения у любимого мужа и твердила себе, что она делает это ради семьи.

День за днем женщина вычеркивала красным фломастером числа в календаре, отмечала их словно праздник, ведь они приближали ее к главной цели, конечному результату, придавали смысл ее борьбе. Временами Саре хотелось сдать-ся и броситься в бега, защищать семью, будучи рядом с ни-

ми, а не на расстоянии в сотни миль. В моменты слабости она крепко сжимала кулаки, так что костяшки пальцев белели и тихо шептала: «Если ты сдашься, то никогда себя не простишь».

Каждый вторник Сара встречалась с Джерри, посещая всегда новые точки на карте, о которых раньше не подозревала. Мужчина говорил, лучше, чтобы их не видели вместе. Она ему верила и с нетерпением ждала известий о том, как продвигается дело.

Ровно в 12:30 женщина вбивала в навигатор адрес, мелькающий в утренней газете, и торопливо искала очередное кафе.

Сегодня был вторник, на часах десять утра, она осталась одна и уже собиралась приняться за чтение газеты, как входная дверь открылась, заскрипев на несмазанных петлях. Сара поморщилась от неприятного звука и вышла в коридор. На пороге стоял Блейк, дрожа всем телом.

– Что ты здесь делаешь? – вопрос прозвучал довольно грубо, но мужчина похоже ничего не заметил.

– Я, наверное, приболел, последняя неделя меня доконала, побуду сегодня дома, – пробормотал он и, неловко ступая, поднялся наверх.

Сара со злостью швырнула кружку об стену, мелкие осколки разбросало по всей кухне, на стене красовалось, медленно стекая, черное пятно от кофе. Чертов сукин сын, какого хрена ты приперся сюда? Голова горела, стекло впи-

валось в голые ступни, но женщина не чувствовала боли. Сердце билось в груди, стучало в ушах и подползало к горлу. Казалось ее сейчас стошнит. Если я уйду, Блейк что-нибудь заподозрит, и моя ошибка испортит несколько месяцев работы.

Она отдышалась и умылась холодной водой, готовясь снова играть роль любящей жены. Сара не сомневалась, Джерри поймет, что случился форс-мажор и найдет выход, обязательно найдет.

А пока нужно подняться к нему и делать вид, что мне не плевать на его страдания.

Джерри

Собеседник милой Сары по истине привлекательный мужчина. К тому же он занимает не самое последнее место в нашей истории. И если бы не он... Но об этом позже.

Джерри О'Брайан рос в среде военных, окруженный наградами и ежедневными марш бросками. Энергия в нем была ключом, переполняла его нутро. Про таких обычно говорят: живет одним днем, но только его семья – три старших брата и родители – знала настоящего Джерри, который с другими прятался за маской легкомысленности. Молодой парень ярко представлял какая судьба его ждет: окончание школы – служба в армии – продвижение по карьерной лестнице. Кто же мог подумать, что планы изменят свой курс.

Джерри бурно отгулял выпускной и в скором времени вступил в ряды храбрых солдат. Пошлые остроты между мо-

лодыми мужчинами и ожидание сражений подстегивали их и заряжали адреналином. Но реальность оказалась не такой величественной и доблестной, как показано на цветных экранах. Повсюду грязь, ужас и кровь. Многие боялись и плакали, некоторые молились, осознавая, что скоро за ними придет смерть.

Парень видел, как умирали его сослуживцы, испытывая жуткую боль от глубоких ран и оторванных конечностей. Мужчин, словно тряпичных кукол, разрывало на куски, иногда после многочасовых сражений на деревьях красными нитями висели кишки, а под ногами хлюпала кровь. В обстановке смертельной схватки главная трудность – остаться человеком. Немногим это удавалось, и Джерри боялся превратиться в хищное животное.

После первого боя не звучали шутки и не раздавался смех. Парень понимал, те из них, кто выжил, никогда не станут прежними, что-то в голове повернулось в противоположную сторону.

Именно тогда, в 1991 году, побывав на пирушке у смерти, О'Брайан решил, что не хочет выбирать, кто должен жить, а кому стоит умереть. День его заключительной битвы часто снился ему в кошмарах.

Начало 1991 года, ему всего девятнадцать, но парень уже успел поучаствовать в страшных баталиях: он слышал крики, звон в ушах от разрывающихся снарядов и свист пролетающих мимо пуль. Повсюду словно конфетти были разбро-

саны части тел, медики не справлялись. В то утро погиб Виктор, лучший друг Джерри, с которым мужчина никогда не расставался. Неунывающий парень был отличным другом, щедрым и верным. Он всегда говорил правду, за что не редко получал от «братьев по оружию», как они любили себя называть. Когда царящее благодаря молодому испанцу веселье оборвалось, тогда Джерри на своей шкуре испытал, какво терять близких в бессмысленной бойне, куда отправляют пушечное мясо – молодых солдат. Ради чего они борются? Какие цели они перед собой ставят? Доказать свою мощь и утратить врагов или убить как можно больше людей? Их бригада тогда одержала победу, но Джерри не ощутил радости, он не спал и не ел, видя перед глазами внутренности друга и остекленевший взгляд, устремленный в небо. Так легко человек с мечтами и идеями превращается в кровавую кашу или горстку пепла, что даже сложно поверить.

Джерри хотел уйти из армии сразу после гибели Виктора, но не мог покинуть сослуживцев посреди боя. Он провел в аду три невыносимых недели и в конце концов, получив тяжелое ранение, оставил позади войну. Парень не знал, как действовать дальше. Он с малых лет планировал свою жизнь, шаг за шагом представляя свое будущее и что теперь? Джерри ехал домой со страхом. Если родные его не поймут и примут за слабака, если отец, отдавший всего себя на службу родине, от него отвернется?

Парень не надеялся на его понимание и смирился со своей

судьбой, но, к удивлению младшего О'Брайана, старик Джон ждал приезда сына. После долгих объятий, слез матери и шумного семейного обеда Джерри спросил у отца: почему тот не злится на него? На что мужчина с легкой улыбкой ответил:

– Когда тебе было четыре наша старушка Нэнси заболела и уже не поправлялась.

Парень вспомнил огромного лабрадора цвета темного шоколада, который умер в конце очень жаркого лета. Мужчина продолжил говорить после недолгого молчания:

– Она стойко держалась, не издавая ни звука. Мы думали усыпить животное, избавить от болей, но ты не позволил. Ты кричал на нас как сумасшедший, обвинял в жестокости, – отец тихонько хмыкнул, а затем взглянул на сына. – Ты был рядом с ней до самого конца, разговаривал с ней и изо всех сил сдерживал слезы, чтобы не напугать ее. Он посмотрел на звездное небо и произнес:

– Я думал, ты будешь врачом или спасателем. А потом ты рассказал о своем желании пойти в армию, – в голосе Джона послышалась горечь. – Я воспитывал тебя не для того, чтобы ты шел по моим стопам. Я бы гордился тобой, кем бы ты ни был, даже если ты решишь стать клоуном в цирке. Хотя, – рассмеялся Джон, – насчет последнего не слушай меня, это я шучу.

Мужчина похлопал сына по плечу, и остаток вечера они просидели на веранде, болтая о всяких пустяках.

Тот вечер надолго запомнился Джерри, тем более, что отец умер через три года после их разговора по душам. Но он успел застать сына, облаченного в полицейскую форму, военная служба помогла сократить сроки получения офицерского звания.

После приезда домой парень не спал несколько дней, мучаясь от страшных кошмаров. Перед ним безмолвными призраками вставали те, кого он убил. Раз за разом в своих снах он пускал им кровь, стреляя из автомата или полосуюя их ножом. Просыпаясь в глубокой ночи в холодному поту, Джерри чувствовал, как отказывают ноги: возвращение к былым травмам. Очередной дикий сон заставил его обдумать прошлые ошибки и замолить грехи, но для этого он не отправился в церковь и не открылся священнику, а поступил в полицейскую академию. Работа в полиции должна была стать не только его спасением, но и спасением мирных граждан, которых мужчина поклялся защищать.

Меньше чем через девять месяцев он сдал экзамены и получил звание офицера, на вручении значка присутствовала вся его семья: пожилые родители и братья, отпущенные в увольнение. Для Джерри не было ничего дороже кроме как получить благословение отца и ощущать его поддержку. С этого момента за много поколений в их роду он единственный пошел другой дорогой, ничуть не жалея о своем поступке.

Прошел двадцать один год после финального боя, и ка-

питан О'Брайан, работник отдела уголовных преступлений, провожал взглядом проезжающие мимо кофейни автомобили в ожидании женщины, которой обещал восстановить справедливость. То, что Сара пережила, врагу не пожелаешь. Несмотря на ее злость и желание отплатить по заслугам, Джерри боялся, что она сдастся, тогда долгий и трудный процесс, который они запустили не так давно, окажется напрасным. Мужчина старался показать ей правильный путь и дать силы к борьбе, подталкивая ее вперед. Но, если Сара откажется помогать ему дальше, он ничего не сможет сделать. Он и так нарушил правила.

Взгляд на часы заставил Джерри нервничать, прошло уже двадцать минут, а ее до сих пор нет. Раньше она никогда не опаздывала. Он был уверен: что-то случилось, и все дело в Блейке. Выждав еще немного, мужчина позвонил в полицейский участок и, выяснив ситуацию, заподозрил неладное. Он выругался себе под нос, вышел из кафе под проливной дождь и скрылся за углом. В это время Блейк Донован кулаками выбивал из Сары правду.

Глава 5

Пайпер

Пол часа назад, когда Пайпер накрывала на стол для завтрака в кругу новой семьи, пришел он. Девушка резко повернула голову в его сторону, отзываясь на звон дверного колокольчика, и замерла на месте. На парне была простая черная футболка, облегающая стройное накачанное тело и пря-

мые джинсы. Несколько тянувшихся как вязкая патока секунд Пайпер не осмеливалась посмотреть на его лицо. Когда она все-таки решилась, то увидела черные густые волосы и такого же цвета глаза. Шрам на левой щеке делал парня старше и придавал вид дикого животного. Он не двигался и тщательно исследовал обстановку, словно попал на вражескую территорию. Губы сложились в тонкую линию, руки сжимались в кулаки и тут же снова разжимались. Парень нервничал. Он сразу же почувствовал чей-то пристальный взгляд и посмотрел на Пайпер. Его лоб нахмурился, и девушка сбегала в уборную.

Сейчас спустя пару минут после бегства она стояла перед зеркалом, тяжело дыша, и пыталась выровнять сердцебиение. Как только он обратил на нее свое внимание, Пайпер ощутила признаки опасности и страха. Он следит за ней или во всем виновато ее разыгравшееся воображение? Девушка ждала, что ее начнут искать, но не думала о том, как скоро это произойдет.

Ополоснув лицо холодной водой, она немного успокоилась. Ее голос дрожал, когда она, глядя на свое отражение, говорила:

– Пайпер, твое прошлое осталось далеко позади, за сотни миль отсюда, теперь ты другая. Ты можешь быть кем пожелаешь. Но, чтобы выжить, стань прежней собой, как бы дибильно это ни звучало, – девушка усмехнулась бледному призраку в зеркале, и ее голос обрел твердость. – Не поз-

воляй никому менять себя, вспомни ту веселую, беззаботную девчонку, которая вместе с Трейси и Лорой отважилась уехать навстречу волшебной стране, когда вам исполнилось по десять лет, – воспоминания о беззаботных деньках заставили девушку улыбнуться и в то же время испытать грусть от расставания с подругами. – Ты ведь потянула их за собой, была предводителем в троице, так верни себя прежнюю, очнись. Хватит быть жертвой, пора начинать жить.

Пайпер снова умылась холодной водой, снимая многолетнее оцепенение, и широко расправила плечи.

В зале за дальним столиком уже сидело семейство Гудманов в полном составе, плюс еще один человек. Пайпер назвала его «пришельцем». Парень был повернут к ней спиной, так что не видел, как она вошла, но, к удивлению девушки, он обернулся и бросил на нее мимолетный взгляд, когда остальные даже не заметили ее прихода.

– Эй, Пайпер, где ты пропадаешь, завтрак стынет, – сказал Барри.

Девушка преодолела себя и подошла к их столику. Она глубоко вздохнула и с хитрой ухмылкой сказала:

– Наверное, дело в том, что я не хочу наесть такие бока, которые медленно растут у тебя.

Марта и Арчи рассмеялись, согласно кивая головами, а Барри широко распахнутыми глазами с недоверием уставился на Пайпер. Это на самом деле именно та девушка, которая за недолгое пребывание здесь давала односложные ответы на

задаваемые вопросы и большую часть времени предпочитала отмалчиваться? Похоже ее подменили. Быстро придя в себя, Барри не изменил своей шутливой манере и отразил колкий упрек в его сторону, сказав:

– Я делаю запас на зиму, а то вдруг наступят черные дни. Я–то их переживу, а вот насчет вас сомневаюсь! – и улыбнулся официантке. Пока остальные не обращали на него внимания, Барри смотрел на девушку и ему не удавалось понять, что сейчас произошло? Почему она ответила ему так, будто превратилась в кого–то другого? Мужчина отвернулся к окну, погрузившись в свои мысли.

Кажется, никто из присутствующих, кроме новоприбывшего, не увидел, что Пайпер так и осталась стоять, ведь за столом свободно помещались всего четыре человека. Поэтому взывавшие в Грег манеры принудили его подняться и уступить место девушке. Их взгляды встретились: его – изучающий, ее – удивленный. Через долю секунды неловкого молчания Пайпер рассеянно произнесла:

– Спасибо, но я все–таки возьму стул в подсобке. Не нужно тебе стоять, пока все едят, – на лице девушки появилась широкая улыбка, прорисовавшая аккуратные ямочки на щеках.

– Я могу помочь, – ответил Грег, избавляя девушку от волчьего взгляда.

И как мне реагировать? Послать к черту всякую осторожность и согласиться? Или тщательно рассчитать возможные

варианты развития событий? Ладно, следует рассуждать логически, он вряд ли еще не втеревшись в доверие к Гудманам начнет осуществить надо мной свои злодейские планы. Тем более они сидят здесь и, в случае чего, я закричу. Но есть и второй вариант: он – не враг, тогда отказ на его предложение будет выглядеть по крайней мере странным. Решено, буду вести себя как раньше, легко и непринужденно. Хм, и это ты называешь «ответить, не задумываясь»? Очень глупо. Последняя мысль вызвала у Пайпер кривую усмешку. Грег принял гримасу девушки на свой счет и, сделав шаг назад, резко бросил:

– Сразу сказала бы, что помощь не нужна.

– Нет-нет. Извини, я просто... задумалась, – по крайней мере девчонка не соврала. – Я буду рада, если ты поможешь, – Пайпер нервно сжимала пальцы.

– Меня Грег зовут, – проворчал парень, стараясь сгладить неудавшееся начало.

– Я – Пайпер, – она почувствовала облегчение, что они отступили от неловкой темы.

Короткий разговор был единственным между подростками за очень тяжелый день. После завтрака Арчи объяснил в чем заключаются обязанности новоприбывшего, и затем все занялись работой, но это еще не значит, что они не сталкивались, выполняя порученные им задания. Пайпер, несмотря на смелость и недавнюю беседу с самой собой, каждый раз смущенно отводила взгляд, Грег в свою очередь непри-

крыто изучал девушку, ничуть не стесняясь взыгравшего в нем интереса.

Долгая и насыщенная смена Пайпер подходила к концу, когда она услышала разговор Арчи и незнакомого мужчины о вакансии бармена в заведении неподалеку.

– Насколько я знаю, у тебя за неделю прибавилось двое новичков, а я уже месяц не могу никого найти. Глория пригрозила уволиться, если я не приведу помощника, а ты же знаешь: я без нее как без рук, – жаловался гость.

– Понимаю, к тому же Глория слов на ветер не бросает. Постараюсь разрешить твою проблему. Каждый кто придет искать работу, отправится в Рокси, – пообещал Арчи.

– Я твой должник!

Полный надежды мужчина пожал руку Гудману и вышел за дверь.

Пайпер на протяжении всего разговора мяла в руках фартук. Девушка волновалась и не знала к чему ей склониться. Не исключено, что она не справится и тогда ее потопит стыд перед Арчи за сумасбродную выходку. Но, с другой стороны, беда гостя пришла как по заказу, словно кто–то сверху вознамерился поспособствовать ей для завершения образа храброй женщины. Для нее открылся хороший шанс сделать шаг вперед. Поэтому с наступлением девяти часов Пайпер подошла к Арчи и, впервые, глядя ему прямо в глаза, сказала, что ей необходимо устроиться барменом. Ее руки тряслись и голос звенел, но она не собиралась отступить. Как бы ни

оказалось трудно, она справится. Мужчина был ошарашен неожиданным напором девушки и как мог отговаривал ее от необдуманной затеи. Работа в ночную смену и пьяные тела, переполненные желанием поразвлечься, не пойдут ей на пользу. Он беспокоился за нее и считал ее затею не безопасной. Однако Пайпер была непоколебима, и Арчи согласился, промолчав о возникшей в его голове идее.

Этой ночью Пайпер спала сном младенца, чудесным образом избавленная от сновидений.

Грег

Прошло три дня с тех пор как Грег обустроился в Новом Орлеане. Он привыкал к городу и его жителям и, успевая работать в «Кракене», выводил сестру из оцепенения, развлекая ее забавными историями. Каждый вечер после его смены они гуляли, посещая всегда разные места: Джексон сквер с прудами и декоративными пальмами, застывшим всадником на постаменте и дорожкой ведущей к собору Святого Людовика; площадь Дункана, расположенная среди царапающих небосвод высоток почти в центре города и зоопарк Одубон на Мегезин-стрит.

Сегодня утром около семи часов Грегу пришло сообщение, заставившее его улыбнуться и обеспокоиться одновременно. Почему смс? Разве не лучше позвонить и услышать родной голос, самолично убедиться, что все в порядке? Что-то не так, он это чувствовал. Паника вгоняла иглы в спину, становилось труднее дышать. Успокойся, кретин, и думай.

Если бы случилось что-то серьезное, даже сообщение бы не пришло. А парень точно знал, кто его написал. Так что все в порядке, просто разговор она себе позволить не может.

Постаравшись отогнать дурное предчувствие, Грег разбудил сестру, чтобы сообщить важную новость. Девочка спала, укутавшись в любимый плед, единственная лишняя вещь, которую парень решил взять с собой. По крайней мере так Шерри проще было привыкнуть к новой обстановке. Сонные глаза девочки с непониманием уставились на брата, а он, разукрашивая яркими красками их планы на ближайшее будущее, пытался заразить Шерри охватившим его оптимизмом. Впервые за долгое время она счастливо улыбнулась, отчего ее лицо просветлело.

– Сегодня я куплю билеты, мы поедem в Милуоки, и там нас встретят, – сказал Грег.

– А мама тоже там будет? – задала Шерри вполне невинный вопрос, с надеждой глядя на брата.

Он замешкался на долю секунду, не зная, что ответить. Соврать и дать ложную надежду или сказать правду и в конце испортить сестре настроение. Ответ пришел из ниоткуда.

– Она придет, только позже, ты же знаешь, как она скучает по тебе.

Шерри понимающее улыбнулась, Грегу даже показалось, что она уличила его во лжи, но не стала на это указывать, зная, как ему тяжело. Поддержка маленькой девочки вызвала в парне чувство искренней благодарности, поэтому он об-

нял ее и пообещал, что все будет хорошо. С сестрой вопрос был улажен, и теперь предстояло самое трудное – объяснить свой поспешный отъезд мистеру Гудману, особо не вдаваясь в детали. Грег знал, что двухдневная поездка может стоить ему работы, но, когда Шерри будет в полной безопасности, у него появится время, чтобы подумать о возвращении домой.

Во время утренней пробежки парень был слишком возбужден и не мог сосредоточиться на беге, дыхание сбивалось на каждом шагу, поэтому в кафе Грег пришел на полчаса раньше обычного. Пайпер занималась уборкой зала, слушая музыку, льющуюся из наушников. Она не подозревала о присутствии в кафе постороннего и, поэтому, не стесняясь, пританцовывала в такт мелодии, уверенные и гармоничные движения выдавали в ней ученицу танцевальной школы, а также девушку, в которой бурлит спрятанные где-то глубоко свобода и отказ от сжимающих рамок. Отгородившись от внешнего мира, она чувствует себя счастливой, но как только обращаешь к ней, видишь в глазах отблеск потери, будто она рассыпалась на части и не может собрать себя в единое целое. Парень не мог понять ее, он был уверен только в одном: Пайпер что-то скрывает, и от чего-то бежит. Ему хотелось видеть в девушке друга, возможно их судьбы схожи, ведь человек никогда не сбегает от хорошей жизни, его толкают на это неприятные обстоятельства. Хотя, если бы тип вроде него подошел к Грегу и сказал: «я знаю, что ты всем врешь, так что лучше расскажи правду», его реакцией

на эти слова стал бы хук в челюсть ну или по крайней мере молчание вкупе со злобным взглядом. Поэтому он решил не давить на девушку и общаться с ней, держась на расстоянии. По крайней мере пока.

Грег бросил взгляд на часы и прерывисто вздохнул. Оставалось полчаса до разговора с боссом. Если сидеть и тупо пялиться на циферблат, то стрелки над тобой посмеются и обязательно остановятся. Так что нужно убить время. Может предложить девушке помощь или просто поболтать о жизни? Ну да, из меня тот еще болтун. Тогда остается мытье полов. Грег уже сделал было шаг, но остановился. В шестом классе миссис Ричардсон, учитель истории, сначала заставила его встать посреди урока, прочитала, как она думала, душещипательную лекцию о сочувствии и внезапно обняла его. Большой неловкости он не испытывал никогда. С тех самых омерзительных объятий Грег приучил себя прежде чем что-то сказать или сделать, задать себе вопрос: «А каково было бы мне, окажись я в такой ситуации?».

Он потоптался в нерешительности, а потом вдруг пнул ногой стул. Деревянные ножки противно заскрипели и Пайпер обернулась. Одним быстрым движением выдернула наушники из ушей и сказала:

– Привет, не слышала, как ты пришел.

– Да я только что зашел, видимо мои шаги пробиваются даже сквозь музыку, – парень усмехнулся.

Кто бы мог подумать, что Грег так нагло и бесстыдно врет.

Интересно, можно это назвать ложью во спасение?

– Хм...ну да, наверное, – Пайпер отвела взгляд в сторону. – А почему так рано? Обычно ты...

–...не мешаю тебе заниматься делом, – увидев смущенное лицо девушки, Грег дал понять, что не обижен. – Вообще–то я хотел предложить свою помощь.

Пайпер развела руками:

– Ну, могу предложить только полить цветы, со всем остальным я уже справилась. Так что...

– Да, мне ничего не досталось, я понял, – Грег открыто улыбнулся ей, глядя прямо в глаза.

Она неловко рассмеялась и рискнула подойти ближе. Не успела она ничего сказать, как сверху послышались быстрые шаги:

– Привет, ребята, – прогремел Арчи. – Грег, ты сегодня рановато.

Парень бросил извиняющийся взгляд на Пайпер и подошел к мужчине.

– Мне нужно поговорить с тобой, дело...важное.

Арчи внимательно посмотрел на парня и жестом руки позвал его за собой в подсобку. От любопытных ушей и глаз был сокрыт конфиденциальный разговор. Поэтому нам не удастся посмотреть, как Грег словно уж на сковородке выкручивается из неприятной ситуации. Беседа получилась короткой, в этом ему помогла заранее подготовленная речь о семейных затруднениях. Арчи пожелал Грегу удачи и парень

вышел из кафе, провожаемый взглядом Пайпер. Девушка ничего не спросила у мужчины, только посмотрела на него и вернулась к работе.

Ничего не подозревающий парень еле сдерживал порыв побежать к сестре и вывезти ее в безопасное место. Он подошел к дому, который в последний раз увидит Шерри и по которому вряд ли будет скучать, и поднялся наверх. Они в спешке собрали вещи, и спустя четыре часа автобус междугородней линии увозил Грега с сестрой на север, где он надеялся найти для нее спасение.

Глава 6

Джеймс

Джеймс хорошо справлялся, скрывая страшную тайну. А у кого из нас их нет? Каждый день, ровно в восемь, появлялся в своем офисе, улыбался секретарше и шел в кабинет. Его встречала дорогая мебель, идеальный порядок и чуть слышный аромат лимонного освежителя. Он вдыхал покрепче и начинал работать. Одно успешное дело за другим, долгий процесс подготовки, составление речи и стратегий, которые принесут победу в каждом конкретном случае.

Вчера он закрыл очередное громкое дело: несомненный успех. Несколько недель назад одна очень богатая женщина приумножила свои сокровища, получив наследство от покойного мужа. И что бы вы могли подумать? Обязательно найдется тот, кто захочет присвоить денежки себе. Вот только довольно—таки молодая женщина умирать не собиралась

и переписывать наследство на посторонних лиц тоже желанием не горела, поэтому история завершилась до неприличия банально – два выстрела: один в голову, другой в сердце. Первый и единственный подозреваемый – сын богатой женщины, который к тому же является полноправным наследником убитой. Кажется, что все и так ясно, удар судебного молотка и заседание закрыто. Однако Джеймс не так-то прост, кому бы еще удалось не только оправдать мужчину, но и вызвать к нему со стороны присяжных глубокое сострадание. Он видел, как в их глазах гнев сменяется на милость, как они сочувствуют мужчине, потерявшему мать. И также от Джеймса не ускользнула ненависть прокурора. Он считал Брукса клоуном в цирке, устроившим представление для публики. И так каждый раз, для презренного адвоката не существовало понятия чести и справедливости, он любил лишь красоваться перед присяжными. Но, не смотря на неприязнь со стороны противников, Джеймс показал класс.

Он справился, молодец, можно открыть шампанское или организовать фуршет. Отпразднуем завершение дела! Думается мне, что Джеймс не разделяет всеобщего веселья. Сидит в своем кабинете спиной к двери, смотрит на шумный разгоряченный деятельностью город за окном и злится. Больше недели прошло – результатов ноль. У него уже в заднице свербит, невыносимо сидеть на месте, делать вид, что ничего не изменилось, отвечать на дежурные вопросы о семье и сохранять спокойствие. Возможно где-то уже решает-

ся его судьба, а он даже не подозревает. Надоело, Джеймс не любит чувствовать себя бессильным и отдавать все на волю судьбе. Он не плывет по течению, а контролирует все сам. Вот дерьмо! Он не может уехать, если он так поступит, это вызовет подозрения. Ему ли не знать, что на каждого его поклонника найдутся два недоброжелателя, готовых вставить ему палки в колеса. И тогда вся его карьера пойдет прахом, и многолетний труд станет пустым занятием. Нужно оставаться на месте, ожидая известий. Все, что Джеймс может сделать – бороться в тылу.

Он резко повернулся в кресле и вызвал секретаршу. Затем сидел, пряча хитрую ухмылку за сцепленными в замок руками. Уж он-то сделает все возможное, чтобы не опуститься на самое дно. Когда секретарша постучалась, Джеймс стер улыбку с лица и громко сказал:

– Входи!

Дверь осторожно приоткрылась, и худая как жердь женщина прошмыгнула в кабинет.

– Вы меня звали, мистер Брукс? – голос секретарши дрожал. Джеймс оглядел ее с головы до ног: неуверенно нанесенный макияж, прическа и лучший наряд. Для кого приготовления? Или она решила таким образом поздравить босса и вдохнуть в офис праздничное настроение. Джеймс ухмыльнулся.

– Да, Кэти. Присядь, – он жестом указал ей на стул. Обворожительная улыбка на лице босса способна была растопить

даже самые заледеневшие сердца. На такой эффект Джеймс и рассчитывал. Мужчина выдержал паузу, эта тактика часто срабатывала с клиентами, не желающими говорить правду, тишина давила на них и раздражала, после чего они и прокальвались. Но сейчас был совершенно другой случай, пока он молчит, женщина может напридумывать себе многое, от желания с ней переспать до увольнения. Но лучше, чтобы она думала о плохом. Тогда новость, которую он для нее приготовил достигнет нужной ему цели. Пока в кабинете стояла тишина, наблюдательный Джеймс успел заметить неловкие взгляды секретарши, бросаемые на портрет за его спиной. На нем была изображена его семья в полном составе, снимку исполнилось пять лет, пора бы уже обновить, вот только... В другой момент реакция секретарши его позабавила бы, но не сейчас. Она смотрела так, будто все знала и обязательно кому-нибудь об этом расскажет. Джеймс облизнул губы, борясь со злостью и сказал:

– Как ты знаешь, вчера я выиграл, и дела у компании идут хорошо, в большей степени благодаря твоей помощи, – лицо женщины покрылось красными пятнами. Он следил за состоянием ее кожи, определяя по цвету слабые места. – Я ценю твою работу и поэтому решил вознаградить тебя, чтобы не потерять такого полезного сотрудника. Поэтому, что ты скажешь, если я предложу тебе повысить оклад на тридцать процентов? – он внимательно посмотрел ей в глаза.

Она открывала и закрывала рот как выброшенная на бе-

рег рыба и непонимающе хлопала глазами. Джеймс решил вывести ее из ступора и сказал:

– Я так понимаю, ты согласна. Составь приказ, я его подпишу. Можешь идти, Кэти.

Девушка пробормотала «Спасибо», неловко поднялась со стула и быстрым шагом прошла к двери. Окрик босса заставил ее пристыть к месту:

– Кэти, постой. Ты позволишь задать тебе вопрос?

Секретарша медленно повернулась и опустила взгляд на уровень итальянских ботинок Джеймса, а потом коротко кивнула.

– Ты боишься меня? – голос стал мягче сливочного масла. Девушка в изумлении подняла на Джеймса глаза и покраснела.

– Ну что вы, мистер Брукс, конечно нет, я не хотела... чтобы вы так думали, нет, я вас не боюсь.

– Хорошо, можешь идти. Удачного дня, Кэти.

– Спасибо. И вам, мистер Брукс.

Она вышла из кабинета осторожно прикрыв дверь, и Джеймс повернулся к портрету. Он занимал по ширине почти всю стену, от окна до окна. Снимок сделали на территории его дома, все вокруг утопает в зелени; Джеймс тогда сменил костюм на домашнюю одежду и заставил домочадцев натянуть на лица улыбки.

Тот, кто хоть раз внимательно посмотрит на них, заметит нежелание быть всем вместе. Деревянные объятия и бледные

лица – вот и все, что показывает этот снимок. Никакого счастья в морщинках вокруг глаз, ни открытых ртов, не сдерживающих рвущийся изнутри смех. Даже если заменить людей манекенами, разницу сложно будет распознать.

Он злился в тот день, фотограф сделал миллион снимков, все устали, но он добивался лучшего результата. Когда он уже не мог спокойно стоять рядом с кислыми лицами, наступил вечер. Пришлось выбирать из того, что было.

Он вспомнил заинтересованные взгляды Кэти. Интересно, кто–нибудь еще смотрит так на его семью или не обращает внимание на созданный его руками инструмент продвижения. Наверное, лишь секретарша впечатлилась от заключенного в золотую рамку портрета. Объяснение одно: бедная маленькая Кэти влюбилась в своего босса, что может быть пошлее и наивней. Возможно, она представляла себя на месте Рейчел, рядом с двумя детишками. Эта мысль вызвала на лице Джеймса улыбку чеширского кота, которая доказывает, что чувства беззащитной девушки ему только на руку. Но Брукс не должен забывать о проблемах насущных и заострять внимание на незначительных мелочах. Думай, Джеймс, напруги извилины и впредь держи язык за зубами.

Рейчел

Семь дней прошли как в тумане. Отсутствие известий давило неподъемным грузом. Рейчел не могла есть и медленно худела, превращаясь в бесплотную тень. К тому же Лириан задает много вопросов, на которые у матери нет ни одного

ответа. Невыносимая пытка – видеть ее осуждающий взгляд и слышать резкие нотки в голосе. Девочка словно кричала: «это ты во всем виновата, это из-за тебя ее больше нет».

Все свободное время Рейчел проводила в любимом кресле, подтянув ноги к подбородку. Она смотрела в окно и ни о чем не думала. Женщине было спокойно. Как жаль, что она не подозревала о грозящих ей изменениях. Один день перечеркнул восемнадцать безмятежных лет, и ей ничего не оставалось кроме как заглянуть в прошлое, в то время, когда ее дети были маленькими, и она боялась брать их на руки, потому что искренняя любовь и нечаянные поцелуи пугали Рейчел. Отданные на попечение нянек и не испытывавшие материнской ласки, они выросли самостоятельными и не зависящими от своих родителей. Можно этому радоваться, только хорошего здесь нет, девочки ее ненавидят и все по вине Рейчел, которая отгородилась от собственных детей, как от чужаков, ненужных вещей. Они этого не заслужили.

За последнюю неделю посиделки в своей комнате обрели смысл: ей нужно было о многом подумать. О том, в какой момент она упустила свою жизнь, почему после того, как вырвалась из отцовского плена, не начала жить заново? Расстались и забыли, идем дальше. Но Рейчел ненужным хламом тащила это с собой за рубеж взросления, как человек, который не может избавиться от тесных брюк или рваной футболки. Вдруг пригодится? Да, футболкой можно мыть полы, а что делать с обидой? Как использовать ее во благо?

Женщина потрусилась головой в надежде, что воспоминания из молодости вонючим гноем выльются из ушей, и все забудется. Пора что-то делать, Рейчел, никогда не поздно изменить свою жизнь. Если ты делаешь вид глухой, слепой старухи, это не значит, что ничего не происходит. Рейчел поднялась с насиженного места и вышла из комнаты. Уверенным шагом она направилась в сторону лестницы, но не пройдя и метра, остановилась в нерешительности. За несколько томительных минут перед входом в святыню дочери она много раз порывалась убежать, но, в конечном итоге, резко распахнула дверь.

Ее комната не изменилась, что противоречило представлениям Рейчел. Стены не покрылись плесенью, и окна не треснули. Все, как всегда. Только она пустая, в ней больше нет жизни. Женщина зябко поежилась и обняла себя руками.

На тумбочке стояла любимая кружка Хоуп, лежал учебник по химии и порванный браслет из бисера. Подарок подруги, наверное. Ты даже этого не знаешь, Рейчел. Какая ты после этого мать? Что ты вообще знаешь о жизни своей дочери? Какую музыку она слушала? Любила ли рисовать или может браслет – это ее работа. Ты даже не замечала его, потому что никогда не смотрела на дочь, на ее руки или лицо. Она красила ногти? Ты вообще помнишь, как девочка выглядит? Рейчел покачнулась от дрожи в теле и схватившись за тумбочку, избежала падения. Она отдышалась и подошла к зеркалу, золотистые волосы Хоуп, как ядовитые змеи об-

вивали толстые иглы расчески.

Женщина, медленно переставляя ноги, поплелась к шкафу с расческой в правой руке и вынула первую попавшуюся рубашку. Затем медленно стекая по стенке гардероба, приземлилась на пол. Я знаю только ее запах, только его я не могла отогнать. Рейчел приложила рубашку к лицу и глубоко вдохнула, слезы моментально брызнули из глаз. Иглы прижатой расчески оставляли отметины на правой щеке.

Многолетнее отупение постепенно сходило на нет, женщина прекратила пить таблетки и начала думать. За долгие семь дней она много раз перекручивала ситуацию, чтобы осмотреть ее с разных сторон. Либо дочь сбежала, либо ее похитили. Тогда почему нет требований о выкупе? Уже неделя прошла. А если девочку просто убили, поймали на пути из школы и теперь ее тело лежит в холодной земле или выброшено в реку? Рейчел зажмурилась и отогнала черные мысли. Уж лучше думать о побеге. Но и тут встает вопрос: почему? Неужели шестнадцать лет она терпела отсутствие матери, чтобы потом ни с того ни с сего убежать? Женщина понимала, что у каждого есть предел возможностей и границы терпения, но она не думала, что это произойдет так внезапно, без каких-либо предупреждений. Но вдруг они все-таки были, невидимые знаки, дающие подсказки. Например, непрекращающаяся грусть дочери или невзначай брошенное слово, которое Рейчел как всегда пропустила мимо ушей. Она пыталась вспомнить хоть что-то, незначительную деталь, ко-

торуя раньше не заметила, она должна быть, нужно только подумать. Через несколько минут женщина оставила все попытки, в голове пустота. Задал бы ей кто-нибудь вопрос о детях, самый простой: размер одежды или любимый предмет в школе, она не смогла бы ответить. Поэтому у нее тем более нет ответов на вопросы посерьезней. Рейчел запрокинула голову и шепотом молила Бога, как делала это много лет назад, в детстве.

Прошу тебя, верни ее мне. Я исправлю свои ошибки, я стану матерью и всегда буду рядом с ней. Только прошу верни ее в целостности и сохранности. Не причиняй ей боли, какую испытала я. Умоляю.

Она не переставала бормотать, а по щекам теплыми дорожками текли слезы. Расческа под сильным напором проколола кожу, от соленой влаги царапины защипали, но Рейчел ничего не чувствовала, кроме как возрождения прежних эмоций, далеко запрятанных. Злость, обида, страх.

Нужно срочно поговорить с Джеймсом, нельзя сидеть сложа руки и ничего не делать. Пока ее дочь страдает где-то далеко и ждет, когда за ней придут любящие родители, они спокойно живут дальше. Это неправильно. Нужно сообщить в полицию, расклеить листовки и поговорить с соседями и учителями, может кто-нибудь из них что-то видел. Рейчел не сомневалась, что это был протест, попытка обратить на себя внимание, и она обязательно вернется, только это может случиться не скоро. Женщина надеялась, что Хоуп уже

едет домой, но мысли о несчастьях, которые девочка может встретить на пути, не покидали ее. Вдруг она ранена, заблудилась и ей негде ночевать, и ее ребенок спит на улице, где ошивается разный сброд.

К горлу подступила тошнота, Рейчел впиалась ногтями в ладони, призывая себя к спокойствию. Я должна быть сильной, чтобы помочь моей девочке. Она решила, что сегодня настал тот день, когда нужно поговорить с мужем и что-то предпринять, иначе это может обернуться катастрофой. Безутешная мать спрятала лицо в ладони и выплакивала слезы, накопившиеся за долгие годы отчуждения. Все, до последней капли, чтобы уже ничего не осталось. Рейчел хотелось вылить из себя боль и невнимательность, обиду и холод и впустить в душу любовь и заботу. Когда казалось, что уже прошла вечность, по ступенькам застучали быстрые шаги. Женщина по привычке не обратила внимания и в испуге дернулась, услышав голос дочери:

– Мама, что с тобой? Тебе плохо? – Лилиан подбежала к матери и села рядом, с беспокойством заглядывая ей в глаза. – Мама, пожалуйста, не молчи.

С трудом ворочая языком, Рейчел сказала:

– Прости меня, милая. Я знаю, что виновата. Это из-за меня она ушла. Я этого не хотела. Я желаю вам только счастья. Я думала, если отгородиться от вас, то ваша жизнь станет проще, что она будет другой. Я не знала, не думала... – она захлебывалась в слезах.

Маленькая девочка, всегда такая рассудительная и серьезная не погодом, заплакала, прижимаясь к холодному телу матери. Сестра была единственным любимым для нее человеком, который отвечал взаимностью, а теперь ее нет. Лилиан жаждала тепла матери, но постоянные отторжения сделали девочку замкнутой и молчаливой, и она больше не подходила к Рейчел. Сейчас все изменилось. Общее горе сближает. И ребенку хотелось стать как можно ближе к незнакомой ей женщине, разговаривать как это делают ее одноклассницы со своими мамами, ходить за покупками и смотреть фильмы. Она хотела обычную семью. Если бы кто-нибудь предложил Лилиан отдать сбережения Бруксов, безвозмездно и безвозвратно и получить настоящий очаг, она бы уже давно везла тысячи долларов в розовом рюкзаке в назначенное место. Если бы все было так просто.

Они еще долго сидели в обнимку на полу комнаты Хоуп и разговаривали, наверстывая упущенные года. Слезы обоим принесли облегчение.

Глава 7

Сара

Извечный вопрос. Что больнее: получить душевную травму или кулаком в особо чувствительные части тела? Если не знаете ответа, обратитесь за ним к Саре. Уж она в этом профи. Когда Блейк вдавливал костяшки пальцев в хрупкое тело, женщина не кричала и не звала на помощь. Сара спокойно ответила на его предсказуемые вопросы и он, собрав ве-

щички, уехал. Если выберет самолет, завтра можно звонить маме, и дети будут в безопасности. Если нет, тогда придется ждать еще несколько дней, изводя себя в беспокойстве за них.

Прошло полчаса с отъезда Блейка, а Сара все не могла двинуться с места, будто ее гвоздем вбили в пол. Женщина сидела на ступеньках лицом к входной двери и чего-то ждала. Перед глазами призраками проносились муж (он всего минуту назад пришел с работы) и смеющиеся дети, а вот и она в голубом фартуке накрывает на стол. Не хватало только попкорна для просмотра картины семейного благополучия.

Сара потрусилась головой, пытаясь отогнать навязчивые галлюцинации, и уже было собиралась вставать, как в дверь постучали. Не хватало еще, чтобы соседи пялились на нее, пока она в таком виде. Жалостливые взгляды и желание побыстрее разболтать всей округе пикантные подробности ее жизни были ни к чему, поэтому женщина сбежала в ванную и заперлась в убежище из кафеля на все замки. Непрошенным гостям надоест, и они скоро уйдут, а ей нужно привести себя в порядок и продезинфицировать ноющее лицо. Увидев свое отражение в зеркале, женщина невольно отшатнулась. Конечно, побои уже бывали, но Блейк бил ее только ниже шеи, все-таки он был не настолько глуп, чтобы становится источником сплетен, однако сегодня он не сдержался.

Один глаз заплыл и веко налилось как спелая слива, губа треснула и по разноцветному лицу рассыпаны маленькие

точки синяков и ссадин, из некоторых еще лилась кровь. Сара аккуратно обработала царапины и нанесла мазь. Глубоко вздохнула и поняла, что у нее не получится открыть рот, и тем более говорить, ей остается только мычать как корова. Теперь придется питаться через трубочку и молчать, отлично.

Почему она не выгнала его после того, как он ударил ее в первый раз? Почему сама не ушла? Эти вопросы Сара часто задавала себе, лежа в темноте и глядя на освещенный уличным фонарем потолок. Чего ей стоило уехать и позабыть обо всем, что здесь случилось, начать новую жизнь и дать детям возможность быть счастливыми? Тогда ей даже противно было думать об этом, но через год, она уже не так яростно отметала мысли об отъезде, а через два даже планировала купить билеты. А он всегда маячил на заднем плане, подбираясь все ближе, как хищник, преследующий жертву, только она назвала бы его гиеной или падальщиком, на большее он мог не рассчитывать. В какой-то момент с его помощью Сара даже почувствовала себя живой и любимой, а потом первый удар, как раз тогда, когда она доверилась ему и впустила в свой дом. Каждый раз извинения и обещания, что больше этого не повторится, но с периодичностью в два месяца он расчехлял кулаки. Сара думала, что это ее плата за предательство и слабость, за попытку быть счастливой. К тому же он не прикасался к детям, этого бы мать стерпеть не смогла, а то, что удары приходятся на ее тело, она пропускала мимо,

надеясь, что, когда–нибудь, это прекратится и они заживут спокойно. Как я могла действительно так думать, большей дуры в США не существует.

Сара права, каждая женщина, которая слышала о побоях жен любимыми мужьями, думала, что с ней такого не произойдет, что она этого терпеть не будет, и во всем виноват бесхребетный слабый пол. А потом проходит несколько месяцев как в тумане, где избитая женщина, лежа на полу, захлебывается кровью и выплевывает выбитые зубы. Что же им мешает покончить с этим раз и навсегда? Любовь или надежда, что наступят лучшие времена. Только они не учли главного: мужа, впервые ударившие своих жен, не изменятся и не остановятся. Это закон неуверенных в себе мужчин.

От обиды зашипало в горле, Сара схватилась за умывальник, крепко впиваясь в него пальцами и часто задышала. Никаких слез, она не посмеет плакать из–за ничтожества, посмеявшегося вдребезги разбить ее жизнь. Она не будет жалеть себя, а займется тем, что по частицам соберет расколотый сосуд.

Сара постояла еще немного перед зеркалом в пугающей тишине и не спеша спустилась вниз. На кухне ее уже поджидал Джерри. Женщина могла бы с легкостью сказать, что упала с лестницы или случайно засунула голову в стиральную машину. Но она очень устала врать, и это в любом случае бесполезно, Джерри не дурак, он и так все уже знает.

– Что за...? – Джерри подорвался со стула и подошел к

женщине. – За что? Он обо всем догадался?

Сара пожала плечами и отошла в сторону.

– Говорить трудно? – ответом был кивок. Джерри достал блокнот из кармана брюк и протянул его Саре:

– Напиши мне, что произошло. В подробностях.

Сара нехотя взяла ручку и начала писать. Через несколько минут она подвинула блокнот к Джерри и повернулась к нему спиной. Он быстро пробежал глазами написанное и воскликнул:

– Он едет в Монтану? Зачем ты ему это сказала?

Женщина обернулась, в одном глазу блеснул гнев, предположительно во втором тоже. Она вырвала блокнот у Джерри и что-то очень долго писала. Чтобы не тратить время, мужчина подошел к Саре и, заглядывая через плечо, прочитал: так было нужно, главное для меня сейчас знать, он выберет самолет или машину, выясни, это очень важно. Когда он придет в Монтану, я узнаю об этом и скажу тебе. А ты сделаешь так, чтобы начальство вызвало его по срочному делу. Тогда он не сможет остаться там надолго, и я спасу своих детей.

Последние слова расплывались от слез, Джерри взглянул на женщину и, нахмурившись, обнял ее.

– Я выполню твою просьбу. Но и я хочу тебя попросить, не делай ничего без моего ведома, иначе вся работа пойдет насмарку.

Женщина кивнула ему в плечо, а он напоследок обнял ее и ушел.

Следующий час Сара сидела у камина и смотрела в огонь. На душе становилось спокойнее, она чувствовала уверенность в своих силах и некую долю победы. Женщина наконец-то осознала свою власть над предавшим ее человеком. Она была уверена, что Блейк получит по заслугам, что не избежит наказания и все то, что он сделал, окажется зря. Да, Сара его победила, а он проиграл.

Всего пару месяцев назад она хотела его смерти, жаждала увидеть, как он медленно угасает и за секунду до того, как Блейк перестанет чувствовать тепло, сказать ему все, что она думает, все, что накопилось на сердце. Но сейчас женщина видела в его кончине лишь избавление от будущих страданий, лучше, чтобы Блейк день за днем гнил и понимал, что в любой момент глаза может накрыть черная пелена, от которой не спастись никому. Сара хотела, чтобы он отплатил, и каждый день страдал, как страдала она, думая, что уже не найдет спасения. Она еще посмеется, жди, Блейк. Телефонный звонокшибанул током, и женщина подскочила. Это Джерри. Он что-то узнал. Сара подняла телефон и услышала всего одно слово:

– Самолет.

Она прижала руку к груди и беззвучно рассмеялась.
Джерри

На следующий день снова светило солнце, согревая косыми лучами землю и воду на пляже неподалеку от парка Гумбольт Лагунс. Раз в неделю Джерри приезжал к Тихому океа-

ну и вглядывался в набегающие на берег волны. Он позволял холодной воде касаться ступней, а горячему песку согревать замерзшие пальцы. Такой контраст долго удерживал мужчину в своих сетях, не позволяя ему сделать шаг назад.

Джерри приходил туда набраться сил и вернуть былую уверенность, которая иногда покидала его. Здесь же он обращался к лучшему другу за советом и поддержкой. Почему бы не навестить могилу, спросите вы? На это есть определенная причина: когда Виктор погиб его тело отправили семье в Аризону, Джерри сопровождал гроб и попросил безутешных родителей выполнить волю их сына.

Много лет назад, когда молодые парни только познакомились и говорили о предстоящих битвах, совсем как мальчишки, смеясь и придумывая армейские шутки, которые смогли бы понять только они, Виктор вдруг стал серьезен и сказал:

– Я бы хотел, когда умру, чтобы мой прах развеяли над морем. Тогда я смогу везде побывать и увидеть мир, чего мне не удастся сделать в жизни.

Джерри желание Виктора показалось мрачным и угнетающим, но не прошло и минуты, как парень уже умело сменил тему и всю смеялся, словно брошенная невзначай фраза принадлежала другому человеку. На следующий день парень забыл об этом разговоре, и они к нему больше не возвращались, но, когда О'Брайан вез тело лучшего друга в родные края, он вспомнил пожелание Виктора. В тот день, когда Джерри ступил на землю Аризоны, прах друга развеяли

в Сан–Диего, он слился с Тихим Океаном и продолжил идти по намеченному курсу.

Каждую неделю вот уже двадцать лет мужчина проделывал путь длиной в двести миль и спускался к пляжу. Последние пару месяцев встречаться удавалось все реже, и сегодня, за долгое время разлуки, океан приветствовал его по–новому, бурля и оставляя при отливе пенные следы. Джерри рассказывал другу о своей жизни и работе, спрашивал его о будущем и в последнее время об удачной операции, и казалось, что Виктор отвечает ему движением волн и криком чаек. Сегодня О’Брайан впервые упомянул в разговоре Сару. Правильно ли я поступаю, Вик? Что если я принесу ей только боль? Мне нужен твой совет. В этот момент в опасной близости от его головы пролетела чайка и спикировала на воду, охотясь за добычей. Джерри посмотрел на небо и усмехнулся:

– И это твой ответ? Или ты решил снова надо мной подшутить?

Вдалеке раздался смех. Мужчина обернулся и увидел парочку, делающую снимки воды и близлежащих окрестностей лагуны. Я знаю, что ты здесь. И я понял, что нужно делать.

Мысли о Саре снова вернулись к нему, пробиваясь сквозь остальные, ненужные и посторонние. Джерри никак не мог понять: зачем вообще она связалась с Блейком? Он не считал ее беспросветной дурой, не способной заметить в человеке зло. Ему был противен сам факт их отношений, мерзкая жи-

жа, засасывающая женщину все глубже. Джерри старался не думать, что без их связи они не достигнут нужного результата, после таких мыслей на него обычно накатывал стыд. Но от реальности не сбежишь, благодаря Саре они выведут его на чистую воду. Это должно хоть ненадолго успокоить его разбушевавшуюся совесть.

Когда мужчина почувствовал покалывание в ногах, то понял, что нужно вернуться домой. За несколько недель у Джерри впервые выдалась возможность провести день вне стен участка, но он не мог сидеть в своей квартире и ничего не делать. Он попрощался с морем и уверил его, что обязательно вернется. Затем, чувствуя под ногами податливый песок, добрался до машины, оставленной на расстоянии мили от пляжа и поехал в полицейский участок. За время поездки ему удалось о многом подумать, скорректировать дальнейший план и разработать следующие шаги. Поэтому, когда Джерри вошел в белое двухэтажное здание на Сайпресс-авеню, то был во всеоружии и знал с чего начать.

Капитан сидел за деревянным тяжелым столом и заполнял отчет по последнему делу, когда его вызвал к себе шеф Питерс. Кабинет, отведенный для шефа полиции, который он занимал уже больше пятнадцати лет, никогда не видел личных фотографий или вещей, дающих подсказки о его жизни, друзьях и семье. Боб считал кощунством обращать внимание каждого входящего на лица его детей и жены, в такое беспокойное время никому нельзя доверять. Если кто-то и заго-

варивал на эту тему, мужчина сразу же обрывал собеседника и испепелял его зловещим взглядом. Для него это закрытая тема и точка. Он иногда отшучивался, говоря, что отсутствие рамок освобождает место под бумаги, и был прав. На столе Боба всегда господствовал хаос. И сегодняшний день не исключение.

Когда Джерри зашел в кабинет, Питерс вскочил, отчего несколько белых листов медленно спикировали вниз, и подошел к нему, напряженно протягивая руку. Капитан О'Брайан смотрел на Боба, глазами задавая вопрос: зачем я здесь? Шеф нахмурился и жестом указал Джерри на стул. Тот как всегда отказался. За долгие годы сидячей работы Питерс заметно отяжелел, и его стали мучить боли в ногах, поэтому он пожал плечами и сел в свое кресло. Мужчина выждал немного, борясь со злостью, и медленно произнес:

– Я сегодня звонил Саре, и когда она не смогла сказать ничего внятного, я поехал к ней. Догадываешься, как я удивился? Почему ты не доложил мне об этом еще вчера, Джерри? – Боб старался понизить голос до шепота, но у него это плохо выходило. – Мне не нравится, что вы оба действуете за моей спиной. Или тебе напомнить, кто инициатор этой операции? Так что теперь, ты хочешь все испортить? – немного смягчившись мужчина продолжил. – Я понимаю, ты испытываешь к Саре симпатию, но не нужно ставить чувства...

– Боб, все не так. Да, мне жаль ее. Но тут нет того, на что вы намекаете. Она объяснила причину своих действий,

опасности нет. Я держу все под контролем, – Джерри с настойчивостью убеждал шефа.

Питерс поднялся из кресла, не в силах больше усидеть на месте, и подошел как можно ближе к мужчине. Став с некоторых пор подозрительным ко всему, что его окружало, он перестал доверять своим коллегам и видел в каждом предателя. Только О’Брайан благодаря своей работе значился у Боба первым и единственным в списке доверенных лиц.

– Слушай, Джерри, – шеф перешел на шепот. – Ты уверен в ее надежности? Я боюсь, у нее скоро крыша поедет.

О’Брайан напрягся. Изменять план им сейчас ни к чему, перестройки займут много времени и сил, и лучше от этого не станет. Он и так долго ждал хотя бы незначительных результатов и, если он сейчас не убедит в этом Питерса, пиши пропало, Боб приостановит операцию, и Джерри сорвется. Несмотря на то, что отвечает за все капитан, приказы подписывает шеф, и ругаться с ним не стоит. Вот если бы полномочия над этим делом в полной мере перешли в руки О’Брайана, тогда они избежали бы многих трудностей, но все это пустые мечты, нужно довольствоваться тем, что есть.

Джерри без страха встретил испытующий взгляд Боба и после недолгого молчания уверенно произнес:

– Я ручаюсь за нее.

Питерс поискал в глазах мужчины правду и, видимо поверив ему, отпустил. Кто знает, Бобби, что будет дальше, О’Брайан же не бог.

Блейк

Блейк сел в арендованную машину рядом с аэропортом Биллингса и ввел адрес в навигатор. Ехать сорок минут. Завел машину и сорвался, вымещая накопившуюся злость на руле. Все то время, пока самолет, разрывая облака, подводил его к цели, он думал о том, что сделает, когда приедет к ней в дом. Злость затапливала его сознание и не давала вздохнуть. Решила их спрятать? А вот хер тебе. С высокой вероятностью можно утверждать, что Блейк Донован не отличался умом, раз решил приехать на другой конец страны, только исходя из слов Сары. Видимо мужчина решил, что каждый раз, когда она его видит, то в штаны писает от страха. Очнись, Блейк, может тебя кто-то и боится, но вряд ли в списке находится именно эта женщина. По-моему, ты перепутал дома, когда ввалился, чтобы ее избить. Не думай, что тебе сойдет это с рук.

Солнце клонилось к закату, а Блейк гнал на юг. В ушах шумело в предвкушении запаха крови и страха. Он найдет сопляков и будет издеваться над ними, пока не сдохнут на его руках. Навигатор предсказывал последний поворот через двести метров, и дом предстанет перед самым лицом. Заглушив мотор задолго до поворота, Блейк вышел из прохлады салона в вечернюю жару. Он решил не светить машиной, несмотря на то, что она арендованная и пройтись, чтобы немного освежиться. Удивительно, но Донован еще в состоянии быть осторожным и продумывать шаги.

Мужчина медленно шагал по тротуару, осматривая окрестности: ухоженные лужайки, светлые дома, похожие друг на друга и полная тишина. Как перед бурей – подумал Блейк и зло ухмыльнулся. В спальном районе на Норвуд-лэйн уже не было видно прохожих, все спрятались за кодовыми замками, будто знали о предстоящей беде. Свернув налево, он сделал пару шагов и остановился. В нужном ему доме свет не горел, хотя было еще довольно рано для того, чтобы ложиться спать. Решила спрятать ублюдков? Думала, я не догадаюсь? Скоро ты познакомишься с моими ботинками и ответишь на все вопросы.

Мужчина, стараясь не шуметь, ступил на крыльцо и постучал. Буквально через полминуты дверь открылась. Перед ним стояла маленькая женщина лет пятидесяти; круглые очки в металлической оправе съехали на кончик носа, делая ее взгляд заинтересованным и в то же время строгим; в правой руке она держала книгу. Блейку следовало насторожиться, но он слишком обрадовался легкой победе, чтобы напрячь извилины.

– Чем могу помочь? – спросила женщина любезно без тени улыбки.

– Меня зовут Блейк. Я...

Брови женщины почти незаметно поднялись вверх, и она остановила его, не дав договорить.

– Я знаю, кто вы. Вопрос в другом: что вам здесь нужно? – женщина держала руку на двери, показывая, что не желает

его впускать.

– Может я войду, а то соседи будут судачить, – он указал рукой на соседние дома.

Она даже не проследила взглядом за его рукой, просто молча стояла на пороге, сверля мужчину глазами. Неожиданно для Блейка, женщина сказала:

– Входи, – и отступила на шаг.

Она прошла в гостиную и включила там свет. Не оборачиваясь, подошла к столу и спрятала книгу в ящик и только потом обратила на гостя внимание:

– Так зачем ты приехал, Блейк? – она стояла, сложив руки на груди.

Мужчина не спешил отвечать на вопрос, прохаживаясь в тяжелых ботинках по мягкому ковру. Он рассматривал фотографии на полках и хрустальные статуэтки. Видимо, Donovan решил запугать жертву, только вот удастся ему это?

Наконец, повернувшись лицом к женщине, Блейк довольно улыбнулся и заговорил:

– Дело в том, что я кое-что потерял. Точнее у меня это украли. И я решил, моя вещь у вас.

– Блейк, у меня нет времени смотреть на твою показуху. Есть, что сказать – говори по существу. Нет – проваливай.

Мужчина ошарашенно посмотрел на женщину и не увидел на ее лице страха, только смертельную скуку и раздражение. Да кто она такая, чтобы так разговаривать с самим Блейком? Его все боятся. Она не может так спокойно реаги-

ровать на его слова. Гнев рос с геометрической прогрессией, кулаки чесались, готовые выполнить свое предназначение. Донован улыбнулся, не подавая виду, и приказал:

– Отдай мне детей.

Женщина искренне удивилась, а потом вдруг рассмеялась ему в лицо:

– Блейк, похоже у тебя проблемы с головой. Я сейчас кое-что скажу, а ты поправь меня, если я не права. Ты сел в машину и проехал две тысячи миль, чтобы забрать детей, которые живут там, откуда ты приехал. Так? По-моему, это очень не слишком умно с твоей стороны.

Улыбка стерлась с лица Блейка.

– Не надо мне врать. Я знаю. Ты знаешь. Они здесь. Сбежали к тебе, как трусливые крысы и я их найду.

Женщина развела руками и неожиданно сказала:

– Ищи, можешь даже в унитаз головой залезть, их здесь нет.

В течение следующих двадцати минут мужчина как поисковая собака, дергая носом и почти виляя хвостом, облазил каждый уголок двухэтажного дома. Пусто. Даже следов нет, указывающих на их присутствие здесь. Он ничего не заподозрил, слушая пожилую женщину, может быть из-за того, что в ушах шумела кровь или потому, что Блейк не был наделен вниманием и наблюдательностью. Он считал себя королем этого мира и думал, что никто не знает о его поступках. Ищейка еще раз осмотрел весь дом, залез в подвал и сквозь

темноту пробрался на чердак. Стоя после непродолжительных поисков в комнате на втором этаже, Блейк решил перейти к плану Б. Перепрыгивая через ступеньку, он спустился в гостиную и одним рывком поднял женщину с дивана.

– Если ты не скажешь мне где дети, я тебе шею сверну. Обещаю.

В ответ на это женщина только улыбнулась, распаяя Блейка еще сильнее.

– Тебе бы стоило поучиться уважать старших, – послышалось за спиной.

Донован медленно обернулся и увидел копа. Лысый мужик с усами и пистолетом в руке. Он даже не наводил пушку на Блейка, просто держал дулом в пол.

– Меня зовут Рич Джон, я шериф местной полиции. И эта женщина – мой очень близкий друг. Так что тебе лучше сесть в свою машину и больше здесь не появляться.

Блейк сделал шаг навстречу копу, а он даже не шелохнулся.

– И кстати, если ты решил, что я не отличаюсь особым умом, то скажу: рядом с домом стоит патрульная машина, попросил ребят подождать, пока я здесь разберусь. Так что, если не хочешь проблем, ты знаешь, что тебе делать.

Донован посмотрел в окно и увидел припаркованную машину с выключенными фарами, он сжал кулаки и чертыхнулся сквозь зубы. Блейк постоял в нерешительности, заставляя извилины со скрипом работать. Если я их сейчас

убью, об этом узнают, а если уйду, то не получу того, что мне нужно. Выбрав меньшее из двух зол, мужчина сдался.

Когда за Блейком с треском захлопнулась дверь, женщина подошла к Ричу и торопливо заговорила:

– Мне нужно позвонить дочери, ты сможешь мне завтра или мне ехать самой?

– Тереза, я тебе обещал. Все будет в порядке. Мы заберем их, и они будут в безопасности. Я останусь сегодня здесь, вдруг он вернется, – добавил Рич.

Женщина кивнула и поднялась наверх.

Шериф еще долго не мог уснуть, вглядываясь в улицу за окном. Несмотря на гнездившееся в груди беспокойство, он был уверен: Блейк здесь больше не покажется.

Глава 8

Грег

Они уже четыре часа ехали в автобусе, увозившем их на север. Мимо проплывали деревья, сливаясь в одно сплошное зеленое полотно, начинал накрапывать дождь. Грег продумывал, что скажет при встрече, как объяснит свое решение вернуться в Луизиану. Вопрос сестры заставил его вернуться в кабину автобуса.

– Нам долго ехать?

– Эм...ну где-то сутки. В Чикаго мы сделаем пересадку, а оттуда до Милуоки около двух часов езды.

Девочка посмотрела на брата будто хотела о чем-то попросить, но отвернулась в нерешительности.

– Что такое? Ты хотела что-то сказать? – Грег старался вызвать сестру на разговор.

Кто знает, когда в следующий раз они увидятся и смогут ли вообще. Парень как никто понимал, что жизнь непредсказуемая штука. Шерри снова посмотрела на брата, а потом опустила голову. Снизу глухо слышалось:

– Расскажи мне о папе.

Вспоминать не хотелось. Вызывать его образ и пропускать через себя боль снова и снова. Столько приложенных усилий, вопросы посторонних людей, оставшиеся без ответов, долгие часы в давящей тишине. Еще слишком рано, нужно подождать. И угораздило ее попросить именно об этом.

А потом Грег посмотрел на просьбу Шерри с другой стороны: она не помнила Майкла, когда он ушел, ей не доставало до двух. Поначалу девочка звала отца, – укладывать ее спать было сплошным мучением – а через две недели слезы высохли, и она забыла о его существовании. Роскошь – возможность помнить загорелое лицо с широкой улыбкой и низкий голос. Шерри этого лишена, а Грег нет. Справедливо ли это? И что лучше? Никогда не знать или хранить в закромах памяти знакомые черты? Парень вздохнул и потер глаза. Нужно ответить, честно, без прикрас.

– Он... – Грег замялся, не зная с чего начать. Подросток откашлялся и попытался собрать воедино разбежавшиеся буквы. – Он очень радовался, когда ты родилась. Такой блеск в глазах, не хватало только футболки с надписью «у меня

родилась дочь», чтобы все вокруг поняли, почему он такой счастливый, – рассмеялся парень. – Я не понимал, как сморщенное яблоко, каким было твое лицо поначалу, может вообще у кого–то вызвать умиление, но, честно сказать, я просто ревновал. Еще вчера все внимание доставалось мне, а теперь около тебя все скачут. Поэтому, когда ты засыпала, я приходил к тебе в комнату и щипал в самых больных местах, моя обида уходила, когда ты начинала плакать. Сейчас я понимаю, что ненависть и та месть, которая успокаивала мои нервы и заставляла тебя плакать были неправильными. Я совершил гнусный поступок, – Грег почувствовал стыд, говоря эти слова, но, когда он взглянул на девочку, то не заметил на ее лице признаков осуждения, только интерес к рассказу. Он продолжил:

– Папа застукал меня где–то через неделю, я боялся наказания и того, что он меня за это никогда не простит, но он ничего мне не сделал. Просто спросил о причине неприязни к тебе и потом все объяснил, с тех пор я тебя люблю, – Грег улыбнулся сестре.

– А что он тебе такого сказал? – поинтересовалась Шерри.

– Растолковал мне разницу между мальчиками и девочками, старшими братьями и младшими сестрами. Он даже показал мне видео, на котором я еще маленький, и вокруг меня бегают толпа счастливых родственников, а родители не отпускают ни на секунду. Они снимали почти каждый шаг, даже когда я уже вырос, и я видел, что за это время ничего не

изменилось, они так же любили меня и не делали различий между мной и тобой, – Грег на секунду замолк. – Только потом до меня дошло, что я оказал себе медвежью услугу, когда вызывал твои истерики, родителям приходилось бежать на крик и успокаивать, а я злился еще сильнее.

Он не заметил, как перевел взгляд с девочки на темнеющие окрестности Джексона, столицы и крупнейшего города штата Миссисипи. Грег поморщился и повернулся к ней. Шерри сидела, уставившись на болтающиеся маятником ноги. Знакомое для брата состояние. Парень взял руку сестры и словно уговаривая ее поверить, сказал:

– Он был хорошим отцом, любил нас и маму. Если бы мог, он бы нас не оставил.

По щекам Шерри потекли слезы, приземляясь на платье и оставляя мокрые пятна на ткани:

– Тогда почему он ушел? – сквозь всхлипы спросила девочка.

Грег прижал сестру как можно ближе и чуть слышно прошептал:

– Я не знаю.

Следующие несколько часов, пока по крыше стучали крупные капли, Грег рассказывал истории, которыми развлекал его отец. Сказки о пиратах и доблестных рыцарях, легенды о противостоянии добра и зла, где положительный герой всегда побеждал, и история заканчивалась хорошо. Парень давно уже перестал в это верить, но он надеялся, что его рас-

сказ вселит надежду в маленькое сердце. Когда Шерри уснула, Грег накрыл ее пледом и отвернулся. Он так и не решился сказать, что сказка не настолько радужна и безмятежна, и ему тоже придется ее оставить на какое-то время. Вряд ли сестра сможет его понять.

Они сделали пересадку в Чикаго и через два часа, ровно в одиннадцать утра, вышли из автобуса на гудящую автостанцию. По радио гнусавый голос сообщал о следующих рейсах и объявлял о недавно прибывших. Грег сразу ее заметил, в толпе уставших туристов она выделялась напористым бодрым взглядом. Он помахал рукой, обратив на себя внимание женщины. Она, заметив парня, возвышающегося над толпой, принялась расталкивать руками утомленных автобусом приезжих, чтобы наконец добраться до внука. Парень в свою очередь двинулся к ней.

– Слава богу, вы здесь. Я так волновалась, – женщина пыталась обнять детей сразу одним хватом. Грег рассмеялся и предоставил сестру на растерзание, а сам отступил назад. Из толпы уверенным шагом подходил крепкий мужчина с настороженным блеском в глазах. Он не смотрел на воссоединение семьи, вместо этого цеплялся взглядом за любой движущийся объект в поисках опасности. Парень сразу понял, что он коп. Походка, манера держать руки на ремне и уверенность выдавали в нем служителя закона. Мужчина повернулся спиной к Грегу, и тот увидел пистолет, замаскированный рубашкой. Парень удивился: мужчина не находился сегодня

на службе, одет не по форме, а пистолет с собой взял. Значит он думает, что им что-то грозит. Грег, зараженный подозрительностью полицейского, тщательно вглядывался в редющую толпу в поисках знакомых или привлекающих внимание лиц. Никого. Пока парень осматривался вокруг, мужчина подошел к нему и протянул руку:

– Рич Джон, я – друг Терезы.

Грег посмотрел на него, прищутив глаза от солнца:

– И еще вы шериф в Биллингсе.

На лице мужчины разыграло удивление. Он уже собирался ответить, но парень его перебил:

– Меня зовут Грег, ну я думаю вы и так это знаете, бабушка, наверное, говорила о нас все то время, пока вы ехали сюда. – он по-дружески улыбнулся мужчине.

– Этого у нее не отнять, – усы Рича подскочили вверх, изображая ухмылку.

Грег никогда не гостил у бабушки. Полтора дня пути на автобусе и миллион пересадок на самолете были непосильны маленькому ребенку и неподъемны по стоимости для его родителей. Тереза сама часто навещала дочь и внуков, балуя их привезенными из Монтаны дорогими подарками. Женщина словно боялась, что ее отвергнут, если она не возложит к их ногам дары, будто они боги, требующие жертвоприношения. Как только Грег разгадал это, он, поборов построенную им самим преграду, проявил не свойственные для него чувства: он ее обнял. Даже будучи ребенком, мальчик понимал, что

некоторым людям, пусть даже они знают о том, что их любят, необходимо увидеть и почувствовать это через прикосновения или слова. Грег сказал ей, точнее пробормотал куда-то в шею, что любит ее и рад, что она приехала. Тереза настолько удивилась, что даже не успела ответить, как мальчишка уже сбежал. Что происходило в гостиной после его побега, парень не знал, но думал, что он все сделал правильно.

Грег вернулся в лоно автостанции, оставив воспоминания о далеком Рождестве пылится на полке, чтобы потом в моменты бессилия вновь прочувствовать то тепло, которое его окружало. Пора было решить вопрос, который как он думал вызовет массу недовольств со стороны Терезы.

Грег подошел к шерифу и попросил его об услуге. Мужчина выслушал парня, коротко кивнул и направился к женщине с ребенком. Он прошептал ей на ухо пару слов и наклонился к девочке. Подросток облегченно вздохнул, когда Шерри без препирательств взяла шерифа за руку и скрылась в толпе.

Парень подошел к Терезе и сказал:

– Я не останусь с вами.

Женщина непонимающе уставилась на Грега и сбивчиво затараторила:

– Как? Почему? Ты не можешь. Что за глупые идеи в твоей голове? Я обещала твоей матери. Я не могу тебя отпустить. Это...

– Ба, притормози. Я не стану сидеть в Монтане, мне нужно

вернуться в Луизиану, и я не могу объяснить почему. Но там я нашел дом и работу, тем более мне скоро восемнадцать. Я хочу побыть один и подумать, что делать, когда я вернусь домой, – Грег посмотрел на сестру, которая в этот момент садилась в машину и сказал: – Ты позаботишься о ней лучше, чем я. Не люблю прощаться. Скажи ей, что я вернусь, что я ее не бросил. Пожалуйста.

Слезы катились по щекам женщины, цепляясь за морщины. Тереза кивнула и внезапно обняла его, затем также резко оттолкнувшись, развернулась и быстрым шагом направилась к машине.

Парень остался стоять, глядя вслед уезжающему Крайслеру. Когда он скрылся из виду, Грег прошел к кассам автовокзала и купил обратный билет. Ждать оставалось совсем немного и, очутившись в прохладе зала ожидания, он прикрыл глаза. Ему никак не удавалось ответить на вопрос, который задала ему бабушка: почему он все-таки решил вернуться в Новый Орлеан, отказавшись от возможности не думать о выживании? Правда ли, что все дело в желании почувствовать себя самостоятельным и ни от кого не зависеть или здесь нечто другое? Да, Грег бы не смог остаться под защитой стен бабушкиного дома, зная, что мать под одной крышей с Блейком. Тогда, что ему мешает вернуться и уберечь ее? Обещание, которое он дал ей перед отъездом. Но так ли она права, запрещая ему вмешиваться? Конечно, она – мать, которая всегда будет жертвовать собой ради детей,

заложенные инстинкты не выбросишь и ни на что не променяешь, они будут поблизости, чтобы в момент опасности ты выпустил острые когти и клыки, защищая потомство. Это правило соблюдается как в дикой природе, так и среди удушливых агломераций. Но знает ли она что на самом деле ее ждет, сможет ли она справиться с этим? Ответ на вопрос не заставил себя ждать, однако нечто другое помимо бегства от проблем и неусыпного контроля заставляли его отсчитать зеленые бумажки и передать их женщине в окне с огромной надписью касса. Это чувство было новое, еще не изведенное, как незнакомый гость, которого ты не узнаешь, пока он не ответит на твои вопросы. Оно оттесняло все на второй план, оно не отпускало парня. Неужели все дело в ней? Темные волосы, еле касающиеся бледной шеи и затравленный взгляд. Обычная девушка, как и тысячи других. Но та загадка, которую она в себе таила, вызывала у Грега интерес, возрастающий со временем. Он не хотел лезть к ней в душу и вытягивать из нее то, что она совсем не хочет рассказывать, но выяснить причину, добраться до сути, используя все имеющиеся подсказки – казалось ему главной целью, не столько из любопытства, сколько из тяги к всякого рода загадкам. Так он и разрывался между порядочностью и инстинктами детектива.

Сквозь закрытые веки просвечивались мигающие огни на табло, гнусавый голос громкоговорителя объявлял посадку, а люди сомнамбулами ходили из стороны в сторону, одни на-

правлялись к выходу, дождавшись своего автобуса, другие, обливаясь потом прятались в тени автостанции. Грег открыл глаза и посмотрел на часы, стрелки на огромном циферблате совпадали по положению с его наручными часами. Парень смотрел как секундная стрелка, отмеряя черные деления опускается вниз, чтобы затем снова подняться вверх; она дергалась как сердце в груди человека, которое пульсирует согласно определенному ритму. Грегу пришло на ум высказывание, которое его путешествующий дед украл – в этом парень был уверен – у другого странствующего философа и вложил в голову мальчишке. Иногда, чтобы попасть в будущее, нужно вернуться в прошлое. Тогда он не понял смысла и посчитал, что Чарли медленно настигает маразм, но сейчас, когда Грег за несколько дней пересек несколько штатов, он понял, что солнце никогда не погаснет, если ты будешь двигаться на запад. И на самом деле вернись он назад, проехав несколько сотен миль на юг, тогда стрелки бы поменяли свое направление на час вперед. Только время не обманешь, даже если ты решишь отправиться на час назад, то время, которые ты на это потратишь будет учтено, ты не станешь моложе, старость не поблекнет, ты все равно идешь к смерти.

Громкий, настойчивый голос объявил его посадку, и парень, поднявшись с железного кресла, отправился к нужному автобусу. Грег заметил смятые, наспех всунутые банкноты в кармане, когда проехал почти тысячу миль. Его лицо осветила улыбка. И когда она успела? Вероятно, Тереза

слишком хорошо знает своего внука и его решение стало для нее предсказуемым шагом. Оставляю деньги на билет домой, когда придет время.

Мысли в голове путались и казалось, что произнеси парень хоть слово, язык станет заплетаться, и он не сможет выговорить простейшей фразы. Ехать оставалось около трех часов, поэтому Грег прикрыл глаза и под мерный гул кондиционера мгновенно уснул.

Пайпер

Интерес Пайпер к отъезду Грега надоедал ей, подталкивая задать вопрос. Она не хотела ставить себя и Арчи в неудобное положение и лезть в дело, которое ее не касается. К тому же девушка не понимала, какая ей разница уехал он навсегда или еще вернется и почему, только устроившись на работу, сразу покинул Новый Орлеан? Пайпер противно было думать, что есть вероятность каких бы то ни было чувств, ведь тогда то, что с ней произошло, она заслужила. Следствием таких мыслей стало воспоминание о том времени, когда девушка еще имела нечто похожее на семью и когда перед ней не вставала необходимость покидать родные места. Ей тогда только исполнилось тринадцать, она устала от шумной вечеринки, которую устроил ее отец, пригласив туда и ее друзей, и их богатеньких родителей, поэтому Пайпер быстро сбежала, предоставляя отцу возможность управлять ее праздником. Она уже давно не искала компании и лучшим местом для того, чтобы спрятаться от пытливых взгля-

дов была библиотека. Никому нет дела до научных фолиантов, когда в гостиной можно раздобыть алкоголь.

До этого дня девушка не часто здесь бывала, те книги, которые тщательным образом протирались от пыли носили скучные названия: «О праве войны и мира» Гроция Гуго, «Римский Империализм» Тенни Франка и множество других книг по философии, истории и праву, ограненные темными обложками. Пайпер ходила вдоль стеллажей, стоящих перпендикулярно к высоким окнам и не верила, что отец мог прочитать хотя бы слово из этих книг, она вообще не помнила, чтобы он хоть когда-то навещал самую большую комнату в доме, если только не хотел похвастаться перед гостями редкими собраниями сочинений.

Вдали от книжных полок, в углу библиотеки, была обустроена зона отдыха: три кожаных кресла стояли полукругом, обращенные лицом к огню, разгоравшемуся в искусно вылепленном камине; по центру располагался небольшой стеклянный двухуровневый столик, на нижнем ярусе которого своего часа ждали сосуды с марочным виски.

Пайпер прошла мимо, вновь вернувшись к стеллажам. Всего их в огромной комнате она насчитала восемь и ни одной книги о приключениях или любви, о преступлениях и фантастических чудовищах. Только научные рукописи, только беспросветная скука. Девушка не заметила, как наступило восемь, и на улице все быстрее исчезал свет, прячась за дубовыми стволами. Находиться в темноте было куда при-

ятнее, чем прогонять окутывающую ее тишину ярким светом люминесцентных ламп. Поэтому она, ступая на ощупь, добралась до дальней стены и, когда глаза понемногу привыкли ко мгле, увидела стоящую в углу запечатанную коробку. Она не была видна входящим ни при свете дня, ни тем более в темноте, для того, чтобы ее разглядеть, Пайпер пришлось заглянуть за стеллаж. По всей видимости ее принесли сюда давно и регулярно ухаживали за ней: на коробке не было ни пылинки. Как и любой подросток, который прочитав на двери «Не входить», все равно войдет, к девушке пришло любопытство, оно росло по мере того, как она медлила. Наконец сдавшись на милость судьбы, Пайпер села на покрытый ковром пол и вскрыла коробку, которая оказалась забита до краев аккуратно сложенными пухлыми томами в мягком переплете. По иллюстрированным обложкам и названиям стало ясно к какому жанру принадлежат найденные книги: любовный роман. После долгих безуспешных поисков интересного чтения это было наградой.

Девушка не знала кем и когда были любовно собраны и спрятаны мемуары о героических победах в любовных коллизиях. Но это было и неважно, стоило только Пайпер открыть первую страницу и прочитать первое слово, как она тут же забывала о том, что у картонной коробки имелся хозяин, в любой момент властный предъявить на нее свои права; и ее уже было не остановить: она читала их повсюду, прячась от наблюдательных слуг и соседских сплетников, она

читала их по ночам и сразу же как только открывала глаза. Что может привлекать молодую девушку, по сути еще ребенка, в описаниях жарких поцелуев, длящихся на протяжении пяти страниц и постельных сцен, увеличивающихся в объеме вдвое? В Пайпер не было порочности, как вы должно быть подумали, ей нравилась лишь строгая линия сюжета, которая соблюдалась в любой прочитанной книге из коробки: герои знакомятся друг с другом, преодолевают множество трудностей, испытывают недопонимание, ссорятся, мирятся и живут потом долго и счастливо. В таких историях девушка видела современную интерпретацию сказок для маленьких детей, только такими сказками призвано было успокоить взрослых. В каждом новом томе на голую основу – как к скелету человека прикрепляются мышцы, сухожилия, вены и артерии, кожа – навешивались новые имена, места событий, препятствия, с которыми сталкиваются действующие лица и то главное, что их связало друг с другом. Мысленно покинув библиотеку, Пайпер подумала о Греге, происходит ли тоже с ними, или все это плод ее воображения, могут ли человеческие судьбы быть заключены в книжные страницы, не выходя за рамки абзацев или они все–таки способны выбирать и отклоняться от плана? Герои романов обязаны играть свои роли, и даже если история уже прочитана, она все равно живет и продолжает совершаться, ни на долю не меняясь. В жизни все было намного сложнее.

Пайпер потрусилась головой, стараясь выкинуть из головы

мысли о новичке. Только потом в памяти всплыло обещание, которое она дала себе, стоя в туалете перед своим отражением. Никаких чувств к нему нет, обычное любопытство, которое девушка так хотела в себе пробудить, и ей это в конце концов удалось, жаль, что оно проснулось лишь по отношению к Грегу.

Пайпер решила спросить об отсутствии новичка у Арчи перед окончанием рабочего дня, но она не успела. К четырем часам в «Кракен» вошел Грег. Девушка по необъяснимой причине почувствовала облегчение от того, что избежала позора, спрашивая о чужих делах и одновременно радость, как при встрече со старым другом. Только Грег не был ей другом, они едва могли разговаривать наедине и большой прогресс уже то, что они продвинулись до трех фраз, не сбиваясь на коровье мычание.

– Привет, – Пайпер улыбнулась парню, когда он подошел ближе.

– Привет, Пайпер. Как дела? – звуки собственного имени в его голосе волновали, девушка нервно сглотнула.

– Все в порядке, много работы, туристы прибывают. Завтра моя первая смена в «Рокси», – ляпнула Пайпер.

Грег удивился, увидев на лице девушки воодушевление, как у путешественника от предстоящих приключений. Он сомневался, что Пайпер сама бы захотела этого, узнай она, что иногда происходит в барах. Предостерегающие рассказы отца многому научили подростка. Он осторожно спросил:

– Ты действительно хочешь там работать? И откуда ты вообще узнала об этом баре?

– Да, хочу. Мне понадобились деньги, и я спросила у Арчи, он мне помог, – соврала Пайпер.

– Я не думаю, что такое место для тебя.

Впервые за недолгое время их общения Грег сказал нечто личное, то, что могло дать подсказку Пайпер о том, какой он человек, и что для него важно. Произнесенная в порыве беспокойства фраза могла оттолкнуть девушку либо сблизить их. Все решала реакция Пайпер. Горячий румянец на щеках вызвал в девушке злость на саму себя. Чего она стесняется? Как девица из высшего общества. Одно неаккуратное слово и ей уже подносят нюхательные соли. Грег прав, такие места не для нее, тем более привычка краснеть, слыша любую фразу от ненавязчивого флирта до намеков подвыпивших мужчин, говорит сама за себя. Ее заклюют, если она не сможет спрятать свои чувства куда подальше. Притворись и никто не сможет тебя обидеть.

– Возможно, ты прав, но я хочу рискнуть.

Девушка повернулась, показывая, что не хочет больше говорить об этом, но он не дал ей уйти, схватив ее за руку и резко развернув к себе:

– Чем рискнуть? Жизнью? Ты вообще понимаешь, что там происходит? Ты хочешь в морг переехать?

Пайпер не заметила, как десяток лиц повернулись в их сторону, внезапно замолкнув; в момент всеобщего внима-

ния она смотрела в глаза Грега, угадывая в них переполнявшую его злобу. Девушка вросла в пол и неосознанно задержала дыхание. Потребовалось несколько мучительно долгих секунд, чтобы парень пришел в себя и отпустил руку Пайпер. Она стояла на месте, не зная, как реагировать на грубость, с ней никогда раньше такого не случалось, все те синяки и царапины, что появлялись на ее теле, девушка поставила себе сама, падая с велосипеда или взбираясь на деревья в их саду. Пайпер с усилием отвела взгляд от парня и потрогала болезненное место, на бледной коже яркими пятнами проступали следы от сильных пальцев. Грег стыдливо опустил голову.

– Извини, я погорячился. Я не хотел делать тебе больно.

Прости.

Она посмотрела на него, стараясь не заплакать и выдавила:

– Но ты сделал.

Пайпер схватила в руки поднос с грязными тарелками и ушла на кухню. Грег стоял посреди зала, убеждая себя, что он законченный идиот. Только сейчас он заметил, как посетители поглядывают на него и перешептываются между собой. Только этого не хватало, если они расскажут Арчи, то меня точно отсюда турнут. Поток оскорблений, которыми он наделял себя, не произнося этого вслух, был неожиданно прерван:

– Грег, быстро ты вернулся. – Барри похлопал парня по плечу и прошел за барную стойку. – Отец хотел с тобой се-

рздно поговорить.

Парень чертыхнулся и спросил:

– Он меня увольняет?

Вопрос Грега отвлек Барри от протирания стаканов и заставил рассмеяться.

– Отец никого не увольняет, люди сами уходят, когда захотят, – мужчина вернулся к прерванному занятию и продолжил. – Он хочет предложить тебе дополнительный заработок, насколько я понял из его слов. Он сейчас в подсобке, поговори с ним.

Арчи сидел на складном походном стуле и вносил записи в тетрадь, когда в спину подул теплый ветерок. Мужчина обернулся и, увидев вошедшего, поднялся с насиженного места:

– Я думал, ты придешь завтра. Но хорошо, что ты сейчас здесь. – Арчи поморщился, потирая спину.

– Я встретил Барри, он сказал мне про работу.

– Меня не удивляет, что ты узнал новость раньше, чем я о ней сказал. Барри – то еще трепло, – со смехом произнес Арчи.

Грег усмехнулся в ответ, и мужчина продолжил:

– Судя по твоей комплекции и физической форме, ты занимался спортом.

– Ходил на бокс, сейчас бегаю, – удивленно ответил Грег.

А при чем тут...

– В баре «Рокси» нужен вышибала, я думал про твою кан-

дидатуру. Как ты на это смотришь?

Парень молча уставился на Арчи, сдерживая смех. Если подработка не спланирована заранее, то Грег – Иисус Христос. Сложив руки на груди, подросток сказал:

– Думаю, так я выгляжу внушительнее.

Из подсобки раздался оглушительный хохот.

Солнечный диск в Новом Орлеане являлся для жителей сигналом к откладыванию дел на потом; оно же было стражем, родителем, не спускающим глаз с озорных детишек. Поэтому, как только последние кровавые лучи стелились по земле и медленно стекали за горизонт, почувшавшие свободу жители выходили, чтобы гулять всю ночь. Зажигались огни перед входами увеселительных заведений, отражаясь в глазах прохаживающихся по улицам людей. Хлопали двери, впуская посетителей и выталкивая их обратно, отчего звуки переливались от повышенных тонов до низкого гула. Но все это придет завтра, с наступлением пятничного вечера. Сегодня же переворачивая табличку с надписью открыто на запрет входить, Арчи собрал всех за его излюбленным столом.

– Я хотел устроить небольшой праздник, который мы все заслужили и заодно поздравить Пайпер с новой работой. Завтра у тебя будет тяжелый день, подготовься к нему.

Девушка улыбнулась мужчине, благодарная за его помощь и поддержку. Они болтали и смеялись, сменяя одну тему за другой, но ни Пайпер, ни Грег не подошли к опасной черте

и не выдали ни грамма лишнего, они так и остались для всех загадками. В какой-то момент Барри прошептал на ухо отцу несколько слов и Арчи, улыбнувшись, кивнул.

– Я совсем забыл посвятить вас в историю создания «Кракена». Каждый сотрудник должен знать биографию того места, где он работает. Благодаря этому каждый захочет сделать свой вклад в место с богатым прошлым. Но если вам не интересно... – закинул удочку мужчина.

Пайпер, еле сдерживаясь, сказала:

– Очень интересно.

Девушка любила слушать истории о прошлом, тем более о том времени, когда ее еще не существовало, когда даже ростки боли, которые зрели в ее душе не предполагались в проекте. Пусть даже эти рассказы вымышлены и не несут в себе пользы и достоверности, но такая терапия была ей по душе. Пайпер приготовилась слушать и поэтому даже не замечала, как Грег наблюдает за ней и отмечает каждое движение и реакцию на произнесенное другими. Арчи удовлетворившись ответом, потер руки и приступил к рассказу:

– Кафе было построено еще в середине девятнадцатого века, моим прапрадедом, Киганом Маккенной. В то время Новый Орлеан достиг пика процветания и считался самым богатым городом страны. К сожалению, с развитием железных дорог и ростом городов на Западном Побережье он стал терять свою важность, но старик все-таки успел поймать нужный момент, – Арчи отпил пива из покрывшейся испариной

бутылки и продолжил. – На тот момент сложно было назвать это заведение кафе или баром, оно скорее напоминало таверну. Полностью деревянная обшивка, темнота и щербатый пол. Его первоначальное название я вспомнить не смогу, оно давно кануло в Лету, но то имя, что оно носит сейчас, мой прапрадед вписал в бумаги накануне смерти. По рассказам, передающимся из поколения в поколение он был мореплавателем, до того, как решил осесть в Орлеане и закрепить-ся здесь со своей семьей. Киган был еще молод, когда с ним произошла неприятная история.

Его корабль с обученной командой вышел в открытое плавание, они надеялись найти новые земли богатые золотом, а не стремятся туда, где было уже не протолкнуться. Возникшая в голове моего прапрадеда идея, основанная на легендах и слухах о предполагаемых месторождениях золота, была опасной и возможно бесполезной, кто знал, что можно найти в водах Атлантики. Их путешествие длилось несколько месяцев, они устали и хотели сдать-ся, как раз, когда дошли до побережья Исландии, – Арчи сделал паузу и посмотрел на слушателей. Пайпер во все глаза, словно наивный ребенок, внимала его словам, на лице Грега читалась лишь невозмутимость. – Начинало быстро темнеть, все указывало на разрастающийся шторм, уже через пару минут корабль стало качать из стороны в сторону, и тут грянул дождь. Несколько человек упало за борт, и их поглотили черные воды, оставшиеся, как могли, сражались с разбушевавшейся стихией. Но

для мореплавателей шторм был обычным делом и не самым страшным, особенно в тот день. Ужас наступил позже, когда море усмирило свой гнев от вмешательства посторонних. После как им казалось непрекращающегося хаоса, среди затишья, они слышали леденящий кровь вой, эхом разносящийся по воздуху. Он зарождался где-то в глубине и поднимался ввысь. Звук приближался, и они стали различать стоны и скрип, больше похожий на урчание голодного желудка. Услышанное можно было списать на ветер и галлюцинации, вызванные страхом, но, когда в очередной раз блеснула молния, в ее свете они увидели широкие длинные щупальца, тянущиеся из воды, – Арчи замолчал, оценивая произведенный его словами эффект. Грег ухмылялся, а Пайпер испуганно смотрела на мужчину.

– Я не знаю, как им удалось спастись. Но не все они после возвращения домой сохранили разум. Моему прапрадеду это, к счастью, удалось. Он рассказал об этом уже взрослому сыну и просил никому не говорить о случившемся. Только перед смертью Киган вспомнил об этом, часто бредил во сне, говоря лишь одно слово: «Кракен». Не знаю, почему он решил сменить название, но как говорил мне мой отец, старик боялся, что разозлившееся чудовище обязательно ему отомстит, и таким образом он задабривал его и просил прощение за беспокойство. Ничего не могу сказать по поводу гигантского кальмара, но от кредиторов старик кафе спас, – Арчи захохотал и его громкий смех подхватили остальные.

– Ну, что скажете ребята? – обратился мужчина к подросткам.

– Эта история мне напомнила посиделки у костра в лесу и выдуманные страшилки. Никогда не поверю в то, что ненасытный осьминог отказался от лакомства, которое так и плывет в руки, – сказал Грег сквозь смех.

– То есть ты сомневаешься в правдивости только этой части рассказа? – отозвался улыбающийся Барри.

Пайпер переводила взгляд с Грега на Арчи, затем посмотрела на Барри и, поняв в чем дело, она удивилась тому, как могла попасть под влияние скроенного наспех ужастика. Девушка почувствовала себя дурой, и в том смехе, который наполнял помещение, она видела издевку над ее доверчивостью. Марта перевела свой взгляд на помощницу, внимательно посмотрев на нее, и улыбка, которая только что не сходила с ее лица, померкла.

– Пайпер, тебе не понравилась история? – тихо, чтобы не услышали остальные, спросила Марта.

Девушка дернула головой и попыталась восстановить в душе контроль:

– Конечно понравилась, Арчи – хороший рассказчик. Я просто подумала, что, если бы это было на самом деле, увидеть такое, бррр... Очень мерзко, – она сочиняла на ходу, своими словами оправдывая пошатнувшееся состояние, которое несомненно заметили все.

Марта хотела что-то сказать, но в последний момент пе-

редумала, решив, что легенда о Кракене и обида Пайпер скоро забудутся. Лишнее вмешательство в ее личное пространство только повредит.

– Ну все, уже поздно, всем пора отдыхать, – сказал Арчи, прерывая шуточный спор между Греггом и Барри, – Надеюсь, сегодня ночью вас не будут мучить кошмары.

Остальные только посмеялись, а Пайпер, внутренне содрогнувшись, уже во второй раз за время, проведенное в Новом Орлеане, боялась закрыть глаза.

Некто

Если наши герои рассчитывали на чудесное исчезновение и отсутствие поисков, то они ошибались. Глупо было полагаться на подружку удачу, женщины те еще змеи. И этот случай не исключение. Однако они получили трехнедельную отсрочку, которая была им так необходима, что не очень радовало некто.

За последние несколько месяцев мужчина не получил ни одного стоящего заказа, попадалась только несложная по выполнению халтурка, денег от которой хватало на бензин, еду и необходимые средства гигиены; никакой роскоши и лишних средств для обеспечения будущего, которого у него и так нет, хотя он об этом еще не догадывался. Мужчина лишь изредка ночевал в отелях, когда получал большое и трудное дело, но те времена давно прошли. Последним и соответственно текущим заказом в его графике числилась женщина, чей муж подозревал ее в измене. Разве такая работа для него?

Ему было нужно что-то будоражащее кровь и натягивающее нервы до предела, а не слезка за фотомodelью, которая посещает только салоны красоты и фотостудии. Всего двадцать лет назад он и не предполагал, что его жизнь сложится именно таким образом.

Будучи по природе одиночкой, без семьи и друзей, парень часто менял приемные дома по причине несхожести характеров. Родные дети не могли принять угрюмого вечно в синяках и ссадинах мальчишку, сторонясь его, а порой и задевая, мотивируя это тем, что он приживала и нахлебник, который должен расплачиваться терпением на их оскорбления. И в конце концов неизвестно какая по счету семья отказалась от него, попав под влияние собственных детей или мнения предыдущих семей. Каждое обвинение, которым награждался парнишка лежало на совести родных отпрысков, избалованных излишним вниманием. Они не боялись оказаться на улице и поэтому творили все, что хотели, тем более после того, как нашли козла отпущения. А мальчишка ничего не желал, кроме как стать частью семьи, схватить протянутую руку и больше не покидать принявших его стен. Он думал, что сидя в углу в полном молчании сможет убедить опекунов в спокойном характере и отсутствии враждебности, но их такое состояние только пугало и порождало множество тревог и вопросов: Он болен? Или замышляет что-то плохое? Разумно засыпать, зная, что он бродит где-то по дому, и в его распоряжении есть время и острые ножи, чтобы нас убить?

Странно, что ни один из множества приемных родителей не подсел к съезжившемуся мальчику и не попробовал узнать, в чем дело. Возможно, объясни они причину своих страха и тревоги, он произнес бы хоть слово. К сожалению, время безвозвратно упущено.

Когда парню исполнилось пятнадцать, приемные семьи и бессмысленные надежды оставили его в покое, и следующие три года, оставшиеся до совершеннолетия, он прожил в приюте, если так можно назвать посещения сиротского дома только для того, чтобы вытянуть ноги на причитавшейся ему кровати и поесть. Бывало, что подросток не возвращался в течение пяти дней, и когда все уже думали, что его тело лежит в морге с прочерком в бирке, он возвращался уставший и голодный. Никто не знал, чем он занимался и как выживал все эти дни, да и кого это волнует, сирот и так достаточно, не хватало еще следить за тем, кто по собственной инициативе сбегает из предоставленного по закону жилища.

В день его восемнадцатилетия перед парнем встал выбор: либо он скитается по улицам, то есть признается бомжом, либо делает что-то со своей жизнью. Директор приюта, перед тем как выгнать подопечного из сиротского дома, – или как они это называют: выпустить во взрослую жизнь – дал ему совет: пойти на службу в армию. Долго думать парню не пришлось, он сразу согласился за неимением других вариантов.

Дисциплина и строгость помогли ему стать человеком, на-

стоящим мужчиной. Он все также был замкнут и большую часть времени молчал, но когда слышал приказ, то не замедлил его выполнить. Несмотря на то, что мальчишка за годы странствий по улицам стал буйным и часто попадал в неприятные ситуации, он знал, что в каждом районе и в каждой отдельной компании есть свои правила и, если ты решишь вступить в нее, то должен будешь соблюдать ее законы. То же касалось и армии.

Годы шли, парнишка креп и завоевывал награды, роня на иссушенную землю горячую кровь. Он получал уважение, звания и раны, неопасные для жизни, но так приятно греющие самолюбие. Молодой мужчина мог часами смотреть на розовевшие со временем рубцы и вспоминать бои, в котором те были получены. Но все изменилось летом 2004 года, когда его с несколькими бойцами перебросили в Сомали. Все шло также, как и всегда, он не ощущал зудящей чесотки в затылке, знаменующей угрозу и ему не снилось кошмаров, предвещающих смерть, он был уверен, что все пройдет ровно так, как и планировалось. Поэтому атака, последовавшая в один из вечеров жаркого июля, стала для них неожиданным ударом. Всего пять минут, которые казались вечностью он смог отбиваться, затем последовали взрыв и пустота.

Мужчина был на грани, витал где-то в другом пространстве, не понимая, где заканчивается окутавшее его белое полотно. Иногда, он выныривал, глотая воздух и сквозь размытую дымку видел склонившихся над ним людей и различал

глухой писк, будто он доносился из бутылки. Ярче всего он чувствовал запахи: ржавый аромат крови и кислый – медикаментов. Мужчина просыпался на несколько секунд, а потом вновь погружался в сон, ему впервые стало страшно от мысли, что он закроет глаза и больше не увидит света, только бескрайнюю черноту. Проклятые сны старались подавить его волю к жизни и затуманить разум, поднося картинки его младенчества. Мужчина видел, как стройная темноволосая женщина держит на руках грудного ребенка, коим был он, и в ее глазах отражается та любовь, которую он пытался найти в других. Она пела ему колыбельную и гладила по беспокойным ногам, а младенец не переставал заливаться плачем. Как только она в первый раз дотронулась до левой ножки ребенка, мужчина почувствовал разрывающую на куски боль. Он закричал, но женщина даже не вздрогнула, а лишь тихо прошептала:

– Не плачь, малыш, я всегда буду рядом.

Мужчина не знал, стоит ли верить воображаемому изображению, которое создал его воспаленный мозг, но так было легче переносить боль, которая периодически простреливала по всей левой стороне. Когда он проснулся, еще несколько секунд в воздухе витал аромат спирта и образ поющей женщины. Немногим позже он привык к режущему свету и распрощался с галлюцинациями, хотя реальность оказалась далеко не радужной.

Ему ампутировали ногу до середины бедра, и после дол-

гих недель восстановления, командир, приславший официальное письмо, выразил благодарность и сожаление по поводу того, что они больше не нуждаются в его услугах. Вот так храбрый воин стал никому ненужным ампутантом. Вместе с болью, которая пожирала его тело во время бездействия лекарств, приходили обида и сожаление, за все те годы, когда он бездумно рисковал собой на благо родине. Все это оказалось зря, на смену ему придут новые люди, они либо станут единым целым с землей, обратившись в прах, либо превратятся в таких же отшельников как он. Мужчина долго прокручивал в голове каждый эпизод своей жизни и не мог понять, где он сделал ту самую ошибку, которая привела к фатальному исходу? Это случилось, когда ему было пять лет? Или годом раньше? Или несколько дней назад? Да и что гадать, слишком поздно люди начинают думать о том, что сделали не так и чего вообще не сделали. Прошлое, как бы сильно этого не хотелось, исправить невозможно. Поэтому мужчине оставалось только уживаться с той горечью и злобой, которая преследовала его еще много месяцев и чьи отголоски до сих пор сохранялись, напоминая ему, что он выброшенный на улицу хлам. У него была цель, а сейчас ее нет. Он даже не предполагал, что все может так обернуться.

Когда его отпустили из пропахшей хлоркой больницы, он вышел на свежий воздух, привыкая к протезу (хотя бы в чем-то ему помогли), и направился вглубь родного города. В этот же день мужчина сел за стойку бара и весь последующий ме-

сяц не отрывался от бутылки. В какой-то момент тяжело-го опьянения, когда он не помнил количества выпитого алкоголя и времени, проведенного за стойкой бара, он словно во сне услышал слова директора приюта. Несмотря на полное отсутствие реальности в сознании начинающего алкоголика, он понял, что каждый неугодный мальчишка, которому в жизни ничего не светит, был отправлен в ряды военных, чтобы либо погибнуть в пылу сражения, либо потерять часть себя и цель, к которой раньше шел. Как пушечное мясо, неугодный биомусор, который может обойтись без того, в чем нуждаются другие, «нормальные» люди. Мужчина не сомневался, что директор все прекрасно знал и намеренно пел дифирамбы, восхваляя армию США. Эти мысли преследовали его в течении всего месяца беспросветного пьянства, но к счастью, скоро пришло избавление.

По чистой случайности или благодаря проделкам судьбы, мужчину нашел старый знакомый, с кем он служил в 1995 году в Ираке. Он не вспомнил его имени, пока тот сам, видя недоумение бывшего сослуживца, пьяного в хлам, не представился. Мужчина лишь обратил внимание на его лицо: тонкие шрамы, как почти зажившие царапины покрывали лоб скулы и уходили вверх, прячась в густых волосах, один – самый глубокий – начинался от виска и спускался по диагонали к тонким губам; широкие брови, нависающие над узкими щелками глаз, делали его вид несуразным.

Айзек, кем оказался подсевший к пьянчуге мужчина, вы-

разил сочувствие по поводу случившегося и предложил ему работу, с которой он несомненно справится.

– Если ты не заметил, у меня ноги нет, о какой работе может идти речь, – мужчина задрал штанину, оголяя холодный металл.

– Там мозги нужны, а не ноги. Я же тебя не в модели зову, – Он обернулся, убедившись, что его никто не подслушивает, и, наклонившись ближе к собеседнику понизил голос до шепота. – Будешь выполнять просьбы клиентов и разбираться с щекотливыми вопросами, оплата высокая, налогом не облагается, – резюмировал мужчина.

Пьяные глаза метались из стороны в сторону, пытаюсь поймать и собрать воедино разбегавшиеся части лица Айзека, когда им это удалось, бывший служака ответил:

– Как я понимаю, дела, которые я должен проворачивать, не совсем законные.

Мужчина недвусмысленно хмыкнул и предложил встретиться завтра, чтобы на трезвую голову обсудить детали. Некто согласился. Терять уже было нечего.

Следующие девять лет до этого момента он брал все больше и больше грехов на душу, выполняя поручения тех, кому Айзек посоветовал его кандидатуру. Они не спрашивали имени, а он не видел их лиц, все было строго конфиденциально и приносило неплохой доход, который покрывал его расходы, но не давал возможности обзавестись крышей над головой. Не то, чтобы мужчина прозябал в нищете или жаж-

дал обогащения, да и делал он все это не ради хрустящих банкнот, а только по той причине, которая заставляла его открывать глаза по утрам и, пристегнув к укороченной ноге протез, включать в распорядок дня насущные неординарные дела – месть предавшим его сослуживцам. Трудно понять каким образом заказы богачей, которые он с готовностью принимал, могли затронуть военных, но для мужчины запятнать все то, что так ценили и берегли в армии было делом чести. Каждая жертва, убитая его руками, была на их совести, и оправдать его действия последствиями войны в этом случае становилось невозможным, и даже если мужчине становилось стыдно за содеянное, он вспоминал чья в этом вина: всех тех, кто отказался от него и тем самым заставил копать-ся в чужом дерьме.

Но то было раньше, когда он только приступал к обязанностям чистильщика. Времена больших денег и рискованных дел остались в прошлом, теперь он сидит в купленном три года назад минивене и следит за платиновой блондинкой, которая, несмотря на ее внешность и род деятельности, хранила верность подозрительному муженьку. Он устало откинулся на спинку и закрыл глаза. Пора с этим заканчивать.

Мужчина вышел из машины и, чтобы не вызвать подозрений, прошел к киоску с газетами, за эти несколько метров ему удалось размять затекшую ногу и дать возможность протезу делать свое дело. Сочувствующие взгляды словно выпущенные в свободный полет пули жгли ему спину, соперничая

с осуждающими – будто он сам, сидя дома отпилил себе ногу, чтобы этим детишек пугать. Он переваливался, неловко сгибая колено правой ноги, а снаряды не переставали впечатываться ему в затылок, рикошетом ударяясь об ногу. За девять лет некто свыкся с отсутствием ноги, приловчился к протезу, но к вытянутым от сострадания и брезгливости лицам он привыкнуть не мог. Мужчина как можно скорее вернулся к машине и, спрятавшись от любопытных за стеной из металла, услышал трель мобильного. На другом конце послышался знакомый голос. Пока мужчина слушал, что ему говорят, сердце начинало биться быстрее, в преддверии той работы, на которую он и подписывался девять лет назад. Однако радость омрачилась, как только он вспомнил о договоре, который заключил с несостоявшимся роганосцем. Он мог бы и отказаться, плюнув на тщательно составленный документ и заняться новым поручением, но привычка все доделывать до конца и выполнять требования, которые ему предъявили, не могла так просто искорениться. Он объяснил ситуацию и пообещал, что сделает все возможное. Затем положил трубку и решил, что скоро наконец вернется прежняя стабильность охоты на объект.

Прошло еще две недели, никаких изменений. Девушка, прощаясь с мужем следовала по тому же маршруту, что и всегда. Попытки объяснить клиенту бессмысленность его затеи ни к чему не привели. Бизнесмен, заключив договор уже не мог выйти за его рамки. Оставалось семь дней.

Некто злился, что не может приступить к стоящему заказу, что ему приходится топтаться на месте без каких-либо результатов. Последняя неделя тянулась особенно долго, и по завершении, получив деньги и свободу, он начал думать уже совсем в другом направлении.

Мужчина сидел за рулем семейного минивена, служащего ему домом и покидал Северную Дакоту, медленно, но верно подбираясь к границе северного штата. Указатели на обочинах дороги уводили его все дальше и дальше от Джеймстауна. Покинув штат, он, следуя карте, проехал Фергус-Фолс, Александрию и Сент-Клауд, последней точкой на карте стал Миннеаполис. Думать вдалеке от прошлого дела было намного легче. Он устал и проголодался. Остановившись неподалеку от автомастерской на Линдейл-авеню, мужчина заглушил мотор, устало откинулся на нагретую солнцем спинку сиденья и закрыл глаза.

Это несправедливо, еще совсем недавно он так хотел получить дело вроде этого, рваться в бой и не чувствовать тормозов. Но сейчас что-то в нем изменилось. Он начал быстрее уставать и поддаваться апатии, не видя смысла во всех своих действиях. Может сказывается старость, а может, рак, диагностированный два месяца назад, который он, как и любой не приученный жаловаться мужчина, попросту запустил. Когда он выходил от врача, в голове возник вопрос: «Чувствовал бы я себя так дерьмово, если бы не знал про опухоль?». Но, как и многие этот вопрос оставался без отве-

та. Поэтому сейчас, сидя в обдуваемой северным ветром машине, некто поклялся себе: это дело – последнее, завершение его печальной карьеры, если он конечно не умрет раньше.

В голове снова возник образ матери, какой он всегда ее представлял после первого и единственного знакомства в тисках анестезии, за девять лет он заметно потускнел и покрылся налетом из чужих бед, виновником которых был он, несмотря на попытки переложить ответственность на других. Мужчина поклялся себе не так часто вспоминать о матери, чтобы не бередить старые раны, но, когда левую ногу простреливала боль, она сама находила вход в его сознание. В те моменты, когда его мозг было одурманен наркотиками, которые он принимал строго по инструкции, мужчина так четко представлял, как она смеется, и накрученные локоны, подпрыгивают, мчатся вслед за запрокинутой головой; или как она читает книгу, а зеленые глаза отражают все то, что происходит на белых страницах. Он видел только это, не желая переваривать причины своего одиночества. И почему, человек, который вот уже девять лет ищет и успешно находит людей, взглянув лишь на фотографию и получив краткую информацию, не может найти свою мать? И снова вопрос остался без ответа.

Мужчина выпил остатки воды из бутылки, притупляя жажду, и завел машину.

Как и в каждом деле, будь ты полицейский или повар, у

тебя существует строгий регламент, определяющий начало твоих действий. Выверенный алгоритм, по которому ты семимильными шагами подбираешься к необходимому результату: поимка убийцы или горячий вишневый пирог. Так было и у некто. Первым делом он решил подумать.

Все произошло три недели назад, тогда выходят два варианта: либо объект мертв, либо поселился в любой части США. Предположим он жив, тогда следующий шаг, узнать, как он покинул пределы города, а в том, что он это сделал сомнений не было. Учитывая финансовое положение заказчика имел место рейс на самолете, однако для этого требовалась значительная сумма, пропажу которой было легко заметить. Стоит отбросить вариант с попутками, во-первых, это ничего не даст, а во-вторых, вернемся к начальному шагу и поймем: объект мертв. Остается только одно.

Мужчина открыл ноутбук и подключился к камерам видеонаблюдения автобусной станции в Нью-Йорке. Он просматривал кадр за кадром, солнце давно скрылось за горизонтом, а он искал нужное лицо. Темная фигура в надвинутом капюшоне привлекла его внимание, некто остановил запись и присмотрелся. Попалась. В нижнем углу экрана белела дата и время. В архиве проданных билетов мужчина быстро нашел нужную строку: место прибытия – Бирмингем, Алабама. Похоже объект мнит себя самым умным, насмотревшись несоответствующих действительности боевиков и детективных сериалов и напялив черный балахон, который

всегда только привлекает внимание, а не отталкивает его. Но он—то точно умнее жертвы.

Мужчина вышел из машины в прохладную темноту. От возникшей вдруг зацепки закружилась голова, мозг начинал лихорадочно строить планы и отбрасывать провальные. Ему потребуется еще две недели на поиски, если повезет — одна.

Выкурив пару сигарет, мужчина залез в минивен и нашел в навигаторе ближайший мотель. Сегодня он переночует здесь, а завтра сменит курс и отправится вслед за удачей. Но сможет ли он обогнать смерть?

Пайпер

Бар «Рокси» находился в пяти минутах ходьбы от «Кракена» и в десяти от Сейнт-Энн-стрит, где временно проживала Пайпер. Большое двухэтажное здание с красными внутренностями заставляло людей вливать в себя алкоголь в неизмеримом количестве и покидать его пределы только с первыми петухами.

В шесть часов заканчивался рабочий день, который в «Рокси» только начинался, и ближе к семи зал заполнялся уставшими рабочими и местной молодежью, а в это время года еще и туристами, жаждущими познакомиться с ассортиментом каждого бара на знаменитой Бурбон-стрит.

Пайпер долго стояла перед входом, пока ее со всех сторон обтекали желающие быть принятыми и обслуженными посетители. Дверь открывалась с регулярной периодичностью, позволяя девушке рассмотреть часть барной стойки и под-

свеченных стеклянных полок, забитых бутылками. Качающаяся маятником дверь создавала иллюзию книжных страниц, которые при перелистывании меняли картинку. Хлоп и парень, угостивший девушку коктейлем, исчезает с гладкой поверхности листа. Хлоп и появившаяся из ниоткуда барменша подливает угрюмому посетителю двойную порцию темного янтарного напитка. Только задний фон, за который держались нарисованные, движущиеся человечки не менялся, изредка теряя с полки бутылку или приобретая на стойке новый блеск от пролитой жидкости. Пайпер была загипнотизирована слаженными движениями каждого действующего лица на картинке, и только наткнувшийся на нее человек, выходящий из бара, смог снять пелену с глаз. Девушка смущенно извинилась, получив в ответ недовольное бормотание и подумала, что пора уйти, послать все к черту и вернуться в Треме, закрывая замок на два оборота, но какая-то неведомая сила запрещала ей сделать шаг назад. Наконец, она взялась за ручку.

На входе Пайпер встретила привлекательная девушка, назвавшаяся Глорией. Темные волосы упругими завитками по спирали закручивались и падали на плечи, длинные ноги, составлявшие большую часть тела, быстро переносили девушку от места к месту, ее темная кожа по цвету гармонирующая с алебастровыми глазами бликовала от случайных лучей света. Девушка работала в баре уже пять лет и благодаря бойкому характеру и наставлениям боса, она уверенно дер-

жалась рядом с мужчинами, шутливо отражая их атаки. Смелая наставница, какой была Глория, Пайпер не помешает. Ее неутомимый нрав и твердая позиция относительно посягательств мужчин отражались в миндалевидном разрезе глаз и тембре голоса, который в соответствии с ее настроением менялся от бархатного с мяукающими нотками до металлического, где на каждую звенящую согласную приходился протяжный скрежет. Глория, как только увидела девушку тут же взяла ее под свою опеку, она положила мягкую изящную руку на ее плечо и устроила краткую экскурсию по бару, показав ей ассортимент, и объясняя, как и в каких пропорциях наливать «горючее».

– Здесь стоит виски и водка – это для мужчин, чуть дальше – мартини и соки, потом научу делать коктейли. В холодильнике – пиво. Что-то забыла, – девушка поцокала языком, пытаясь поймать ускользнувшую мысль. – Ах, да. Не заигрывай с парнями и старайся не краснеть, – она постучала длинным пальцем по своей щеке. – Они сочтут это за согласие. Мило улыбайся и шли их, только не переставай улыбаться, тогда они только посмеются, злиться не будут. А вообще у нас тут весело, быстро привыкнешь.

Пайпер не успела ответить, как Глория уже исчезла, сверкнув напоследок белым топом. Девушка, оставшись в относительном одиночестве осмотрелась вокруг, привыкая к запахам, заполнявшим помещение, звукам и приглушенному свету. Было еще слишком рано, чтобы бар уже не вме-

щал в себя посетителей; за стойкой сидело не больше пяти человек, еще несколько заняли столики в дальнем конце зала. Пайпер сменила фокус, отбросив с картинки людей и познакомилась с самим баром. Оно имело форму улыбки: одна сторона резко обрезалась по вертикали, другая часть уходила вглубь зала, так, что со стороны входа был закрыт обзор на протянутый вправо участок основных действий, не позволяя случайным прохожим рассмотреть, что творится внутри. В надгубном пространстве помещался кабинет боса, размером четыре на четыре и туалет, разделенный по половому признаку. Столики, лишённые скатертей, ввиду экономии, располагались на некотором расстоянии друг от друга ближе к стене, освобождая посетителей от необходимости упираться спинами в сидящих впритык соседей, и тем самым по периметру нижней губы освобождалось место для желающих потанцевать под приглушенные звуки музыкального автомата, а в особые дни под исполнение приглашенными музыкантами композиций из джазового репертуара.

Пайпер не помнила сколько так простояла на одном месте, но ей показалось, что Глория вернулась также быстро, как и ушла. Она сразу же, не замедляя шага, будто не прекращала заниматься своими обязанностями, принялась за работу, подливая в опустевшие стаканы виски и поддерживая начавшийся без нее разговор. Взгляды мужчин, которых обслуживала Глория, не горели похотью, а изодранные руки с грязью под ногтями даже не пытались дотронуться до гладкой кожи.

Беспокойство Грегa не имело под собой почвы и его предостережения, которые до этого момента настойчиво звучали в голове Пайпер, тут же развеялись по ветру.

Приобретенный с первым глотком воздуха дефект, стопорящий ее отрешенный взгляд на какой-либо точке мог оказаться здесь губительным. Те, кто хоть раз заметят это, выразят свой протест, подстегнутый алкоголем, не только с помощью слов, но и кое чего похуже. Повернувшись к Пайпер, Глория подозвала ее взмахом руки. Мужчины посмотрели в ее сторону, и девушка, под действием страха прочитав в их глазах раздражение, нервически дернулась и остановилась, как изношенная машина, издеваясь над своим хозяином, не желающим заводиться двигателем. Глория вопросительно качнула головой и Пайпер, набирая обороты, нехотя подошла, пытаясь сделать вид, будто ничего не произошло.

– Знакомьтесь, мальчики, это Пайпер – моя помощница. Если обидите ее, будете иметь дело со мной! – Глория шуточно пригрозила им пальцем.

– Будем любить и жаловать, – пробасил мужчина постарше, открывая на всеобщее обозрение рот с наполовину потерянными зубами.

В этот момент Пайпер подумала, насколько не точны ее представление о том, что ее ждет. Как ей с этим справиться, когда Глории не будет рядом? Как ей здесь выжить и не показаться слабаком? Не стоило торопиться с решением. Дура, дура, дура! Но вместо того, чтобы озвучить свои мысли, де-

вушка приклеила к лицу кривую улыбку, делающую ее похожей на нервно больную, и плеснула виски в тумблер.

Следующие два часа не подорвали спокойного расположения духа Пайпер, она получала заказы, до отмеренной линии наполняла бокалы и клала деньги в нужную ячейку кассы. Некоторым мужчинам даже удалось сменить грусть на ее лице, вызвав улыбку, а затем, не оставляя попыток, рассмешить девушку, словно она была «всегда грустной принцессой». Они не пытались, как она думала, заигрывать с ней или делать ей непристойные предложения, им только хотелось повеселиться и отдохнуть после долгого рабочего дня, а до тревог молоденькой барменши им не было никакого дела.

Как только часовая стрелка приблизилась к девятке, а в дальнем части бара послышался хруст стекла и освежаванный мат, дверь открылась. Пайпер поморщилась в ожидании нагоня от Глории, который должен был последовать вслед за звуком разбитой посуды, и отвернулась к стеклянным полкам.

– Пайпер, привет. Как тебе новое место? – поинтересовался парень за ее спиной.

Девушка прерывисто вздохнула от неожиданности и крепко вцепилась в горлышко бутылки, повлажневшие пальцы, не удержавшись, проскользили вниз. Она не могла решить: успокоиться и честно ответить на вопрос, или брызнуть лимонным соком в глаза. Злодейская мысль вырвала у нее смешок.

– Поделись шуткой.

Пайпер обернулась и посмотрела не него в недоумении.

– На мой вопрос: я сказал что-то смешное? Ты ответишь: да так, анекдот вспомнила. И я бы ответил: расскажи, посмеялся вместе. Я подумал, лучше выкинуть ненужное из разговора. Но как видишь, у меня это не слишком получилось, – объяснил парень.

Девушка, не показывая виду, как сильно она задета, расмеялась и ответила:

– Грег, ты больной. И вообще, что ты тут делаешь?

– Спасибо за диагноз. Я тут работаю, вышибалой, – он указал на парня, который вошел вместе с ним. – Мой напарник.

Девушка проследила за направлением его руки. В темноте, спрятанный от посторонних, стоял молодой мужчина, такой же высокий и крепкий, как Грег. Он, сложив руки на груди, опирался на стену и прицельно обводил зал глазами. Как только мужчина заметил обращенное на него внимание, напрягшись всем телом и на секунду замерев, он посмотрел на парочку, и Пайпер стыдливо отвела взгляд. Еще один человек, который запросто может обвинить ее в том, что она откровенно пялится на него. Девушка прищурилась, обратив свой гнев в сторону Грега, и наклонилась к нему ближе:

– И это никак не связано с твоим предупреждением? Мне не нужна нянька.

– А мне нужны деньги, вряд ли в роли няньки я получу

больше, – он легко оттолкнулся от стойки и направился к двери.

Грег подошел к напарнику и перебросился с ним парой слов. Невольные взгляды, которые задерживались на Пайпер на долю секунды, а затем снова возвращались к толпе в зале, она уже не замечала. Девушка все также выполняла заученную манипуляцию: заказ – выпивка – деньги, и в каждом своем действии, взмахе руки, шевелении воздуха от постоянного движения локонов, падающих на лицо, она чувствовала его присутствие, скрытое сумрачным освещением бара. Как бы Пайпер ни было трудно признать и побороть свою гордость – рядом с Грегом ей безопасней.

К концу вечера, когда толпа в баре постепенно начинала редеть, выпуская на улицу парами и тройками изрядно пьяных гостей, Пайпер остановилась, чтобы наконец присесть. Плечи и поясницу, словно забетонированных, сковало напряжение, ладони потряхивало, ног она не чувствовала вообще.

– Ну как, справляешься? – Глория сидела на высоком стуле и считала выручку.

– Вроде. Устала с непривычки.

Женщина что-то прошептала, посмотрев вверх, и оторвалась от важной миссии, чтобы взглянуть в лицо напарницы.

– Выглядишь ты и правда ужасно, вынеси мусор и на сегодня все.

Пайпер неловко поднялась со стула и, взяв в трясущиеся

руки мешок, ушла в подсобку, откуда вела дверь в узкий переулок, предназначенный для мусорных баков.

Ночной воздух бодрил и прояснял мозги. Девушка крепко вдохнула, освобождая легкие от ядовитых алкогольных паров, пока не почувствовала запах гнили. Окончательно протрезвев, она подошла к бакам, осторожно проходя лужицы непонятного происхождения, и, выбросив два тяжелых пакета, набитых стеклом, повернулась к двери. Девушка даже не услышала шагов за спиной, тонкие щупальца схватили ее за руку и рывком потянули на себя. Раздался пьяный смех.

– А что тут делает такая красotka? – мужчина говорил на удивление внятно, несмотря на отравляющий запах алкоголя. – Мы с ребятами уже отчаялись встретить что-то стоящее. Как вам? – мужчина обратился к двум теням. Плышались смешки и возгласы одобрения.

– Я здесь работаю, мне нужно идти, – будто эти слова остановили бы взбудораженных мужчин.

Страх, поднимающийся от земли и прокалывающий ее ступни, проникал в кровь и стремительно, сметая все препятствия, продвигался к мозгу. Ужас, дикий и необъятный поглощал девушку и вводил в ступор, она даже не помнила, как дышала все это время. Ожидание неизбежного конца всколыхнули в памяти текст молитвы, Пайпер быстро проворботала его, пропуская слова, а то и целые куски фраз, а затем уже от чистого сердца закричала про себя: Боже, не дай мне погибнуть среди мусора и грязи, только об этом прошу,

дай мне еще один день. Ответом на невнятные молитвы стало воспоминание, неизвестно как завалявшееся в ее памяти.

Ей было четырнадцать, на уроке физкультуры мисс Дункан, дородная женщина, призывающая резким взглядом и нередко криком к ведению правильного образа жизни, приняла решение, о котором в последствии пожалела. Тех девочек, которые пришли на урок, не хватало, чтобы собрать две полноценные команды для игры в волейбол. Поэтому Пайпер, которая профессионально управлялась с кисточками и красками, но сторонилась подвижных игр, пришлось покинуть скамейку запасных и занять пятую позицию. На ее беду в команду противников перешла сама мисс Дункан. События шли своим чередом: Пайпер пропускала мячи или отбивала их сцепленными перед лицом руками. Но все изменилось, когда, сделав почти полный круг, место подающего заняла мисс Дункан.

О чем думает человек, наблюдая как крученый мяч летит напрямик ему в лицо? Ожидает ли он через секунду услышать звук ломающегося носа или что-то вдруг поможет ему обмануть судьбу? Как в фильмах, когда ты точно уверен, что герой не должен погибнуть, и он, попадая в опасную ситуацию, обязательно спасется. Только здесь вам не фильм, и руки, преграждающей мячу путь не видно на горизонте, придется выкручиваться самой.

Пайпер не могла тогда двинуться с места, она, задрав голову вверх, смотрела, как в замедленной съемке перелива-

ются желтый и синий цвета, превращаясь в зеленую кашу. В те секунды, когда девчонка ожидала, что мяч расплющит ее лицо, он зависал в воздухе на обозначенной точке в своей траектории, затем, когда она думала, что он пролетит мимо, движение возобновлялось. Избавление не могло длиться вечно, поэтому через три секунды после удара мясистой руки по мячу, которые казались Пайпер вечностью, снаряд попал прямоком девушке в лоб и рассек бровь. Текущая по скуле кровь была не так страшна, как ее ожидание.

Девушка не знала, зачем Бог, которого она молила о помощи, послал ей видение из прошлого, может, чтобы отвлечь, пока троица совершит свое дело и оставит ее в покое, умирать в полной прострации, или это был намек, говорящий: то, что должно последовать за скользким шепотом не слишком мучительно. Обдумать ей это не удалось, на этот раз девушке повезло.

– Эй, парни. Никто из вас не забыл кошелек в «Рокси»? Ищут владельца, – голос раздался за спинами двоих мужчин в тени, застав их врасплох. Пайпер, вырванная из грез, конвульсивно дернулась в руках третьего. Напуганные тени, напрягая проспиртованные извилины в конце концов склонились к тому, чтобы сбежать, оставив собутыльника самостоятельно выкручиваться из сложившейся ситуации. Мужчина растерялся, но руки не разжал и собравшись с духом, крикнул в темноту:

– Я ничего там не оставлял, проваливай!

– Вы уверены? Кошелек довольно увесистый, жаль будет того, кто забыл свои деньги, – громкость голоса нарастала.

Мужчина замешкался на секунду и отпустил руку Пайпер, через мгновение он уже скрылся во тьме. Девушка, лишенная опоры, прижалась спиной к стене и выдохнула скопившийся ужас из легких. Из темноты слышались отчетливые шаги, с каждой секундой их звук нарастал и, когда Пайпер практически приземлилась в зловонную жижу, Грег приблизился и поддержал ее за локоть.

– Ты как? – участливо спросил парень.

– Откуда ты узнал, что у меня неприятности? – Пайпер проигнорировала вопрос. Она с трудом повернула голову на звук его голоса и как марионетка, не чувствуя собственного тела, позволяла Грегу удерживать ее на ногах.

– Заметил, что тебя долго нет, выкинуть мусор – минута, поэтому я забеспокоился и, как оказывается, не зря, – сознание Пайпер услышало несуществующий упрек в голосе парня.

Девушка неожиданно для себя разозлилась, призывая на помощь все свои силы. Она в одиночку преодолела долгий путь, живет одна, постоянно подвергая себя опасности, и сама себя содержит, а он кто? Супергерой? И с чего он взял, что ей нужна его помощь? Считает ее слабым ничтожеством, которое не может обойтись без попечительства? Осознав, что все эти мысли она озвучивает в своей голове, Пайпер, отшатнувшись от него, уцепившись за дверную ручку, и зло

бросила:

– Я бы и сама разобралась.

Грег нахмурился, чего Пайпер увидеть не могла, она лишь различала темное пятно его лица и тусклый фонарь за широкой спиной.

– Кого ты из себя строишь? Неприкасаемую? Рассказать, чтобы они с тобой сделали, если бы я не пришел? Я не пытаюсь покрасоваться перед тобой или показать, что я круче. Но ты женщина, а я мужчина. В нас генетически заложено защищать, – он остановился, переведя дух и уже спокойней продолжил. – В какой–то мере я считаю тебя своим другом. Лучше бы сказала спасибо и забыли об этом.

Парень развернулся, чтобы уйти, но не сделал и двух шагов, как из вязкой темноты послышалось тихое «Спасибо», настолько тихое, что он еле услышал. Когда Грег обернулся, Пайпер уже не было.

Глава 9

Рейчел

Рейчел сидела на полу в комнате дочери, как она делала каждый день после ее исчезновения, и молилась. Губы беззвучно двигались, соприкасаясь друг с другом на короткие мгновения, а затем снова размыкаясь, впускали в легкие короткими рывками спертый воздух. Женщине не хотелось нарушать тишину, она неслышно просила о помощи, мужестве и прощении. То, что Рейчел собиралась сделать, навсегда изменит ее саму и путь, который она выбрала много лет назад.

Джеймс придет не раньше восьми, у нее есть несколько часов, чтобы собраться с силами и настроиться на разговор.

По радио передавали прогноз погоды, в окно неожиданно выстрелил дождь. Рейчел вздрогнула и повернула голову на звук, оставаясь на месте, словно спугнутая охотниками лань. Женщина смотрела на оконную раму, пока дождь набирал силу, и, когда поняла, где находится, поднялась, чтобы выглянуть на улицу. Мрачное небо надвигалось со стороны рощи в нескольких метрах от дома, холодные капли вытягивали жар из асфальта, разгонялся восточный ветер.

Рейчел отгородилась от холода, задвинув шторы, и в комнате потемнело. Так же, как и в душе женщины преграда, созданная ее же руками, навсегда отделила от нее детей. Навсегда. Вера, что все еще можно подправить, скорректировать и принять за правду, в последнее время все чаще ее навещала.

Рейчел расправила плечи и подошла к зеркалу. На нее смотрела тень. Бледный призрак без стержня. Удивительно, как она еще на ногах держится. Но бóльшим открытием для нее стала схожесть с младшей дочерью. Темные глаза, тонкое лицо, сужающееся к острому подбородку и бледная кожа. Различия, которые Рейчел смогла найти, прятались в морщинках в уголках глаз и губ, напоминающие ей о возрасте.

Женщина потрусилась головой, стараясь не думать какое наследство она уготовила дочери, и вернулась к настоящему, в котором она обещала Лилиан посмотреть фильм, когда девочка вернется из конного клуба. Эти двухчасовые занятия,

которые дочь так страстно полюбила, были виной Рейчел. Врачи качали головами в недоумении, осматривая трехлетнего ребенка. Что может на первый взгляд в лоне благополучной семьи застопорить речь девочки? Если бы они только знали...

Джеймс беспокоился за Лилиан по большей части из-за нарушения имиджа «идеальной» семьи. Негоже успешному юристу иметь глупую дочь, не способную и слова выговорить, поэтому и было принято решение, основанное на совете врачей. Терапия лошадьми. Маленькую девочку в присутствии няни отвозили практически под покровом ночи к конной ферме на окраине Монтока, где она по прошествии двух лет села на пони и сказала первое слово. Пожелание Лилиан сократило время поездки, когда ее записали в конный клуб неподалеку от дома. Три раза в неделю она училась держаться в седле и пополняла словарный запас новыми словами. Девочка оставалась все так же немногословной, но зато теперь вряд ли кто-то посмеет назвать ее глупой или отсталой.

Рейчел взглянула на электронные часы, стоящие среди прочего хлама на тумбочке старшей дочери. Комбинация палок и черт до знака двоеточия еще не скоро изменит свое положение, тогда как прямо на ее глазах правая часть подверглась трансформации, заменив шесть прочерков на один. Скоро в комнату войдет Лилиан, и чары, окутавшие Рейчел развеются. Она вернулась мыслями к девочке, отрывая взгляд от часов.

Сближение с дочерью оказалось тяжелым испытанием, словно ты приходишь на свидание вслепую и тебе нужно общаться с незнакомым человеком, во время разговора с которым чувствуешь только неловкость. Так было и с Рейчел, она задавала вопросы о школьных предметах и подругах Лилиан, любимых книгах и играх, поток новой информации сшибал ее с ног. После ежедневного общения женщина приходила в свою комнату и мгновенно отключалась, не видя снов. Дочь помогла смазать болты, и тело Рейчел постепенно разогреваясь, заработало. Девочка и подумать не могла, что мать – живая, из плоти и крови, настоящая, дотронешься и она ответит, улыбнется или просто посмотрит на тебя, согрев светом ореховых глаз.

Когда Рейчел была еще ребенком, и отец не так часто в качестве воспитательных мер применял кулаки, ее класс в целях практического закрепления теоретических основ вместо урока биологии посетил зоопарк. Афиши и рекламные проспекты, предназначенные в первую очередь для родителей, заманивали детишек красочными картинками диких животных и птиц. В тот день Рейчел узнала о существовании павлина, распускающего разноцветный хвост, антилопы с изогнутыми рогами и снежного барса, шерсть которого при плавной ходьбе переливалась всеми оттенками серебра. Девочка долго вглядывалась в дикарей, прижав нос к толстому стеклу, ожидая плавного движения огромных кошек или неумных взлетов обезьян на изогнутые ветви деревьев. Экс-

курсия длилась около часа, и Рейчел успела осмотреть все клетки, кроме одной, последней. Когда девочка заглянула в нее, то решила, что она пуста и только спустя несколько минут поисков заметила движение на верхушке толстого дерева. Шерстяной комок с непомерно длинными лапами и острыми когтями, он лежал с закрытыми глазами почти не двигаясь. На табличке крупными буквами было выведено: «Ленивец». Рейчел приснула и вновь посмотрела на зверя. Он лежал там же, где и пять минут назад, лишь изредка его грудь вздымалась от размеренного дыхания. Девочка пыталась не двигаться, чтобы заметить, как зверек откроет глаза и посмотрит на нее, заинтересованный гостем, но секунды шли, и неугомонный ребенок уже не мог стоять на месте. Ей стало скучно – на этом экскурсия для Рейчел закончилась.

После того, как все собрались перед входом, посчитанные по головам, девочка подошла к учителю и попросила рассказать о ленивце. Почти не двигается, много спит, не опасен – вот и вся его характеристика. Энергичному ребенку сложно понять, как можно отказаться от поездки на велосипеде или игры в мяч и целый день отлеживать бока на импровизированном ложе из густой кроны. Спустя годы Рейчел вспомнила о ленивце, жаль, что, будучи ребенком, она и не подозревала, что сама станет похожа на сонный клубок. Почти не двигается, много спит, не опасен – вот и вся ее характеристика. Смогла бы она все исправить в этом случае, или ей такое было не подвластно?

Внизу хлопнула дверь, картинка перед глазами Рейчел сменилась. Женщина даже не заметила, как за окном разбушевалась гроза, гнущая стволы деревьев к поверхности земли. Она вышла в коридор, преодолевая многочисленные комнаты и широкие ступени, и столкнулась с дочерью.

– Привет, мам, – волосы девочки мокрыми прядями липли к лицу, грудь тяжело вздымалась, а на щеках красовался румянец.

– Привет, тебе нужно в ванную, ты замерзла, – она пошла за дочерью в комнату и помогла снять приклеенную к телу одежду. Видно дождь разошелся не на шутку, раз Лилиан успела промокнуть, сделав всего пару шагов от машины к дому. – Как дела в клубе?

– Нормально, – Лилиан старательно отводила взгляд.

– Нормально? И это все? Вчера я не успела задать тебе вопрос, как ты уже болтала вовсю. Что случилось? Тебя кто-то обидел? – Рейчел внезапно забеспокоилась, возрождая в груди материнские чувства.

Лилиан взяла полотенце из шкафа и теплый халат и замешкалась, не зная, пойти в душ или поговорить с матерью. Рассказывать не хотелось, у них и так проблем достаточно, а тут еще это... Она тяжело вздохнула и села на кровать рядом с Рейчел.

– Подруги Хоуп, они все спрашивают меня: где она, когда приедет и почему ничего не сказала об отъезде? Я уже устала врать, мам. Я же не могу сказать им, что тоже посто-

янно задаю себе эти вопросы. Что мне делать? Подскажи, – сказала девочка с мольбой в голосе.

Рейчел пыталась собрать раскиданные мысли и склеить цельное предложение. Ей самой требовались советы, которые требует от нее дочь. Может ли ее закостеневший за долгие годы мозг вытащить на всеобщее обозрение правильный ответ? Она откашлялась и вымученно произнесла:

– Единственное, что мы можем сделать – ждать. Я думаю о ней, так же, как и ты, и не могу понять... почему она так поступила. Это... необъяснимо, – женщина резко замолкла.

– Я звонила ей, телефон отключен. Она просто испарилась, будто ее и не было, – девочка поднялась с кровати и, больше ничего не сказав, ушла.

Рейчел продолжала сидеть на постели дочери, пока за стеной не зашумела вода. Несложно представить, что терзало Лилиан, она очень умный ребенок для своих лет и конечно же винит во всем мать, которая всего три недели назад не замечала ее существования, но чувство такта и обретенная связь мешают ей высказать наболевшее. Разве справедливо, что ребенку приходится держать в себе боль и обиду, проходить через непонимание и одиночество из-за собственной матери? Женщина, определившись с горьким ответом, с трудом встала на ноги и ушла искать обещанный фильм.

Картинка сменялась одна за другой, Рейчел и Лилиан то смеялись над героями, то переживали за них. Приятно, что на два часа можно покинуть реальность и погрузиться в дру-

гую жизнь. Их смех, поднимаясь высоко вверх, отражался от потолка и падал им на головы, пугая их непривычным для этого дома звуком. Они иногда смущенно переглядывались, словно спрашивая друг у друга: то, что мы делаем не постыдно?

Фильм почти подходил к концу, когда на подъездной дорожке захрустел гравий под колесами машины. Никто из зрителей не услышал работающего мотора и не увидел света фар. Поэтому обе вздрогнули от стука входной двери. Джеймс не зашел к домочадцам и даже не крикнул простое: «Привет». Мужчина молча поднялся наверх, перепрыгивая через ступеньки. В отсутствие посторонних он мог не притворяться хорошим мужем и отцом, что он сейчас и сделал, не обратив на женщин внимание.

Лилиан встретила с матерью глазами и Рейчел пожала плечами, не зная, как это объяснить, хотя девочку и не интересовало поведение отца, которому она была нужна только для того, чтобы показать гостям, словно обученную танцевать обезьянку.

Спустя еще десять минут, которые прошли в беспокойном ожидании и чередой коротких взглядов, бросаемых на ступеньки, женщина сказала:

– Посмотри конец без меня, я хочу поговорить с отцом.

Лилиан не стала спрашивать о причине разговора, за что Рейчел была ей благодарна. Она посмотрела на дочь так, словно прощалась, не зная, что ее ожидает за темной дубо-

вой дверью на втором этаже и, не решившись дотронуться до нее, поднялась с дивана.

Маленький ягненок шел в пасть к голодному волку. Знал ли он о своей участи? Безусловно, да. Двадцать две ступеньки отделяли Рейчел от окончательно принятого решения. Еще десять шагов, и она перед кабинетом мужа. Один стук в дверь и бежать больше некуда. Женщина решительно вошла и увидела мужа в приподнятом настроении, тем лучше для него.

– Джеймс, я хочу поговорить, – она села в кресло у окна, на расстоянии пяти шагов от мужчины.

Адвокат разбирался с бумагами и даже не удосужился посмотреть на жену, когда она заговорила. Через секунду он ответил:

– О чем, Рейч?

Ягненок сглотнул и ответил:

– О нашем браке... я хочу развод.

Джеймс поднял взгляд на жену, пытаясь найти на ее лице признаки веселья. Это ведь розыгрыш, не так ли? Однако Рейчел оставалась серьезной. Он отложил ручку и откинулся в кресле, изучая сидящую перед ним женщину: бледная, исхудавшая и измученная. Она походила на медузу, почти просвечивалась, выделяясь полосами синих вен. Только глаза не соответствовали портрету: горели решимостью и нервной лихорадкой.

– О каком разводе идет речь? Если все дело в Хоуп...

– Пару недель назад я рылась в коробках на чердаке, хотелось себя чем-то занять впервые за много лет.

Резкий переход на другую тему сбил Джеймса с толку. Он не понимал, чего хочет жена: поиграть с ним, заставить врасплох или припугнуть? Не ожидая от Рейчел вызова, мужчина пытался найти в ней предсказуемо ожидаемые изменения; причину, по которой она так себя вела, он уже знал.

– К чему ты клонишь, Рейч?

Она остановила его взмахом руки и неожиданно зло сказала:

– Ты дашь мне возможность сказать больше одного предложения? Не перебивай.

Джеймс на секунду оторопел, ничем не выдав своего состояния, и слишком поспешно кивнул, разрешая женщине с неестественно прямой спиной продолжить.

– Я нашла наш свадебный альбом в одной из коробок. Было интересно посмотреть его. Я много думала, много и долго, прежде чем понять одну вещь, – на мгновение в кабинете воцарилась тишина. – Мы были похожи на картонных людей, которых можно встретить в торговом центре. Если бы это было так, то твоя картонка стояла бы рядом со стоматологической клиникой или аптекой, и ты рекламировал бы зубную пасту. Такая у тебя была улыбка на фотографиях. А я наоборот походила на манекен: опущенные уголки рта, как у грустного клоуна и взгляд потерянного щенка, – ее щека дернулась в подобие усмешки, напоминая скорее лицевой

спазм. – Можно многое заметить, если приглядеться, – женщина резко посмотрела в глаза мужу.

Джеймс дернулся и сжал губы в тонкую линию. Он почувствовал, как раздражение запульсировало под кожей, отдаваясь набатом в висках. Это была борьба, первое противостояние за восемнадцать лет, в котором зачинщиком оказалась Рейчел, и, в конечном итоге, несмотря ни на что, Джеймс должен оказаться в выигрыше, он не привык отступать, тем более перед женщиной. Рейчел покрутила головой, пытаясь рассмотреть мужа с разных ракурсов, как клетку инфузории в микроскопе, пока он разрешал внутреннюю дилемму. Не дождавшись от него реакции в виде учащенного пульса на шее или дернувшихся вверх бровей, она продолжила:

– Я поняла, ты женился на мне не из любви или громкого имени, больших денег в нашей семье тоже не водилось. И тогда я спросила себя: почему я? Почему он выбрал именно меня? Может быть потому что я ничего не замечала, и меня можно полностью контролировать? Или потому что я молчала или боялась? Да множество причин! – голос женщины поднялся на октаву. – И знаешь, о чем я подумала, когда до меня это дошло? О том, что ты хороший актер. Сыграл спектакль под названием «Отношения Рейчел и Джеймса». Никаких встреч с друзьями или кино, прогулки в безлюдных местах. Настолько ты меня стыдил. Стыдил идеального для тебя варианта жены, только еще не совсем подогнанного под себя. У меня возник вопрос Джеймс, я отвечу на него

сама, а ты просто кивни или скажи «нет», если я ошибаюсь, – Рейчел замолчала на секунду и, глядя мужу прямо в глаза, сказала:

– Миллион фотографий в альбоме – это доказательства? Доказательства надуманного счастья и семейного благополучия? Внутри у меня созревает чувство, что ты готовился к тому, что твой брак будут разбирать по кусочкам, как дела в суде, а ты в качестве доказательств сможешь кинуть им в лицо эти фотографии. Не так ли? – женщина чувствовала внутреннюю дрожь, адреналин бил в голову, разрастался жар.

Джеймс постучал пальцем по подлокотнику кресла, выжидая. Глаза наливались кровью. Приняв его молчание за ответ, она сказала:

– Так я и думала, – Рейчел поднялась с кресла и повернулась лицом к окну. – Если ты не дашь мне развод, я расскажу всем твоим коллегам и соседям в округе, что Хоуп пропала из-за тебя. Придумаю любую причину. Не мне тебе объяснять, насколько сильно влияние слухов. Твоя репутация будет подпорчена. И, кстати, Лилиан я заберу с собой.

Джеймс одним рывком подскочил к Рейчел и развернул лицом к себе.

– Что ты о себе возомнила? Тебе было плевать на меня и детей все восемнадцать лет, а сейчас ты вдруг почувствовала себя обиженной матерью? Ты понимала все еще тогда, ты видела, что между нами ничего нет, только расчет, просто сделала вид, что ничего не замечаешь. Кто мешал тебе отка-

заться от свадьбы и послать меня куда подальше? Никто. И ты этого не сделала. Потому что тебя устраивал такой расклад. Так что изменилось, милая? Захотелось любви? Ты думаешь легко жить с ледышкой? Какой дурак возьмет тебя? Скучная, серая мышь.

Рейчел зажмурилась и попыталась вырваться из хватки мужа. Она брыкалась, отталкивая его от себя, но он все крепче прижимал ее к груди. Будто он не знал, почему она стала такой, все из-за этих таблеток, пилюль, притупляющих остроту разума. Она не скажет ему, что прекратила их пить, не откроет перед ним свое преимущество. Рейчел открыла рот, попытавшись возразить ему, но не успела:

– Нет-нет. Я дал тебе выговориться. Теперь ты послушай. Тебе никогда не было дела до детей. Единственный период, когда ты находилась с ними рядом – это беременность. Но будь твоя воля, ты бы вырвала их из себя клещами и не пожалела. Дорогая моя, тебя наконец-то замучило чувство вины за исчезновение Хоуп и отстраненность Лилиан? Ты думаешь, что пара проведенных вместе часов покроют то равнодушие, которое они получали с твоей стороны? Воспитание детей – это не пустая болтовня и не просмотр фильмов. Что ты будешь готовить своей дочери? Где покупать одежду? Помогать со школьным заданием? Ты вообще понимаешь, что тебя ждет, когда ты ступишь за порог этого дома? Через неделю Лилиан отберут, и я возьму ее к себе, потому что я знаю, как заботиться о детях. А ты всю свою жизнь провела,

лежа на кровати и предаваясь меланхолии. Ты ни на что не годна, Рейчел. Вбей это в свою голову, – он постучал указательным пальцем по голове жены.

Рейчел отмахнулась от его руки и прохрипела:

– Из-за твоей правильной заботы Хоуп пропала?

Джеймс тихо рассмеялся. Его вибрирующий смех казался предзнаменованием будущей угрозы.

– Даже не думай перекладывать ответственность на меня. Она исчезла, потому что ее мать умерла много лет назад. Это – твоя вина, Рейчел, – он отпустил руку жены и сделал пару шагов назад. – Если не хочешь остаться одна, подумай над своим решением и пойми: тебе будет лучше здесь, – Мужчина засунул сжатые от злости кулаки в карманы брюк и облокотился на край стола. – У меня много работы, встретимся за ужином, дорогая.

Рейчел посмотрела на мужа, который вернулся к прежней политике подчеркнутого самообладания, и четко проговорила:

– Не рассчитывай, что я сдамся.

Не дождавшись ответа, она вышла в коридор.

Джеймс

После того, как за женой захлопнулась дверь, Джеймс прерывисто выдохнул. С каких пор все начало лететь к чертям? Его карьера взбиралась в гору, шаг за шагом преодолевая препятствия и один маленький камушек помешал восхождению. Мужчина сорвался. Где он совершил эту ошибку, ко-

торая могла стоять ему карьеры? Или в этом нет его вины? Да и что он собственно сделал? Доверился не тому человеку? Старался принести счастье в свою семью? Заслужил ли он то, что сейчас с ним происходит? Джеймс мог уверенно ответить: нет.

Пока мужчина разбирался с папками, громоздящимися со скоростью света на его столе, Рейчел готовила бунт. Он удивлялся, откуда в ней столько злости и вообще хоть каких-то чувств. Куда делась та женщина, которая бледной тенью передвигалась по дому, так что иногда ее неделями не было видно? Иногда Джеймс спохватывался посреди ночи, сидя в своем кабинете, пытаясь вспомнить, когда в последний раз встречал Рейчел в коридорах дома и сопоставлял с предположениями о ее безвременной кончине. И как только мужчина мог отместить эти доводы, то вновь со спокойной душой возвращался к работе.

Еще несколько часов назад все было прекрасно, когда в офисе компании устроенный в его честь фуршет набирал высоту. Шампанское лилось рекой, разговоры приглашенных гостей не выходили за рамки политики и юриспруденции. Этот праздник был не только завершающей точкой в последнем деле, но еще и зарубкой, отмечающей десятилетие частной практики и многотомные беспроегрывные дела.

Женщины строили ему глазки, опьяненные чужим успехом и игристым вином, а мужчины пожимали руки, надеясь в будущем заручиться его поддержкой. Звучали хвалебные

отзывы о тактике защиты, которую применял Джеймс, мелькали слишком широкие улыбки. Среди присутствующих не было никого, кто мог бы ему пригодиться в осуществлении его дальнейших планов. Через час мужчине стало тошно. Еще через полчаса он решил незаметно уйти. Пусть Кэти с ними разбирается, сама виновата, что пригласила никчёмный сброд. На пути к выходу его встретил судья Янг, недавно получивший почетную должность:

– Сбегаешь? – он стоял, прислонившись к стене и выдыхал дым в приоткрытое окно.

Джеймс обернулся и сказал:

– Ты в курсе, что здесь нельзя курить?

– Иногда приятно нарушить правила, я же не убил никого, – судья затушил сигарету и кинул в мусорное ведро. – А отвечать вопросом на вопрос – неприлично, – Он подошел к Джеймсу и протянул руку, мужчина ответил на рукопожатие.

Они вместе зашли в лифт, и Джеймс с удовольствием потянул узел галстука. Подальше отсюда. И поскорее. Не внимая просьбам адвоката, зеркальная кабина как назло медленно катилась вниз. Судья искоса поглядывал на Джеймса и ждал, когда они смогут вдохнуть свежего воздуха, который расслабит натянутые нервы. После этого они смогут поговорить. Наконец, лифт издал сигнал и издевательски протяжно открыл двери, выпуская своих заложников. Они вышли на еще не остывшую улицу, солнце пряталось за высотками, хаотично раскидывая ослабевшие лучи. Через два часа стем-

неет, и толпа на широких тротуарах начнет редеть.

– Знаешь, что я думаю, – начал Янг, – тебе скучно. Дела тянутся как на конвейере, система доведена до автоматизма. Тебе нужно попробовать что-то новенькое.

– Надеюсь, ты не станешь предлагать мне понюхать кокса.

Судья рассмеялся и спросил:

– Разве ты его еще не пробовал? – Джеймс посмотрел на Янга, подняв брови. – Ладно, я шучу. Я имел ввиду новое поприще, например, судейство.

– Еще в Стэнфорде я сказал, что это не мое.

Тони щелкнул пальцами:

– Да, я припоминаю. Слова Джеймса Брукса: «Тони, я пришел сюда не для того, чтобы через десять лет заработать геморрой от продавленного кресла и артрит от судейского молотка», – Мужчина снова рассмеялся, а потом вдруг стал серьезным. – Тогда ты думал иначе, чем сейчас, люди меняются. И то, что раньше казалось ненужным, приобретает смысл.

Джеймс повернулся к бывшему однокласснику, удивляясь философии, которую он придумывал на ходу, и спросил:

– Чего ты от меня хочешь? Поговорить о моем будущем или поплакать о прошедшей молодости?

– Я всего лишь хотел сказать, что в твоей жизни наступил переломный момент. Либо ты двигаешься вперед, кардинально меняя свою жизнь, либо остаешься пастись на том же лугу. Решать тебе.

Брукс провел по волосам ладонью и посмотрел на здание офиса, в котором он занимал целый этаж. Высотка в виде многоярусного торта на Уолл-стрит уже много лет находилась в самом центре событий. Вокруг ее огибали многочисленные переулки, один на одном громоздились щеголяя названиями значимые для Нью-Йорка здания. Ровно десять лет назад, когда Джеймс въезжал в арендованный офис, рабочие, выполняя заказ клиента, поместили его именем вход на двадцать пятый этаж, который стал ему домом. За прошедшие годы надпись прижилась и глубоко въелась в тело адвокатской конторы и не собиралась исчезать. И почему сейчас, когда он стал частью этого мира, ему захотелось другого? Правду говорят, человек ненасытен в своих желаниях. Джеймс перевел взгляд на собеседника и сказал:

– Давай найдем тихое место, надо поговорить.

Долго думать не пришлось, в двух шагах от офиса располагался элитный ресторан итальянской кухни, главным преимуществом которого были вип-кабинки для «особых» гостей. Джеймс заказал только кофе, на пустой желудок ему думалось быстрее. Для Тони принесли бутылку красного вина и горячую закуску. Брукс не спешил начинать разговор. Он смотрел на судью и размышлял.

Тони Янг – сосед по парте и любимец женщин на первом же занятии выбрал в друзья Джеймса. Среди сотен студентов смуглый высокий парень с копной темных волос нашел именно Брукса. Будущий адвокат не считал Тони другом, не

доверял всех секретов, но мог относиться с терпением к его неумемному характеру. В редкие моменты, которые казались Джеймсу игрой фантазии, когда он врал или склонял в свою сторону угодных ему людей, он встречался глазами с Тони и видел в них ухмылку, понимание того, что происходит. Брукс отводил взгляд и через секунду снова смотрел на приятеля, но тот уже был занят очередной красоткой. Это повторялось несколько раз, но Тони молчал и Джеймс думал, что ему это только кажется, в любом случае, подходить к Янгу с вопросом, он не собирался. С тех пор он сохранял между ними близкие отношения – которые нельзя было назвать дружбой – не только из-за того, что Янг был амбициозен и имел желания, схожие с потребностями Джеймса, но еще и потому, что он теоретически мог знать его тайну, которую никто до этого не смог разгадать. Сделать его своим врагом станет ошибкой, которая может привести к катастрофе, а в качестве друга он ему еще сможет с пользой послужить.

– Ты так и будешь пялиться на меня или все-таки раскроешь тайну нашего свидания? – спросил Тони, попивая вино.

Джеймс сложил руки в замок и наклонился поближе к судье. В кабинке, отгороженной от основного зала стояла тишина, которой Брукс не доверял. То, что он собирался сказать, не предназначалось для чужих ушей, и горький опыт его многому научил.

– Ты прав насчет скуки. Надоело одно и то же.

– Так и чего же ты ждешь? – он отставил бокал с вином

и перестал жевать. – Или в светлой голове Джеймса Брукса родился план действий?

Мужчина разглядывал лицо собеседника, настороженно сузив глаза. Двухдневная щетина придавала лицу оттенок синевы, из-под густых бровей выглядывали вечно смеющиеся глаза, в попытке ухмыльнуться дергались тонкие изогнутые губы. Черты его лица лежали на поверхности, так, что каждый мог бы их рассмотреть. Джеймсу нужно было другое: залезть к нему под кожу, просверлить череп и прочесть его мысли. Можно ли ему доверять, был ли он все эти годы ему другом, или он, как и многие, готов его предать при первой же возможности? Ответить на эти вопросы мужчине помог Тони, когда он отрицательно покачал головой, весело улыбаясь. Он словно знал, с чем сейчас столкнулся друг, и почему он так недоверчив. Джеймс удовлетворенно улыбнулся и сказал:

– Я надеюсь на твою поддержку Тони, и я хочу быть уверен, что ты не станешь болтать. Считай все, что я скажу, конфиденциальной информацией.

Янг устроился поудобнее и его взгляд трансформировался, превратившись в «судейский»:

– Ты меня интригуешь, старина. Рассказывай.

Джеймс откинулся на спинку кожаного дивана, позволяя себе расслабиться.

– Чтобы ты почувствуешь, когда услышишь «Президент Манхэттена Джеймс Брукс»?

Собеседник присвистнул:

– Высоко метишь. Но мне это определенно нравится! – он потер руки и шепотом спросил. – Ты уже начал работу?

– Нет, я только думаю об этом. Но с каждым днем убеждаюсь, что пора начинать. Разберусь с делами в офисе и возьмусь за действительно стоящий проект.

Мозг Янга молниеносно заработал в нужном ключе, готовый приступить к активным действиям.

– У меня есть нужные связи, – Тони закрыл глаза, что-то вспоминая. – На примете пара человек. Один из них может стать твоим помощником. Составит предвыборную компанию и поможет тебе влиться в политику. Один звонок и у он уже валяется в твоих ногах.

Джеймс усмехнулся:

– Не преувеличивай, Тони. Мне нужен помощник, а не раб, – Брукс отпил остывший кофе и продолжил, – Можешь позвонить им завтра, и договоримся о встрече.

– Договорились, а теперь, в честь такого события, выпьем хорошего виски, – мужчина нажал на кнопку вызова официанта.

Они долго сидели, продумывая ходы и обсуждая детали. Джеймс, сделав единственный глоток виски, отставил бокал в сторону, не время сейчас затуманивать себе мозги; к тому же садиться за руль, когда от тебя за версту несет, не слишком разумный шаг для желающего многого добиться адвоката. Его мечты приближались к нему, постепенно осуществ-

ляясь, и когда он выставит свой главный замысел на всеобщее обозрение, каждый пронырливый журналюга, как оголодавший стервятник пустится во все тяжкие, чтобы вытащить на свет пикантные подробности его личной и профессиональной жизни. Джеймс никому не станет давать такой возможности.

Когда они наконец наговорились и вышли на воздух, в котором витал запах денег и дорогих костюмов, Джеймс был счастлив. Когда он, поймав для друга такси, сел в свою машину, он был счастлив. И когда спустя час он подъезжал к дому, счастье все еще плескалось через край.

Джеймс спешил в свой кабинет, спешил закончить дела и забыть про ворох похожих друг на друга разбирательств. Но его счастье не могло длиться вечно, мужчина знал, что какое-нибудь событие, которое произойдет в скором времени, обязательно все испортит. И он не ошибся. Разговор с женой стал следующим тревожным звоночком. Она напомнила о поселившихся в их доме проблемах, которые не собирались упаковывать свои вещички и съезжать. И создала для него новые, с которыми он не хотел сейчас возиться. Нужно что-то делать.

Он позвонил вчера и сообщил о том, что приступил к делу. Джеймса это безумно раздражало, сколько еще ему предстоит ждать, когда дело сдвинется с мертвой точки. Мужчина успокоил себя тем, что доверил решать вопрос профессионалу, сделал что мог. Оставалось ждать звонка и терпеть.

Джеймс сел в мягкое кресло и выглянул в окно. В нем он увидел лишь свое отражение, оттененное спустившейся на город ночью. Расплывчатые черты правильного лица давали сигналы, кричали о невидимых глазу изменениях, которые с ним произошли.

Мужчина резко отвернулся и уставился на бумаги, каждое слово будто играло с ним, переставляя буквы не на свои места. Устав разбираться с иероглифами, он сдался и вновь вернулся к мыслям о звонке, который он должен сделать, переборов себя. Он просто обязан задать вопрос, который мучает его уже три недели. Секунды текли, пока Джеймс пялился на экран мобильного телефона. Мужчина набрал номер и одним движением пальца все решил. Послышались гудки.

Джоан

В одном довольно миллом городке Техаса проживает некая Джоан. Большой двухэтажный дом, предназначенный на семью из пяти человек, занимает только она. Коттеджный поселок на Бейсуотер-роуд, где женщина провела большую часть жизни стал ей родным. Рядом располагались такие же величественные особняки, отделанные декоративным камнем и красным кирпичом. Меньше чем через милю на юг пролежала граница с Рэндолом. Живущей в очевидной близости с другим городом женщине, всегда казалось, что она находится на перепутье между двумя мирами. Один диктовал ей смерть, другой милость, и тонкая грань периодически стиралась. Что и произойдет сегодня вновь.

В этом году Джоан исполняется шестьдесят лет. Определенный рубеж. Многие старички из дома престарелых сказали бы ей, что жизнь только начинается. Но для нее все закончилось сорок лет назад, когда она взяла на руки крохотное окровавленное «чудо». Девушка вглядывалась в сморщенное личико ребенка и пыталась понять, в какой из множества складок спрятан материнский инстинкт, о котором так часто повторяла ее мать.

В тот день, когда Джоан внезапно потеряла сознание и ей сообщили радостную новость, была гроза. Она хорошо это помнила, потому что, не дождавшись мужа с работы, сама поехала из больницы домой. Ветер хлестал в лобовое стекло, словно пытался разбить его вдребезги, деревья на обочинах дороги опасно накренились в разные стороны. Та же погода бушевала у девушки в груди. Ребенок? Это не входило в ее планы. Ей всего девятнадцать. Она вышла замуж только полгода назад. Джоан понимала, что замужество предполагает появление ребенка, но не так скоро. Она еще даже не свыклась с ролью жены, а теперь это. К счастью, девушка благополучно вернулась домой, хотя, как только она заперла за собой дверь, то поняла, что не помнит дороги. Сколько времени на это ушло? Двадцать минут? А может всего десять?

Муж предсказуемо обрадовался, услышав новость. Он крепко обнял жену и пообещал, что у них все будет хорошо. Джоан в этом сильно сомневалась. К тому же ее сомнения подкрепила тяжело протекающая беременность, боль-

шую часть времени девушка проводила в больнице или лежа дома на высокой двуспальной кровати. Скука и боль. Вот и все ее подруги в тот период. Она даже подумывала о том, чтобы отдать ребенка тому, кому он нужнее. И чем ближе подходил срок родов, тем все больше в Джоан росла уверенность в принятом решении.

Плод вышел на свободу на две недели раньше. Молодая женщина испытывала жуткую боль, которая как ей казалось приведет ее к смерти и в какой-то момент она даже обрадовалась этому: не придется строить из себя любящую мать. Но Джоан выжила, как и ребенок, ее сын. Маленький человек, которого она должна вылизывать как разродившаяся псина. Такой мерзости девушка еще не видела. Чувство отвращения, оставляющего противный привкус горечи на языке, не покидал ее следующие сорок лет.

Мальчик не страдал тяжелым заболеванием и не был уродлив. Что-то гнездившееся внутри него притягивало руки женщины к тонкой шейке, которую так легко свернуть. Только в последние секунды, когда ее длинные пальцы почти касались мягкой детской кожи, Джоан удавалось прийти в себя и ужаснуться губительным мыслям. Это же ее ребенок, он ничего не сделал и не заслужил смерти. А вдруг, в будущем из него прорастет зло, что делать тогда? В этом случае, несомненно, совесть замолкнет, и поучающий голос в ее голове наорет на нее и назовет трусихой, не способной завершить дело до конца. Каждый раз встречаясь глазами с

сыном за завтраком по утрам после необъяснимых ночных порывов, мать читала в его взгляде одно: Я все знаю.

Когда Джоан поняла, что ей не выжить, оставаясь с ребенком наедине на протяжении долгих недель и месяцев, девушка упростила мужа дать ей возможность поступить в университет и заняться тем, чего она так яро хотела: психология. Муж согласился после долгих уговоров и сыну нашли няньку, а Джоан получала возможность ненадолго уезжать, избавляя себя от присутствия младенца. Она общалась с другими студентами, внимала преподавателям и засиживалась в библиотеке, изучая причины поведения людей. В такие моменты женщина не думала, что где-то живет и дышит ее ребенок, которого она терпеть не может. Девушка полностью погружалась в работу, надеясь в будущем помогать людям и возможно найти ответы на одолеваемые ее вопросы. К сожалению учеба закончилась слишком быстро, и счастье Джоан доиграло свою роль до конца.

В общей сложности скрываемые ото всех мучения продолжались долгих восемнадцать лет, затем наступило избавление – сын уехал в колледж. С того самого дня, как он сел в подаренную в честь окончания школы новенькую Хонду, Джоан его больше не видела, день его свадьбы она не брала в расчет. На ней присутствовало так много гостей, что они почти и не сталкивались. За следующие двадцать два года она почти забыла его лицо, из памяти стерлось звучание голоса, а вчера он неожиданно позвонил. Женщина думала, что если

это когда–нибудь и случится, то увидев на экране мобильного незнакомые цифры, она поймет, что это он. Видимо с интуицией у нее и впрямь проблемы. Джоан не задумываясь подняла трубку, и, когда прозвучали первые слова, застыла посреди кухни.

– Здравствуй, мама. Как поживаешь? – елейным голоском произнес мужчина.

Один тон вызвал в Джоан волну отвращения. Он решил ее напугать? Только ни черта у него не выйдет, она его ненавидела, но никогда не боялась.

– Зачем ты мне звонишь? – женщина посмотрела в окно в надежде не увидеть чужую машину.

– Я думал, ты соскучилась по мне за столько лет. По–моему, больше двадцати прошло, а я помню наши семейные обеды, будто это было вчера, – мужчина вздохнул, изображая глубокую тоску по давно минувшим дням. Не дождав­шись ответа, собеседник сменил тон на более серьезный и заговорил, понизив голос:

– Хоуп пропала. Я хотел узнать, может она у тебя?

Джоан по спирали закрутило на тридцать пять лет назад, когда она прохладным утром сидела на пляже с маленьким сыном, вокруг только чайки, песок и стеклянная гладь моря. Они всей семьей тогда отправились в отпуск насладиться пляжами Вирджинии–Бич. Ее муж остался в отеле, жалуюсь на несварение и Джоан пришлось самой отводить сына к морю. Чего ей стоило тогда столкнуть ребенка в воду и при-

бежать домой с криками, что ее мальчик утонул? Она этого делать не стала, жалость пересилила. А что сейчас? Ей хотелось закричать, чтобы весь мир услышал. Надо было придумать этого писклявого щенка, пока была возможность. Какая же она дура! Джоан не сомневалась: ее любимая внучка пропала из-за отца, это он виноват. Чтобы ты сгорел, ублюдок.

– Что значит пропала? Ты издеваешься надо мной? – процедила сквозь зубы разозленная женщина.

– Ее нет, это случилось три недели назад, она не пришла в школу, и я...

– Стоп, стоп, стоп! Три недели? И ты звонишь мне только сейчас? Где твои мозги, Джеймс? Оставил в зале суда? – Джоан разрывало от злости и презрения.

Она все еще не могла поверить, что девочка сбежала. Ведь все было хорошо, они разговаривали совсем недавно, и Хоуп даже смеялась. Женщина надеялась, что это хороший знак, будто человек, который улыбается шутке, не может планировать побег. Джоан, осознав, что это происходит на самом деле, почувствовала затапливающую ее вину. Почему она ни черта не сделала, не выпытывала у Хоуп информацию о ее настроении и здоровье. «Все нормально, бабуль». И такой ответ ее удовлетворил.

– Значит так, – продолжала женщина, – если ты не расскажешь, что сделал, я превращу твою жизнь в ад. Ты долго добивался всего, что у тебя сейчас есть. Но знаешь, сынок,

чем выше ты стоишь, тем больше будет удар о самое дно. Так вот, я сделаю так, что ты все потеряешь!

Голос Джеймса дрожал от многодневного напряжения и боли:

– Ничего я не делал! Она – подросток и просто показывает свой характер. И если уж мы говорим о вине, то вспомни как ты обращалась со мной, думала я не вижу твою ненависть или желание от меня избавиться? Я слышал ваш разговор с отцом в ту ночь, ты меня никогда не любила. И все, что сейчас происходит – на твоей совести! – на последней фразе голос Джеймса внезапно сорвался до высоких нот, словно он готов впасть в истерику.

Джоан удивилась его реакции, она думала сына вообще уже ничего не трогает. Женщина зло усмехнулась трубку и, тщательно проговаривая каждое слово, сказала:

– Я тебя не любила, это правда. Не потому что я плохая мать. Просто я чувствовала, что ты – исчадие ада и я знала, что–то должно случиться. И знаешь, в чем я виню себя сейчас?

Джеймс задержал дыхание, ожидая ответа, будто от этого зависела его жизнь.

– Что не выскребла тебя из своего тела, пока ты еще был кровавым сгустком.

На другой стороне слышались короткие гудки.

Джоан Элизабет Брукс после смерти мужа вернула деви-

чью фамилию, став миссис Агилар, тем самым она порвала последнюю связь с сыном. Со дня неожиданного звонка прошли сутки. Женщина не спала всю ночь, вглядываясь в огонь и ожидая, что Хоуп одумается и вернется, что она приедет к ней, но, часы размеренно тикали на каминной полке, а ее все не было. Весь следующий день Джоан все так же просидела у огня, не выходя из дома. Накатившая на нее апатия, которая не была ей свойственна нарушила распорядок миссис Агилар. Но случайный свидетель ее состояния не смог бы правильно трактовать случившееся, потому что сидящая неподвижно женщина прокручивала в голове последние телефонные разговоры с внучкой, надеясь отыскать в интонациях голоса или непривычных выражениях подсказку. Девочка говорила о школе и подружках, об успехах в рисовании. Все, как всегда. И обычно внимательная Джоан, не заметила в ее словах подвоха, вынужденного прощания.

Кто бы мог подумать, что она страдает? Кто бы мог подумать, что она так хорошо умеет врать. Джоан не тревожило молчание телефона в течение трех недель. У девочки своя яркая жизнь, какое ей дело до одинокой старухи в южном штате? К тому же она взрослеет и все сильнее отдаляется от непонимающих молодёжь родственников.

Покончив с бесплодным сидением на месте, Джоан поднялась с кресла и взяла с полки стоящий на виду альбом. Она открыла его на первой странице и внимательно вгляделась в изображение, через несколько мгновений женщина пере-

ходила к следующему снимку. Фотографии, которые они делали каждое лето, когда Хоуп приезжала к ней, были единственным, что Джоан могла от нее взять. Частичка, которая хранилась рядом с ней, дожидаясь следующего лета. На середине альбома женщина внезапно остановилась, попеременно переводя взгляд с одного снимка на другой. Слева ей девять лет, толстые косички опущены на плечи, она жмурится от яркого солнца, бьющего в глаза. Нет большего счастья, чем на этом снимке. Справа она отметила свой первый юбилей – десять лет. Все так же светит солнце, но теперь что-то изменилось. Джоан не могла понять, что здесь не так, пока не закрыла ладонью сначала верхнюю часть лица, а затем нижнюю. В зеленоватых глазах застыла печаль, причину которой женщина не знала. Она пролистала дальше и чем старше становилась Хоуп, тем все глубже грусть вгрызалась в ее лицо. Джоан с силой захлопнула альбом, внося в наполненный тишиной дом резкие звуки, и после двух дней обвинений, упреков и жалости к себе, она решила найти Хоуп. Подумать, куда она могла бы поехать и, если девочка жива (Джоан уверяла себя в этом), она заберет ее с собой. Джеймс об этом даже не узнает. Агилар собрала вещи и оплатила счета на месяц вперед, так, на всякий случай. Когда она села в машину вечером второго дня после долгих размышлений о внучке, то поняла, что не знает куда ехать.

Женщина вернулась в дом и села на диван в гостиной. Тишину нарушало только тиканье наручных часов. Спустя два

часа, когда уже совсем стемнело, Джоан посетила догадка. Отложив поездку на следующий день, женщина ушла спать.

Глава 10

Пайпер

Неделя работы в баре «Рокси» была веселой и воняла пивом. Пайпер уже легко справлялась с запотевшими бутылками и нахальными мужчинами и ей все реже приходилось обращаться за помощью к Глории. У Грега, чье присутствие приятно скрашивало тяжелые смены, вошло в привычку провожать девушку домой каждый вечер и по пути разговаривать ни о чем. Хотя ему трудно было обходить каверзные вопросы стороной – нельзя сказать что-то о себе не затронув больной темы – все дорожки в любом случае вели к тому, о чем парень не мог ей рассказать. К тому же было бы не честно говорить о себе, когда с другой стороны не слышишь ответа. Появляется чувство, будто из тебя намеренно вытягивают информацию для не добрых целей. Поэтому Грег давал Пайпер приманки, но как только чувствовал, что ей становилось любопытно, он замолкал и не шел дальше. Да, девушка несомненно больше любила слушать, чем говорить. С каждым днем ее доверие к Грегу росло, но возможность обвинения и непонимания заставляла Пайпер держать секреты при себе. Ее преследовал страх, который навязчивым шепотом предостерегал о скрытых угрозах. Вероятно, девушка неправильно трактует выражение его лица, принимая его за друга и надежную опору и как только главные сло-

ва будут произнесены, Грег тотчас станет ее презирать. А как всем известно, сказанного не вернешь и ничего уже не исправишь. Поэтому Пайпер сторонилась откровенных разговоров и вот уже неделю они болтали о пустяках, чаще всего о школе. Но кто знает, возможно сегодня все изменится.

Грег шел рядом с девушкой, ведомый ею. Она выбрала другой маршрут, стараясь обойти приглянувшийся ей собор стороной. В груди часто рождалось чувство, что он принадлежал только Пайпер и показывать его, впускать в святую посторонних было для нее табу. Они огибали французский квартал, с севера цепляя площадь Дункан по Грейвьерв-стрит, а затем снова уходили на право. Архитектура французского квартала с приземленными домами и тесными проулками на краткие мгновения менялась, уступая место немногочисленным высоткам, которые множились по мере отхода к Централ сити. Когда они вновь вернулись к частным домам и относительной тишине в такой поздний час, Грег использовал очередную ловушку:

– Я приехал из Калифорнии. Хочу начать новую жизнь. Поступить в колледж. Купить дом и завести собаку, – он улыбнулся.

Двое шли на расстоянии полуметра друг от друга, сохраняя дистанцию. На ночном небе загорались звезды, вдалеке играла музыка.

– Ты прожил так долго, чтобы устать от старой жизни? – спросила Пайпер, пока он не задал ей личный вопрос.

– Количество прожитых лет не имеет значения. Встречалось много плохого. Любой бы сбежал.

Она помолчала, будто обдумывая эту мысль, а затем определившись с ответом, сказала:

– Нет, только смелый.

Парень остановился и посмотрел на девушку.

– Смелый бы боролся, а не сбегал. Это трусливый поступок.

– А что, если другого выхода нет? Если сбежать – единственный вариант?

Пайпер отвернулась от наблюдательного взгляда и продолжила идти. Грег отстал на один шаг, стараясь не маячить у нее перед глазами, чтобы не спугнуть момент.

– А ты считаешь себя смелой?

– Я...нет, точно нет.

– Но ты сбежала.

Пайпер резко остановилась. Она чувствовала дыхание Грега на своем затылке.

– С чего ты взял? Просто у меня нет родных, в приют не хочу. Вот и живу теперь неподалеку.

– Неподалеку от чего? Знаешь, что я заметил? Твой рюкзак.

– Мой что? Я...

Грег продолжил, не дав Пайпер договорить.

– Рюкзак фирменный, продается только в Нью-Йорке, – девушка нервно сглотнула. – Либо ты его украла, либо он

твой. Но я думаю твой и это не мое дело. Если ты не хочешь рассказывать, я лезть не стану. Но и с моей стороны откровенности не жди. Не люблю без взаимности, – он продолжил идти, а Пайпер не удавалось двинуться с места.

Через пару шагов Грег обернулся и спросил:

– Ты идешь или будешь спать сегодня здесь?

Девушка потрусила головой и пошла за Грегом.

Она не подходила слишком близко, следуя за ним. Ей нужно время подумать и прийти в себя. Стоило ли вообще обсуждать эту тему или лучше было промолчать? Глупо все эти дни хранить в себе тайну, а потом выложить все как на духу. Пайпер конечно этого не сделала, но дала отличную пищу для размышлений, которую Грег будет смаковать в одиночестве и в конце концов доберётся до правды. Ей ли не знать, что этот парень ничего не пропустит мимо, замечая каждый взгляд или нарушение ее дыхания, которое о многом говорит. И что ей теперь делать? Перестать общаться и избегать? Тогда это только подтвердит его теорию, а неосторожные слова станут одной огромной ложью, и он еще тщательнее станет ее изучать. Нет, это не выход. Тогда нужно не подавать виду, будто то, что Грег сказал полный абсурд и она удивляется широте его воображения. Так действительно будет лучше. С этой мыслью девушка догнала опередившего ее Грега.

Когда они подошли к дому Пайпер, если его можно было так назвать, окончательно стемнело, горели только фона-

ри через пятьдесят метров от дома, которые совсем недавно починили, но, как девушка думала, долго они не протянут. Несмотря на темноту и близость дотошного парня, Пайпер расслабилась. Сейчас Грег не увидит эмоций, написанных на ее лице. Нужно контролировать только голос.

– Ты куда не спешишь?

– Вроде нет. А что?

Девушка собиралась с духом, чтобы задать важный для нее вопрос:

– Может зайдешь? Поговорим.

Грега удивил такой поворот, и он на время лишился дара речи. Она пригласила его? Парень сомневался, что ее предложение было женской уловкой, приправленной стеснительностью или жалостливым взглядом. Все чувства Пайпер, которые легко читались на бледном лице были искренни, к тому же в такие моменты, девушка не знала, что за ней наблюдают и не могла притвориться. Тишина плотной пеленой придавливала к земле, отсчитывая секунды. Пайпер вдруг стало стыдно за неуместное приглашение, которое Грег мог истолковать по-своему и не так, как оно звучало на самом деле.

– Знаешь, забудь. Ляпнула, не подумав. Увидимся завтра на празднике, – она повернулась к двери.

– Подожди, ты не так поняла, просто сейчас уже два, а завтра на работу. А о каком празднике речь?

Пайпер даже не обернулась:

– Завтра День Рождения Марты, в этот день они закрывают магазин и приглашают только друзей. Работать не нужно.

– Я не знал..., – Грег сделал шаг навстречу девушке. – Тогда я не против зайти, если ты еще не передумала.

Она поколебалась, соблазненная возможностью отказать, но спустя несколько секунд твердо ответила:

– Не передумала.

Внутри дом казался еще более зловещим, чем снаружи. Выкрашенные в черный цвет стены напоминали комнату страха, подавляя любые позитивные эмоции. Даже если твой день удался, и ты безумно счастлив, один шаг в пасть чудовища и твое единственное желание – пустить пулю в лоб. Дом мало чем отличался от того, где проживал Грег: те же старые прогнившие ступеньки, в некоторых местах зияют дыры. Теперь он понял желания наркоманов. Лучше обдолбаться и видеть розовых единорогов, чем этот мрак.

Пайпер подвела гостя к двери у окна, в самой дальней части здания и вставила ключ. Два поворота и дом милый дом. В условиях грязи и запустения девушке удавалось поддерживать чистоту в маленькой комнате. На единственном подоконнике стояли горшки с цветами, на кровати красное покрывало. Яркое пятно в серости обстановки. Когда она включила свет, Грег не удержал изумленно вздоха. Все четыре стены были разукрашены красками, неся в себе чистый воздух изображенных полей и прохладу текущих ручьев. Слева Пайпер под серой горой спрятала длинный раскол, опускаю-

щийся в землю, глядя на этот рисунок создавалась иллюзия сдвига тектонических плит, в результате которого треснула заостренная громада. На другой стене месяцами копившееся и разраставшееся пятно от необильных осадков скрылось под затуманенным солнцем. Он обводил глазами каждую деталь, пытаясь запомнить всю картину целиком, чтобы, приходя домой его окружали не серые стены, а цветущий оазис.

– Садись, – сказала Пайпер, нарушая молчание, и ушла в ванную; зашумела вода.

Грег, с трудом оторвав взгляд от комнатного пейзажа, поворожал головой и застыл в нерешительности. Когда она вышла, парень еще стоял.

– У меня нет других сидячих мест, кроме кровати. Конечно, можешь устроиться на полу, – Девушка скинула туфли и залезла на постель. Грег сел рядом, облокотившись на стену.

Пайпер вскочила будто вспомнила о чем-то, подошла к выключателю, и комната погрузилась в темноту. Через несколько секунд зажглась настольная лампа.

– Не могу терпеть этот свет, как в морге, – объяснила девушка.

Мягкий желтый свет опустил на поля и гору вечер, Грегу казалось, что уже скоро он сможет увидеть кружащих в воздухе светлячков. Он, погруженный в картину, не заметил, как тишина окутала их, и Пайпер низко опустила голову. Парень наконец обрел дар речи:

– Все, что ты здесь нарисовала, это круто. Помогает не

свихнуться, – последовала реакция в виде слабой улыбки. – Ты занимаешься где-то или самоучка?

Пайпер подняла голову и посмотрела на результаты своих трудов, словно не веря, что она сделала это сама:

– Занималась. Год назад закончила, – подумав, что этого недостаточно, она продолжила. – Нужно было выбрать направление, в котором хочешь рисовать. Я выбрала два: пейзажи и портрет. Природа в принципе помогает расслабиться, особенно, когда ты сам ее создаешь.

– А портреты?

Девушка как-то странно на него посмотрела и, нахмурившись, ответила:

– Помогают понять людей, их эмоции. Когда работаешь над линией губ несколько часов, чтобы добиться сходства, невольно начинаешь разбираться в его характере.

– Это интересно и получается красиво, но мне бы точно терпения не хватило.

Пайпер пропустила его реплику мимо ушей и сидела, уставившись в пространство. Грег подумал, что невольно затронул какие-то уголки ее души, которые для него не предназначались и она уже пожалела, что пригласила его.

– Если ты хочешь, чтобы я ушел...

Девушка дернула головой и посмотрела на него виноватым взглядом.

– Нет. Просто... Ты прав, я приехала из Нью-Йорка, точнее сбежала.

Грег затаил дыхание, чтобы не спугнуть Пайпер. Он не ожидал, что она в чем-то признается, но похоже ей надоело разбираться с этим в одиночку. Девушка продолжала:

– У меня есть семья, хотя я чувствую себя сиротой. Моя младшая сестра – единственная, кого я не хотела оставлять. Это было тяжело. Знаешь, что я поняла, когда ехала сюда? – Пайпер подняла голову, но взгляд был опущен. – Деньги не дают счастья, слава не дает счастья и даже власть его не дает. Я жила в большом доме в престижном районе. Ходила в частную школу для девочек и ездила с личным водителем, – она горько усмехнулась, – только мне это не было нужно так же, как и сейчас. В моем доме были слуги! Будто мы аристократы какие. Личный садовник, повар и выводок нянь. Мой матери никогда не было до меня дела, пара коротких фраз, вот и весь разговор за шестнадцать лет, – по щекам девушки потекли слезы, но она вытерла их и наигранно рассмеялась.

Грег без слов взял Пайпер за руку и немного сжал. Она посмотрела на него и улыбнулась.

– Расскажи мне о своей семье, – попросила девушка. – Ты говорил о друзьях и занятиях по боксу, но о самых близких промолчал.

Грег, не выпуская руки Пайпер, заговорил:

– У меня тоже есть младшая сестра, ее зовут Шерри. Моя мать заботилась о нас, но мне все равно пришлось уехать.

– Они остались в Калифорнии? – спросила Пайпер.

– Мама – да, сестра у бабушки на севере страны.

Девушка поняла, что Грег не хочет распространяться о сестре и замолкла. Несмотря на то, что она сказала больше, девушка и не думала обидеться на него за скрытность, он же не тянул ее за язык. Парень посмотрел на нее и перевел тему:

– Какие у тебя планы на будущее? Не хочешь же ты всю жизнь работать официанткой в кафе?

– Нет, – Пайпер засмеялась, – у меня есть план. Но я боюсь, если скажу, то ничего не получится.

– Да ну, это все чушь. Если чего-то сильно хочешь и прилагаешь усилия, то сколько бы человек об этом не знало, все получится, – парень почувствовал напряжение Пайпер и ободряюще улыбнулся. – Ну если не хочешь, тогда не рассказывай.

Они разговаривали еще несколько часов, огибая нежелательные темы, осторожно прощупывая почву под ногами. Когда Грег выходил от Пайпер, начинало светать, на циферблате наручных часов короткая стрелка упрямо указывала на четверку. Ему потребовалось десять минут на то, чтобы добраться домой и еще одна, чтобы уснуть. Сегодня он видел хорошие сны.

Грег

Пайпер сказала, что вечеринка начнется в пять, когда жара уже спадет и гости освободятся от будничных дел. Поэтому Грег, проснувшись ровно в полдень, решил отменить пробежку. Нужно купить подарок, если он собирается пойти. А кто сможет выбрать стоящий презент женщине, как не

другая женщина? Парень резко вскочил с кровати, прихватив с собой чудаковатую улыбку и быстро умылся. Через десять минут он уже вышел из дома.

Грег повернул на запад и через двести метров увидел знакомую кофейню, где он купил американо и горячий пончик и повернул в сторону Дамейн-стрит. Ее дом будет стоять последним.

Сегодня для Грега Марлоу день казался лучшим: ярче светило солнце, громче пели птицы и проблемы потускнели. Вчера он понял, нужно наслаждаться каждым днем, пока живешь. Не думай о том, что будет дальше, этого может никогда и не случится и ты не заметишь, как прошли годы за думами о несбыточных мечтах. А то, что происходит сейчас – это реальность. Ты можешь дотронуться до любимого человека, слышать его голос, чувствовать знакомый запах. Такие моменты незабываемы.

Парень шел вдоль одноэтажных домов и серых сараев, многие из них были заброшены. Кое-где выбиты окна, погнуты калитки. Забавно, кто-то бежит отсюда в поисках лучшей жизни, а кто-то ищет счастливую жизнь здесь. Разные люди и на вещи смотрят по-разному. Он сразу узнал нужный дом, во мраке ночи он выглядел зловещим, при свете дня – больным. Входная дверь болталась на ржавых петлях, грозя в любой момент отвалиться, по стенам ползла плесень, на окнах кругами вились разводы. Грег увидел ее окно, зеленый бутон, готовый вот-вот распуститься, следил за окрест-

ностями. Вполне возможно, он сообщает хозяйке о каждом непрошенном госте.

Грег быстро поднялся наверх, стараясь не смотреть по сторонам и не поддаваться унынию. Он постучал в дверь и замер, прислушиваясь к шагам. Тишина. Он постучал снова, и в комнате послышалась возня. Щелкнул замок, и дверь открылась.

Перед ним стояла Пайпер. Темные растрепанные волосы и сонные глаза. Воодушевление Грега сходило на нет. Он не подумал, что девушка может еще спать.

– Я, наверное, слишком рано. – сказал парень, словно готов в любой момент уйти, только уходить он не собирался.

– А сколько сейчас? – просипела Пайпер.

– Уже почти час.

Глаза девушки широко раскрылись.

– Да? Давно я так поздно не вставала. Проходи, – спохватившись, сказала Пайпер.

– Я принес тебе завтрак, – сказал Грег, когда девушка вышла из ванной.

Она посмотрела на бумажный пакет в его руке и, покраснев, отвернулась:

– Спасибо, я не ожидала.

Парень пожал плечами:

– Мы же друзья.

Пайпер обернулась, держа в руках одеяло, и спросила севшим голосом:

– Правда?

Ей было приятно думать, что в чужом городе у нее появился друг. Конечно Барри и его семья всегда поддерживают девушку, но то было другое. Между ними есть что-то общее. Трагедия, которая их объединяет.

– Конечно. А еще, я хотел по-дружески попросить тебя о помощи. Мне нужно купить подарок Марте.

– Ах, так кофе – это взятка! – Пайпер шутливо толкнула Грега в плечо.

Он потер место удара и подыграл девушке:

– Полегче, боец, кажется у меня что-то хрустнуло, у тебя крепкий удар.

– Это точно не про меня. Мой учитель по физкультуре постоянно твердил, что у меня руки как сосиски. Болтаются в свободном полете.

Парень махнул рукой:

– Он просто завидует, – после короткой паузы Грег добавил, – и раз уж об этом зашел разговор, я могу научить тебя приемам самообороны, если хочешь.

Пайпер посмотрела на него. Эмоции на ее лице сменялись от желания сказать «да» до решительного отказа. И откуда он вообще узнал, что ей это необходимо? Неужели обо всем догадался? Несмотря на неумение прятать истинные эмоции за выдумкой, Пайпер сомневалась, что Грег мог разгадать тайну, которую она скрывает. Парень совсем по-другому видит мир и окружающих его людей и то, что с ней случилось

наверняка для него на грани фантастики.

– Ты подумай об этом, если что, я всегда в твоём распоряжении.

– Хорошо, я обязательно подумаю.

Следующие три часа двое гуляли под палящим солнцем. Со всех сторон по улице Дауфин–стрит на них смотрели витрины магазинов с изображением книг и игрушек, сувениров и недорогой одежды, они перемежались с кафе, барами и пабами; мимо проходили туристы в несуразных шляпах, останавливаясь на каждом шагу, чтобы сделать снимок. Они осмотрели почти все магазины в округе, но не смогли найти ничего стоящего. Пока не вышли к супермаркету на Бадин–стрит восток.

Огромное здание с сотнями узких окон и множеством входов; под разными углами, оно отражало свет, бросая косые лучи на прохожих и соседние здания. Возможно, эта его особенность – светиться, стоя посреди невзрачных построек, как знак, что здесь можно многое найти, привлекла подростков. Они вошли в здание и, просмотрев информационную стойку, двинулись вверх по лестнице на третий этаж. До праздника оставалось около часа, пока друзья смотрели на серебряный кулон с буквой М в одном из ювелирных магазинов в дальней части торгового центра. Они не сговариваясь подошли к продавцу и оплатили украшение. На праздник они успели вовремя.

Когда Грег и Пайпер, запыхавшись, вбежали в кафе, гости

уже всюду веселились, распределившись на группы. Слышались смех и звон бокалов, перекрываемые басом Арчи. Грег среди трех десятков голов нашел Марту и, отойдя с ней в сторону от основных действий, вручил подарок; женщина прослезилась и не удержавшись, обняла парня. Он застыл, не зная, что будет правильней, ответить на объятие или ничего не делать. Но подумав, что это может быть последний теплый жест в его жизни, парень обнял ее в ответ.

Грег не любил большого скопления людей, чувствовал себя загнанным в угол и беззащитным. К тому же, когда тебя окружают чужие люди, моментально возникает дикое желание сбежать. Почувствовав это снова, он поискал глазами Пайпер и вскоре увидел ее в компании Барри. Они смеялись. Во взгляде рыжеволосого мужчины читалось обожание. Но не изменится ли это, когда он узнает все ее тайны. Подумав об этом Грег подошел к ним. Барри не почуяв угрозы, улыбнулся парню и продолжил говорить:

– Потом отец гнался за нами по пляжу с веслом, а мы были настолько пьяны, что даже не смогли убежать, – Барри и Пайпер рассмеялись.

Девушка повернулась к Грегу, и он спросил:

– Тебя проводить сегодня... снова? – он выделил последнее слово.

– Да, конечно, – ответила Пайпер и повернулась к Барри. Он был мрачнее тучи.

Пока парень старался держаться в стороне и не давить на

беззащитную девушку, Грег взял дело в свои руки и вот уже несколько раз провожал ее до дома. Почему она отказала ему, когда он предложил свою компанию, а Грегу ответила согласием? Чем он так плох?

– Расскажи еще какие-нибудь истории, это очень весело, – попросила девушка.

Барри с громким стуком поставил бутылку пива на барную стойку, ослепленный обидой, и сказал, глядя Грегу в глаза:

– Меня отец просил помочь, только сейчас вспомнил. Я пойду.

Пайпер крикнула вслед удаляющемуся парню:

– Увидимся позже.

Он взмахнул рукой, не оборачиваясь, а девушка, взглянув на Грега, в недоумении пожала плечами.

– Что это с ним, минуту назад все было нормально и только... Он обиделся на твой вопрос? Я что-то не пойму. – Пайпер нахмурила брови.

– Я не знаю, может ему не нравится, что я около тебя ошиваюсь. Ревнует, наверное.

Девушка удивилась:

– Но мы же друзья, я, ты и Барри. К чему ревность?

Грег изучающе посмотрел на Пайпер и сказал:

– Друзей тоже ревнуют. Но давай закроем эту тему. Я хотел предложить сесть в первый попавшийся автобус и прокатиться. Поищем интересные места.

Предложение было заманчивым, Пайпер надоело разрываться между Треме и Бурбон-стрит, она и так каждый день меняла маршрут, чтобы хоть как-то разбавить картинку перед глазами, но ей этого было мало. Вот только девушка сомневалась, что ей стоит ехать в неизвестном направлении с Грегом, что-то в его просьбе настораживало. Она попыталась его ненавязчиво отговорить:

– Мы можем заблудиться, город чужой и неизвестный.

– Для этого и нужны экскурсии, чтобы лучше изучить его. Даже в Новом Орлеане можно путешествовать.

Видя сомнение девушки, Грег добавил:

– Давай, Пайпер. Когда еще появится возможность вырваться за пределы Трем-Лафита и Бурбон-стрит? Единственный выходной нужно использовать на максимум.

И снова попытка:

– А как же праздник? Марта может обидеться.

– Я думаю, она все поймет. Я поговорю с ней.

Пайпер ничего не оставалось как смириться с поражением, к тому же жажда сменить место, уехав подальше от скуки и запустения своего дома хотя бы на один вечер, подталкивала совершить необдуманнный поступок, о котором она в последствии может пожалеть. Девушка вздохнула и сказала:

– Ну нет, уходим оба, значит вдвоем и должны все объяснить. Пойдем, – Пайпер направилась в сторону Марты, лавируя между гостями.

Долгих объяснений Марте не потребовалось. Когда она

сказала заветное «Конечно, я не против», Грег неожиданно схватил Пайпер за руку, и они вышли в удушливое пекло. Девушка могла бы еще долго гадать о причине сближающего шага в виде переплетенных пальцев, но вряд ли бы ей в голову пришло, что Грег красовался перед Барри. Он заметил, как Гудман младший вышел из подсобки и направлялся к ним, когда разговор подходил к концу, поэтому Грег, не раздумывая, дотронулся до руки Пайпер и понял, что пути назад нет.

Через два квартала от кафе двое сели в автобус, не размыкая рук, и парень оплатил билеты в неизвестность. Заблудиться в пределах Нового Орлеана или любого другого городка Америки не представляло для Грега проблемы. Всегда найдутся добрые люди, которые подскажут дорогу, ну или стойки информации на автобусных станциях.

Десять миль тишины. Десять миль молчаливого сближения. Они не смотрели друг другу в глаза, единственное, что указывало на их близость – переплетенные ладони. Правильно ли я поступаю? Разве так ведут себя друзья? Нужно отпустить его руку, иначе он подумает о том, чего на самом деле нет. Но она не выпустила его руки, страшась разрушить тонкий мост, который они своими силами возвели. Автобус вез их в западном направлении в соседний городок Метари по автомагистрали I-10, уходящей на запад.

– Куда мы едем? – голос девушки взорвал тишину.

– Разве не все равно, – ответил Грег, сжимая ее ладонь.

Она улыбнулась:

– Наверное, ты прав.

Спустя пять минут Пайпер настроилась сказать то, что вполне возможно приоткроет окно в одну из сторон ее жизни. Девушка посмотрела на дорогу, которая бежала вместе с ними и, набираясь от нее сил, сказала:

– Моя подруга, Трейси, как-то сказала мне, что ездить на автобусе спиной вперед, все равно, что вернуться в прошлое. Не знаю, с чего это пришло ей в голову, но так семиклассница создала машину времени.

Грег внимательно слушал, словно каждое слово, произнесенное Пайпер было на вес золота. Когда девушка замолкла, он усмехнулся.

– И после этого ты решила сесть спиной вперед? – спросил Грег, – Чтобы проверить теорию, – он пояснил, видя недоуменное лицо Пайпер.

– О, нет! Для этого нужна соответствующая подготовка, а меня укачивает. Так что эксперимент провести не удалось.

Грег увидел в ее глазах грусть, несмотря на то, что она улыбалась. Пока разговор на тему времени еще висел в воздухе, он сказал:

– Это и к лучшему. В прошлом не найдешь ничего хорошего, нужно жить сейчас и не думать о том, что было. Все равно ничего уже не изменишь.

Девушка пытливо вглядывалась в его лицо, стараясь разобраться. Он все понял и пытается ее поддержать или гово-

рит о себе? Пайпер слишком много внимания уделяет только своей персоне, а Грег – другим. Может в этом и есть ее ошибка, она заикливается на собственных проблемах, вытекающих из прошлого и позволяет каждому прочесть правду на ее лице, а Грег переносит свои мысли и чувства на других, и это помогает ему все скрыть. И когда девушка наконец додумалась до этого, то поняла, что ни разу не задалась вопросом: что с ним случилось? Почему он был вынужден покинуть свой дом и разлучиться с родными, какие обстоятельства его на это сподвигли?

Когда объявили конечную остановку, солнце почти упало за горизонт, а Пайпер так и не нашла ответа. Посреди широкой улицы поток людей обтекал двоих, они стояли, не двигаясь, больше двух минут. Жители маленького городка обходили их, некоторые посмеивались над странными подростками, другие пугливо отстранялись, чтобы ненароком до них не дотронуться словно они прокаженные. Грег очнулся первым:

– Хочется найти тихое место, думаю здесь поблизости есть парк, – охрипший от долгого молчания голос вывел Пайпер из оцепенения. Она повернулась к нему и сказала:

– Люди подскажут.

Спустя десять минут они шли в направлении Запад Наполеон Авеню. По обе стороны от дороги располагались дома среднего класса. Одноэтажные редко с двумя этажами строения предпочтительно светлых оттенков утопали в зелени.

Ограждения в виде деревянных заборов портили яркую картинку, в то же время создавая иллюзию простоты местных жителей. Широкий ручей отделял полосы движения транспорта, привнося свежесть.

До парка Лафрениер подростки дошли за пол часа. Табличка перед входом сообщала об особенностях и жителях зеленых аллей, а еще о том, что им не обойти парка за всю свою жизнь. Посмотрев на карту в поисках наиболее популярных точек посещения, парень нашел нужное место. Они подошли к озеру, расположенному в центре парка. Только они и больше никого. Девушка скинула туфли и забралась на скамейку, Грег положил руку на деревянную спинку, сохраняя между своей ладонью и плечом Пайпер дистанцию.

– Здесь хорошо. Главное потом добраться домой и не заблудиться.

Грег усмехнулся и ответил:

– Я помню дорогу, так что не волнуйся об этом.

– Откуда столько наблюдательности? Как ты это делаешь? – Пайпер отодвинулась, вглядываясь в затемненные вечером глаза и выискивая в них правду.

Грег удивился вопросу и замешкался с ответом.

– Ну... я. Просто тренирую память, запоминаю разрозненные объекты в общей картине...

Пайпер перебила его на полуслове:

– Я не об этом. Мне иногда кажется, ты видишь то, что другие не замечают. Это пугает, и я не понимаю, как у тебя

получается.

– Например?

– Например, откуда я приехала и то, что я сбежала.

Грег развернулся к Пайпер и осмотрел ее с головы до ног.

– Это было легко, ты не умеешь скрывать эмоции. И знаешь, что я еще могу о тебе сказать?

Девушка тепло улыбнулась, позволяя продолжить и не ожидая следующих слов:

– Раз ты сбежала, значит вряд ли кого-то об этом предупредила. У тебя есть семья, которая так или иначе будет тебя искать. Твои родители достаточно обеспечены, а значит считают полицию бесполезной кучкой дураков, поэтому наймут детектива для поисков. Он будет разъезжать по Орлеану и показывать всем твою фотографию, и кто-то обязательно вспомнит девушку со светлыми волосами.

Пайпер вздрогнула, и Грег почувствовал ее дрожь.

– Значит я прав, ты перекрасила волосы, чтобы тебя не узнали. И возможно имя сменила.

– Как ты это понял? – севшим голосом спросила Пайпер.

– Когда я называл тебя по имени, ты иногда откликалась не с первого раза.

Девушка резко вскочила со скамейки и прошептала:

– Кто ты такой?

Грег слишком поздно понял свою ошибку и встал на ноги:

– Извини, я не хотел...

Пайпер остановила его движением руки, озираясь по сто-

ронам в поисках помощи. Будто нарочно Грег выбрал отдаленное место, где не проходили люди, к тому же девушка только сейчас заметила, как здесь темно. Из груди вырвался всхлип:

– Не подходи, не трогай меня.

Он оставался стоять на месте, разведя руки в стороны, словно предлагая Пайпер осмотреть его на наличие пистолета или ножа:

– Не бойся меня, если бы я охотился за тобой, как ты сейчас думаешь, то чего бы мне стоило в любой другой день связать тебя по рукам и ногам и отправить домой?

– Потому что человек, который меня ищет, не отвезет меня домой. У него другая цель.

– О чем ты говоришь? – Грег нахмурился.

– Если ты мне не враг, отвези меня домой.

– Пайпер...

– Отвези меня домой! – девушка повысила голос.

Всю обратную дорогу они провели в давящем молчании далеко друг от друга. Когда автобус прибыл в Новый Орлеан, Пайпер выскочила из едва открывшихся дверей и исчезла в темноте.

Глава 11

Сара

Три дня. Если верить словам Джерри, а она ему определенно верила – осталось ровно три дня, и все закончится. Прошло уже больше двух недель с тех пор, когда Сара по-

следний раз видела своих детей, обнимала их и вдыхала родной запах. Конечно, она звонила и писала им, интересуясь как они выживают вдалеке от дома, но бодрые ответы и заверения в том, что у них все хорошо, не вселяли в душу Сары само собой разумеющуюся надежду. Женщина чувствовала себя виноватой и для того, чтобы искоренить это чувство, она должна была на какое-то время забыть, что у нее есть семья и освободить место в груди лишь для хладнокровия. Сара нервно ходила по комнате и призывала себя успокоиться, иначе из-за нее все полетит в тартарары, она смотрела на часы с одинаковой периодичностью, заставляя время бежать быстрее. Ей так хотелось вернуться к нормальной жизни; оставить прошлое в прошлом и радоваться настоящему, как это делают ее соседи и друзья; быть обычным человеком. Женщина понимала, сложный период, который длится несколько недель – ее наказание за предательство, его надо пережить и помочь восстановить справедливость, тогда она сможет спокойно спать и не видеть кошмаров по ночам.

На следующий день после побоев левый глаз так и не открылся, а синяки приобрели черный оттенок. Сара по несколько раз на дню ставила себе примочки, протирала лицо заживляющей мазью и молилась, чтобы все поскорее прошло. Когда вернулся Блейк и увидел результаты своих трудов, то не на шутку испугался. Еще бы, соседи могли поднять шум при виде изуродованного лица Сары. Доновану хватало проблем на работе, чтобы еще разбираться с разгневанны-

ми старушками, которые со скоростью света разнесут весть по всему городу, прибавляя все новые и новые подробности, выдуманные в поврежденном маразмом мозгу. Да и начальству лучше об этом не знать, поэтому наутро женщину ждал букет цветов и молчаливые извинения, которые преподнес ей Блейк.

Сара как всегда рано проснулась и увидев, что мужчина уже ушел на работу, облегченно вздохнула и начала заниматься повседневными делами. Когда он неожиданно вернулся домой, женщина решила, что его уволили за поездку в другой штат без уведомления начальства. Поначалу, эта мысль ее обрадовала, а затем, когда она хорошенько подумала, сбила с ног. Что же делать, если Блейк больше не полицейский? Как его остановить? Сара дернулась от скрипа входной двери, но так и не обернулась, продолжая осуществлять незатейливые манипуляции: приготовить тосты, добавить в кофе сливки. Она поняла, что мужчина стоит за ее спиной только по гробовой тишине, воцарившейся в кухне. Что ж, я даю тебе возможность заговорить первым. Сара знала, что отталкивать от себя Блейка глубокой обидой сейчас не самый лучший шаг, но с другой стороны, если она простит Донована слишком быстро за то, что он с ней сделал, то он сможет что-нибудь заподозрить. Нет, в таком деле нужно быть умнее. Не дождавшись от Блейка ни слова, женщина повернулась к нему и, посмотрев в глаза (то есть обратив внимание на разукрашенное лицо невольным жестом), быст-

ро отвела взгляд. Сара выглядела довольно грустной, как и должна выглядеть женщина, которую избил сожитель. Она искоса поглядывала на Блейка, пытаясь прочесть чувства на его лице, но низко опущенная голова не позволяла сделать этого в полной мере, хотя и говорила сама за себя. Женщина отпила кофе и он, словно усмотрев в этом сигнал, заговорил:

– Мне очень жаль.

– Мне тоже.

Выбранная стратегия молчания должна сработать, главное не переборщить. После скомканных фраз они ничего не сказали, будто давали возможность отдохнуть друг другу от пары произнесенных слов. Начало было положено, и Блейк понемногу продвигался к Саре и ее прощению. Он сел напротив женщины, достаточно близко и в то же время на некотором расстоянии, словно понимал, что лучше сейчас к ней не приставать. Мужчина положил букет на стол, который все это время сжимал в руке и, преодолевая невидимый барьер, сказал:

– Не знаю, что на меня нашло, но могу обещать, что этого больше не повторится.

– Я надеюсь на это, Блейк.

Когда он услышал свое имя, то наконец поднял на нее глаза и тут же отвернулся, увидев переливающиеся всеми цветами радуги синяки.

– Будешь кофе? – Сара сделала шаг навстречу.

Видимо решив, что женщина его окончательно простила,

Блейк кивнул и, пока она стояла к нему спиной, осторожно спросил:

– Сара, ты же знаешь, что я был в Монтане и не нашел там детей, – он сделал паузу, ожидая, что она сама ответит на непрозвучавший вопрос, но услышав в ответ только тишину, спросил. – Так где же они?

Опять начинается. Неужели снова придется терпеть боль, когда старая еще не до конца прошла? Женщина развернулась к нему, готовая ради своих детей отдать жизнь, и сказала:

– Они в Монтане. У моей мамы. Если их не было дома, то они возможно пошли в кино или просто погулять. Не будут же они днями сидеть с бабушкой.

– Это конечно возможно. Но вот, что странно. Тереза убеждала меня в том, что у нее их нет. И мне интересно, почему она так сказала?

– Это допрос? Просто их не было дома в ДАННЫЙ момент, и поэтому она так сказала, – Сара начинала нервничать и злиться. Ей с трудом удавалось усмирить губительный для дела гнев. – И с какой стати тебя начали интересоваться дети? Я не замечала, чтобы ты с ними ладил или общался когда-нибудь? Зачем они тебе?

Блейк внезапно побледнел, а потом, пробормотав нечто вроде «не зачем», поднялся и ушел, хлопнув дверью. Сара еще долго смотрела в окно, следя за уходящим мужчиной. Что с тобой, Блейк? Что еще ты скрываешь? Она знала в чем

вина Donovan и все благодаря Джерри, который открыл ей глаза. Конечно, женщину не посвящали в детали, все потому что, несмотря на материнскую любовь к своим детям и жажду мести, она могла проговориться, если Блейк вдруг надумает выпытать из нее ответы, но Сара и так все понимала и не требовала объяснений. Но то, что она увидела в лице мужчины сейчас было для нее в новинку. Еще одна загадка, которую Саре предстоит разгадать. Решив, что подумает об этом позже, женщина вернулась к насущному вопросу: поиск номера.

За три года жизни с Блейком, на протяжении которых Сара являлась свидетелем разного настроения: от радости до гнева, женщина поняла, что он глуп, заносчив и высокомерен. Такие выводы сделать было очень просто, ведь Блейк считает себя неуязвимым и самым умным, не замечая при этом того, что творится у него под носом. В краткие моменты отрезвления или как называла это Сара – мыслительной активности, Donovan приходило озарение: он может быть пойман и наказан за свои проступки, которые ему казались невинным детским баловством. Тогда он ведет себя как нашкодивший щенок.

Сара, много лет проработав в службе доверия и принимая звонки от самых разных людей, значительно поднатрела в азах психологии. Зная краткую историю о детстве Блейка и сопоставляя ее с поведением уже взрослого мужчины, она догадалась, что Donovan живет по ориентирам. Обще-

ство говорит, что бить людей плохо, поэтому если ты вдруг не удержался и согрешил, нужно делать вид, что ты виноват; радоваться чужому горю – ужасно, поэтому необходимо казаться сочувствующим. И плевать на те чувства, которые иногда пробиваются сквозь огрубевшее сознание, Блейк не может, не умеет их трактовать, по крайней мере так было, когда он еще ходил в школу. Теперь мужчина начал понимать, что испытывает стыд или вину за совершенные преступления, но идея как-то исправить содеянное ему в голову просто не приходит. Сегодня Блейк по шаблону найдет в своем арсенале и включит вину, а завтра снова станет самим собой, поэтому сегодняшний день возможно ее последний шанс на успех.

Сара нервничала. Стрелка часов медленно двигалась по кругу, издеваясь над измученной женщиной. Донован ушел только час назад, а ей казалось, что прошли уже сутки. Она не знала, чем занять себя в пустом доме, хотелось выйти на улицу и прогуляться, вдыхая запах свежей выпечки и краски на соседском заборе, аромат зеленой травы на газоне и мокрого асфальта; но разбитое лицо останавливало ее на пол пути. Сара пробовала отвлечься с помощью приключенческого романа в мягкой обложке, но строки сплетались в черно-белую паутину и мешали ей вникнуть в сюжет, приходилось разбирать слово за словом, как ребенок, который только учится читать. После очередной попытки, она отбросила книгу и взялась за фильм, где спецэффектам не было кон-

ца. Сара смогла выдержать только пять минут, две из которых приходились на плывущие строки с именами актеров и режиссеров и, заткнув уши от слишком громкого звука, остановила свою пытку. И с чего вдруг все ее чувства обострились? Может быть потому, что ей сегодня придется рискнуть, вероятно еще и своей жизнью или это знак свыше, что через несколько часов произойдет нечто страшное? За мучительными переживаниями, женщина не заметила, как самая короткая стрелка часов опустилась, глядя вниз, словно не хотела быть свидетелем того, что должно случиться. Внизу хлопнула дверь. Сара вздохнула и спустилась к Блейку. Она старалась казаться как можно более жалкой и забитой, несмотря на их утренний разговор, заставляя совесть Donovan зашкаливать. Он нес в руках два пакета и лучезарно улыбался, словно забыл, о чем они говорили за завтраком.

– Привет, милая. Я купил кое–что вкусное. Надеюсь тебе понравится.

Сара прошла за ним на кухню и жалостливо напомнила:

– Я не могу есть ничего твердого, рот болит.

Спина Блейка напряглась, женщина победно улыбнулась, отчего кожа болезненно натянулась.

– Можем выпить, – как бы невзначай предложила Сара.

Мужчина повернулся с облегчением во взгляде и ответил согласием.

Они поужинали и перешли в гостиную. Сара пила вино, Блейк – виски. Тем лучше для нее. День был жарким и дол-

гим, алкоголь довершит начатое, и он быстро вырубится. У нее будет время найти номер.

– Как дела на работе?

Блейк повертел стакан в руках.

– Да как обычно, нарики и проститутки. Вот и весь мой веселый день. Но скоро планируется операция, после которой, я уверен, меня повесят, – мужчина широко улыбнулся.

Сара сказала:

– Это потрясающе, поздравляю, Блейк!

– Поздравлять пока рано, но спасибо.

Он посмотрел на женщину, словно хотел задать вопрос, но потом передумал и поднялся с дивана.

– День был тяжелым. Я пойду спать.

– Да, конечно. Я приберусь и приду к тебе.

Блейк осторожно поцеловал Сару в щеку и поднялся наверх.

Через пять минут он уснет, и тогда у женщины будет достаточно времени, чтобы найти то, что ей нужно. Только бы он не заметил. Сара надеялась, что Блейк не спит с телефоном в обнимку, иначе задача усложнится, и ей придется как можно скорее придумать новый план. Она погремела стаканами для виду и, считая каждую ступеньку словно последние секунды своей жизни, поднялась на второй этаж. Из комнаты доносились зачатки храпа. Как она и думала. Сара вошла в комнату и посмотрела на распростертое тело в кровати. Она постояла над ним несколько минут, представляя какой ужас

Блейк испытывает, когда его поймают, и насладилась своей реакцией. Я за все тебе отомщу. Будь уверен.

Сдвинувшись с места, Сара подошла к наброшенным на спинку стула вещам мужчины. Облазив карманы рубашки и брюк, она протянула руку к куртке.

– Что ты там делаешь?

Сара вздрогнула и обернулась. Блейк сидел в кровати и смотрел на нее ясным взглядом, словно он и не спал вовсе, а только притворялся. Заготовленная заранее отмазка пришла на помощь.

– Я думала постирать твои вещи, хотела спросить у тебя, но ты уже спал.

Блейк недоверчиво посмотрел на женщину и сказал:

– Ладно, постирай, – повернулся на живот и закрыл глаза.

Через секунду снова раздался храп.

Сара выдохнула и взяв вещи, направилась к двери. На выходе она застыла. Если Блейк так просто разрешил ей взять его одежду, то вряд ли там будет телефон, не такой уж он дурак. Она обвела комнату взглядом и остановилась на шкафе. А что, если...

Прежде чем сделать шаг, Сара посмотрела на спящего мужчину. Дорога длиной в пять метров казалась ей непреодолимой вечностью. Женщина немного приоткрыла резные дверцы, ласково проведя по ним рукой, и заглянула вниз. Она залезла в каждый ботинок Блейка. Ничего. Тихо чертыхнувшись, Сара уже собиралась уходить, когда ей в голо-

ву пришла мысль. Она достала свои старые сапоги, которые есть в шкафу любой женщины – малы, но выкинуть жалко – и которые она не носила уже пять лет. Может ли это быть вариантом?

Засунув руку в левый сапог, Сара почувствовала что-то твердое. Оборачиваясь на каждый неровный вздох позади, она вытащила телефон. Женщина поднялась с колен и вышла из комнаты, прихватив с собой охапку вещей. Пока она добиралась до ванной, которая находилась чуть дальше по коридору, ей все время казалось, что кто-то следует за ней. Захлопнув за собой дверь, защищая себя тем самым от невидимой опасности, женщина дрожащими пальцами набрала несколько цифр и нажала кнопку вызова. После первого гудка, она дала отбой и стерла свой номер из журнала исходящих. Нужно было возвращаться назад.

В спальне ничего не изменилось. Блейк не стоял с пистолетом в руке и не искал телефон в кожаном сапоге. Он все также храпел. Сара спрятала мобильник в то же место и стирая следы своего вмешательства, закрыла шкаф, затем спустилась вниз выпить воды и перевести дух. Ноги еле передвигались, глаза закрывались сами собой после опустошения, следующего за выбросом адреналина. Не забыть бы постирать вещи Блейка, как заботливая женушка. Сейчас особенно нельзя ошибаться. Она взяла свой мобильник, лежащий на кухонном столе и посмотрела на экран: один пропущенный. Только сейчас, когда опасность миновала, Сара по-

думала о том, что номер мог быть скрыт и весь ужас, скопившийся в грудной клетке, пережит зря. Женщине повезло, что Блейк настолько не осторожен. Она позвонила Джерри и продиктовала номер. Оставалось только ждать.

Джерри

Если вдруг Сара решит сбежать из клетки, в которую превратился ее дом, сколько времени ей потребуется, чтобы пешком добраться до полицейского участка, где она окажется под защитой Джерри? Благодаря несложным математическим вычислениям, ну или картам в навигаторе, ответ всплывает на поверхность: один час двадцать минут. Такой неожиданный порыв, который женщина не планирует и о котором даже не думает, порождает задачку, с легкостью решаемую пятиклассником: Из пункта А в пункт Б направляется женщина, то срываясь на бег, то переходя на быстрый шаг. Следом за ней на корвете модели С5 98 года выпуска со скоростью...да это и неважно едет кипящий от негодования мужчина с перекошенным от злости лицом. Через какое время разгневанный водитель догонит свою жертву, если она по пути подвернула ногу? А в том, что он это сделает сомнений нет.

И вот пока школьник решает незамысловатую задачку, а хромая женщина пытается найти укрытие, в полицейском участке сидит капитан и напряженно о чем-то думает. Сегодняшний день можно смело назвать удачным, учитывая, что несколько минут назад на телефон Джерри пришло сообще-

ние, продвигающее дело на милю вперед. Он обрадовался хорошим новостям, которые сгладили этот день и все предыдущие, наполненные бесполезным топтанием на месте. Благодаря Саре, смелость которой помогла полицейскому участку Реддинга выйти на крупного наркоторговца и его банду, они наконец—то закроют дело, начатое еще несколько лет назад.

Завтрашним утром, пока Джерри будет готовиться к облаве, Блейк получит индивидуальное задание, и его выполнение станет еще одним доказательством в личном деле Блейка Донована. Пока компьютерщики проверяли названный номер, Джерри сидел в кабинете и сосредоточенно думал в ожидании ответа от специалистов. Мужчина проговаривал про себя последовательность действий, отмечая на бумаге каждый этап, и когда возникал вопрос или выплывало несоответствие, он жирно подчеркивал шаг и искал выход, после чего двигался дальше. Каждый этап операции он осматривал с разных сторон, чтобы случайный сбой не помешал ему быстро сориентироваться в новой ситуации. Джерри знал, что одно слабое звено в общей цепи означает полный провал. Тогда несколько месяцев работы пойдут коту под хвост и начать все сначала уже не получится.

Когда цепочка была пройдена, Джерри поднялся из кресла и подошел к окну. Нужно было отвлечься, подумать о другом, пусть и непосредственно связанном с этим делом, чтобы освежить мозги. Следующая проверка либо станет окон-

чательной, либо обнаружит незамеченную ранее ошибку. Он устало облокотился на стену, позволив телу расслабиться, пока никто не видит, и провел ладонью по лицу, снимая тонкую пленку напряжения.

На темной улице давно зажглись фонари, их свет отражался от стеклянных окон и вновь возвращался к пешеходной дорожке, позволяя людям безопасно пройти к своим машинам. Зеленые насаждения, растущие по краям круговой парковки, защищали участок от любопытных взглядов. Деревья, не превышающие в высоту трех метров, покрывались черным налетом с приходом ночи, только часть тонких стволов и обращенные к фонарям ветви могли похвастаться незапятнанностью. Джерри любил ночь, где кончаются полномочия человека и начинается властвовать природа. Она успокаивала его нервы и чуть слышным шелестом плоских листьев предвещала победу над злом.

Мужчина подумал о Саре, которая через три мили от него не могла уснуть, прислушиваясь, как и он к тревожным сигналам. Джерри решил, что если постараться, то можно увидеть то, что видит в данный момент она, благодаря той связи между ними, которая укреплялась с каждым днем. Он доверял Саре. Ее мнение касательно Блейка, которое она не преминула высказать, как только Джерри об этом попросил, заполняло пробелы в официальной характеристике. Завышенные амбиции и самоуверенность, ощущение неуязвимости. То, что для него казалось обыденностью, те черты характера,

которые он взращивал в себе с рождения, оказались их преимуществом. Блейк не заметит подвоха. Капитан сомневался лишь насчет контактов Донована, опасные люди, не заискиванием и честностью, а кровью и угрозами, завоевавшими преступный мир, они смогут почуять неладное. Но у Джерри не оставалось выбора. Либо сейчас, либо никогда. Другого шанса не будет.

Мужчина в черном костюме оторвал взгляд от светлеющей мглы. План готов. Он вышел из кабинета, спрятав бумаги под замок и повернул налево. В полицейском участке почти никого не осталось. Далеко перевалило за полночь и только особо трудолюбивые сидели под лучами настольных ламп. Одни изучали дела, другие составляли отчеты. В кабинете шефа еще горел приглушенный свет. Джерри вошел, не постучавшись.

– Боб, извините, что без стука. Я хотел обсудить детали.

Питерс, не прекращая писать, указал на кресло. Джерри остался стоять. Через несколько минут, шеф оторвался от бумаг и поднял взгляд на капитана.

– Я и забыл, что у тебя геморрой, – сказал Боб и криво усмехнулся. – Какие детали?

– Мы должны отправить Блейка на задание дальше, чем предполагалось до этого. Если он будет неподалеку, до него могут дойти слухи, и тогда велика вероятность, что он сорвет нам операцию.

Шеф пожевал губами, размышляя над предложением

Джерри, и вскоре ответил:

– Хорошо, у меня есть на примете вариант. В двух часах езды. Подойдет?

– Да. Особенно, если там его загрузят работой.

Боб злорадно усмехнулся и сказал:

– Можешь в этом не сомневаться. Что–то еще?

Джерри долго думал над этим вопросом, прокручивая в голове предполагаемые ответы босса. Он с трудом произнес:

– Возможно Саре придется украсть его телефон.

Шеф непонимающе уставился на собеседника:

– Она уже это сделала. Если ты не помнишь, это Сара прислала нам номер.

– Я знаю. Я имел ввиду, совсем украсть, выкинуть или спрятать в надежном месте.

Боб поднялся из кресла и стал, уперев руки в массивную столешницу. Губы сжались в тонкую линию.

– Ты вообще понимаешь, что несешь? Если он это заметит...

Джерри подошел поближе к столу.

– Я сказал: «возможно». Если выяснится, что Блейк связывался с контактами раз в неделю, или по определенным дням, будет разумнее забрать у него телефон. Он даже не заметит.

– Это риск, – Боб погрозил в сторону Джерри пальцем, – большой риск.

Капитан закипал:

– Я понимаю. Но еще больший риск – позволить ему взять его с собой.

На несколько минут в кабинете воцарилось молчание, нарушаемое лишь мерным гудением стационарного компьютера. За окном выезжающие с парковки автомобили бросали световые лучи на потемневшие стены и тут же, застуканные за подглядыванием, покидали пределы кабинета. В коридоре слышались сонные голоса, раздражающие своей монотонностью, они словно напоминали, что пора бы уже прекратить молчание и продолжить разговор. Но никто из мужчин не спешил этого делать. Боб смотрел на разбросанные по столу бумаги, будто искал в них ответ, заставляя Джерри гадать, что происходит в голове шефа. Наконец Питерс сказал, продолжая смотреть на исписанные листы:

– Завтра заберешь распечатку его звонков и сообщений. Придешь ко мне. Обсудим.

Отрывистые фразы – коронный номер разозленного Боба. Джерри понял, что уже ничего не сможет добиться и сдавшись вышел за дверь. Когда капитан О’Брайан покидал полицейский участок, стрелки часов перевалили за тройку. Он остановился на ступеньках перед входом и решал: пройти пешком пару кварталов до дома или поехать на машине. Спрятав блестящий брелок, мужчина повернул на северо-запад и через полмили уже входил в свой дом, стоящий на небольшой возвышенности от Маркет стрит. В такой поздний час на его пути встречались лишь дворняжки, иногда

проезжали редкие машины.

В доме, принадлежавшем его родителям, О'Брайана никто не ждал. Мать скончалась три года назад, пережив двоих сыновей, последний, оставшийся в живых брат Джерри, изредка навещал его в короткие периоды отпуска, так и не сумев оставить службу. Мужчина отпер дверь ключом и вошел в нагретый за день дом. Скинул тесный костюм и принял душ. Пока холодные струи проникали под кожу, капитан думал о Саре. Ей одной правда и справедливость были нужнее, чем всем, кто задействован в операции, ведь она выносила побои и чужака в своей постели, надеясь, что скоро плохие дни закончатся, и семья воссоединится. На что только женщина не пойдет ради мести.

Холодный душ взбудрил Джерри. Он медленно спустился в гостиную и налил себе выпить. Кресло застонало, принимая на себя вес мужчины. Через мгновение, сморенный длинным, трудным днем и алкоголем, он уже спал.

Утро в полицейском участке было не спокойным. По крайней мере так казалось Джерри. Обезьянники, заполненные до отказа проститутками и малолетними дебоширами, не предвещали ничего хорошего. Мужчина часто замечал, как преступный мир реагирует на постороннее вмешательство: каждый, кто к нему относился, в «особые» дни начинал что есть мочи буйствовать и нарушать закон. Возможно таким образом они давали подсказку свои собратьям о том,

что начинается атака.

Джерри подходил к своему кабинету, на ходу здороваясь с коллегами, и старался вести себя как обычно, не выдавая состояния, в котором он пребывал. Не успев дотронуться до ручки, мужчина услышал, как кто-то его позвал.

– Привет, капитан, – сказал Блейк. – Шеф сказал облава намечается через два дня. Джерри обвел глазами помещение и тихо ответил:

– Заходи.

Он плотно прикрыл за посетителем дверь и подошел к столу. Блейк без приглашения уселся на кожаный диван.

– Лучше бы тебе не болтать об этом. В такие беспокойные дни я мало кому доверяю.

– А мне значит веришь? – ухмылка Донована заняла пол лица.

Джерри стоял, облокотившись на стол со сложенными на груди руками. Чего ты хочешь, Блейк? Провести меня или увидеть страх у меня на лице? Как жаль, что у тебя не хватает мозгов, чтобы хоть что-то понять. Он выдержал многозначительную паузу, смакуя фразы, которые не были произнесены в слух, а затем ответил:

– Если бы не верил, тебя бы здесь не было.

Глаза Блейка перепрыгивали с лица Джерри, обследуя каждый дюйм, на его руки и широкие плечи. Вероятно, с каких-то пор мужчина почувствовал себя профессиональным наблюдателем, различающим любые эмоции, глядя на

тело человека. Он удовлетворенно хмыкнул, видимо заключив по собственным исследованиям, что О'Брайан опасности не представляет и перешел к изучению мысков своих ботинок, вытянув ноги вперед. Он медлил, постукивая ладонью по подлокотнику дивана, и насколько понял Джерри, хотел что-то сказать. Капитан не стал его торопить. С плохо скрываемой злостью Блейк произнес:

– Питерс отправил меня в Бейкерсфилд. Жаль, что пропущу все веселье, – он смотрел прямо в глаза Джерри, рассчитывая прочесть его мысли, отвечающие на брошенную вскользь фразу. Только капитан не доставил ему такой радости, он поднял одну бровь и искренне удивился:

– Какого черта тебе делать в Бейкерсфилде? И почему именно ты?

Блейк пожал плечами:

– Несколько копьев убиты, они просят помощи. Я уже бывал там. Боб считает, что лучше поехать тому, кто знает местную полицию и город. Поэтому выбор пал на меня.

– Он не предупредил меня. Придется делать перестановку, – Джерри прошел к креслу, не позволяя себе садиться, пока в кабинете посторонний, и сделав вид, что ищет нужные бумаги, мысленно указал Блейку на выход. Но тот оставался сидеть на месте.

– Что-то еще? – капитан посмотрел на подчиненного.

Донован поднялся с дивана и подошел к столу, он приблизился достаточно близко, чтобы тихо спросить:

– Ты говорил с Сарой?

Джерри состроил виноватую гримасу и ответил:

– Давно, совсем замотался. Надо бы ее навестить, когда все закончится. А что? Она спрашивала про меня?

Блейк отстранился и засунул руки в карманы куртки, почувствовав себя победителем и убедившись в своей неприкасаемости:

– Да нет, просто интересуюсь. Ну ладно, пора собираться в дорогу.

Он кивнул капитану и вышел за дверь. Джерри сел в кресло и сжал кулаки, удивляясь откуда в его всегда трезвом и рассудительному мозгу появилось столько злобы; он сидел и скрипел зубами, проклиная человека, который свои вмешательства разрушил жизнь не только Сары и детей, но и его собственную. Не долго ты еще будешь на свободе, Блейк. Из ступора Джерри вывел сигнал сообщения на компьютере, он открыл файл и тщательно его изучил. После этого удалил послание и направился к кабинету шефа. Телефон нужно украсть.

Блейк

Как только капитан О'Брайан вошел в участок, Блейк почувствовал тошноту, поднимающуюся от желудка к горлу горькой волной. Каждый его шаг, каждое движение и воздух вокруг были пропитаны уверенностью и самодостаточностью: с первым у Блейка не возникало проблем, второе колебалось на критически низком уровне. Он возненавидел

Джерри, как только тот появился в полицейском участке Реддинга, придя через год после Блейка. Донован уже считал себя одним из уважаемых офицеров, достойных носить почетное звание и значок, а тут появился какой-то проныра, который перетянул на свою сторону всех тех, кого Блейк видел в стане своих друзей. Очередная напасть, следующая за напарником, которому к нему приставили. На самом деле это Донован был побочным звеном в полицейском тандеме, но разве сможет у него язык повернуться так себя назвать.

Когда Блейк только поступил в полицейскую академию, он был зеленым юнцом, который видел мир совершенно в других красках. Получить звание офицера было наградой, первым шагом из сотни следующих. Он верно служил своей стране, вставал на час раньше, чтобы быть первым на службе, и ему нравилась такая жизнь. С какого именно момента все пошло под откос, он не помнил, но спустя несколько месяцев мужчина, который был старше Блейка на пять лет и не продвинулся дальше сержанта, стал диктовать ему что говорить, как ходить и о чем думать, словно он ребенок и без него не справится. С того дня все действия Донована стали казаться ничтожными, а дружеское расположение остальных полицейских постепенно сошло на нет. И почему человек, который может многого добиться в жизни, вдруг тормозит в самом начале пути, не продвигаясь дальше? И почему, несмотря на это, все продолжают его уважать и бежать за советом? Блейк ненавидел его и в то же время любил, как старшего

брата, которого у него никогда не было, поэтому он поклонялся напарнику, жаждал его похвалы, приспособливаясь не только физически, но и подстраивая свои чувства под ситуацию. В какой-то момент, когда офицер понял, что, несмотря на все старания, его никто не замечает, захотелось сделать больно тем, кто его предал, увидеть на их лицах страдание. Ведь это нечестно. Сколько усилий Donovan приложил, чтобы выстроить свою жизнь заново после отвратительного зрелища в виде родительских трупов, а напарнику дались легко и семья, и служба в полиции. Где справедливость?

Еще до того, как отец Блейка свихнулся, он сказал сыну: «В этой жизни нужно прорываться всеми удобными и неудобными способами, чтобы получить чего хочешь, иначе останешься в дерьме». Интересный совет от уборщика местного супермаркета, который неожиданно решил поделиться секретами «успеха» в карьере с малолетним сыном. Через два года после глубокомысленного изречения отца родителей не стало. Так обычно говорят про добрых граждан, принесших пользу городу или местной церковной общине, тех, кого любят и по ком скорбят не только родственники, но и жители ближайших кварталов. Родители Блейка не входили в эту категорию, и их смерть нельзя было назвать духовной или героической, после которой они, держась за руки, вознеслись на небеса. Их бы туда точно не приняли из страха залпать белые хлопья облаков кровавыми каплями. Если бы все сложилось по-другому... Но, к сожалению, они оказа-

лись жертвами безумия или... трезвого ума, это с какой стороны посмотреть.

Ранним утром девятилетний Блейк проснулся, чтобы пойти в школу. Мать собрала ему ланч, напоследок пригладив белокурые волосы сына, и отправила в добрый путь. Отец тогда мирно спал на диване в гостиной. Кто бы мог подумать, что и в солнечные дни проливается кровь.

Пока стремящийся к знаниям Блейк сидел за своей партой, в доме номер 5506 по Юг Белмонт Драйв отец перерезал матери горло и застрелился из дамского пистолета, когда-то давно приобретенного его женой для защиты от хозяина дома. Выстрела, как назло, никто из соседей не услышал. Мальчишка первым увидел залитый кровью ковер в гостиной и мозги отца на стене. Он не закричал и даже не заплакал, а просто молча сел на пол и продолжал смотреть, не в силах отвести взгляд. Таким его и нашли соседи спустя три часа. Входная дверь оставалась открытой, любой бы забеспокоился, особенно мужчина, живущий в доме напротив и везде сующий свой нос. Думается, он горько пожалел, что не застал всего процесса убийства, поглядывая в бинокль, работа отвлекла, пришлось уехать.

В тот же день новость разнеслась по окрестностям, приманив журналюг, не гнушавшихся выпытать у ребенка подробности преступления. Какие только заголовки на первых полосах местных газет не встречались в киосках, через стекло привлекая прохожих и повышая продажи мелких предпри-

нимателей. К счастью никто не успел навредить бедному ребенку, родная сестра матери, тетушка Пегги, забрала его к себе в Бейкерсфилд, освобождая его от участи подопечного в приюте.

И так дом, в стены и пол которого въелась кровь, остался в другом мире или даже забылся, словно и не было его никогда. По крайней мере на это рассчитывала тетушка Блейка. Она была доброй женщиной и значительно старше своей сестры, которая не слушая родителей, выскочила замуж в восемнадцать за человека с подпорченной репутацией. Тетушка регулярно в течение нескольких недель причитала, сетуя на судьбу и порывалась заплакать, при этом подбородок трясся как у больной сенильным тремором. Пегги не могла не знать, как тяжело мальчику справляться с навалившимся на него горем, но и не будучи наделенной острым умом, она не догадывалась, что постоянная угроза слез с ее стороны только сильнее заставляла ребенка отгородиться от внешнего мира, в котором отводилось место только боли и страданиям. Женщина думала, что отрешенный взгляд мальчика, его непрекращающееся молчание и тишина в качестве ответа на ее вопросы объединяет в нем тройку обезьян; и если бормотать про себя: я так и думала...говорила же я ей...и к чему это привело...что с ним теперь будет...бедный ребенок, то это никоим образом его не затронет. Однако, чем сильнее Пегги уверялась в сделанных наспех выводах, тем глубже мальчик прятался в себе и почти не слушал, что гово-

рила тетушка. Однако не стоит осуждать женщину, не зная, что с ней приключилось.

Пегги никогда не была замужем и не имела детей, посвятив свою жизнь в полном объеме престарелым родителям, для которых по всей видимости существовала только одна дочь, сбежавшая с подонком. Не зная ничего, кроме родного дома, не изведавшая мужской любви и женской дружбы, Пегги умело выполняла дела по хозяйству, следуя заведенному порядку, но как только разговор заходил о нравственном воспитании ребенка и привитии ему нормальных человеческих чувств и качеств, она могла поделиться только слезами. Поэтому, следуя совету многодетной соседки, она не пожалела денег на приемы психологов, которые не обнаружили явных проблем с психическим состоянием ребенка: он, к удивлению Пегги, четко и осознанно отвечал на вопросы, выполнял задания и не проявлял неконтролируемых приступов агрессии. Доктор решила, что его мозг заблокировал воспоминания, потому что на вопрос: Что случилось с твоими родителями? Он неизменно отвечал: Они попали в аварию. На этом сеансы закончились, доктор получила деньги и посоветовала, как можно скорее отправить ребенка в школу, чтобы он общался с другими детьми, и найти ему отвлекающее занятие. Но если верить словам великого поэта и мыслителя Иоганна Гете: советовать можно лишь в деле, в котором сам разбираешься, то следовать наставлениям доктора, чья жизнь прошла среди счастливых родите-

лей, братьев и сестер, и которая не знала бед и потерь, было огромной ошибкой. Ведь причина чудесного выздоровления состояла не в том, что мальчик сознательно отгородился от прошлого и кровавой картины, а в том, что ему редко удавалось заглушить бормотание тетушки, в котором однажды проскользнула интересная мысль: ах, если бы этот ребенок стал нормальным... он бы мог жить самостоятельно... а что теперь... останется на моем попечении навсегда. И только страх всю жизнь провести рядом с неуравновешенной теткой сподвигли мальчика нарушить молчание и сделать то, чего все так хотели: притвориться нормальным.

Прошло много лет, Блейк, окончив школу, а затем и полицейскую академию, старался не оглядываться назад, выбросив из головы мысли о семье. Только став мужчиной, который потерял все то, к чему так упорно шел, он начал все чаще вспоминать о матери и отце. Мужчина возрождал в памяти запахи крови и алкоголя, витавшие в воздухе еще несколько часов после убийства. Видимо перед тем как полоснуть по горлу любимой когда-то жены, отцу пришлось выпить последние запасы в доме. Ведь он не был смельчаком, а для того, чтобы убить, нужна храбрость, которую он и нашел в бутылке.

Блейк пытался представить, как все происходило. Видела мать, как отец приближается с ножом, пыталась его остановить? Или даже пикнуть не успела, как горячая кровь пропитала халат? Где и в какой момент у него возникла такая

мысль? На кухне, когда жена готовила ему завтрак или в комнате, наблюдая, как она переодевается, чтобы уйти на работу? А может такая идея созрела в его мозгу задолго до этого дня? Когда они ужинали за расшатанным столом или спали в своих постелях. А главное, что отец почувствовал, когда отнял жизнь у любимой женщины? Как решился взять в руки пистолет и спустить курок?

Думая об этом и представляя все, как сцену из фильма, мужчина понимал, что не винит отца, не презирает его и не жалеет, может старику их убийство казалось единственным выходом из бедности и несчастья. На самом деле Блейк вообще ничего не ощущал, ни скорби, ни любви, ни обиды, будто не было этих людей, будто история выдумана. Он словно исследователь задавал себе рациональные вопросы: о чем они думали в последний момент, перед тем как уйти в никуда? Было ли им страшно или они не успели ничего почувствовать? И что, если бы перед самим Блейком встал такой выбор. Решился бы он? Или спасовал?

Но что теперь об этом думать, Блейк сделал СВОЙ выбор, как и отец когда-то. Сейчас его жизнь наладилась, он этого заслужил после долгих лет унижений, оскорблений и неприятия. Донован стоял, облокотившись на стол и смотрел сквозь поднятые жалюзи на капитана О'Брайна. В голове Джерри происходили сложные мыслительные процессы, он был уверен, что у него все получится, но не учел, что рядом с ним, практически на расстоянии вытянутой руки, притаи-

лась угроза, препятствие, которое не даст Джерри получить похвалу от начальства. Ты веришь мне, а зря. Когда ты все провалишь, я буду смеяться громче всех.

Блейка забавляло с какой легкостью капитан посвятил его в свои планы, удивляло, что его проницательный взгляд не увидел предателя среди своих. Это станет его ошибкой, его падением. Будет ли тебе кто-то доверять после этого? Будет кто-нибудь смотреть на тебя как на героя? Я очень в этом сомневаюсь.

Когда шеф сказал ему о вынужденной командировке, Блейк почувствовал только гнев и раздражение; он готовился к повышению, к громкой операции, а теперь его как назло отсылают. В ту же минуту он решил, что не сможет оставить все как есть и что перестанет себя уважать, если не вставит им палки в колеса.

Блейк отвлекся от созерцания мужчины, забравшего всю его славу и подумал, что ему предстоит сделать перед поездкой в Бейкерсфилд. Сначала вернуться домой, сделать контрольный звонок и с чистой душой укатить, собрав перед этим вещички. От телефона лучше избавиться и приобрести другой, старый уже изжил свое. Ведь не думал же Джерри, что Блейк не повет на какое-то время связь и не обзаведется сим-картой с новым номером, на которую в случае чего никто не сможет выйти.

Пронесшийся мимо капитан прервал раздумья мужчины. За спиной О'Брайана захлопнулась дверь. Донован усмех-

нулся. Решили обсудить с шефом план облавы, зря старае-тесь. Насвистывая веселую мелодию, он вышел на оживлен-ную улицу.

Глава 12

Грег

День начинался хуже некуда, мало того, что лил холодный дождь, так еще и Пайпер не пришла на работу, оставив Грега наедине с доказанной виной и беспокойством за ее жизнь. В голове парня одно за одним крутились предположения: она бы не позволила себе уехать, не попрощавшись по крайней мере с Гудманами, даже если Грег напугал ее до чертиков. По их обеспокоенным лицам, он понял, что Пайпер не приходила тайно сказать им «пока» и умотать за океан, лишь бы быть от него подальше. Похитить ее вряд ли могли, он проводил девушку домой, без ее ведома конечно, и дождался пока в комнате включится и погаснет свет. Так что еще помешало ей прийти на работу, которую, по наблюдению Грег-га, она любила. Может она проспала. Один обычный вариант из множества сумасшедших как всегда последний стоял в списке. Конечно, Пайпер перенервничала и вполне вероятно уснула довольно поздно, забыла поставить будильник или решила больше никогда не видеть Грега, и такое в принципе возможно. Он решил подождать до полудня, и, если девушка не придет, бить тревогу, а точнее, идти к ней домой.

Четыре часа ожидания прошли в тревожном молчании, Гудманы заразившись от Грега тревогой искоса поглядывали

на него, готовясь увидеть хоть какую-нибудь реакцию. Наконец, Барри не выдержал:

– Я схожу, сколько можно ждать?

Парень бросил на него враждебный взгляд и резко ответил, пресекая попытки мужчины встретиться с Пайпер:

– Я сам.

Через десять минут с разрешения Арчи он стоял перед дверью Пайпер, мокрый с головы до ног.

Он постучал, ему ответила тишина. Постучал снова – результат тот же. Сердце Грегa волнительно забилося, уже не так категорично отбрасывая вариант с похищением. Он попробовал открыть дверь, и она со скрипом распахнулась. Пайпер лежала на кровати, свернувшись клубочком под красным покрывалом. Она дрожала. Грег взглянул в ее лицо, а она даже не открыла глаз, словно смирилась со своей судьбой в ожидании прихода убийцы.

– Пайпер, ты заболела? Мы беспокоились о тебе, – Он подошел и присел на край кровати, убирая спутанные пряди с горячей щеки.

– Ага, особенно ты.

Грег убрал руку, и накопившиеся вчерашним вечером невысказанные слова сами по себе вылезли наружу:

– Я тебе не враг. Мне не поручали искать тебя. Все что я тебе рассказал про себя – это правда. Поверь мне. Если бы я хотел от тебя избавиться, стал бы я прогонять тех подонков, которые к тебе приставали у «Рокси»? К чему марать руки,

если это могут сделать другие? Да и вообще, у меня было много удобных случаев, когда я мог сделать так, чтобы тебя никто уже не нашел.

Пайпер открыла глаза и посмотрела на Грега, она боролась с чем-то, что давно и настойчиво тревожило ее, в голове на постоянное место жительство заселилось множество вопросов, так и оставшихся без ответов. Девушке сложно было разобраться во всем в одиночку, но помощи по крайней мере со стороны семьи, она получить не могла, поэтому приходилось рассчитывать только на себя, все глубже и глубже погружаясь в воды неизвестности. Грег не понаслышке знал, каково это довериться не тем людям, какие последствия могут после этого быть, поэтому он понимал настороженность Пайпер и даже приветствовал ее. По щекам девушки потекли слезы:

– Мне страшно.

Парень понимал, что сейчас задавать вопросы ни к чему, ей и так было плохо во всех смыслах, и удовлетворение своего любопытства не считалось сейчас лучшим средством для выздоровления. Если она захочет что-то сказать, то сделает это без его подсказки.

– Я не дам тебя в обиду, – он вытер ее слезы и погладил по спине. – Ты поспи, а я схожу в аптеку. Выглядишь неважно. Я быстро.

Грег поднялся с кровати и, подумав о чем-то, сказал:

– Дай мне ключ, я закрою тебя, так будет спокойней. Де-

вушка показала на коврик перед дверью и снова закрыла глаза.

Заперев дверь на два оборота, парень спустился вниз. Стоило предупредить Гудманов, они наверняка не знают, что и думать. Парень быстро заскочил в кафе и не смог уйти без огромного пакета лечебных настоек и вкусной еды. Марта подсказала, что нужно купить в аптеке и велела провести этот день с Пайпер. Ей может стать хуже, а рядом должен быть тот, на кого можно рассчитывать.

За время его отсутствия ничего не изменилось. Девушка все также дрожала, сильнее кутаясь в одеяло. Грег поставил пакет на тумбочку возле кровати и тихо спросил:

– Ну как ты, боец?

Она посмотрела на него и попыталась улыбнуться:

– Да все отлично, думаю собраться по–быстрому и прыгнуть сегодня с тарзанки. Ты со мной?

Грег рассмеялся:

– Ты еще спрашиваешь.

Парень внимательно прочитал инструкции на упаковке лекарств и заставил Пайпер проглотить пилюли. Потом напоил ее чаем и уговорил поесть. После несложных манипуляций девушке стало лучше, на лице появился румянец, глаза перестали светиться нездоровым блеском. Перед тем как она уснула, Грег сказал:

– У меня сегодня смена в Рокси, я должен идти. И я скажу им о тебе.

Пайпер кивнула и провалилась в сон.

Грег решил зайти в Кракен перед ночной сменой в баре, и как оказалось не зря. Пока он докладывал о состоянии Пайпер, в кафе зашел высокий мужчина, принесший с собой особую атмосферу. Еще днем дождь, не успев начаться, закончился, и солнце, согревая жителей, полностью вступило в свои права. К вечеру воздух значительно прогрелся, и люди умирали от жары, прячась в тени баров и своих домов. Мужчина был не местным, мало того, что одет не по погоде: в брюки и темную рубашку, так еще и пришел в «Кракен» не с целью поживиться фирменными блинчиками. Он недавно побрился, будто готовился к встрече с хозяевами кафе заранее, открывая квадратный подбородок, который угрожающее выпирал вперед. Взгляд был внимательный, примечающий каждую деталь, но в тоже время уставший, по-видимому от долгой дороги. Мужчина осмотрелся вокруг и подошел к Арчи.

– Чем могу помочь? – спросил хозяин.

Незнакомец достал полицейское удостоверение и показал Гудману со словами:

– Я разыскиваю молодую девушку, вот ее фотография.

Он порылся в бумажнике и вытащил снимок. С потрепанного фото улыбалась юная блондинка с зелеными глазами. Грег напрягся.

– Вы ее видели?

Прежде чем Арчи смог открыть рот, парень выхватил у

мужчины фотографию и внимательно взгляделся:

– Я ее знаю. Когда найдете эту стерву, скажите, чтобы вернула мои двести баксов! – он швырнул снимок на барную стойку. – Вся такая милая из себя, на жалость давит. А на деле..., – зло бросил Грег.

Мужчина внимательно посмотрел на парня, словно оценивая его игру.

– Как вы с ней познакомились?

– Подошла ко мне на улице и попросила помочь сумки на автобусную станцию отвезти. Ну а мне что, жалко, что ли. Я и помог. Пока толклись на этой станции, она у меня бумажник и вытащила из кармана.

– А с чего вы взяли, что это она украла?

Грег усмехнулся и покачал головой:

– Да она так старалась побыстрее смыться... До меня это только потом дошло. А вы чего ее ищете?

Полицейский убрал фотографию в бумажник и ответил:

– Украла у родителей большую сумму денег и сбежала с каким-то парнем, – он посмотрел Грегу в глаза, давая ему шанс сказать правду. Парень даже не моргнул. Противостояние между ними длилось не долго, полицейский заговорил первым:

– Может еще что-то помните? Куда она поехала, например?

– Не, она мне ничего не сказала, вся какая-то дерганая, я даже спрашивать ничего не стал.

– Ну что ж, спасибо за информацию. Если что–нибудь вспомните, вот мой номер, обязательно позвоните мне, – он протянул Грегу белую визитку, в центре которой жирными черными цифрами выделялся номер, больше на карточке ничего не было.

Когда мужчина вышел за дверь, парень шумно выдохнул и повернулся к Арчи. Он смотрел на него так, будто впервые видел. Грегу даже показалось, что в его взгляде сквозило отращение и разочарование, увидеть такое от человека, чье мнение для тебя важно, хуже, чем услышать тысячу оскорблений. Однако Грег не мог ничего ему ответить или как–то объяснить то, что сейчас произошло на его глазах, тем более их это не касалось. Это дело Пайпер. Грег был благодарен высшим силам лишь за то, что рядом не ошивался Барри, который уж точно потребовал бы объяснений и Марта, чье волнение за девушку достигло бы критического уровня.

– Арчи...

Мужчина поднял руку и сказал:

– Не объясняй, будем считать я ничего не слышал, – и для спокойствия Грега добавил, – и естественно ничего никому не скажу, – он ушел в подсобку, оставив парня наедине со своими мыслями.

Планы поменялись. Теперь идти к Пайпер опасно: полицейский, если он действительно им был, хотя Грег в этом сомневался, мог и не поверить его игре и тогда станет за ним следить. Вывести его прямо на дом Пайпер – не самая

лучшая идея. Парень вышел из кафе и, не оглядываясь, спокойным шагом пошел в «Рокси» на ночную смену, стараясь выглядеть убедительно. Через два квартала он заметил темно-синий минивен. Если бы не толпа, собравшаяся вокруг машины, Грег не обратил бы внимания на неприметный фургон. Он подошел ближе и увидел недавнего знакомого, лежащего на земле. Мужчина был без сознания. Люди вокруг кричали, кто-то вызывал скорую. Не веря своему счастью, парень обернулся и бросился бежать. Пока тот в отключке, Грег сможет предупредить Пайпер.

Когда он зашел к ней, увидел, что ей стало легче. В комнате не стоял тяжелый дух болезни, она открыла окно, наслаждаясь свежим запахом дождя, засевшим в иссушенной земле, и вечерней теплоты, которая медленно, но верно увядала, готовясь к ночи.

– Привет, как видишь мне уже лучше, благодаря всем прищипкам Марты. Мне жаль, что я не смогла предупредить их о том, что меня не будет. Ты сможешь передать, что я завтра выйду?

Грег откашлялся и присел на кровать, пряча взгляд.

– Пайпер, тебе лучше не выходить завтра на работу и вообще... уехать подальше.

Она посмотрела на него. Эмоции на лице сменялись так быстро, что ухватить их все не представлялось возможным. Промелькнуло удивление и тут же сменилось раздражением, а от него недалеко было и злости.

– Что я такого сделала, что ты меня гонишь? Или может это Гудманы сказали? Они меня уволили за прогул? – голос Пайпер дрожал от обиды.

Грег взял ее за руку, которую девушка сразу же выдернула.

– Дай мне объяснить, только не перебивай, – она все еще злилась, но промолчала в знак согласия. – Сегодня перед сменой в «Рокси» я зашел к Арчи и Марте рассказать о твоём состоянии. В это время вошел мужчина и представился полицейским. Он показал твоё фото.

Пайпер дернулась и испуганно выглянула в окно, будто после слов Грега он влетит к ней в комнату, разбив стекло и убьёт на месте. Она не могла выдать из себя ни слова.

– Арчи ничего не сказал. Я выдумал историю, что видел тебя. Помог тебе дотащить сумки до автобусной станции, и ты украла мои деньги, поэтому я тебя запомнил. Если он поверил, то уедет искать в другом месте. Если нет... Сама понимаешь, – Пайпер хотела что-то сказать, но он прервал ее.

– Самое главное, когда я шел в «Рокси», на случай, если он за мной следил, то увидел, как вокруг него столпились люди, а он без сознания. Не знаю, что произошло. Но думаю, ему действительно стало плохо, и тебе стоит этим воспользоваться и слинять, пока он не пришел в себя, – Грег, как только произнес эти слова, подумал: А что, если коп притворился, зная, что я побегу предупреждать Пайпер, и он проследил за мной. Говорить этого вслух парень не стал, предугадывая

реакцию девушки. Сейчас еще нервного срыва не хватало.

Пайпер, услышав об охотящемся на нее мужчине, вско-чила и беспокойно заметалась по комнате. В какой-то момент она остановилась и посмотрела на Грега. Можно ли на него положиться? Сделает он так, как я прошу или на завтра уже все забудет? Пайпер не думала, что Грег испугается и откажется ей помочь, но втягивать в это дело постороннего, делиться тем, что она обещала себе никому не рассказывать, было противно ее натуре. Но с другой стороны, если она не скажет, тогда все было зря. Заранее придуманный план и побег, долгие скитания по стране и страх погибнуть на родине Сачмо. К чему это все, если человек, разрушивший ее жизнь, победит, останется невиновным и будет жить дальше, все также обманывая людей. Не для себя, но ради спокойствия других и их защиты, она должна все выложить, ничего не тая. Пайпер вздохнула и с трудом открыла рот:

– Мне нужно тебе кое-что сказать. Никто об этом не знает. И в случае, если меня все-таки поймают, кто-то должен сообщить об этом.

– Стой, о чем ты говоришь? Ты действительно считаешь, что этот человек собрался тебя убить? Это же бред. И кто его тогда нанял?

– Мой отец.

В комнате повисла тишина. Было слышно, как за стеной ругались соседи. Грег не веря своим ушам, стоял посреди комнаты, а Пайпер, закрыв лицо руками, тяжело дышала.

– Как... Я имею ввиду... За что? Почему? – мысли путались, не позволяя задать связный вопрос.

– Я многое про него знаю. Он делился со мной... тем, что не предназначено для чужих ушей. Он адвокат и...

– Слушай, я не хочу об этом знать. Если он сделал что-то плохое, ты сама об этом расскажешь полиции или еще кому-нибудь. Не надо делать того, о чем можешь потом пожалеть.

Пайпер подошла к Грегу ближе.

– Я не буду жалеть. Я понимаю, что ошиблась. Тебе я могу довериться. Помоги мне.

– Еще вчера ты говорила по-другому, да и сегодня утром тоже...

Она нетерпеливо махнула рукой:

– Теперь я знаю, что была не права. Выслушай меня, пожалуйста.

Пока за окном накрапывал убаюкивающий дождь, Пайпер рассказывала о деталях адвокатской работы.

Некто

В госпитале на красном бульваре в палате номер двадцать два лежал пациент, сменивший теплую не по погоде одежду на больничное облачение. На его загорелом лице застыла маска безмятежности, и случайные свидетели, увидев они мужчину, наверняка решили бы, что он мертв. Однако, подсоединенные к нему приборы, отслеживающие ритм сердца, которое все еще билось, и врачи, окружившие пациента и

бравшие кровь на анализы, говорили об обратном. Эти два факта подтверждают то, что мужчина жив и всего лишь находится без сознания. Пока он лежал на больничных простынях и сладко спал, на расстоянии в пять миль от Института Онкологии Ошера Грег слушал историю Пайпер.

Спустя почти неделю бесплодных поисков некто наконец нашел ее тень, чуть слышные отголоски ее присутствия. Несколько дней мужчина сидел в мотеле и просматривал записи, вглядываясь в каждое лицо, в каждую кассу. Все безрезультатно. Неужели девчонка решила воспользоваться попутками? Он отбросил этот вариант, как только тот пришел ему в голову: рискованно и маловероятно. Тогда мужчина посмотрел на ситуацию с другой стороны. Что если она не покупала билеты до определенного города, а ездила на городских автобусах, пересеживаясь на границах? Девчонка могла поехать в любую сторону, даже вернуться назад. Съемка с камер видеонаблюдения вне здания не дала результатов, от непрерывающихся потоков лиц и тел начинало тошнить. Пришлось опрашивать водителей автобусов, вдруг кто-то вспомнит ее. Только один смог помочь мужчине.

«Светлые волосы и капюшон натянут на глаза. Вышла на конечной, на границе с Фэрфилдом». Десять минут пешком и уже за пределами Бирмингема. Некто надеялся, что по аналогичной цепочке наконец-то доберется до нее. Окружными путями ищейка, следуя указаниям свидетелей и съемкам камер наблюдения, попал в Миссисипи, а затем и в Луизи-

ану. Здесь след обрывался. Пришлось спрашивать каждого встречного, тыкая в лицо скомканной фотографией. Никто ее не помнил. Конечно, он понимал, что с населением в почти четыреста человек найти беглянку из Нью-Йорка практически невозможно, но за двое суток мужчина устал от ответов: «Нет», «Не знаю такую», «Никогда не видел». Временами от жаркого солнца, он чувствовал, как плавятся мозги, к горлу подступала кровавая рвота. Приходилось отлеживаться в мотеле, чтобы не свалиться замертво посреди незнакомого города.

Мужчина лежал на кровати жарким утром и смотрел на крутящиеся лопасти вентилятора. Под мерное гудение потолочника, который являл собой бесполезное приспособление, не разгоняющее, а только нагнетающее жару, мозги на удивление заработали лучше, и ближе к полудню его осенило: действовать нужно по-другому. Некто вышел на улицу, дождавшись вечера и принялся спрашивать у рабочих, где можно найти источник дохода для женщины. Придуманная легенда о супругах, ищущих денежную работу, прошла как по маслу. Мужчины после недолгого консенсуса посоветовали Бурбон-стрит. Может где и понадобится повариха или на крайний случай уборщица. Весь следующий день он сидел в машине, припаркованной на перекрестке Бурбон-стрит и Канал-стрит, и следил за местными барами, магазинами и кафе. Никого похожего мужчина не заметил. Ближе к вечеру он вышел из минивена и отправился на разведку. Спраши-

вать отдыхающих в барах за пивом было бесполезным делом. Для них любая женщина – долгожданный приз, и такую они точно вспомнят. Только принять их разнящиеся показания всерьез, значит совершить большую ошибку, которая собьет его с правильного пути.

Мужчина обходил одно заведение за другим, спрашивая о девушке на фото. Некоторые прищуривались в попытке высмотреть на потрепанной фотографии женское лицо, а потом качали головами, извиняясь, что ничем не могут помочь. Другие скользили взглядом и, нахмутив брови, утверждали, что ничего не знают. Единственный, кто ее хорошо помнил тот парень из кафе. Либо все это было хорошей импровизацией, либо он не врал. Выслушивая детали знакомства с девушкой, мужчина точно знал, что проследит за парнем. На всякий случай. Некто достал из кармана телефон и набрал номер. Докладывать недоказанные сведения и делать поспешные выводы он не любил, но договор, который мужчина заключал с заказчиками в устной форме предполагал регулярную отчетность, поэтому он и позвонил клиенту, чтобы дать ему, вполне возможно, ложную надежду. Трубку подняли со второго гудка:

– Да.

– Я уже близко. Что делать, когда я ее найду?

Последовал короткий ответ, и собеседник отключился. Некто спрятал телефон и, обрадованный появившимся сдвигом, начал продумывать следующую цепочку действий. И

кто бы мог подумать, что именно сейчас мощный поток эйфории от найденной зацепки сшибет его с ног. Мужчина как раз подошел к машине, когда почувствовал слабое головокружение, которое через минуту уже набрало максимальную скорость. Некто успел схватиться за капот машины и вместо того, чтобы уделить внимание своей безопасности и постараться сесть на землю, спасая черепушку от падения с высоты собственного роста, он подумал о том, как сильно нагрелся капот. Такая мысль могла быть свойственной лишь сумасшедшему, но мужчина не обратил внимание на бредовые умозаключения. Он попытался встать на колени, но протез помешал ему, и ищейка завалился на правый бок, стукнувшись головой о бампер. Со всех сторон к нему устремились люди, они что-то громко кричали и выпытывали у него ничего не значащую в этот момент информацию. Молодая женщина спросила: «Вам плохо?», но из-за ваты, наполнивший уши, все согласные куда-то исчезли, оставив мужчину разбираться с прозвучавшим бредом. Когда он наконец разобрал ее слова, то ему захотелось как можно язвительнее ответить: «Да что ты, конечно, нет, я просто решил прилечь и отдохнуть посреди тротуара, не думал, что у вас это запрещено». Но слова никак не шли, и он махнул рукой на это дело, продолжая лежать на земле. Вокруг него словно пчелы на мед слетались обеспокоенные люди, мужчина казалось чувствует, как они прожигают любопытными взглядами его металлическую ногу. Странно, что в столь развитой стране еще

полным—полно дикарей, не способных нормально реагировать на отсутствие конечностей; каждый из таких неандертальцев, совсем недавно покинувших свои пещеры, смотрит на людей без рук или без ног как на инопланетян, чужаков и иногда на особую категорию населения, выходцы из которой не достойны жить в цивилизованном обществе, куда сторонние наблюдатели себя и относят. Но хотя бы ему помогли, вызвали скорую и положили подушку под голову, сделанную из чьей—то куртки, и на том спасибо. Некто лежал на земле, почти не двигаясь, и смотрел на звездное полотно, которое соперничало сиянием со светом фонарей. Мужчине показалось, что небо говорит с ним, но слов он разобрать не мог, после этого он отключился.

Ищейка не помнил, как проснулся посреди трубок и пикающих приборов. Он не помнил себя и цель своего приезда. Забытие длилось несколько минут. Поток воспоминаний о вчерашнем вечере нахлынул слишком внезапно, заполняя возникшие в голове пропуски. Мужчина часто заморгал, пытаясь привыкнуть к тусклому свету больничных ламп, за дверью слышались шаги, приглушенные мягкими тапочками сестер и голос громкоговорителя. Через десять минут дверь открылась и вошел врач. Симпатичная женщина с темными волосами и кошачьим разрезом глаз. На бейдже чернела надпись: Элисон Гейт, врач-онколог. Она тепло улыбнулась и задала стандартный вопрос:

– Как вы себя чувствуете, мистер Гилберт?

– Довольно паршиво.

Женщина снова улыбнулась на этот раз сочувственно:

– Мне очень жаль, что вы столкнулись с этим.

– Можно узнать, где я?

Элисон оторвала взгляд от медицинской карты и перевела его на пациента.

– Вы находитесь в центре Ошнера в Новом Орлеане. Я связалась с вашим лечащим врачом, и он прислал историю болезни. Вы принимали лекарства, которые он прописал?

– Какой в них толк? – он попытался подняться с кровати, но женщина остановила его, надавив ладонью на плечо.

– Вы не можете уйти. Физиотерапия и регулярный прием лекарств могут дать вам еще год. Нередки случаи, когда пациентам везло и им удавалось прожить несколько лет.

Гилберт усмехнулся и промолчал. Совсем недавно, когда он еще неотрывно следил за длинноногой моделью, и времени было предостаточно, мужчина чтобы как-то его убить просматривал информацию о раке и прикидывал свои прогнозы на будущее. Рак легкого или бронхогенная карцинома является наиболее распространенной причиной смерти от онкологической патологии. Статистика смертности от рака легких не внушала оптимизма, к тому же основной причиной, по которой он может развиваться, является курение, с которым некто никак не хотел расставаться. Однако ему еще повезло, во-первых, рак успели диагностировать на ранней стадии, а во-вторых, врачи обещали достаточно длительную

выживаемость по причине периферического поражения легкого. Если бы он еще и занялся своим лечением, то кто знает, сколько ему удалось бы прожить и сколько переделать дел. Сейчас его опухоль находилась на ранней стадии, когда все еще можно исправить и замедлить течение болезни, но без того, этот недуг станет развиваться по нарастающей. Мужчина ярко представлял, как переходит на следующую стадию, и как опухоль настойчиво прорастает во внутренние ткани легкого, не затрагивая лимфоузлы, словно издеваясь над больным медленным и мучительным процессом. Следующая ступень – зачатки метастазов и снова рост опухоли. Еще больше кашля, еще больше крови и еще больше боли. На третьей стадии, словно ветви деревьев опухоль проникает в сосуды, трахею, пищевод, заполняя собой приглянувшееся ей пространство. Остается слишком мало здоровых участков в теле, ты приближаешься к четвертой стадии, которая носит необратимый характер. Можно смело заказывать место на кладбище.

Пока мужчина лежал в палате, окруженный приборами и заботливыми медсестрами, у него было много времени на раздумья. Он думал о матери, которая так же, как и он могла умереть от рака и покоиться где-то, всеми брошенная и забытая. Он представлял ее осунувшейся с желтовато-бледной кожей и пустым взглядом. Этакая старуха на четвертом десятке. Такая кончина, которой некто наградил свою мать, представлялась выдумкой и подвергающейся сомнению.

ям теорией. Причины ее исчезновения, как и любой матери, чей ребенок стал сиротой, варьируются от смертельной болезни до банального отказа от родительских обязанностей, и даже если это правда, то уже слишком поздно, что-то исправить. Смысла в том, чтобы заново переваривать детскую обиду, не было, нужно решать насущные вопросы.

У него есть два варианта: согласиться на лечение и продлить себе жизнь, а лучше полностью попрощаться с раком – если верить научным статьям в медицинских журналах, это вполне возможно – или не оставлять любимую работу и продержаться несколько месяцев. У некто не было близких, ради кого он мог бы бороться и победить болезнь, не было тех, кому бы его смерть принесла страдание. Мужчина был один среди миллиардов людей. До того, как в его организм вторгся инородный объект, такое положение вещей, когда до него никому нет дела, Гилберта вполне устраивало, но видимо метастазы добрались до мозга, раз его сознание сменило направление. Завести семью он уже не сможет, ему это казалось чем-то нереальным и далеким, но перспектива пожить для себя, переосмыслить все свои поступки и по возможности исправить ошибки с каждым разом все отчетливее маячила перед глазами. Мужчина устало вздохнул и наконец решил для себя, что пора на этом заканчивать. После того, как он получит свои деньги, то покинет страну, где его окружают лишь неприятные воспоминания. Благо, что некто вел скромный образ жизни и за не полных десять лет смог ско-

пить приличное состояние, которого ему хватит до конца его дней.

Мужчина ненадолго задремал и видел сны, где он уже полностью здоровый летит в самолете в неизвестном направлении, мимо проплывают облака, и он чувствует, как боль уходит в забытие, как глубоко вдыхая воздух, он не заходится в кашле. Когда некто проснулся уже совсем рассвело, и в палату вошла доктор, улыбаясь так, словно он выиграл миллион долларов в лотерею. Хотя с чего ей хмуриться, не она же умирает и лежит на постели, истыканная иголками. Ее позитивный настрой начинал раздражать.

– Доброе утро, как ваше самочувствие?

– Лучше, чем вчера.

– Я этому рада. Я пришла вам сказать, что назначила дополнительные обследования, чтобы посмотреть, как быстро развивается опухоль. Ваша задача отдыхать и проходить все необходимые процедуры. Договорились?

Гилберт кивнул и закрыл глаза, устроившись поудобнее. В чем-то доктор права, он не сможет поймать девчонку в таком состоянии, пара дней ничего не решит. Он должен отдохнуть и набраться сил, а там уже посмотрим кто кого. Перед тем как уснуть, мужчина подумал о том, с чего начнет, когда покинет больницу. Либо продолжит поиски в городе, либо, если парнишка его обманул, снова начнет искать ее уже в другом месте. Перед этим, он конечно нанесет парню визит и дотошно его расспросит, не привлекая к этому делу свиде-

телей. Некто не сомневался, что мальчишка расколется, и он в любом случае найдет ее, и тогда уж отыграется вволю.

Пайпер

Когда Грег рассказал о мужчине, настолько близко подобравшимся к ней, Пайпер по-настоящему испугалась. В груди рос и множился ком из страхов и мучений, которые ей придется пережить, если он все-таки доберется до нее. Девушка решила рассказать все человеку, которому больше всех доверяла, иначе ее побег, уловки, чтобы сбить ищейку со следа, были напрасны. После долгого рассказа у Пайпер пересохло в горле, она замолчала в ожидании реакции.

– Ты должна была все рассказать. Зачем убегала? Его бы наказали по всем статьям. Пока ты здесь прячешься, он спокойно живет и проделывает все то же самое. Ты единственная, кто знает правду. Ты должна была все рассказать, – повторил Грег.

– Кто бы мне поверил? Малолетка, которая все выдумала, чтобы обратить на себя внимание. Да он бы, не задумываясь, заткнул мне рот.

– Неужели твоя мать не встала бы на твою сторону? – Грег ходил из угла в угол пытаясь усмирить гнев.

– Моя мать... она... ей просто плевать. Она вообще ничего не замечает.

– А что насчет бабушки? Ты говорила, что вы с ней хорошо общались.

Пайпер посмотрела на Грега, словно он идиот и не пони-

мает простых вещей.

– Она – его мать и в первую очередь поверит ему. Поэтому я к ней не поехала. Она уговорила бы меня вернуться домой или в тайне позвонила отцу.

Грег потер переносицу и сказал:

– Это все равно все очень глупо. Только ты можешь засадить его за решетку, и ты должна это сделать.

– Я не могу. Не хочу, чтобы моя сестра об этом узнала. Она не виновата, что родилась в такой семейке.

Парень подошел к постели и сел рядом с Пайпер, взяв ее за руки.

– Именно ради сестры ты должна все рассказать. Если хочешь, я поеду с тобой.

– Я не хочу решать все сейчас, мне надо подумать, как поступить.

Грег не стал настаивать на своем, видя, как девушка взвинчена в этот момент, его напористость только все испортит, и она поступит по–своему, упустив возможность наказать виновного. Парень обнял Пайпер и позволил ей выплакаться, крепко прижимая к себе и поглаживая спутанные волосы. Когда девушка уснула, Грег не решился уйти, предвидя, как она расстроится, проснувшись в полном одиночестве.

На следующее утро парень открыл глаза, когда Пайпер еще тихо сопела рядом. Он повернулся к ней и погладил по щеке, отчего она нахмурилась, но все так же продолжала

спать. Грег ушел купить завтрак, надеясь успеть вернуться до того, как она откроет глаза. Как он и думал, Пайпер спала, свернувшись в клубок. Запах горячего кофе и беспокойные шаги разбудили девушку, она приподнялась и прохрипела:

– Доброе утро.

Грег улыбнулся, не отворачиваясь от окна, и ничего не ответил.

– Ты злишься?

– С чего ты взяла?

Она пожала плечами и ответила:

– Не хочешь лишний раз говорить, чтобы случайно не нагрубить мне. Боишься, что я не послушаюсь твоего совета.

– И с каких это пор ты стала такой наблюдательной? – сказал Грег и подошел к Пайпер.

– У тебя научилась.

На минуту в комнате воцарилась тишина. Затем девушка сказала:

– Я вернусь домой и сделаю, как ты сказал. Но при одном условии.

– Что за условие?

Пайпер подняла на Грега решительный взгляд и ответила:

– Научи меня защищаться.

Он улыбнулся и сказал:

– Не нужно было использовать уроки самообороны в качестве условия, я же сам тебе это обещал.

– Мне больше ничего не нужно. Это самое важное для

меня на данный момент.

– Я знаю, сделаю все, что смогу. Обещаю.

Через час Грег ушел. Его ждала работа, которую Пайпер снова отбросила на второй план. На долю девушки выпало сидеть в безопасности и никому не открывать, как посоветовал, а если быть точным, приказал ей Грег. Поначалу она просто лежала на постели, уставившись в потолок и думая, что ее ждет завтра или по крайней мере через несколько часов. Ворвется к ней в комнату мужчина, который ее ищет или он так никогда ее и не найдет? Пайпер сомневалась, что удача сейчас на ее стороне, особенно, когда ищейка так близко подобрался к ней. Он уже не сдастся и станет искать до последнего и в конечном итоге найдет, поэтому ей нужно бежать, пока есть такая возможность. Пайпер села на кровати и посмотрела на сумку, стоящую в углу. Она не отрывала от нее взгляда на протяжении нескольких минут, прежде чем решила остаться на месте и ничего не предпринимать. Я так устала бежать. И какой в этом толк? Он снова отправит кого-нибудь на поиски, и тогда меня точно найдут. Так к чему откладывать неизбежное? Нужно просто это принять. Когда девушке надоело думать об уготованной ей судьбе, она поднялась с постели и взяла в руки карандаш и альбом. Она рисовала свою сестру, то ли для того, чтобы отвлечься и успокоиться, то ли для того, чтобы убить время. Пайпер прорисовывала длинные реснички, обрамляющие большие умные глаза, линии носа и губ, которые всегда чуть улыбались, буд-

то знали какой—то секрет. К вечеру, когда портрет был готов и девушке стало скучно сидеть взаперти, она решила рискнуть и выйти на прогулку. Что как не свежий воздух лечит от всех болезней и избавляет от тревог?

Пайпер оставила короткую записку Грегу под ковриком и со спокойной душой вышла на улицу. Подумав навестить Гудманов, она тут же отбросила эту мысль. Ей было ужасно стыдно перед ними, ведь они были уже в курсе, что на их работницу объявили охоту. Она была уверена, что гостеприимная семья, которая обеспечила ее своей заботой, не желала видеть девчонку, принесшую в их дом опасность. К чему им разбираться с чужими проблемами? Пообещав себе подумать об увольнении завтра, Пайпер вышла из дома и по инерции повернула налево, направляясь к Бурбон—стрит. Она не собиралась идти туда, боясь, что ее заметят и завалят вопросами, к тому же поблизости с «Кракеном» девушку может поджидать ищейка, а ей необходима отсрочка, чтобы завершить свои дела. Пайпер остановилась на перекрестке, откуда один путь вел к месту ее работы, другой в неизвестном ей направлении. Первый для нее был закрыт, но сейчас, когда уже заметно стемнело, следовать новому маршруту и заблудиться не выглядело заманчивой перспективой. К тому же спросить дорогу у незнакомцев, встречающихся по дороге, она никак не сможет, не в ее это стиле. Пайпер добралась до улицы Канал—стрит, которую пересекали вдоль трамвайные пути, не заметив, как прошло уже пятнадцать

минут, и отвлеклась на блестящие витрины. Она представила себя туристом, ненадолго заехавшим в Новый Орлеан за порцией новых приключений. Может купить сувенир, чтобы оставить себе запечатанные воспоминания в хрустальной фигурке или сверкающем брелке? Или при взгляде на частицу одинокой жизни станет только хуже? Пайпер оторвалась от витрин и пошла дальше: лучше все забыть, будто ничего и не было, вернуться домой, отомстить и навсегда покинуть Нью-Йорк. А когда исполнится восемнадцать забрать сестру. Она будет лучшей матерью для нее, чем их родная мать. Не совершит таких страшных ошибок и никогда не отстранится от родных.

Когда Пайпер надоело рассматривать товары, призывно расставленные на полках, она сделала крюк и по Север-Рампар-стрит дошла до церкви святого Августина. По крайней мере она сможет помолиться напоследок, избавившись от груза грехов. Девушка вошла в святыню и по центральному проходу поплелась к первым рядам. Церковь пустовала, еще было не слишком поздно, чтобы ее двери для прихожан закрылись, но для шумных соборных время не подходящее. Она села на скамейку, ближе к проходу и сложила ладони, уперевшись кончиками пальцев в подбородок. Пайпер беззвучно молилась, тихо покачиваясь в такт своим словам. Девушка была здесь так часто, но спроси у нее, как эта церковь выглядит, она даже и не вспомнит. Будучи либо в слишком хорошем настроении, чтобы хоть секунду тратить на созерца-

ние помещения или в полном раздрае (как сейчас), она смотрела лишь на людей, их умиротворенные лица, теплые улыбки, и это вдыхало в нее жизнь. Сейчас здесь никого не было, по бокам церкви в люстрах горел свет, недостаточный, чтобы затронуть центр помещения, создавая атмосферу единения с Богом. Способствовали этому и колонны цвета слоновой кости, расположенные по правой и левой сторонам, закрывая собой источники света. Пайпер не видела этого, она приходила сюда не ради архитектуры или общения, она просто искала защиты, верила, что в эти стены не проникнет зло, и Бог, к которому девушка сейчас взывает, позаботится о ней. Слова лились потоком из подрагивающих губ. Пайпер не знала правильных фраз и определенных молитв, подходящих к каждому конкретному случаю. То, что девушка говорила было искренне и она надеялась, что слова, сказанные от чистого сердца, дойдут до его получателя. Боже, помоги. Сколько раз в день ты слышишь эти слова, только тебе известно. Но я как никто другой понимаю этих людей. Всем нам страшно, все мы считаем себя брошенными и незащищенными. Нам никто не поможет, кроме тебя. Ты слышишь, я говорю «нам», потому что знаю, есть те, кто страдает больше, чем я. Кто никогда не видел счастливых дней. Мне с этим повезло больше. Было время, когда ты оберегал меня, и я не знала бед. До тебя долетал мой смех, моя благодарность? Сейчас так случается все реже. Я не знаю, что меня ждет, и не хочу знать. Но в тот момент, когда я пришла сюда, мне за-

хотелось сдаться. Отдаться на волю судьбе и больше не страдать. Простишь ли ты мне такой грех или я навсегда попаду в ад? Но прежде, чем ответить, послушай. Что мне ад, когда я живу в нем? Что мне огонь, когда я каждый день сгораю? Что мне слезы, когда они вот уже шесть лет непрерывным потоком льются из глаз? Что мне смерть, когда я давно уже умерла? Пайпер почувствовала, как ком подступает к горлу и на секунду остановила свой диалог с безмолвным собеседником. Она думала, что ей больше нечего сказать, что она иссякла, но слова пришли сами собой, последние слова. Я знаю, ты слышишь меня. В моменты, когда ты отказываешься от всего, когда все то, что раньше тебя интересовало теряет всякий смысл, ты слышишь шепот в своей голове. Я знаю – это твои ответы. Я хочу попросить об одном. Защити мою сестру, дай ей шанс не пройти через то же, что и я. Дай ей возможность быть счастливой. Разбуди мою мать. Не дай ей забыть, что в ней нуждается ее дочь, ребенок, который так старается выглядеть взрослым. Я бы все отдала, чтобы она была счастлива, чтобы влюбилась, достигла своей мечты и завела семью, чтобы ты забрал ее душу, когда ей стукнет лет восемьдесят и все ее дети и внуки будут рядом. Я готова отдать все, я уже говорила это. Но у меня ничего нет, кроме моей жизни. Ее я тебе и отдам. Девушка открыла глаза и поднялась со скамьи. Ее щеки пропитались влагой, но она ничего не замечала. Она думала лишь о том, что не встретит следующий рассвет и больше никогда не увидит сестру, не услы-

шит звонкого смеха, предназначенного только для ее ушей. Пайпер не хотела возвращаться домой, не хотела, чтобы ее нашел Грег рано утром. Он ей нравился, он был ей другом, в котором девушка так нуждалась, и взваливать на его плечи такую ношу она не имела права. Поэтому Пайпер повернула обратно, туда откуда пришла, выйдя вечером из дома. Девушка направлялась в сторону площади Дункана, медленно передвигаясь, словно была призраком, она не замечала редких людей, встречающихся ей на пути, просто бесцельно шла куда глаза глядят.

На пересечении улиц Ройал-стрит и Эспланаде-авеню кто-то тронул Пайпер за плечо, она обернулась и в испуге отпрянула. Этого не может быть.

Глава 13

Джоан

Дорога заняла у Джоан в три раза больше времени, чем было нужно. Даже удобная дорогая машина не могла избавить ее от ломоты в спине и быстрой усталости. Каждые три часа она глушила мотор, припарковавшись перед этим рядом с наиболее приличным отелем и, снимая номер, тут же отключалась, восстанавливая силы. Только спустя три дня пути и частых остановок, когда женщина добралась до точки назначения, она смогла выйти из отеля и начать поиски. Джоан не предполагала насколько этот город огромен. Чтобы обойти каждую улочку потребовалось бы несколько недель, а то и месяцев, что могло увенчаться неудачей. Женщина под-

ходила к каждому, кто готов был ответить на ее вопрос и показывала фотографию, одну из тех, что некогда хранилась в семейном альбоме. Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Сколько это могло продолжаться, она не представляла.

Очередным жарким вечером Джоан сидела в номере отеля, смотрела на проезжающие мимо машины и следила взглядом за прохожими. Где-то там ее девочка. Она боится и ждет помощи, а старая развалина ничего не может сделать. В один из моментов отчаяния Джоан задала себе вопрос: «Действительно ли она здесь или я ошиблась?». А потом женщина бодро встала на ноги и отмела любые сомнения. Так только повредишь делу, нужно верить в себя и не прекращать поисков. На часах было девять, когда Джоан решила выйти и подышать свежим воздухом. Стены отеля давили и мешали сосредоточиться.

Она гуляла около часа, ноги приятно заныли от долгой пешей прогулки, и женщина решила вернуться. Были ли это чутьем или подсказкой свыше, она так и не смогла этого понять. На другой стороне улицы медленно словно призрак скользила тонкая фигура. Женщина перешла дорогу, не отрывая взгляда от девушки и думая, что это сон, догнала ее на пересечении двух незнакомых ей улиц. Когда незнакомка развернулась, Джоан увидела то, что искала. Свою дорогую девочку.

– Бабушка? – глаза девушки нервно забегали. – Как ты... Как ты здесь оказалась?

– Я искала тебя.

– С кем ты приехала? – Пайпер все еще не давала женщине себя обнять, оглядываясь по сторонам.

Джоан удивилась. Почему внучка отстраняется? Неужели она боится ее?

– Одна, конечно, – женщина не могла поверить своей удаче, среди тысяч людей, среди сотен городов, она нашла ее. – Детка, мы можем уйти отсюда и поговорить в тихом месте. Я живу в отеле неподалеку.

– Нет, мне нужно домой.

Девушка отвернулась и уже собиралась уйти, как в спину донеслось:

– Я знаю, что дело в твоём отце. Я хочу помочь.

Когда Пайпер обернулась и взглянула бабушке в глаза, то заметила в них лишь доброту и участие. Похоже, она все-таки не врала. Видя, что внучка сомневается, Джоан добавила:

– Ты можешь мне доверять. Расскажи, что случилось? И почему ты сбежала?

Девушка обняла себя руками и, оглядевшись, сказала:

– Уйдем отсюда.

Всю дорогу до отеля женщины молчали и старательно держались на расстоянии. Джоан – потому что боялась спугнуть внучку. Пайпер – не до конца верила бабушке, готовая в любой момент сбежать.

Они поднялись в номер и Джоан заперла дверь на ключ, подозрительность Пайпер только усилилась. Девушка пере-

миналась с ноги на ногу, ожидая, что сейчас к ней выйдет отец, и тогда она уже не спасется. Женщина присела на кровать и показала внучке на кресло:

– Присядь, я не собираюсь тебя обижать. Я просто хочу знать правду.

Девушка нерешительно присела, так и не увидев опасности, и сказала:

– Сначала ответь, как ты узнала, что я здесь?

Джоан улыбнулась и пустилась в объяснения:

– Я помню, когда ты была совсем маленькой, то хотела поехать в Париж, а я рассказала тебе о том, что в нашей стране спрятана маленькая Франция и показала на карте Новый Орлеан. Неужели ты этого не помнишь?

В тайных уголках подсознания возник образ: растопленный камин и слишком холодный для лета вечер. Карта США, принесенная бабушкой с чердака и красный круг, обводящий порт на юге страны. Было уже поздно, но девчонке не хотелось спать, они сидели и болтали обо всем на свете, делились планами и раскрывали мечты. Пайпер не могла понять, как одно из теплых воспоминаний детства вылетело из ее головы.

– Немного помню, – пришлось зажмуриться, чтобы образ не ускользнул снова. – Теперь я понимаю, что заставило меня приехать именно сюда.

Джоан неловко поерзала в кресле:

– Милая, ты не хочешь рассказать причину твоего... отъ-

езда?

Пайпер молча смотрела в окно, никаким образом не реагируя на вопрос. Казалось судьба проезжающих мимо машин гораздо важнее предстоящего разговора. Джоан молчала, стараясь не давить на внучку. Минуты медленно истекали. Казалось женщина нашла решение. Она поднялась с кровати и покашляла, привлекая внимание отстраненной девушки. Когда Пайпер повернулась, Джоан сказала:

– Если тебе не комфортно, я могу отвернуться или сесть подальше. Можно выключить свет, если тебе так будет легче. Я принесу воды и ты, как только будешь готова, начнешь с чего сама захочешь. Просто говори. Поделись со мной. Я не стану осуждать тебя или винить. Я всегда на твоей стороне, – женщина кивнула, простым жестом подтверждая свои слова.

– Хорошо, я попробую, – слова дались девушке с трудом.

После того как все манипуляции были совершенны, Джоан села на дальний угол кровати и приготовилась слушать.

– Отец делился со мной важной информацией, – слышалось спустя долгие минуты ожидания, – он считал я никому ничего не расскажу. Большинство его дел – липа. Он сам их придумал и сам защитил невиновных. Для этого нанимал людей, которые проворачивали такие дела. Многие из якобы виновных кончали жизнь самоубийством, перед этим признаваясь в преступлениях. Других убивали в тюрьме за определенную плату: сокамерники или надзиратели. Он объяснял это тем, что люди, однажды приступившие закон, сде-

лают это снова. Так почему бы и не воспользоваться этим. Только в тех преступлениях, в которых их обвиняли, они не были виноваты, – Пайпер сглотнула и отпила воды из заранее принесенного Джоан стакана, после небольшой паузы она продолжила. – Сначала я не слушала, все равно ничего не понимала из его слов. А потом вдруг обратила внимание. Я записывала имена и детали, боялась, что забуду. Не знаю, зачем я это делала. Машинально выходило. Наверное, я знала, что когда–нибудь мне это пригодится. Он строил свою карьеру на выдумке, мне надоело слушать его рассказы. И я сбежала.

Наступила тишина. Джоан подождала, в надежде, что Пайпер скажет что–нибудь еще. Девушка молчала.

– Он угрожал тебе, чтобы ты не рассказала никому о его делах?

– Нет, просто просил никому не говорить. Он убеждал меня в том, что это наш с ним секрет. Сначала мне было приятно, что он меня выделяет и доверяет мне. А потом стало противно. Не хотелось все это выслушивать, – Фары проезжающей машины осветили гримасу отвращения на лице девушки.

– Почему ты не приехала ко мне?

Голова Пайпер резко дернулась в сторону женщины.

– Ты его мать. Ты бы поверила ему, а не мне.

Джоан почувствовала, как сжимается горло. Она никогда бы не защитила выродка, даже если бы он заживо горел на ее

глазах. Кровные узлы разрезали вместе с пуповиной раз и навсегда. Теперь женщина винила себя в том, что не сказала девушке правды. Правды о прошлом. Правды об отношениях между матерью и сыном. Она хотела уберечь девочку всеми возможными способами, но сделала только хуже. Джоан опустила голову, подумав об истинной причине ее лжи. Она боялась, что если доверится внучке и расскажет все как есть, то та отвернется от нее и станет презирать за такое обращение со своим ребенком, тогда женщина осталась бы одна и медленно умирала в полном одиночестве. Но как оказалось ее молчание только усугубило ситуацию, поделись Джоан своей тайной с внучкой несколько лет назад, девочка смогла бы ей довериться и не сбежала на другой конец страны. Сейчас у женщины не было выбора, нужно выложить все так как есть, не скрывая ничего от внучки.

– Милая, ты не права, – она старалась говорить как можно спокойней, с трудом сдерживая ненависть к сыну на безопасном уровне. – Если уж мы говорим начистоту, я тоже должна быть с тобой откровенна. Послушай меня очень внимательно, – она перевела взгляд на стену и мгновенно перенеслась в прошлое, которое так жаждала забыть. – Когда я родила Джеймса, мне было девятнадцать. Я только вышла замуж и уже забеременела, тогда я была не готова к этому. Твой дед безумно обрадовался, услышав от меня новость о ребенке, а я его любила, поэтому постаралась принять это как должное. Всю беременность я ничего не чувствовала. Ни любви, ни

умиления, только раздражение. Мне многие говорили, когда ребенок появится на свет и я возьму его на руки, все изменится. Я взглянула в его глаза и больше не смогу с ним расстаться. Они ошибались. Я помню тот день. Он снится мне в кошмарах. Я родила его, и мое раздражение переросло в ненависть. Сначала я стыдилась таких чувств, притворялась любящей матерью и молила Бога дать мне каплю любви к младенцу. Но ничего не менялось. Хоуп, я ненавидела твоего отца всю его жизнь. Как только узнала, что у меня будет ребенок. Это необъяснимо, но я будто чувствовала, что он принесет всем только зло. И я была права. Мне очень жаль, что я ничего тогда не сделала. Мне жаль, что я ничего не могу изменить сейчас.

Девушка смотрела на Джоан, плечи девушки тихо вздрагивали от беззвучных рыданий. Она чуть слышно прошептала:

– Почему ты мне не рассказала?

– Боялась, ты не поймешь. Я думала, отец для тебя – весь мир, и после моих слов ты даже говорить со мной не станешь. К тому же твои отношения с матерью оставляли желать лучшего, и я решила, что ты начнешь презирать меня, так же, как и ее сейчас. Я не любила своего ребенка, никогда. Но тебя очень люблю. Всем сердцем. Я рада по крайней мере, что он не обидел тебя.

Пайпер спрятала лицо в ладонях и стала раскачиваться в безумном танце. Сквозь ладони слышался леденящий душу

крик. Джоан в испуге подбежала к девочке и обняла ее.

– Тише, не плачь. Все хорошо. Ты... О Боже, – женщина внезапно все поняла, она закрыла глаза и теснее прижала к себе ребенка. – Посмотри на меня, пожалуйста.

Как она могла не заметить очевидного, она же изучала это в университете и прочитала столько литературы на эту тему, но, когда это случилось с близким человеком, ничего не увидела. Она же знала, что он принесет людям только горе. Пока Джоан упрекала себя в невнимательности, Пайпер кричала и билась в истерике. Женщина схватила со столика стакан и выплеснула холодную воду на лицо девушке. Она отшатнулась и перестала кричать, только тихонько покачивалась из стороны в сторону.

– Вот почему ты сбежала, не из-за рассказов о работе. Я... Когда это началось?

– Шесть лет назад.

Джоан тихо ахнула, вспомнив фотографию в альбоме и осознав причину печали девушки, ее глаза заметались по комнате в поисках спасения, когда она пришла в себя, то спросила:

– Но... Если... Если ты не доверяла мне и боялась пойти в полицию, то почему терпела шесть лет? Почему не сбежала раньше?

Прежде чем Пайпер ответила прошло немало времени. В коридоре раздался смех, взрывной волной долетев до их комнаты. Девушка вздрогнула, выйдя из оцепенения и заго-

ворила:

– Я забеременела, – голос звучал глухо без намека на эмоции. – Не знала, что делать. А потом купила таблетку и все кончилось. Смыла его в унитаз и все, – одинокая слеза скатилась по щеке. – Я так больше не могла. Я так устала. Очень устала.

– Все детка, тихо, не говори больше ничего, – Джоан взяла девушку за руку и немного сжала. – Отдохни, со мной ты в безопасности. Я обещаю.

Пайпер вырвала свою ладонь и с раздражением в глазах крикнула:

– Нет, я не могу больше так. Не хочу в себе это держать. Хотела все узнать, так слушай, – ее голос сорвался и спустя минуту борьбы со слезами, она продолжила. – Он приходил ко мне каждую ночь, шесть лет подряд. Я не понимала, что он делает. Думала, так надо, думала... это правильно, – с каждым произнесенным словом девушка погружалась в транс и рассказывала все так, будто это случилось не с ней, стараясь не сорваться и не впасть в истерику. – Впервые это случилось на мой десятый день рождения, последний день, когда я была по-настоящему счастлива. Ночью все изменилось. Он пришел, когда я уже легла спать. Лег рядом со мной и... обнял. Он говорил, что любит меня и никому нельзя рассказывать, что здесь произошло, иначе меня накажут. Когда он ушел, я почувствовала себя опустошенной, будто из меня все внутренности вытащили. Потом, через несколько недель, он

начал рассказывать мне о своей работе, и я цеплялась за это, чтобы хоть как-то отвлечься от того, что происходит в данный момент. Иногда это помогало, иногда нет, – она снова замолчала в этот раз надолго, и Джоан решила, что больше не услышит от внучки ни слова, но внезапно девушка продолжила. – Я боялась кому-то сказать, потому что он заставил меня поверить, что это я во всем виновата и накажут только меня. Я думала, что каждую ночь я расплачиваюсь за свои грехи, а потом случилось то из-за чего я больше не могла терпеть. Он лишил меня детства, лишил нормальной жизни. Я никогда не смогу этого простить, никогда не смогу забыть, – по щеке девушки скатилась слеза, за которой последовала еще одна. Она забыла добавить, что не сможет и жить с этим, потому что была уверена, бабушка начнет ее отговаривать и точно посадит под замок. Ей не понять той боли, которую я испытала и не ей решать мою судьбу.

Пайпер посмотрела на Джоан и спросила:

– Ответь мне честно. Если бы я рассказала все полиции, его бы наказали?

Женщина отвела взгляд. Она хотела уверить девочку в том, что ее отец получил бы по заслугам, но врать в такой ситуации бессмысленно. Джоан знала законы, по которым жил ее сын и ему подобные, и они были ей отвратительны. И судя по тому, что сказала ей внучка, он вообще не считался ни с чем, и оболгать собственную дочь оказалось бы для него пустяковым делом. Без сторонней поддержки девочке никто

не поверит и узнай отец о ее протесте, тут же наказал бы так, что она уже ничего не смогла бы сказать. Джоан это понимала, но как сказать об этом внучке, как ей объяснить, что никто не встал бы на ее защиту, что деньги, которых у ее отца предостаточно, закроют эту тему раз и навсегда. Она молчала, не зная, как начать, но в этом не было необходимости, девушка уже и так все поняла. Она медленно поднялась с кресла и пошла к выходу, но Джоан ее задержала:

– Не уходи, прошу тебя. Остайся здесь, так мне будет спокойней.

Девушка посмотрела на нее невидящим взглядом и вернулась к широкой постели. Как только ее голова коснулась подушки, она уснула.

Джоан, оставшись в полной тишине, не могла сдвинуться с места. Грудь сдавила дикая боль, которая перерастала в жажду мести, она прошла к креслу и, сев в него, посмотрела на внучку. На невинное создание, которое нигде не могло найти защиты и помощи, которое ежедневно подвергалась нападкам близкого человека. Она его боготворила, а он ее растоптал.

Этой ночью Джоан не спала, она сидела в кресле, охраняя сон внучки, и закипала от злости на человека, которого она породила, который стал виновником всех бед, произошедших с ее дорогой девочкой. Женщина впивалась тонкими пальцами в подлокотники и думала о том, что ее месть будет страшна.

Рейчел

С разговора о разводе прошла неделя. Рейчел была уверена в своем решении как никогда, но не прислушаться к словам мужа она не могла. В чем-то Джеймс был прав, она не умела быть матерью, не знала, как заботиться о девочках и что нужно делать, если вдруг раковина засорится. Всю неделю Рейчел, полная энтузиазма, общалась с няней и женщиной, которую Джеймс любил называть экономкой. Она интересовалась денежными вопросами и особенностями ведения хозяйства, а особенно ее интересовали материнские обязанности. В Рейчел снова проснулась жажда жизни, жажда узнать все на свете. Каждый день – подъем в семь утра, приготовление завтрака под руководством миссис Джонс и уже в восемь она готова проводить дочь в школу. Подумать только Рейчел впервые за многие месяцы покинула пределы дома. Серое осунувшееся лицо с благодарностью принимало теплые солнечные лучи. Правой рукой она сжимала ладошку дочери, не отпуская до школьных ворот. Любопытные взгляды родительниц не давали ей проходу, жгли спину, она буквально чувствовала, как они шепчутся где-то позади, строя различные версии ее долгого отсутствия. Ну надо же, Рейчел Брукс появилась в школьных дверях, вспомнила, наконец, что у нее есть дети. Женщина знала, что ее еще долго будут обсуждать, но на такие мелочи у нее просто не оставалось времени. Нужно было думать о более серьезных вещах.

Временами энергетический заряд иссякал, обычно так

бывало под вечер. Женщине казалось, что, проснувшись на следующий день, она уже не сможет двигаться дальше, опять остановится на месте, и все вернется на круги своя. Когда наступали моменты бессилия, она брала в руки фотографию дочерей. Ее любимую. Хоуп тогда было восемь, Лилиан только родилась. Старшая сестра держала на руках закутанного младенца и широко открытыми глазами смотрела в объектив. Казалось ей поскорее всучили маленький сверток и тут же сделали снимок. Неприкрытые эмоции. Жаль, что Рейчел не видела этого, она как всегда заперлась в своей комнате и смотрела в никуда, приходя в себя после родов. Держа в руках снимок, женщина на постоянно возникающий вопрос в голове: «Зачем все это?» отвечала: «Ради них». Еще есть шанс исправить ошибки.

Несмотря на периодическую апатию и желание сдать, Рейчел удалось добиться успеха. В конце семестра, состоящего из семи дней, она получила диплом об образовании, специальность: мать и хозяйка. Она сделала самое сложное: смогла начать. Начать не оглядываться в прошлое, не винить себя за чужие ошибки, а исправлять свои.

Сегодня было ровно четыре недели, как в доме не слышно шагов старшей дочери. Сегодня Рейчел собиралась рассказать Лилиан о своем решении. И когда они все обсудят, женщина не станет спрашивать разрешение у мужа и сообщит в полицию. Рейчел устала сидеть, ждать и надеяться на чудо. Пока она не приложит усилия, не сможет увидеть свою дочь.

Рейчел сидела в саду, когда в доме послышался шум. Лириан вернулась. Женщина прошла через террасу на кухню и увидела вместо дочери мужа.

– Ты сегодня рано. Что–то случилось?

Он стоял посреди гостиной, засунув руки в карманы и внимательно изучал преобразившуюся за последние несколько дней женщину. Длинные каштановые волосы были уложены с помощью золотых рук добродушной экономки, ресницы тонким слоем покрывала тушь. Он и забыл, что его жена может выглядеть красиво.

– Я думал о нашем разговоре. Хочу предложить сделку.

– О чем ты?

Джеймс потянул за туго завязанный галстук, ослабляя узел.

– У меня большие планы. И эти планы требуют наличия крепкой дружной семьи. Если мы сейчас разведемся, все кончится плохо...

– Для тебя. Какое мне дело до твоих планов?

– Они касаются не только меня. С чем ты останешься, когда уйдешь? Может ты забыла, что я адвокат? Ты не получишь ни копейки, если все–таки потребуешь развод. А я хочу предложить тебе взамен на услугу, которую прошу, целое состояние. И не только деньги, а уважение, власть, признание.

– Ты думаешь, меня все это волнует? Джеймс, у меня другие приоритеты. Чье–то лицемерное уважение мне ни к че-

му.

Брукс оставался непреклонен:

– Я все равно не дам тебе развод. Ты ничего не сможешь с этим сделать. Придется смириться, дорогая.

Он развернулся, собираясь уходить, и тут же был остановлен окриком Рейчел:

– Что мне помешает навестить журналистов и показать им следы побоев? Ты считаешь, это не разрушит твоих грандиозных планов?

Джеймс изумленно взглянул на жену и подошел к ней поближе:

– Что ты несешь? Я и пальцем тебя не тронул.

– Я знаю. Но остальные – то нет. Я весь месяц просидела дома, разбитое лицо – отличная отговорка для долгого заточения.

Мужчина рассмеялся:

– Ты больная, теперь я понял это.

Рейчел подняла руку и вlepила себе пощечину; пока Джеймс стоял, ошарашенный произошедшим, она вцепилась в его лицо, под ногти забились кусочки кожи.

– Джеймс, пожалуйста, не надо. Остановись!

Мужчина зажал ей рот рукой и прошипел:

– Заткнись!

Рейчел вырвалась из грубой хватки мужа и, глядя ему прямо в глаза, со злостью сказала:

– Чем больше свидетелей, тем лучше. Ты считал меня со-

вершенной идиоткой, но ты ошибся. У тебя неделя, чтобы оформить развод, в противном случае, ты знаешь, что произойдет.

– Я знаю, где Хоуп.

Злость женщины сменилась недоверием.

– Это неправда, ты специально так говоришь.

– Давай–ка я тебе кое–что растолкую, Рейч. Как только ты мне сообщила о пропаже Хоуп, я позвонил одному человеку. Он профессионал своего дела. Неделю назад он напал на ее след. А вчера он сообщил, что нашел нашу дочь. Он следит за ней, знает где она спит и где обедает, знает какая на ней одежда. И знаешь, что самое главное? Он ждет моих указаний. Стоит мне сказать всего одно слово и в следующих заголовках газет ты прочитаешь о самоубийстве дочери адвоката Джеймса Брукса. Хотя я еще не решил, может обставить все так, словно ее похитили и требовали выкуп, а потом все равно убили. В любом случае, мне будут только сочувствовать. И я использую это сполна.

– Ты – чудовище, – тихо произнесла Рейчел. – Она же твоя дочь.

– Я знаю, милая. Поэтому я даю тебе шанс спасти ее. В обмен на твое ко мне расположение я привезу ее домой, а ты объяснишь ей дальнейшие действия. Ничего сложного, вам нужно просто улыбаться и твердить всем, что я хороший муж и отец. Остальное я сделаю сам. Договорились?

Рейчел стояла с закрытыми глазами, пытаясь удержать по-

ток слез, катящийся по щекам. Она молчала.

– Ну вот и славно.

Женщина не помнила сколько простояла на одном месте после ухода мужа. Ее вывел из оцепенения детский смех во дворе. Она выглянула в окно и увидела Лилиан, болтающую с садовником. Всего пару часов назад Рейчел была уверена в том, как хочет провести остаток жизни. Теперь воображаемая картинка расплывалась перед глазами, сменяясь реальностью.

– Привет, мам, – Лилиан вошла и бросила рюкзак рядом с дверью.

– Привет, детка. Хорошо покаталась?

– Отлично, мистер Келлер сказал мне, что скоро я смогу поучаствовать в соревнованиях. Они конечно показательные и наград не будет, но он меня выделяет. Это уже приятно.

– Это здорово. Ты молодец. Я уверена, в следующем году ты начнешь готовиться к серьезным соревнованиям, – она погладила дочь по щеке, и, чтобы не вызывать подозрений, тепло улыбнулась. – Хочешь чего-нибудь поесть? – Рейчел подошла к холодильнику.

– Вообще–то не очень. Мам, что случилось? Ты выглядишь бледной.

– Все в порядке, – женщина открыла дверцу, отгораживаясь от вопросов дочери.

– Но я же вижу.

Рейчел посмотрела на дочь, будто видела ее в последний

раз.

– А знаешь что, давай поедем в торговый центр, например, погуляем. Мне надоело сидеть дома.

Девочка не стала настаивать на своем предчувствии и оставила мать в покое. Она улыбнулась ей и ответила:

– Это мне нравится, я буду готова через пять минут, – через секунду Лилиан уже бежала наверх.

У Рейчел оставалось немного времени для размышлений. Возможно Джеймс соврал в попытке манипулировать материнскими чувствами, и он не знал, где находится Хоуп. Ведь если бы он знал, то что ему мешает привезти дочь домой и так же угрожать им смертью, если они его послушаются. Но его слова могли быть и правдой. И Джеймс просто на просто решил избавиться от дочери, чтобы она больше не загоняла его в тупик попытками побега. Тогда она своими необдуманными действиями убьет Хоуп.

Лилиан спустилась слишком быстро, чтобы Рейчел смогла выбрать из двух вариантов наиболее подходящий. Решив, что подумает об этом позже, она вместе с дочерью вышла на крыльцо.

Путь до Хартлэнд Виллидж занял около десяти минут. Сверкающее сооружение манило в свои сети людей всех возрастов. По этажам торгового центра гуляли подростки в ожидании нового сеанса фильма, молодые парочки и семьи ходили по магазинам, выбирая подарки или присматривая новую одежду. Все смеялись. Для жителей Нью-Йорка прогулка по

центру не была чем-то обязывающим, здесь они пытались отвлечься от насущных проблем и надоевшего быта. Рейчел привела сюда Лилиан, чтобы подумать вне дома, за пределами давящих стен. Они обошли магазины детской одежды, подбирая девочке наряд. Рейчел была рассеяна, она ходила вдоль вешалок и полок с разноцветной тканью и не понимала, что она здесь делает. Шумные толпы людей и ослепляющий свет заставлял нервничать женщину, большую часть жизни проведенную в окружении четырех стен. Когда она увидела постер в очередном магазине, то ей на ум пришла идея.

– Лили, ты не хочешь прокатиться куда-нибудь подальше? Например, в Дайкер Хайтс?

– Зачем?

– Там есть неплохой спортивный магазин...

– Мам, разве здесь их не полно?

Рейчел махнула рукой.

– Забудь, мне просто хотелось выехать из Статен-Айленда.

– Хорошо, если ты хочешь, то поедем. Мне как раз нужен новый спортивный костюм.

Рейчел сидела по правую руку от дочери на кожаных сиденьях Ролс-Ройса Фантом, который Джеймс старательно выставлял всем на обозрение, кичась своим богатством. Она в свою очередь не ощущала трепетного волнения и не выказывала поклонения перед тем как оказаться в салоне автомобиля, желая лишь поскорее отсюда выбраться. Пока водитель,

имени которого она не знала, вез их по указанному адресу, она смотрела на девочку, которая так много замечала, но в то же время не могла понять. Рейчел была безмерно благодарна дочери за то, что та не задавала вопросов. Лилиан в свою очередь чувствовала, как переживает мать и не лезла в это дело, позволяя взрослым решать проблемы.

Через некоторое время они уже подъезжали к магазину, приютившемуся среди похожих друг на друга помещений с незамысловатыми вывесками, когда водитель сообщил Рейчел о звонке мужа. Ответив, что перезвонит ему позже, она подумала, что Джеймс наверняка нервничал после их напряженного разговора и хотел узнать, когда они приедут домой. Неужели ты испугался, что мы сбежали? Не волнуйся, я бы никогда не рискнула жизнью дочери, поэтому тебе нечего опасаться. Пока Лилиан примеряла гору вещей, выбранных матерью, Рейчел, испуганно оглядываясь на зеркальные кабинки, подошла к отделу с оружием.

– Здравствуйте. Мне нужен пистолет.

Мужчина, сидевший на стуле возле кассы, был медлителен, раздражая этим Рейчел. На голове потрепанная бейсболка с логотипом популярного когда-то хоккейного клуба, в руках ружье, которое он, не обращая внимания на посетительницу, тщательно чистил. Только спустя минуту мужчина поднял на нее глаза.

– Какой именно? Выбор огромный, как видите.

Под стеклянной витриной в стройном ряду лежали писто-

леты, надписи на этикетках казалось пропечатаны на другом языке. Единственное, что она знала, ей нужно орудие убийства, а не бутафория. Подделкой в случае опасности ты защититься не сможешь. Рейчел быстро пробежала глазами витрину и остановилась на пистолете среднего размера с надписью – огнестрельное.

– Вот этот, пожалуйста.

Мужчина проследил за движением ее пальца и вновь поднял глаза.

– Мне нужно разрешение. Иначе не смогу вам продать.

Рейчел в панике обернулась. Лилиан все еще была в примерочной.

– Но... пожалуйста. Он мне очень нужен. Я заплачу триста сверху, – даже такая замкнутая женщина, как Рейчел, знала силу денег.

– Дамочка, мне не нужны проблемы.

– Пятьсот.

Мужчина пожевал щеку и, сдавшись, сказал.

– Ладно. Только я вам ничего не продавал. Если ко мне придут с расспросами, я буду все отрицать.

Рейчел согласно кивнула и, осторожно взяв пистолет в руку, убрала его в сумочку. Мужчина покачал головой и спросил:

– Вы хоть знаете, как им пользоваться?

– Да, – соврала Рейчел.

Продавец посмотрел на нее с недоверием, но ничего не

сказал. Она рассчиталась с мужчиной и быстрым шагом направилась к примерочным. Лилиан все еще выбирала.

– Мама, ты где пропадаешь? – спросила девочка, как только Рейчел отодвинула занавеску.

– Ходила в туалет, наверное, съела что-то не то.

– Сейчас все хорошо?

– Да, конечно. Я выпила таблетку. Так что ты выбрала?

– Еще не знаю, выбираю между синим и черным, – девочка крутилась перед зеркалом, выставляясь в разных ракурсах.

– Выбери синий, он тебе больше подходит.

– Точно?

– Абсолютно.

Лилиан улыбнулась и отдала синий костюм матери.

– Хорошо, тогда буду переодеваться.

Рейчел оплатила покупку и дождалась дочь из примерочной. Когда они выходили, мужчина из оружейного магазина смотрел им вслед.

Джеймс

Времени на выход из фирмы потребовалось на удивление мало. Около недели ушло на то, чтобы назначить ответственного и, забрав причитающуюся ему долю, забыть об адвокатской конторе на Уолл-стрит. Разобравшись с текущими делами, Джеймс строил дальнейшие планы и, как никогда кстати, ему позвонил Тони под предлогом пропустить по стаканчику в одном из баров Сохо. Джеймс согласился

и на следующий день они встретились в баре Джимми, что на Томпсон–стрит. Бар находился на самом верхнем этаже отеля, сквозь трехметровые окна проходил яркий свет солнца, избавляя владельцев от необходимости использовать искусственное освещение. Было еще слишком рано, и Джимми пустовал. Джеймс впервые появился здесь, обычно он избегал компрометирующих его мест, и был приятно удивлен обстановкой. Никаких лишних деталей: стильная барная стойка, выполненная в приглушенных тонах – серебряном и цвета морской волны, длинные кожаные диваны и аккуратные столики на коротких ножках. К бару прилагалась терраса, на которой можно было освежиться и спрятаться от толпы, заняв один из немногочисленных столов. В это время суток в баре было немного посетителей, и Джеймс, сделав заказ, под открытым небом ждал, когда придет Тони. Перед глазами Брукса предстал Манхэттен во всей его красе, он чувствовал себя его владельцем, хранителем. Это был его мир, который он завоевал тяжелым трудом и напряженной работой изворотливого ума, и он не позволит никому отнять его. Пока Джеймс осматривал свои будущие владения, Тони незаметно подкрался к адвокату.

– Никак не налюбуйешься?

Джеймс дернулся и взглянул на судью:

– Твою мать, Тони.

– Не хотел тебя пугать. Хотя..., – протянул мужчина, ухмыльнувшись. – Я думал тебе надоел вид Манхэттена.

Официантка принесла Янгу заказ и под контролем его взгляда прошла обратно к стойке.

– Теперь я смотрю на него по-другому. Раньше я был его частью, а теперь он становится моей.

– Я рад твоим устремлениям, но не рановато для таких выводов? Ничего нельзя загадывать наперед, а то мало ли кто сглазит, – Тони сопроводил последнюю не свойственную ему фразу пожатием плеч.

Джеймс оторвался от созерцания высоток и посмотрел на друга, затем наклонившись к нему, вкрадчивым голосом произнес:

– Если бы я каждый раз перед тем, как взяться за дело колебался и сомневался в своей победе, никто бы не услышал о Джеймсе Бруксе и о том, что он имеет.

Тони на секунду изменился в лице, но тут же взял себя в руки, так, что адвокат ничего не заметил.

– В этом ты прав. И я хочу тебе помочь, – он откинулся на спинку стула, принимая расслабленную позу. – Я думаю, ты помнишь, что я говорил тебе о помощниках. Я лично поговорил с ними и выбрал одного. Зовут Уилл Моррис, тридцать пять лет, учился в Чикагском, в школе государственной политики имени Харриса, получил академическую стипендию университета. Закончил его с отличием. Не женат, детей нет. Хочешь узнать подробности, прочти это, – Тони кинул на стол тонкую папку. – Будь уверен, парень чист и твоей репутации не замазает. По крайней мере я там ничего не на-

шел. Он – то что тебе нужно.

Джеймс открыл папку и прочел написанное. Удивленно подняв брови, он спросил:

– Молинаро?

– Поговаривают, но я склоняюсь к тому, чтобы в это поверить.

– Если это правда, то он и мне поспособствует.

Он отложил папку, и они перебросились парой фраз, поинтересовавшись работой и семьей. Джеймс ответил, что все хорошо, разве мог он открыть Тони правду? Спустя пол часа Янгу позвонили, и он был вынужден уйти, перед этим он сказал Бруксу:

– Не забудь, если хочешь победить, нужно довериться помощнику все грязное белье, все твои тайны и вместе создать новые, иначе ты ничего не добьешься, – улыбнувшись напоследок и оплатив счет, он скрылся из виду.

То, что сказал ему Тони, никак не укладывалось в голове. Довериться кому–то еще, расширить список посвященных в его дела лиц представлялось Джеймсу катастрофой. Он и так сильно рисковал, когда поделился своими планами с Тони и рассказал ему несколько деталей из его многочисленных дел. С ним все складывалось проще, несмотря на несхожесть характеров и предпочтений, их натура и стремление к власти объединяли и сплочали вместе двух мужчин, создавая сильную команду. Но что делать с Моррисом? Совершенно незнакомый человек, который может сообщить о Джеймсе

в соответствующие инстанции, и тут же налетят стервятники, вот уже несколько лет выжидающие удобного случая. В конечном счете перед Бруксом вставал один огромный ком вопросов и сомнений, ведь раньше ему не приходилось работать в команде, где принято разделять полномочия. Они несомненно были профессионалами своего дела, но разве в случае опасности, они прикроют его спину, буду врать ради него или сбегут как крысы с тонущего корабля? Несмотря на неиссякаемый оптимизм и уверенность в своих силах, Джеймс не отрицал реальность и понимал, что враги не дремлют, готовясь нанести ему сокрушительный удар. Поэтому нужно быть начеку и выбирать к себе в окружение надежных людей. Вместе с краткой биографией и историей заслуг Морриса, Тони оставил номер его телефона. Джеймс решив, что только при личной встрече сможет понять, стоит положиться на него или нет, набрал номер. Они договорились встретиться завтра за ленчем. Начало было положено, и даже если Уилл ему не подойдет, Джеймс ни за что не откажется от задуманного. Пока у Брукса оставалось свободное время, чтобы побыть в одиночестве, он думал о том, как применить свои наработанные навыки на новом поприще и под конец мыслительной деятельности у него появилось пару идей. Ведь действовать честно было слишком скучно, к тому же мужчина этого не умел.

Итак, подведем итоги. В тайну Джеймса к концу недели будут посвящены трое: Том, сам Джеймс и его помощник.

Четвертого человека он не торопился включать в этот список. Все равно скоро его не станет. Брукс понимал, долго молчать не получится, пора было говорить семье, а затем и сделать публичное заявление. С этим он как-нибудь позже разберется, сейчас же, представляя будущую славу, он почувствовал, как приятно заныло в паху. Расплатившись по счету, Джеймс покинул бар и поспешил домой. В дороге его застал телефонный звонок, принесший хорошие новости. Он дал указания и еще в более приподнятом настроении подъехал к особняку.

Хорошо, что в доме не было лишних ушей. Только Рейчел и он. Услышь бы кто-либо из прислуги ее крики, все пошло бы наперекосяк. Однако импровизация исправила ситуацию. Хотя нельзя сказать, что Джеймс соврал, недавний звонок подтверждал: скоро все кончится и можно больше не переживать. Главное, чтобы в это поверила Рейчел. Разговор с ней вывел Джеймса из себя, он выскочил из дома и, сев в машину, поехал куда глаза глядят. После нескольких минут плутания по острову, он направился к парку Грейт Килс, который граничил с заливом Лоуэр. Мужчина бросил машину на парковке и спустился вниз к песчаному пляжу. Наконец-то, он нашел место, где за ним не следят сотни глаз, где не анализируют его поведение и не пытаются залезть под кожу, чтобы вытащить на свет все, что он прячет. Джеймс устало опустился на землю, снимая обувь и опуская ноги в воду. Сколько лет он уже живет в бешеном темпе, в погоне за

чем—то прозрачным и невидимым? Нужно ли ему это на самом деле, или он внушил себе необходимость лезть по головам, взбираясь все выше? Мужчина оказался слишком жаден до власти, слишком ненасытен, словно бездонная бочка поглощает тонны почитания и уважения, которое он заслужил. Неужели так будет всегда? Неужели эта непрекращающаяся гонка никогда не закончится? Начинало темнеть, а Джеймс все еще сидел на песке, от коротких и холодных приливов его одежда насквозь промокла, но он не спешил уходить. Мужчина вспоминал о таком же тихом вечере в компании матери много лет назад. Ему было всего пять, а она уже его не любила. Неудивительно, что он стал таким, во всех бедах, которые преследуют его семью, виновата мать.

Со стороны залива приближалась темная туча, слышался гром, перемежаемый редкими всполохами молнии. Посмотри, Джеймс, даже здесь тебе не рады. Прогоняют словно незваного гостя. Мужчина поднялся на ноги и вернулся к машине, чувствуя, как за спиной раскачивается гроза, набирая силу, с брюк ледяными струйками стекала вода, оставляя за ним следы. Через минуту Джеймс уже мчался домой.

На часах пробило семь, а домочадцы все еще не возвращались. Он позвонил водителю, решив, что разговаривать с Рейчел бесполезно. К тому же, как мужчина потом заметил, телефон она оставила дома. Как всегда. Рассеянная маленькая овечка решила примерить волчью шкуру, только натуру поменять невозможно. Джеймс распорядился накрыть на

стол и почти в ту же минуту услышал хруст гравия за окнами. Наконец—то они дома. Будет приятно поделиться хорошими новостями. Из кабинета он услышал звук открываемой двери и негромкие женские голоса, затем они поднялись наверх в свои комнаты.

Когда Бруксы жили в доме, отличающемся более скромной обстановкой в первые годы их брака, спальня была общей. Через два года активной адвокатской деятельности, они построили этот дом. Всего два года они засыпали вместе, пытаясь сохранить друг от друга секреты в тесной комнате. Как хорошо, что все изменилось, освобождая Джеймсу место для маневра. Такой расклад устраивал обоих, по крайней мере мужчина так думал.

Он выждал двадцать минут и спустился вниз. В скором времени семья была в полном составе. Почти.

— Ну и как магазины? Купили что-то? — спросил Джеймс с веселыми нотками в голосе. Ответила Лилиан:

— Да, мы были в торговом центре, купили мне костюм, — как Рейчел и просила девочка промолчала о их поездке в Бруклин.

— Хорошо.

На минуту воцарилось молчание. Затем Джеймс откашлялся и начал:

— Я хотел сообщить вам приятную новость, — он выждал паузу, которая не возымела должного эффекта и продолжил. — Я решил баллотироваться на пост президента Манх-

эттена.

Рейчел уронила вилку, в создавшейся после слов Джеймса тишине, это прозвучало как выстрел. Лилиан переводила взгляд с матери на отца, не зная, как реагировать. Наконец девочка сказала:

– Поздравляю.

– Спасибо, милая, – Джеймс повернулся к жене и с нажимом спросил. – А ты ничего не хочешь мне сказать?

Рейчел сглотнула и выпрямилась, гордо подняв голову.

– Надеюсь, кандидатов тщательно проверяют, перед тем как позволить им избираться.

Наступило неловкое молчание, Джеймс сжал руки в кулаки, но лицо оставалось спокойным:

– Лилиан, поднимись к себе.

– Но...

– Лилиан, – отцу даже не пришлось повышать голос.

Девочка взглянула на мать и нехотя поднялась наверх. Как только шаги стихли, Джеймс схватил руку жены и злобно прошипел:

– Мне казалось, мы договорились. Или тебе напомнить, чем все это кончится для нашей дочери?

– Не смей называть ее своей. Ты пригрозил ее убить! После такого, ты даже не имеешь права произносить ее имени.

– Знаешь, Рейч. Мы топчемся на месте, и мне это порядком надоело. Чтобы ты хотела получить в качестве серьезности моих намерений? Ее ухо или один из пальцев? Луч-

ше внимательно послушай. Я добился всего, что у нас есть потом и кровью. И я не позволю тебе или кому-то другому все испоганить. Ты должна быть мне благодарна за то, что я вытащил тебя из дерьма, в котором ты погрязла. Поэтому ты сделаешь так, как я скажу, будешь мило улыбаться и выходить в свет, когда я требую, в противном случае, ты знаешь, что произойдет.

– То есть ты собираешься держать ее в неволе, наедине с наемным убийцей... Сколько? Десять лет? Двадцать? Всю ее жизнь?

– Что ты предлагаешь, милая? Избавить ее от мучений и покончить с этим? Я могу, – Джеймс достал телефон, делая вид, что собирается звонить. Рейчел в панике бросила:

– Я этого не говорила. Я сделаю, что ты просишь, только не трогай ее.

– Умница.

На этом ужин в кругу семьи завершился.

Глава 14

Сара

На календаре в пухлом блокноте ярким кружком выделялась цифра двенадцать в последнем месяце лета. Сара уже двадцать минут безотчетно пялилась на субботу. Сегодня. Все кончится сегодня. Она осталась дома одна, за что благодарить нужно Джерри. Самый страшный ее враг находился на расстоянии двух часов езды. Женщина включила любимый канал и приготовила пирог, будто ничего не произо-

шло, и дети скоро вернутся из школы, а муж, хлопнув входной дверью, крикнет: «Я дома». Попытки оградиться от сегодняшних событий, которым только предстоит случиться, были безуспешны. На краткие мгновения женщина погрузилась в другую реальность и там была счастлива, а затем писк духовки или стук ветки в окно возвращал ее обратно. Она так долго держалась, осталось всего двенадцать часов. Довольно символично.

Мобильник известил ее новым сообщением: «Все будет хорошо». Сара улыбнулась, подумав о том, что Джерри читает ее мысли. Он всегда был хорошим другом, не только для Майкла, но и для нее. Если бы не его поддержка, женщина бы не справилась пять лет назад.

В голове внезапно всплыл последний разговор с Блейком перед его отъездом. Он вернулся днем, Сара тогда легла отдохнуть, надеясь, что мужчина еще долго не появится. Он разбудил ее и сказал собрать его вещи.

– Зачем?

– Меня послали в командировку в Бейкерсфилд. У парней какие-то проблемы.

Женщина встала, потирая глаза.

– И надолго?

– Не знаю. Думаю, на пару дней. Соскучиться ты точно не успеешь, – ухмыльнувшись, Блейк ушел в ванную.

Сара стояла посреди комнаты, не веря своим ушам, его отсылают. Но как же...

– Ты так и будешь стоять? Мне нужно ехать.

Она потрусилась головой и достала из шкафа спортивную сумку, сложила необходимые Блейку вещи и отнесла ее вниз. Мужчина стоял на кухне и пил кофе. На прощание он коротко чмокнул Сару в щеку и вышел за дверь. Это было вчера. Сегодня она наконец–то осталась одна.

Саре хотелось убить время, иначе она совсем изведет себя. Она заварила кофе, думая при этом за какое из множества накопившихся дел взяться. Женщина давно не обращала внимания на бардак в доме, несмазанные петли двери и неухоженный газон, будто мужчины в ее доме не было. Но как уже поняла из своего опыта Сара, ни на кого нельзя положиться и, допив кофе, поднялась на чердак. Она кое–как пробралась к задней части комнаты, лавируя среди огромного количества коробок и вскрыла одну из них с надписью «свадьба». На самом верху лежала ее фата, скомканная и пожелтевшая, женщина помнила, что убирала ее на чердак в гнев, стараясь как можно быстрее избавиться от напоминания о скромном торжестве. Тут же лежали два альбома и десятки открыток с пожеланиями. Надпись на коробке она сделала позже, когда немного поостыла, но доставать оттуда вещи все равно не решилась. Сара перенесла ее ближе ко входу, подумав, что пора бы уже предметам из прошлого выйти на свет, и вернулась обратно. Здесь же, помимо коробок с детской одеждой, которой пришло время поделиться с другими, кто больше всего в них нуждается, стоял стул с обло-

манной ножкой, который она месяцами просила Блейка починить. В итоге он, доведенный до точки кипения, швырнул его на чердак, сломав при этом вторую ножку. Тут же был и чемодан, больше похожий на кейс, в который молодая девушка, сложив свои вещи после смерти отца, уехала искать новую жизнь. Она уговаривала мать поехать с ней, но та оставалась непреклонной, не желая покидать то место, где похоронен любимый муж. Женщина благословила дочь и, собрав ей этот чемодан, отправила в путь. Сара провела рукой по углам, защищенным накладками – один из них потерялся где-то по пути, другой болтался, грозясь в любой момент отвалиться – царапинам, приобретенным в толчеях на станциях и вокзалах и ржавому замку. Все эти мелочи носят в себе воспоминания ее слез и страха перед неизвестностью. Как это было давно и сколько несчастий пришлось Саре пережить тогда, но уже через пару месяцев в награду за ее страдания появился Майкл. Он то ее и спас от одиночества и скитаний по стране, приютив в своем доме. Их роман развивался стремительно, и спустя полгода они уже поженились, с тех пор коробки только множились, переезжая на чердак. Женщина поднялась с колен и, порвав связь с горестными и радостными мыслями, принялась за работу. Отнесла коробки с детской одеждой и еще несколько ненужных, подумав устроить распродажу, на первый этаж, подмела на чердаке и впустила в маленькое окно свежий воздух, в солнечных лучах кружилась накопившаяся за много лет пыль.

Когда с чердаком было покончено, Сара приступила к газону, выкатив из гаража косилку. На долю секунды, когда она вошла в святилище мужа, то увидела, как все здесь было раньше. Как размеренно гудел станок, прерываясь на визгливые вскрики, как дурманил голову запах лака и краски, как на подвешенных полках выстраивались в ряд разнообразные фигурки и заготовки под большие проекты. Куда делась жизнь из этого места? Когда она его покинула, так, что Сара этого и не заметила? Она задрала голову, борясь со слезами и стараясь как можно быстрее покинуть это место, вышла на улицу. Разберусь с этим позже, когда все кончится, когда появятся силы. Она надеялась, что незамысловатый физический труд на свежем воздухе приведет ее в чувства и упорядочит мысли, но все оказалось не так—то просто, косилка не заводилась. Женщина промучилась минут десять, вся истекая потом от жары и раздражения, пока до нее не дошло, нужно заправить бак. Сара даже посмеялась, удивленная своей глупостью и, залив бензин в машину, начала работу. С каждым шагом двор преображался, женщине казалось она не только облагораживает территорию рядом с домом, выбрасывая ненужный хлам, но и очищает свой разум и душу, привносит в них гармонию и покой. Когда лужайка перед домом наградила Сару запахами свежескошенной травы, она вернулась в гараж, спрятав косилку в дальний угол и, пройдя в гостиную, на секунду присела отдохнуть. Впереди было еще много работы.

Спустя два часа она не чувствовала ног и рук, зато в доме приятно пахло чистящими средствами. Сара успела вымыть окна и пропылесосить ковры, обратиться в комнатах детей и избавиться дом от пыли. Наконец, оглядевшись по сторонам, она удовлетворенно кивнула и тут же, словно напоминая о своем присутствии, на ветру дернулась входная дверь, протяжно скрипнув. Сара поморщилась. Сколько раз я ему говорила, смажь ты эту дверь. Интересно, если бы он снова разозлился на меня, то сорвал бы ее с петель и бросил на чердак? Дверь скрипнула еще раз, подзывая к себе женщину.

– Да иду я, иду. Вот же нахалка.

Женщина достала из кухонного шкафчика масло и аккуратно смазала петли, уже через минуту скрип исчез.

– Теперь ты довольна?

Дверь ответила ей кивком, подталкиваемая слабым порывом ветра.

Оставалось девять часов. Сара и не заметила, как пролетело время, но, если сейчас она не найдет себе новое занятие, то сойдет с ума. Поэтому женщина приняла душ и отправилась в торговый центр на Дана Драйв. Путь занял у нее всего пять минут, она считала каждую секунду, ведь сейчас течение времени было для нее важнее, чем пульс на шее. Сара вышла из машины и направилась к магазинам, надеясь, что они заберут у нее ненужные минуты, а то и часы. Раньше, гуляя здесь с детьми и выбирая им новую одежду или подарки накануне праздников, время незаметно утекало, и она по-

стоянно удивлялась, при выходе из супермаркета, встречая неожиданно сгустившиеся сумерки, сейчас же все было иначе. Отвлечься не получилось, каждую минуту она также, как и сидя дома, смотрела на часы. Раздражение нарастало. Решив пойти на фильм, Сара выбрала боевик, надеясь, что спецэффекты и закрученный сюжет сделают свое дело. В полной темноте женщина не могла увидеть времени на часах, но она чувствовала, как по запястью скользят секунды, слишком медленно приближая ее к концу. Когда на экране появились титры, оставалось шесть часов.

Сара одной из первых покинула зал и вышла на улицу. Постепенно привыкая к яркому свету, она приближалась к машине, когда кто-то за спиной окликнул ее. Она обернулась и увидела знакомую женщину, которая раньше приходила со своим мужем к ним в дом. Имени она вспомнить не могла.

– Сара, привет. Отлично выглядишь! Как твои дела? Мы так давно не виделись!

Женщина, только услышав ее голос и взглянув в глаза навкрате, вспомнила имя, любительница накинуться на любого встречного с вопросами, Мелисса Пирс. Ее муж работал вместе с Майклом и Джерри.

– Все в порядке. Да, дела закрутили.

– Как дети? Я слышала, они не в городе.

Ну как же, слышала она. Скорее рыла носом землю в поисках пикантных подробностей. Не желая вдаваться в детали, Сара ответила:

– Они у бабушки. Я подумала им будет лучше развеяться где–нибудь подальше от этого места.

Мелисса покрутила головой и с хитроумной улыбкой отвела Сару в сторону. Женщина только сейчас заметила, что Мелиссу не интересовали ее дела и дети, ее буквально распирало от желания поделиться последними новостями:

– Я слышала, сегодня намечается что–то грандиозное.

– Ты о чем?

Женщина посмотрела на собеседницу со снисхождением знающего полезную информацию.

– Я об операции. Мой муж там участвует, – она произнесла это с гордостью.

Сара широко распахнула глаза, она чувствовала, как кровь медленно отливает от лица.

– Откуда ты знаешь?

– Как откуда? Хэнк рассказал.

Женщина схватила сплетницу за руку и с нажимом сказала:

– Ты понимаешь, что если операция сорвется, то все получат нагоняй и твой муж тоже. Если скажешь хоть слово, я намекну Бобу, что это твой муж растрепал секретную информацию. Ты поняла?

Мелисса испуганно посмотрела на женщину, не ожидая увидеть на ее лице такого гнева.

– Я... поняла. Но почему ты злишься?

– Злюсь? Я не злюсь, Мелисса. Я в бешенстве! Неужели

тебе не хватает мозгов понять, как это важно. Эти люди толкают наркотики молодежи, среди которых могут быть и твои дети тоже. А благодаря твоему языку, они могут ускользнуть от наказания.

Женщина стояла и пыталась что-то сказать, но на удивление, не смогла вымолвить ни слова. Она развернулась и быстрым шагом направилась к своей машине, оборачиваясь на ходу. Сара достала телефон и набрала номер, когда на другой стороне подняли трубку, женщина сказала:

– У нас проблема. Могу я подъехать?

Через полчаса она припарковалась в квартале от полицейского участка, Джерри сел в машину и, внимательно посмотрев на женщину, сказал:

– Проедь дальше.

Пока они ехали, в машине стояла тишина, только тихо похрипывало радио. Через пару сотен метров Сара остановилась. Джерри развернулся к ней и спросил:

– Так что случилось? У тебя был встревоженный голос.

– Я встретила сегодня Мелиссу, жену Хэнка Пирса. Она все знает.

– В каком смысле все знает?

Сара посмотрела на мужчину.

– Ее муж ей рассказал.

– Что?! Какого...? – Джерри стиснул зубы, стараясь не выражаться при Саре.

– Я пригрозила ей, сказала, что, если что-то просочится,

я скажу Бобу, что всему виной ее муж. Думаю, после этого она не станет болтать.

– С ее мужем я разберусь, – мужчина потянулся к ручке. Сара остановила его, дотронувшись до плеча.

– Джерри, просто поговори с ним, не принимай поспешных решений. Ты не знаешь, как он отреагирует на увольнение или отстранение от дела. Я не хочу, чтобы он все испортил, если вдруг решит отомстить. Разберешься с ним, когда... это наконец закончится.

Пока Сара говорила, Джерри успокоился. Он понял, что женщина права. Нервно улыбнувшись, полицейский сказал:

– Спасибо за совет. Я позвоню тебе, когда все кончится.

После его ухода Сара еще долго стояла на одном месте и не могла завести мотор. Мысли в голове путались. Она забыла сказать Джерри о том, что Блейк не взял телефон с собой, что он в их распоряжении. Да и какая теперь разница? Донован далеко, он не сможет, точнее, просто не успеет им помешать. И к тому же, даже если банда, которую собирается поймать Джерри что-то заподозрит, им не удастся связаться с Блейком, ведь их связующая нить лежит в ее сапоге. Остается надеяться, что Донован не вернется, неожиданно появившись в дверях ее дома, тогда она точно его убьет. Женщина закрыла лицо руками и опустила на руль, жар солнца проникал сквозь лобовое стекло и ее покрытую мурашками кожу. Сара выключила кондиционер и наконец-то дала волю гневу: она лупила кулаками по всему, что попадалось под руку. Как

можно быть таким тупым и растрепать все своей жене, которая даже во сне болтает без умолку? Будь моя воля, я бы самолично прикончила кретина Хэнка и его крысу жену. Ей хотелось выплеснуть свой гнев на всех, кто ее окружает, кто не думает головой, прежде чем что-то сказать. Сара не могла сорваться при Джерри, иначе он совершил бы поступок, о котором в последствие пожалел бы. Кому-то пришлось оставаться хладнокровным и тем самым успокоить другого.

Внезапно женщина дернулась от пришедшей к ней в голову догадке. А что, если Хэнк соучастник Блейка? Что если они действуют заодно? Тогда операция уже сорвана, а в участке и не знают об этом. Сара начинала нервничать и несколько раз порывалась позвонить Джерри, но что-то ее останавливало, приказывало подумать хорошенько и не разводить паники. Она отдышалась, понижая зашкаливающий пульс, и закрыла глаза. Нужно думать трезво и не позволять эмоциям брать вверх. Вряд ли Пирс помогает Блейку. Он же еще тупее, чем Донован, и Джерри давно бы его раскусил. Да и к тому же, Блейк не стал бы делиться «слабой» с другим и он уж не настолько хитер, чтобы переманить на свою сторону полицейского, даже такого слабого, как Пирс, да и тем более удерживать возле себя столько лет. Блейку просто на просто не хватило бы терпения с ним возиться. Успокоившись окончательно, Сара решила не беспокоить Джерри своими необоснованными подозрениями и выехала в сторону дома. Оставалось пять часов.

Блейк

Блейк провел в дороге несколько жарких нескончаемых часов: повсюду велись дорожные работы, тормозя караваны машин. Жгучее солнце плавало кожу, ужасно хотелось спать, перед глазами стояла одна картина, сводящая с ума, задний бампер хонды, которая тащилась вместе с ним вот уже двести миль. Блейк приехал в участок только под вечер, уставший и голодный. Его встретил шеф полицейского управления Шон Хиггинс, на лице которого застыла печаль и последствиях долгих часов, проведенных без сна. Он вкратце разъяснил ситуацию. Два дня назад в местном баре в трех кварталах от полицейского участка произошел взрыв, от которого, по словам очевидцев, через три улицы стекла дрожали. Случайность или нет, но именно этот бар был одним из любимых мест полицейских Бейкерсфилда. Погибли двадцать человек. Семеро из них копы. После этого весь день происходили беспорядки. Люди, словно сумасшедшие грабили и убивали, словно взрыв помог им раскрыть и показать жителям калифорнийского городка свои недюжинные способности. Участку срочно требовалась помощь.

Блейк чувствовал себя здесь как дома, ведь тетушка Пегги, забрав его из Висейлии, где он жил вместе с родителями до рокового дня, привезла к себе в Бейкерсфилд. После окончания школы парень поступил в полицейскую академию, и закончив ее приступил к своим обязанностям здесь, но жизнь среди тех, кто посвящен в его историю была Блей-

ку противна, и уже через два месяца он попросил о переводе в Реддинг. По крайней мере там офицер оказался на расстоянии двух часов езды от своей тетушки и домыслов о случившемся на Юг Белмонт Драйв. Не то, чтобы Блейк был ей не благодарен, ведь она не бросила его на произвол судьбы, а принялась воспитывать – хоть и давалось ей это с трудом – дала ему образование и крышу над головой, обеспечила всем необходимым. Мужчина не испытывал к ней ненависти, но жить рядом с ней и слушать жалобные причитания было невозможно, просто невыносимо, поэтому он и сбежал. Однако на новом месте Блейка ждали новые неприятности, с которыми он благополучно справился только спустя несколько лет. И теперь у него есть все, чего он хотел: красавица жена, служба в полиции и дети, хотя для мужчины они были лишь бесполезным, тянущим вниз грузом, но скоро все изменится.

Сегодня Блейк покинул Сару с чистой душой, все было готово, он их предупредил и получил достаточно денег, чтобы смотаться в отпуск. Саре он совет о неожиданном наследстве или скажет, что очень долго копил. Вообще придумать историю – не проблема. Проблема в том, что он забыл избавиться от телефона. Когда до Бейкерсфилда оставалось двадцать минут пути, мужчина вспомнил о кожаном сапоге в шкафу. Это существенный промах, Блейк даже решил повернуть назад, но потом что-то его успокоило. Сколько раз он упускал из виду, что сильно рискует, но его еще ни разу

ни в чем не заподозрили и до сих пор не поймали, у Джерри просто не хватит мозгов, чтобы разгадать всю схему.

Этим вечером Блейк даже не успел приступить к своим обязанностям, как стемнело. На выходе из полицейского участка его окликнул сержант Дерек. Если верить тому, что узнал о нем Донован, то это честный и добрый коп, исполняющий свой долг, в общем в друзья Блейку он никак не годился.

– Блейк, не хочешь составить мне сегодня компанию? Моя жена всегда, когда нервничает, не может прекратить готовить. Я думаю, ты не откажешься от домашней еды, остальные в эти дни хотят провести время с близкими, а ты же все равно один здесь.

Блейк с удовольствием согласился, прикидываясь хорошим парнем, и на машине Дрейка они направились к Уилл Орчард, где улица, на которой жил сержант упиралась в Бальбоа Драйв, а оттуда уже рукой подать до парка Планс. Его участок был огорожен пятью высокими туями темно-зеленого цвета, через дорогу, соперничая с живой изгородью высилась пальма с копной листьев на верхушке. Они вошли в дом, где их встретила жена Дерек, миловидная женщина лет тридцати с округлившимся животом. Она внимательно посмотрела на Блейка, стараясь вспомнить его лицо, но потерпев неудачу, сдалась. Дерек их представил:

– Моя жена – Дженна. Сержант Блейк Донован, приехал сегодня из Реддинга, к нам на помощь.

Женщина немного расслабилась, будучи последние два дня в страшном напряжении и, вспомнив об обязанностях хозяйки, бархатным голосом произнесла:

– Вы, наверное, устали, проходите, ужин давно готов.

Несмотря на беременность, Дженна выглядела неплохо, сохранив девичью стройность и плавную походку уверенной в себе женщины. Блейк, как и любой мужчина, не мог не заметить насколько она привлекательна и невольно бросал на нее осторожные взгляды, чтобы не попасть под подозрение.

– Вы приехали один?

– Да. У наших ребят через два дня крупное дело, поэтому смогли отправить только меня.

– Я думала, Шон выбьет хотя бы троих. То, что творится после взрыва – это кошмар. Как у вас хватит сил это прекратить, если в участке людей мало? – Дженна была на взводе. Она сочувствовала тем женщинам, чьи мужья погибли, оставив их одних с детьми на руках и боялась представить, что это могло случиться и с Дерекком.

– Милая, успокойся. Нам прислали еще двоих из Фресно. Волноваться не о чем.

Она уцепилась за протянутую руку мужа, словно тонула, и грустно улыбнулась. Затем женщина перевела взгляд на Блейка и, кляня свою несдержанность, направила разговор в другое русло.

– Вы женаты, Блейк?

– Давайте перейдем на ты, – предложил мужчина.

Женщина улыбнулась и ответила:

– Без проблем.

– Я не женат, официально. Но я живу с женщиной, у нее двое детей.

– Это здорово. И давно вы вместе?

– Три года.

Дженна кивнула и замолчала. Блейк вел себя прилично, не грубил ей и спокойно отвечал на вопросы. Но что-то в его взгляде и вечно хитрой ухмылке пугало женщину. Ей становилось некомфортно и возникало желание сбежать в свою комнату и закрыться на все замки. Однако она этого не сделала. У меня паранойя разыгралась. Это все из-за последних событий, кажется то, чего нет. Когда ужин закончился, мужчины перебрались в гостиную, оставив женщину разбираться с грязной посудой и остатками феттучине. До нее долетали лишь обрывки разговора, из которых было ясно одно: Дерек рассказывает о том, что случилось в тот вечер. Дженна уже собиралась незаметно уйти в комнату, как отчетливо услышала слова супруга:

– Может останешься у нас, места много, нечего тебе по мотелям кантоваться.

Женщина приросла к полу и молилась, чтобы Блейк отказался. Нет, нет, скажи нет. Она не понимала откуда в ней столько недоверия и подозрительности к этому мужчине, ведь он ничего ей не сделал, но внутреннее чутье подсказывало – он опасен. Наконец, Блейк ответил:

– Спасибо за предложение, но я лучше поеду в мотель.

К счастью Дженны, Дерек не стал уговаривать мужчину и, вызвав Блейку такси, выпроводил из дома. Напоследок Блейк улыбнулся женщине так, что у той кровь застыла в жилах, она поспешно отвернулась и ушла в комнату.

Машина остановилась на Юнион авеню, выпустив в темноту мужчину. Он огляделся вокруг, держа в левой руке спортивную сумку и подошел ко входу. Мотель Рамкабер представлял собой скопление приземистых домиков с вальмовыми крышами песочного цвета. Они располагались на достаточно большой территории, по соседству с другим мотелем, принадлежавшим судя по вывескам одному владельцу и образовывали две буквы П с отдельными въездами и чуть различающейся архитектурой. Под спальнями верхнего этажа находилась парковка. Блейк выбрал нижнюю комнату в углу здания, где на пятнадцати квадратных метрах умещались двуспальная кровать, телевизор и шкаф с тумбочкой. Минимум мебели освобождал много места, обманывая посетителей кажущимися большими размерами. Мужчина упал на кровать, укрытую белыми простынями и наслаждался мыслями о сне. Но перед этим, положив руки под голову, он думал о том, чем сейчас занимается капитан О’Брайан. Готовится к воскресному дню, давая всем указания? Или мечтает о повышении, которое ему не светит? Блейк улыбнулся, представив, как будет рвать и метать Джерри, когда его план

провалится и он останется ни с чем. После этого придется переехать. В Реддинге становится слишком опасно. Заберу с собой Сару, разберусь с детьми и уеду куда глаза глядят, тогда я наконец избавлюсь от влияния Джерри. Он, не раздеваясь, закрыл глаза и через секунду уже спал.

Проснувшись утром, Блейк не понял, где находится, но после того, как глаза привыкли к новой обстановке, он вспомнил о вчерашнем вечере. Мужчина принял душ и переоделся, когда за ним приехало такси, он уже ждал на улице. День в полицейском участке прошел незаметно под градом следующих друг за другом дел. Камеры не вмещали нарушителей, приходилось оставлять их в комнатах для допросов и выпроваживать на улицу тех, кто отбыл здесь причитающееся количество дней. Блейк в перерывах между вызовами знакомился с коллегами, некоторых он помнил еще с первых дней его службы, другие пришли уже после него. К вечеру Блейк уже еле стоял на ногах, радуясь, что день закончен. Когда он собрался уйти, его окликнул Дерек.

– Блейк, подожди. Мы собирались с ребятами посидеть где-нибудь, проводить погибших. Два последних дня были сумасшедшими, сейчас вроде все улеглось. Ты как?

Подумав, что все равно не уснет, и перспектива провести вечер под гул телевизора в комнате мотеля не настолько привлекательна, он ответил:

– Да, я с вами.

Бар, в который они пришли, почти ничем не отличался от того, что был взорван. Простое оформление, разного вида алкоголь и музыкальный автомат. Похоже любое заведение такого типа в радиусе двадцати метров от участка подгонялось специально под вкусы служащих закона. За их столом собралось порядка восьми человек. С некоторыми Блейк успел познакомиться, других видел впервые. Все заказали пиво.

– Ну что ж, выпьем за тех, кого сейчас нет с нами, – начал Дерек.

Остальные единодушно с ним согласились. Когда с неприятным было покончено, один из полицейских, до этого представившийся Ричардом, спросил у Блейка:

– Как дела в Реддинге?

– Все, как всегда. Таких беспорядков как здесь не наблюдается, но и своих дуриков хватает.

– В кресле шефа до сих пор сидит Боб? – слышалось со стороны Дерек, когда остальные переключились на обсуждение футбольного матча.

– Да, и похоже он в него врос.

Дерек рассмеялся и как бы невзначай спросил:

– Ты вчера говорил о женщине, с которой живешь, но так и не сказал, как ее зовут?

Мужчина вопросительно посмотрел на сержанта и тот виновато улыбнулся:

– Сдаюсь, Дженна интересовалась. Она просила передать

извинения, последние пару дней она вся не своя. В том взрыве погиб муж ее лучшей подруги. Так что ее можно понять, — как бы оправдываясь сказал Дерек.

Блейк похлопал мужчину по плечу и успокоил его:

— Никаких проблем, я и не заметил ничего такого, — отхлебнув пива он продолжил. — Ее зовут Сара. Мы познакомились давно, я уже и не вспомню сколько лет назад, — соврал Блейк, ведь он никогда не забудет точную дату их знакомства. — Сейчас все хорошо, живем душа в душу. Я тут подумываю сделать ей предложение, все—таки так долго вместе и сами уже не дети.

— Поздравляю, это отличные новости! Когда собираешься ей об этом сказать?

— У меня через две недели отпуск намечается. Поедем вдвоем, развеемся. И там я ей скажу.

— А как ты считаешь отреагируют дети?

Блейк отпил пива.

— Главное, что скажет она, а с детьми потом разберемся, — кулаки непроизвольно сжались.

Разговоры за столом продолжались, иногда к ним подходили незнакомые мужчины и выражали соболезнования сидящему напротив Блейка молодому парню. Как он понял из разговоров, в том взрыве погиб его старший брат, оставив двоих детей сиротами. Донован перекинулся всего парой слов с коллегами и, когда мозг дал сигнал, что пиву нужен выход, пошел в туалет. В этот момент одновременно с тем,

как рука Блейка коснулась дверной ручки, прогремел взрыв. Мужчина почувствовал, как что-то толкнуло его в спину, он полетел в барную стойку, и, ударившись головой, провалился в бездну.

Он дрейфовал. Вокруг один лишь покой и плотная тишина. Сейчас нет смысла о чем-то думать и что-то решать. Отдайся воле волн и плыви по ним, ожидая, когда течение принесет тебя к райским вратам. Блейк видел себя ребенком, худенький мальчик с побитыми коленками сидит на берегу реки, в чьих водах плещается жирная форель. Ее серебристые бока отражали вспышки света и больно ударяли по глазам, Блейк отвернулся, подставив лицо солнцу. В светлых волосах играл ветер.

Маленький мальчик услышал ее шаги, он обернулся и увидел свою мать, она села рядом и тепло улыбнулась. Она запела. Колыбельную, которую Блейк больше никогда не услышит. Ее голос лился над рекой, тихим звенящим тембром поднимался к облакам, заглушая щебет птиц. Они держались за руки, возрождая былое, согреваясь теплом друг друга. Но счастье длилось не долго, женщина резко замолкла, будто на проигрывателе нажали кнопку «стоп» и посмотрела куда-то в даль, настороженная, полная тревоги, а потом сказав всего два слова «проснись, милый», дотронулась до его щеки. Мужчина дернулся, почувствовав жар хрупкой ладони и понял, что прохлада ушла, пальцы на ногах горе-

ли. Он посмотрел вниз и увидел, что стоит посреди костра и не может сдвинуться с места. Так и сгорит заживо. Блейк закричал.

Джерри

Джерри взглянул на наручные часы. 9:49. Осталось одиннадцать минут. Они сидели в засаде около старого склада на юге города уже около двух часов, вовсю шла попойка. Мужчина знал, что отмечали эти выродки: легкую победу. Только они не подозревали, что каждое пьяное тело на мушке снайперов и на его прицеле. Он следил за каждым из банды, все они вели себя одинаково, одурманенные наркотиками и выпивкой, выделялся среди них лишь один – вожак. Джерри никогда не встречался с этим человеком лицом к лицу, но был наслышан о нем и его заслугах. Он не присоединился к всеобщему веселью, а молча сидел в тени и наблюдал, так же, как и Джерри пристально следил за разгулявшейся компанией. О’Брайан навел на мужчину прицел и, настроив оптику, изучал его: смуглое худое лицо, сплошь покрытое морщинами и шрамами, губы плотно сжаты словно от злости, под глазами нависали мешки. Единственной чертой, которая отличала его от тех выходцев из Мексики, с которыми Джерри волей-неволей был знаком, – это длинные волосы, спускающиеся на плечи и густые усы; остальные предпочитали лишать себя растительности на лице и голове. Он вообще был не похож на тех, кого капитан привык задерживать за подобного рода преступления, и то, что он сейчас не пил вместе

со всеми, раздражало О'Брайана. Неужели знает и чего-то ждет? Мужчина перевел прицел на орущую компанию, и все подозрения ушли, никто не успеет сбежать, они окружены, даже вожак, который не притронулся к бутылке. К десяти они должны уже достаточно набраться, чтобы не оказать сопротивление. Застать врага врасплох – лучший вариант из имеющихся, тогда он растеряется и совершит ошибку, которая поможет противнику.

На войне Джерри был назначен стрелком, получив лучшие балы за пальбу по мишеням, он сидел в засаде и выжидал. Тогда парень считал это трусостью, пока все идут в бой, он отлеживается в окопе и ждет не пойми чего, но когда начиналось движение, звуки орудий и отчаянные крики, он приходил на помощь, сражая цель метким выстрелом. У Джерри была врожденная способность выбирать место для укрытия там, где его никто не сможет заметить и, начиная свою войну, он считал каждого убитого им человека. Не для того, чтобы собирать коллекцию из мертвых душ, а по причине известной лишь ему – за каждого погибшего от его рук он должен был спасти одного невинного. Ну или как сейчас, наказать виновных. На его счету было сто пятнадцать человек. Осталось еще пятнадцать, и он свободен. Джерри мысленно подсчитал количество собравшихся на попойке. Ровно пятнадцать. Это судьба.

Капитан снова взглянул на часы. 9:59. Пора начинать. Он закрыл глаза и попросил помощи у того, кто еще ни разу его

не подводил. Вик, помоги, дай скорбящей женщине справедливости, которую она заслужила. Позволь всему этому закончиться. Джерри поднес к губам жетон друга и дал команду плотнее сомкнуть окружавшее банду кольцо. Через минуту операция вступила в силу.

Капитан видел, как парни в форме вбегали в здание и кричали ложиться на пол, некоторые, испугавшись, упали, другие предпочитали отстреливаться. Джерри крикнул в рацию: «Не трогайте главного, он нужен живым». Толстый лысый мексиканец отстрелял уже всю обойму, не желая сдаваться. Пуля капитана точным движением вошла в руку, мужчина закричал. Джерри понимал: это еще не конец. Самое интересное только начинается. Мужчина вышел из укрытия и направился к складу, на ходу поглядывая на часы. 10:10. Они боролись четыре месяца ради жалких десяти минут. Это должна быть победа.

Чем ближе он подходил к месту активных действий, тем сильнее воняло пивом и травкой. Джерри подумал, что еще много чего сможет здесь найти, не входящего в перечень дозволенного на территории Соединенных Штатов. На полу по всему периметру лежали тела. Пятеро убитых. Остальные примеряли наручники. Джерри пересчитал. Одного не хватало. Он закричал:

– Кто-то сбежал! Рассредоточьтесь, его надо поймать!

Мексиканец ухмыльнулся. Капитан посмотрел на него и сказал:

– Я смогу его поймать, даже не сомневайся.

– Джонни – хороший бегун. Хер ты его поймаешь, – сказал мужчина и сплюнул под ноги.

Джерри смотрел в комнату допросов на мужчину в наручниках. Тот сидел с закрытыми глазами, словно спал. Теперь при близком рассмотрении капитан мог увидеть татуировки, покрывающие большую часть его тела и мощный торс молодого мужчины, который не соответствовал морщинистому худому лицу. Мексиканец, который являлся вожаком банды, был известен под именем Карлос. Согласно сведениям отдела по борьбе с наркотиками, он уже двадцать лет занимается своим ремеслом. Сколько ему лет никто не знал. Свидетели по делам, где фигурировал Карлос, утверждали, что не больше пятидесяти, хотя выглядел он куда старше. Обычно главари наркобанд не принимают наркотики, а только толкают их, разнося отраву другим, но похоже здесь другой случай.

Джерри, прокручивая на обратном пути каждый свой шаг, вычленил из памяти детали, которых раньше не заметил. Например, как Карлос спокойно поднялся с продавленного кресла и молча смотрел на перестрелку, словно его это не касалось, и он оказался здесь случайно, став невольным свидетелем. Или как быстро и незаметно успел слинять парень по имени Джонни, который как выяснилось позже был единственным сыном Карлоса. Похоже не только в полицейском участке знали о предстоящей облаве. Но если он был в кур-

се, то почему остался и дал своим людям погибнуть? Джерри еще с минуту смотрел на мужчину и затем вошел в кабинет, держа в руках тонкую папку.

– Как дела, Карлос?

Мужчина поднял руки и погремел наручниками:

– Как видишь.

– Ничего, потерпишь. Вообще–то, я пришел сюда за твоим советом. Расскажи, что ты думаешь о человеке по имени Блейк Донован?

– Никогда не слышал, – мужчина оставался невозмутимым.

– А если я покажу фотографию, может вспомнишь что–то? – Джерри протянул мексиканцу снимок.

Карлос скользнул по нему взглядом и презрительно дернул губой.

– Вижу ты его узнал.

– Чего тебе надо? Поймал меня, можешь хоть обоссаться от счастья.

Несмотря на ругань, Карлос оставался спокойным, словно и не он произносил эти слова. В какую игру он с ним играет? Пытается показать, что уязвлен своей поимкой? Хотя, как видел Джерри, на самом деле это не так. Капитан пожевал губу, не отрывая взгляда от мужчины, и спустя несколько минут сказал:

– Ты не был моей целью, Карлос. Поэтому я предлагаю тебе подумать и решить, хочешь гнить в тюрьме или сократить

срок вдвое?

Глаза мужчины оставались спокойными, ничем не выражая эмоций, бушующих внутри. Он улыбнулся.

– И что требуется от меня за такой приятный сюрприз? – зубы мексиканца были на удивление целые. Похоже Джерри ошибся на счет наркотиков.

– Расскажи мне об этом человеке все, – капитан ткнул пальцем в фотографию. – Я хочу знать каждое его слово, каждое движение и точную информацию, которую он тебе продавал. Но это не все, – сказал Джерри, когда Карлос открыл рот. – Мне нужны показания всех тех, кто был той ночью рядом с тобой. Ты понимаешь о какой ночи я говорю?

Карлос кивнул и тут же пожал плечами.

– Я все тогда рассказал.

– Мне нужно, чтобы ты повторил показания.

– А если я скажу нет?

– Тогда подумай вот о чем, станет ли Блейк скрывать то, что он сделал, или придумает историю, в которой ты окажешься виноват, а он останется на свободе. Например, он как истинный слугитель закона решил войти в доверие к законенелому преступнику, чтобы потом поймать. Будет обидно, если ему поверят. К тому же он пока еще остается полицейским, а ты играешь на другой стороне, – Джерри придвинулся поближе и продолжил. – И насколько я вижу, ты болен. Наркотики ты вряд ли принимаешь, но выглядишь ужасно. Неужели тебе хочется потратить возможно последние годы

жизни в тюрьме. Я так не думаю. И еще, подумай о сыне, что он станет делать без твоей поддержки и защиты?

Карлос злился. На секунду воцарилось молчание.

– Я дам тебе подумать.

Джерри поднялся, чтобы уйти, вслед донеслось:

– Я все расскажу.

Мужчина улыбнулся и подошел к столу. Он снова опустился на стул и с одобрением сказал:

– Правильный выбор, – помолчав немного, Джерри перешел на шепот. – Мне также понадобится твоя услуга. Твои парни не заговорят без твоего приказа, а мы не можем посадить вас в одну клетку, нам нужны честные показания, – О’Брайан выделил слово честные. – Мне нужна записка, в которой ты потребуешь, чтобы они сказали все, что знают.

С каждым произнесенным Джерри словом улыбка на лице Карлоса росла, словно полицейский был полностью в его власти. Он сделал вид, что размышляет над его просьбой и, помучив капитана тишиной, прохрипел:

– Что-то мне подсказывает, ты ведешь нечестную игру, – и с выражением самодовольства на лице наклонился ближе к Джерри. – Так чем ты лучше того пацаненка?

– Может быть ничем. Но я на стороне хороших парней, где иногда приходится использовать... нетрадиционные методы, чтобы посадить таких как он.

Карлос засмеялся и сказал:

– Я тебе все расскажу и сделаю, как ты просишь. Но не

потому, что ты мне нравишься, а потому что у меня к тебе тоже есть просьба.

– Я слушаю.

Через два часа допросов Карлоса и его подельников был выписан ордер на арест Блейка Donovan. Джерри только зашел в свой кабинет, как тут же услышал шум в коридоре. Дверь распахнулась, на пороге стоял шеф.

– У нас проблемы.

– Что не так? Мы провели задержание, Карлос и его ребята раскололись, к тому же мне только что доложили, что беглец пойман. Осталось только вызвать Блейка обратно, предъявить обвинения и захлопнуть на нем браслеты.

Боб сделал несколько шагов и почти упал на диван.

– В Бейкерсфилде был взрыв.

Джерри непонимающе уставился на шефа, он пребывал в приподнятом настроении и, как человек, надевший розовые очки, не мог воспринимать действительность такой, какая она есть.

– Боб, я ничего не хочу сказать, но похоже память вас подводит. Я в курсе, вы же поэтому и отправили туда Блейка.

Шеф поднял лицо на Джерри, пропустив его замечание мимо ушей:

– Сегодня был еще один взрыв, в баре, практически рядом с местом первого взрыва.

– Как это...

– Не перебивай, Джерри. Мне и так нелегко. В том баре местные полицейские решили почтить память погибших, среди них был и Блейк.

Джерри раздраженно зажмурился, выругавшись про себя, и уже вслух сказал:

– И где он теперь?

– Я позвонил в больницу, куда его доставили. Множественные ожоги, дым в легких, сотрясение и... в общем он в коме. Первые сутки критические. Если он их переживет, то можно надеяться на выздоровление.

Джерри отвернулся к окну, чтобы скрыть от Питерса нахлынувшие эмоции. Он дрожал от с трудом сдерживаемого гнева. Сколько можно, твою мать! Будто недостаточно я сил потратил и именно в этот день как по заказу. Чтоб тебя!

– Ты звонил Саре?

Вопрос Боба привел О’Брайана в чувства, заставив подумать о женщине, которая ждет от него новостей.

– Еще не успел, я только закончил допрос. Сейчас позво-
ню.

– Джерри, мы сделали все что могли. Если он выживет, его посадят. Если нет, то он никому уже не сможет навредить.

Капитан резко обернулся:

– Мне этого недостаточно! Я хочу, чтобы он гнил в тюрьме, смерть – слишком легкое наказание для этого куска дерьма!

– Прежде чем звонить Саре, успокойся. Ей не стоит вы-

слушивать твои гневные тирады.

– Я понял!

Боб тяжело вздохнул и поднялся с дивана, разговаривать с Джерри было сейчас бессмысленно. Шеф решил оставить его наедине с собой. Когда за ним закрылась дверь, капитан потянулся к телефону. Он набрал номер и пока в трубке звучали гудки, дыхание выровнялось.

– Алло.

– Сара... Нужно поговорить. Я могу к тебе заехать?

В трубке послышался шорох.

– Джерри, все кончилось?

– Да, кончилось. Так я могу...

– Конечно, я жду тебя.

– Еду.

Дороги в это время были пусты. Джерри приехал к дому Сары спустя двенадцать минут с момента звонка. Открытое окно в машине остудило его гнев, и он чувствовал, что может спокойно переговорить с женщиной, не срываясь на крик. Она ждала его на пороге.

– Ну что? Вы его поймали? Он признался? – женщина засыпала его вопросами, едва он вошел в дом.

– Сара...

Она пыталась поймать его взгляд, который мужчина старательно от нее отводил, не выдержав, она вцепилась в его руку, обращая на себя внимание:

– Джерри, ты меня пугаешь. Я думала, что сегодня все станет на свои места, что этот кошмар наконец закончится. Что–то пошло не так?

– Может присядем? – мужчина дотронулся до ее плеча. Сара вырвалась.

– Нет! Я уже насиделась. Хватит меня жалеть, Джерри, говори правду!

Он наконец–то посмотрел на нее, и в его взгляде читалась мольба. Не заставляй меня это говорить, только не сейчас. Но Сара была непреклонна, она сложила руки на груди и ждала, когда Джерри заговорит. Ему пришлось вкратце рассказать ей то, что передал Боб. О’Брайан как мог сдерживал гнев, произнося слова «кома», «может не выжить». Видеть глаза Сары в этот момент было тяжелее всего, она медленно осела на диван, чувствуя, как все вокруг нее рушится, и она не в силах предотвратить катастрофу. Не того женщина ждала еще несколько часов назад, не так представляла встречу с Джерри. Она старалась скрыть свои чувства, чтобы показаться сильнее, чем она есть на самом деле, но О’Брайан все видел и не мог ей не сочувствовать. Сара растерянно посмотрела на друга и спросила:

– Что теперь будет?

Джерри вздохнул и присел напротив, так же, как и два месяца назад, когда для Сары все только начиналось.

– Я не знаю, если он выживет, его посадят, если нет...

Женщина молча покивала головой, смиряясь с судьбой и

отстранено спросила:

– Мы должны ехать?

– Если ты не хочешь, то можешь остаться здесь.

Она подумала о том, сколько еще дней ей придется сидеть в одиночестве, ожидая вердикта: смерть или жизнь? Сколько еще ей придется потратить нервов прежде чем это прекратится? Почему, как только они подоברались к концу, что–то снова пошло не так, почему судьба смеется над ней? Сара устало потерла виски и взглянула на Джерри:

– Нет, я все–таки поеду.

– Когда ты позвонишь сыну?

– Когда Блейк признается. Либо, когда умрет.

Женщина поднялась наверх. На сборы потребовалось немного времени, и скоро они уже ехали на юг.

Глава 15

Пайпер

Пробуждение далось ей непросто. Пайпер открыла слипшиеся от слез глаза и увидела только слепящий свет. За окном занимался день. Девушка посмотрела по сторонам в поисках намеков на то, где она находится. Озарение пришло мгновенно. Она вскочила с высокой кровати и застыла на месте, готовая в любой момент сбежать. Что теперь? Смыться как будто ее здесь и не было или все–таки остаться? Поразмыслив над этим, Пайпер отправилась в ванную. Чистая вода помогла увидеть мир вокруг в ярких красках и рассмотреть комнату, в которую она попала только в глубоких сумерках.

Джоан никогда не знала бедности или нужды. Выбранный ей номер класса люкс ясно указывал на это. На тумбочке возле кровати лежала записка. «Скоро буду. Не уходи». Ну что ж, решение принято.

Пайпер села в удобное кресло, откуда вчера рассказывала свою историю. Из окна открывался вид на широкую улицу, уже забитую автомобилями и людьми, которых никоим образом не затрагивала ее беда. Девушка задумалась.

Теперь, когда она вскрыла нарыв и заставила себя вновь пережить то, что с ней произошло, позор и стыд, которые преследовали ее несколько лет в очередной раз загоняли ее в скорлупу. Пайпер подумала о Гудманах, чьи добрые улыбки и понимание помогли ей на какое-то время забыть кем она была и что с ней сделали. Теперь взглянуть им в глаза казалось худшей пыткой, несмотря на то, что они заслуживали благодарности и не в виде жалкой открытки. Ведь есть еще и Грег, с которым она сдружилась за время пребывания в Новом Орлеане. Парень не знал всей правды о ней, смотрел на нее и видел не то, кем она являлась на самом деле. Каждое слово, произнесенное ею – это обман, Пайпер намеренно ему врала, не признаваясь в позорящем ее поступке. А Грег верил и возможно думал, что они когда-нибудь смогут быть вместе, радоваться тому, что у них есть, но как только он все узнает... Боже, что лучше? Рассказать все и не мучить ни его, ни себя или хранить все в тайне и просто уехать, не попрощавшись? Что проще: перевалить на него тяжелый груз,

поделившись с ним или сохранить в нем веру в мою невиновность и промолчать? Пайпер закрыла голову руками, не зная, как поступить.

Пока она пыталась придумать выход, раздался стук в дверь и за ним последовал мужской голос:

– Обслуживание номеров!

Девушка застыла на месте. В прозвучавшей фразе послышались знакомые нотки, сильные согласные с рокошущими, словно прибор гласными. Неужели он здесь, приехал, чтобы пустить ей пулю в лоб или зарезать как свинью на бойне? И почему вдруг Джоан ушла? Пайпер не могла представить, чтобы бабушка была замешана в этом, ведь еще вчера она поддерживала ее, мягко подбадривая подходящими словами и сама открыла ей душу. Девушка поверила ей, не усмотрев в ее словах злого умысла или вранья, но кто знает, быть может Джоан хорошая актриса с придуманной на ходу историей. Господи, какая же я дура! Убей меня сейчас, на этом месте, только не от его рук! Стук повторился, сменяемый поворотом ключа в замке. Пайпер закрыла глаза и тяжело задышала. Вот он ее конец.

– Ты уже проснулась. Я рада, что ты осталась.

Девушка открыла глаза и посмотрела, как вместе с Джоан входит молодой парень с тележкой, никоим образом не похожий на ее отца. Она замялась, не зная, что сказать.

– Как ты себя чувствуешь? – женщина тревожно вглядывалась в лицо внучки.

– Могло быть и лучше.

Джоан выпроводила парня, дав ему чаевые, и заперла дверь на ключ. Оставшись наедине, женщина предложила:

– Мы в любой момент можем поехать ко мне, только скажи. Я надеюсь, ты помнишь, насколько мой дом огромен. Для двоих точно места хватит.

Пайпер все еще не могла отдышаться и отойти от недавнего потрясения. Она пыталась увидеть в глазах бабушки равнодушие или услышать отголоски предательства, но все было тщетно. Переведя взгляд на дверь за ее спиной, девушка сказала:

– Мне нужно попрощаться с друзьями.

– Расскажешь мне о них?

На лице Пайпер промелькнула едва заметная улыбка и тут же исчезла. Ведь нет ничего плохого в том, что она расскажет, никому это не навредит. Девушка села в кресло, подобрала под себя ноги, и заговорила:

– Они замечательные. Добрые и бескорыстные. Когда я только приехала сюда, они помогли мне с работой...

Пайпер долго говорила, освобождаясь от груза нерешительности. Оказывается, за такой короткий промежуток времени, что девушка здесь провела, ей было что вспомнить.

– Надеюсь, я смогу с ними познакомиться. И сказать спасибо, что они заботились о тебе.

– Я хотела пойти сегодня и уволиться. Если хочешь, можешь пойти со мной, – сказала девушка, неожиданно для се-

бя.

– Договорились.

Пайпер осталась сидеть на месте, не решаясь задать вопрос, который настойчиво засел у нее в голове. Джоан, обратив на это внимание, помогла ей сделать шаг навстречу:

– Тебя что–то беспокоит?

– Я всего лишь хотела узнать, где ты была?

Женщина улыбнулась и честно ответила:

– Ходила в банк, впопыхах перед отъездом забыла снять деньги со счета. Наличные могут пригодиться в любой момент.

Пайпер удовлетворил ответ, и она, захватив с собой пушистое полотенце, ушла в душ, чтобы смыть с себя все произнесенные прошлым вечером слова. Через полчаса они вместе с бабушкой спустились вниз. На парковке их ждал белый мерседес.

– Ого, это твой?

– Да, недавно купила. Решила побаловать себя чем–то новым.

– Обычно, когда хотят побаловать себя новинкой, то покупают неприлично дорогое платье или серьги, но не машину, Ба, – девушка рассмеялась.

– Не хочу быть банальной.

– Не удивительно, я и не припомню за тобой такого.

Джоан чувствовала, как напряжение спадает. Они сели в машину, и женщина, следуя указаниям сидящего рядом на-

вигатора, сворачивала там, где ей было велено. Вскоре они остановились.

– Их кафе немного дальше. Я лучше пройдушь пешком. Подожди пока здесь. Ладно?

Женщина кивнула и Пайпер вышла, впустив в машину струю горячего воздуха. Джоан видела, как внучка прошла череду магазинов и вошла в кафе. Она не знала сколько придется ждать, но времени на то, чтобы осмотреться у нее было предостаточно. Женщина заглушила мотор и, надев солнцезащитные очки, вышла из машины. Архитектура Нового Орлеана явственно отличалась от той, что приходилось видеть Джоан в Техасе, к тому же в старых районах, таких как Французский квартал. В основном прилепленные друг к другу дома были двухэтажными редко с тремя этажами, у большей части имелись широкие подоконники, вмещавшие плетенные столики. На пересечениях улиц стояли фонари – представлявшие собой трехметровый длинный столб с широким основанием и ромбовидную верхушку запыленную и помятую в нескольких местах – принадлежавшие похоже к позапрошлому столетию. Мимо, лениво передвигая ногами, проходили люди, разговаривали и смеялись, звенели колокольчики кафе и магазинов. Внимательные люди обычно замечают то, что отличается от общей картины, поэтому Джоан заметила синий фургон, стоящий в десяти метрах от нее. Она смотрела на него в течении нескольких секунд, пока из машины не вылез мужчина. Он огляделся по сторонам и по-

шел в сторону того кафе, в который несколько минут назад зашла Пайпер. Джоан уже следовала за ним.

– Эй, мистер. Подождите.

Мужчина повернулся на крик.

– Похоже вы кое-что потеряли, – в руках женщина держала туго набитый кошелек.

Он мельком взглянул на него и сказал:

– Это не мое.

– А может вы все-таки подумаете, – их взгляды встретились сквозь очки. – Я бы не советовала вам входить. Я знаю, кто вам приказал найти ее. И я дам вам больше, чем он когда-либо заплатит.

– Кто вы такая?

– Это вам знать необязательно, – Джоан склонила голову набок. – Я не думаю, что вы преданны своим клиентам, такие люди как вы держатся за деньги, – она протянула ему кошелек. – Здесь сорок тысяч. Еще двадцать получите позже, когда сделаете то, что я скажу. Поверьте мне, ваш заказчик не заплатит больше ни цента, я приложу к этому руку. Так что, если не хотите отвечать за чужие преступления, лучше уйдите с линии огня.

Мужчина рассматривал женщину, пытаясь понять кого она из себя представляет, и откуда узнала, что он охотится на девчонку. Она была права, деньги его не прельщали, однако в последнее время все изменилось, и толстая пачка банкнот не помешает ему в дальнейшем. Долго раздумывать

над ее предложением не пришлось, мужчина ответил:

– Я вас понял.

– Не совсем. Я ведь еще не сказала, что вы должны сделать, помимо того, чтобы оставить девочку в покое.

– Слушаю.

В «Кракене» за два дня ее отсутствия ничего не изменилось, хотя Пайпер казалось, что она вернулась сюда спустя много лет. Пришло время прощаться. Из подсобки вышел Арчи, его глаза покраснели, словно он не спал несколько дней, волосы были взъерошены. Он посмотрел на вошедшего и воскликнул:

– Пайпер! Ты где пропадаешь? Грег тебя обыскался.

– Ко мне приехала... подруга, я осталась с ней в отеле. Я... я не думала, что кто-то станет меня искать. Мне жаль.

За спиной девушки открылась дверь, она обернулась.

– Грег, я...

– Ты где была? Я думал..., – парень искоса посмотрел на Арчи и отвел Пайпер в сторону. – Я думал, тот тип забрал тебя. О чем ты думала, когда ушла? И где была всю ночь?

– Я была с бабушкой.

– Что? Как она здесь оказалась?

– Нашла меня, догадалась куда я уеду. Это долгая история. Я пришла, чтобы попрощаться.

– Прощаться? Но... а как же уроки самообороны? – попытка уцепиться за данное им обещание прозвучала довольно жалко. – Я думал, ты останешься еще ненадолго.

– Я не могу.

Грег взял ее за руку, но Пайпер вырвалась.

– Не надо. Я все равно не останусь.

Девушка подошла к Арчи, оставив Грега в недоумении стоять на том же месте. Он не понимал ее реакции, еще вчера все было хорошо, она ему доверяла, а сегодня уже отталкивает. Что происходит?

Парень обернулся, когда Пайпер уже выскочила за дверь. Грег бросился следом. Он быстро догнал ее и развернул к себе.

– Пайпер, что с тобой? Что изменилось за одну ночь?

– Все изменилось, сегодня я уезжаю. Просто скажи мне «прощай» и закончим на этом.

– Нет, ты не можешь так...

– Что происходит? – спросила пожилая женщина.

– Ба...

– Детка, иди в машину.

– Но...

– Хоуп! Я сама разберусь.

Девушка бросила последний взгляд на Грега и пошла к машине. Джоан дождалась пока внучка окажется в безопасности автомобиля и, сняв очки, посмотрела на парня, оценивая его намерения.

– Хоуп рассказала мне про тебя. Ты ей очень помог, и я думаю, она тебе благодарна за это. Но ты многого не знаешь.

– Например, чего? Про делишки ее отца? Она все мне рас-

сказала. Сколько это продолжалось и почему она уехала. И я не понимаю... Стоп, – сказал парень, взглядевшись в лицо женщины. – Это же не все, так ведь? Она сбежала по другой причине. И во всем виноват ее отец. Так? Что он мог ей сделать, он ее бил или что? Я... – Грег изменился в лице, молча спрашивая Джоан. Его лоб прорезала глубокая морщина, то ли от злости, то ли от боли за невинную девушку. – Ответьте мне!

Люди стали оборачиваться на крик, замедляя свои шаги, женщина подняла руку в примиряющем жесте:

– Не кричи. Послушай, все очень сложно. Я только вчера обо всем узнала и не могу даже представить, как ей больно было это вспоминать. Ей нужно время, не стоит сейчас снова обсуждать это.

– Но почему она МЕНЯ оттолкнула? Почему она МЕНЯ боится? Я же не сделал ей ничего плохого, старался только защищать и держать дистанцию. Я просто хочу быть ей другом.

– Я думаю, это не страх. А стыд.

– Стыд? Но ей то чего стыдится? Она не виновата.

– Если бы было так просто объяснить ей это.

Грег взглянул на мерседес, в котором Пайпер нашла защиту, и попросил:

– Можно я поговорю с ней. Я не хочу, чтобы она уезжала. Не сейчас. Пожалуйста.

Джоан видела, как парень дорожил ее внучкой и хотел ви-

деть ее рядом с собой, но хотела ли Хоуп того же? По тому как она рассказывала об этом парне, периодически краснея и стыдясь своей реакции на него, Джоан поняла, что девочка тянется к нему, видя в нем защиту и заканчивать их дружбу в такой момент стало бы для Хоуп проклятием. Женщине захотелось помочь.

– Водить умеешь?

– Конечно.

Джоан протянула ему ключи:

– Довези ее до отеля, у вас будет время поговорить, а я пройду пешком.

– Спасибо вам, – сказал парень и побежал к машине.

Как только он сел, то заблокировал все двери.

– Прости, но ты поговоришь со мной.

– Где бабушка? Ты что, украл у нее ключи?

– За кого ты меня принимаешь? Она сама отдала их.

Пайпер ответила молчанием, которое длилось на протяжении всей недолгой поездки. На парковке отеля было пусто. Грег выбрал место подальше от людских глаз и заглушил мотор. Он повернулся к девушке и сказал:

– Я все знаю.

– Звучит, как фраза из фильма ужасов. Конечно, ты знаешь. Я помню, что рассказывала тебе.

– Я знаю о другом. Мне очень жаль, Пайпер. Только не закрывайся от меня. Поговори со мной. Прошу тебя.

Девушка ошарашенно уставилась на Грега, не веря своим

ушам.

– Как она могла тебе все рассказать? – спросила Пайпер, глотая слезы.

– Она не говорила, я сам догадался. Ты боишься меня?

– Нет.

– Тогда что? Тебе стыдно? – парень озвучил версию Джоан и попал в точку.

Пайпер опустила голову. Грег не решался коснуться ее. Он смотрел на беззащитную девушку и боялся, что ничем не сможет ей помочь.

– Пайпер, тебе нечего стыдиться. Ты не сделала ничего плохого, – он осторожно подбирал слова, понижая голос.

– Да? И как мне дальше жить с этим? Как объяснить это парню, которого люблю и который полюбит меня? Я не смогу увидеть в его глазах отвращение, это хуже смерти.

– Мне не нужно ничего объяснять. И я никогда от тебя не отвернусь.

Девушка взглянула на него, нахмутив брови, в попытке понять смысл его слов. Он протянул Пайпер руку, и она, положив на нее свою ладонь, прижалась к Грегу. Слезы мгновенно пропитали его рубашку.

– Не уезжай пока. Я не смогу тебя отпустить, не научив защищаться.

Они сидели в машине до тех пор, пока на город не опустилось предзакатное солнце. Пообещав остаться, Пайпер ушла в отель.

Грег

– Ты должна одним глазом следить за руками, другим – за моим лицом, – сказал Грег.

– И как ты себе это представляешь? Мне разорваться что ли?

Они стояли в парке Лафрениер, тот самом где веселая прогулка закончилась ссорой, выбрав его местом для своих тренировок. Джоан каждое утро подвозила их туда и оставляла на два часа одних, иногда гуляя неподалеку, иногда уезжая в город, чтобы решить некоторые дела. Тренировки Пайпер давались не легко, мышцы болели, накатывала психологическая усталость. Приходилось делать разминку и бегать по двадцать минут в день, что для отрезанной от спорта девушки было невыносимо. Первый день она кое–как терпела невыносимую боль в боку и жжение в горле, пока Грег не прекратил ее мучения:

– Стой, хватит. Ты же неправильно бегаешь.

– Я и не знала, что существуют правила по перестановке ног, – съязвила девушка, с трудом отдышавшись.

– Везде есть свои правила. Стоит по крайней мере к ним прислушаться.

– Ну давай, рассказывай.

– Вов–первых, держи руки на одной линии, они должны быть расслаблены и помогать тебе, во–вторых, не дергайся из стороны в сторону, держи спину ровной.

– В этом нет ничего сложного, я почти так же и делаю.

– Ну да, как же. И я вообще—то еще не договорил. Главное в беге – дыхание. Только собьешься, сразу начнет в боку колоть. Старайся вдыхать и выдыхать воздух ртом и желатель-но не дышать грудью, а задействовать диафрагму. Потом уже проще, выбери свой ритм, например, 3:3, то есть три шага левой и правой ногами на вдохе, три на выдохе. Все ясно?

– На словах да.

– Тогда вперед, чего расселась, – Грег отвернулся от нее и Пайпер покривлялась ему в спину.

– Я все вижу.

– Откуда? Ты точно пришелец, даже глаза на лбу есть.

Первый данный Грегом урок значительно продвинул Пай-пер по карьерной лестнице профессиональных бегунов, те-перь она могла пробегать двадцать минут без болей и нару-шения дыхания. Но самым сложным оказалось другое: уроки самообороны. Ей не хватало сил, чтобы хоть на дюйм сдви-нуть Грега с места и тем более нанести удар. У нее опуска-лись руки от собственного бессилия и череды неудач, каж-дая попытка казалась бессмысленным действием. На четвер-тый день Пайпер сорвалась. Они спрятались в тени раскиди-стых крон платанов и длинноволосых ив, отрабатывая при-емы, которым с усердием обучал девушку Грег. После того, как он снова повалил ее на землю, она поднялась на ноги, проигнорировав протянутую руку и гневно бросила:

– У меня все равно ничего не получится! Я больше не мо-гу.

– Не сдавайся, ты просто не в форме. Думаешь, я сразу же как только начал бегать или ходить на бокс, всему научился. Ты и представить себе не можешь сколько раз я оказывался на лопатках. Нужно больше времени.

– Но у меня его нет! Я понимаю это, и мне страшно. От этого ничего и не выходит.

– Чего ты сейчас боишься? Я же рядом.

– Вот именно, что сейчас, – Грег не знал, что на это ответить и она не винила его. Девушка махнула рукой и перевела тему в другое русло. – Тем более вдруг я ударю тебя... сильно...или...

Парень рассмеялся, благодарный Пайпер за избавление от невыполнимых обещаний.

– Ты серьезно? То есть все четыре дня ты сдерживала себя, чтобы меня не ударить? А для чего я по-твоему здесь стою? Пока ты не выместишь злость, ты не сможешь ничему научиться.

– Откуда ты знаешь?

– Со мной было такое. Я злился на всех, кто меня окружает. Влезал в драки частенько, и друзьям доставалось. Не мог себя сдержать, бездумно махал кулаками. А потом пошел на бокс. Мне с тренером повезло, он научил меня сначала выплеснуть наболевшее, а потом сдерживать гнев. После этого я начал видеть яснее, замечал ошибки и слабые места противника и побеждал, – он замолчал. – Пайпер, не показывай, насколько ты уязвима. Иначе тебя будет легко задеть.

Он развернулся, чтобы отойти на прежнее место.

– Зови меня Хоуп. Ты прав, чтобы жить дальше мне нужно не только справиться со страхом, но и себя принять. Не хочу больше прятаться за чужим именем.

– Хорошо, Хоуп. Начнем?

Этот разговор словно зарядил ее энергией. Она чувствовала, как мышцы наливаются силой и приходит понимание собственной значимости и уверенности. Грег постоянно говорил с ней, провоцируя, стараясь вызвать гнев, но она держалась, прятала злость, чтобы выплеснуть ее потом.

Самое важное, что парень мог ей сказать и что действительно пригодится, оставалось при нем. Он оттягивал этот момент уже четвертый день, как никогда понимая, что все-таки пора открыть рот и все сказать. К концу тренировки, когда они собирались уходить, Грег, откашлявшись, выпалил:

– Если вдруг он оказался... сверху, и ты ничего не можешь сделать, твои ноги заблокированы, но руки свободны, дави в глаза или бей кулаком в горло, это даст тебе время освободиться.

– А если руки не свободны?

– Бей головой в переносицу. Но, я надеюсь, до такого не дойдет.

Они ждали, когда подъедет Джоан, и Грег спросил:

– Когда ты планируешь уезжать?

– Думаю, дня через три. Я ужасно соскучилась по сестре и как ни странно по Нью-Йорку. А ты?

– Еще не знаю. Два дня назад звонила мама, просила вернуться домой, – слова дались Грегу с трудом.

Девушка посмотрела на него, гадая о причине его грусти и побеге из солнечной Калифорнии, не дождавшись продолжения, она отвела взгляд и сказала:

– Если ты не хочешь говорить, то не нужно. Я не хочу, чтобы ты потом жалел о своих словах.

– Все в порядке. Тебе я хочу рассказать, – прежде чем начать, Грег набрал воздуха в легкие и спрятал за спину руки. – Пять лет назад, точнее почти шесть умер мой отец. Был убит на задании. Он служил в полиции сержантом. Это было невероятно тяжело, мы остались втроем и растерялись. Долго приходили в себя. Как раз тогда у меня и начались приступы гнева.

Через пару лет бывший напарник моего отца стал ухаживать за матерью. У меня чуть крышу не снесло. Сейчас я понимаю, что ей нужна поддержка и сильное плечо, особенно в то время, когда сын пропадал на улице и ввязывался в любые драки, а на руках остался маленький ребенок. Но тогда мне казалось, что это предательство по отношению к отцу, и он смотрит на нее и презирает за это. Мы много ссорились, тогда соседи могли слышать из нашего дома только крики, иногда я даже ночевал на улице, – он сделал паузу. – Где-то год назад я заметил у нее синяки на запястьях и плечах. Она сказала, что упала неудачно на мокром полу в ванной. Я не знаю, как я мог поверить в это, но я поверил. А потом я

вернулся из школы на час раньше и увидел, как он ее бьет, – кулаки Грега сжались. – В тот момент я думал, что убью его, мне так этого хотелось. Но меня остановил стыд перед отцом, я не хотел стать тем, кого он много лет ловил и сажал за решетку.

Молчание затянулось. Хоуп тихо спросила:

– Почему ты уехал?

– Мама попросила. Сказала, что боится за сестру. Я пытался ей объяснить, что в полиции нам помогут, защитят от него. Но она меня не слушала. И я сдался.

– Я думаю ты правильно сделал, если бы ей грозила серьезная опасность, она бы пошла в полицию. Возможно для вас так было лучше. Она беспокоилась о тебе и маленькой дочери. Кстати, а где она?

– У бабушки, в Монтане. Ее друг – шериф полиции, так что она под защитой.

– Тогда действительно нечего опасаться.

Грег увидел у подъездных ворот машину и сказал:

– Джоан приехала.

– Подожди, можно спросить?

– Да, в чем дело?

– Почему твоя мама позвонила сейчас и просила вернуться? Что изменилось? Я имею в виду, она разобралась с ним?

– Сказала, его перевели в другой город, и она его больше не увидит.

– Кажется, ты ей не веришь.

Грег посмотрел на Хоуп. Ее лицо с одной стороны освещалось парковым фонарем, от встающих на пути света ветвей, усеянных листьями, щека покрывалась черными пятнами, с каждым порывом ветра меняющими свое положение; из копны темных волос лучи вычленяли более светлые пряди. Левая щека оставалась в тени, как и всегда пряча где-то внутри истинную натуру. Девушка терпеливо ждала его ответа, подтверждающего ее предположение.

– Неужели мне не удастся скрывать свои эмоции, что даже ты их заметила?

– Сочту за комплимент.

– Я не хотел тебя обидеть, получилось грубо, да? – он виновато улыбнулся.

– Немного. Но я тебя прощаю.

– Ах так, значит, в качестве твоего учителя, проведем первый экзамен. Если добежишь первая до машины, ты выиграла, если нет, сделаешь, что я скажу.

– Это месть!

– Немного, – Грег хитро улыбнулся. – Давай, на раз, два...

Хоуп рванула, не дожидаясь конца счета. В ней зажегся дух азарта, пусть это маленькая победа, но с небольшими победами можно выиграть войну. Грег на мгновение оторопел, а потом побежал за девушкой.

Джоан сидела в машине и видела, как смеются подростки, догоняя друг друга. Ладонь Грега первая коснулась горячего металла.

– Я выиграл!

– Поздравляю, – Хоуп не могла отдышаться. – И...какое будет...желание?

– Я еще не придумал. Конечно, я знаю, что тебе не терпится его выполнить, но к сожалению, придется подождать.

Они сели в машину и, смеясь, поехали домой.

Грег принял приглашение Джоан прийти к ним на ужин. Перед этим он зашел домой и позвонил матери.

– Привет. Что-то случилось?

– Нет, я просто решил узнать, как дела дома?

– Все хорошо, готовлюсь к твоему приезду. Ты уже купил билет?

– Завтра собирался. Шерри приедет?

В трубке слышалась возня.

– Пока нет, я звонила маме, ей там сейчас хорошо. Пусть пока побудет с бабушкой.

– Мне кажется или ты что-то не договариваешь?

– Алло, связь пропадает. Грег?

– Мам...

– Я тебя не слышу.

Связь прервалась.

Либо это была уловка, либо Сара не врала и действительно ничего не слышала. Только больно уж удобное время она выбрала, как раз на самом нужном вопросе. Грег усмехнулся и решил не перезванивать. Если бы случилось что-то действи-

тельно важное, она бы не стала от него это скрывать и сразу бы сообщила. Сейчас ему хотелось думать лишь о предстоящем ужине в компании с Хоуп, ведь она уезжает уже через три дня. Не так много времени осталось, чтобы сказать правильные слова и сохранить между ними дружбу. Парень пришел на полчаса раньше и с разрешения Джоан воспользовался душем. Хоуп в отеле не было.

– Где она? – спросил Грег, переодевшись в чистую одежду.

– Пошла забрать вещи из старой квартиры и сообщить, что съезжает.

Парень не стал комментировать слово квартира, чтобы ненароком не подставить Пайпер. Если Джоан легче думать, что ее внучка нашла здесь приличное жилье, то пусть остается в неведении.

– Я думал, она давно живет у вас.

Женщина развела руками:

– Я предлагала, она отказалась. Не хочу на нее давить, ей сейчас нужно немного свободы. Не переживай, она сильнее, чем кажется.

– Что, так заметно?

– Я многое вижу, – Джоан подмигнула парню.

Скоро вернулась Хоуп. Вовремя ужина они вспоминали греющие душу моменты из детства и смеялись, становясь ближе друг к другу. Он был рад узнать, что когда-то Хоуп была счастлива; даже если больше такого никогда не случится, ей есть к чему вернуться и от чего взять сил на то, чтобы

справиться с трудностями. К тому же источник ее радостных моментов сидел сейчас рядом с ними. Когда совсем стемнело, парень предложил девушке прогуляться. Они ходили по все еще незнакомым, но ставшим родными улочкам и понимали, что скоро придется прощаться.

– Я сомневаюсь в себе, – слова прозвучали тихо, но достаточно, чтобы Грег их услышал. – Вдруг у меня не получится сказать все, что я думаю или он заметит, как я боюсь его?

Парень остановился.

– Хоуп, ты прошла через то, что другие могли бы не выдержать. Может ты считаешь, что побег – это не смелый шаг. Но ты не осталась терпеть издевательства, не каждый решился бы на такое. Для меня ты – герой. Помни об этом.

– Спасибо, без тебя я бы не справилась, – девушка взяла его руку.

– Я придумал желание. Обещай, что позвонишь мне, когда разберешься со всем?

– И все? Это слишком просто. Мог бы придумать что-нибудь поинтересней.

– Для меня это важнее всего остального. Хотя я был бы не прочь посмотреть, как ты ловишь волну на доске или прижимаешь к любителям Маунтинбайка.

– Ооо, нет, нет. Я пошутила. Конечно, я не так уж чтобы знаю значение этого слова, но что-то мне подсказывает, что это не игра в Скрэббл.

– Не преувеличивай, неужели ты думаешь, что я подтолк-

ну тебя к чему—то опасному?

— Скажу больше, я ни на секунду не сомневалась в этом, — они рассмеялись.

Ненадолго их голоса стихли в опускающихся плотных сумерках. Они пришли к реке и у освещаемой луной водной стихии молча просили возможности встретиться снова.

— А почему именно Пайпер?

Девушка, одурманенная рекой, поначалу не разобрала его вопроса, а потом повернувшись к Грегу с упреком ответила:

— Что за глупый вопрос? Разве ты никогда не смотрел «Зачарованных»? Это же лучший сериал всех времен!

— Пфф, я что, девчонка по—твоему?

— При чем тут это? Там же не только любовь и всякие женские штучки, там демоны и ведьмы, магия... А сюжет какой, никогда не ожидаешь, что случится в следующей серии.

Грег сделав вид, что не может больше ее слушать пустился бежать, а в вдогонку ему летели упреки в невежестве. Не сдержавшись, Хоуп погналась за парнем и догнала его уже через триста метров.

— Ты мне за это ответишь!

Грег рассмеялся, увидев ее рассерженное лицо, и она рассмеялась вместе с ним. Когда парень привел девушку домой, вдали уже показался рассвет.

Джоан

Оставалось всего несколько часов до их отъезда. Джоан нервничала, глаза сами по себе открылись в пять утра, и жен-

щина больше не смогла уснуть. Понять причину своей нервозности она не могла, может все дело в том, что ее любимой внучке предстоит пройти через наверняка самое сложное в жизни испытание или Джоан никак не удавалось спокойно проспать еще хотя бы три часа, потому что скоро она увидит сына, которого не видела немногим меньше двадцати лет. Ну и что с того, будто мне есть до него дело. Однако женщина не могла не признать то, как иногда в груди что-то смещалось с прежней оси, и она испытывала жалость к ребенку, от которого отвернулась родная мать. Ведь Рейчел была такой же, хотя нет, она была лучшей матерью, чем Джоан, по крайней мере ее отстраненность от родных детей с легкостью объясняется желанием отгородить девочек от темноты, которая как она думала спрятана в ее душе. Женщина часто думала о том, чтобы случилось, будь она ласковей и добрее к мальчику, стал бы он таким как сейчас или все же присутствие матери в прошлом спасло бы Хоуп от ужаса, в котором она погрязла. Джоан с трудом верилось, что Джеймс изменил бы себе и лишился той жестокости, которая загоралась у него в глазах. Что это? Неужели я оправдываю себя и боюсь признаться в своей ошибке? Ей хотелось кричать, но что бы это могло изменить, если дело уже сделано.

Женщина прошла в комнату Хоуп и, не включая света, смотрела на спящую девочку. За последний год она сильно изменилась под гнетом печали и отцовского давления. Под глазами темные круги, где прячутся ее ночные кошмары и

толстый слой обиды. Сегодня предстоит тяжелый день, мало того, что Хоуп расстанется с человеком, который был рядом с ней последние три недели и давал ей силы поверить в себя, но и к тому же на исходе дня она в открытую поговорит с отцом. Готова ли девочка к этому, или прошло слишком мало времени? Джоан не знала ответа, да и как можно здесь что-то знать наверняка. Хоуп, как бы я хотела этому помешать. Мне горько знать, что я могла сделать из своего сына достойного человека и отца, но мне это не удалось. Удастся ли мне сказать это вслух, когда придется посмотреть в твои глаза? Джоан последний раз взглянула на девочку и прикрыла за собой дверь.

Она вернулась в свою спальню и переоделась, в такую рань мало кого встретишь на улице, к тому же утренняя прохлада поможет проветрить мозги. Стараясь вспомнить дорогу, женщина только спустя полчаса вышла к Миссисипи, периодически спрашивая у редко встречающихся на пути жителей нужное направление. Она присела на ребристую скамейку, стоящую в шести метрах от воды и следующий час внимала голосу волн. На камень возле берега, омываемый пресной водой, опустилась чайка, птица настороженно покрутила головой, под разными углами рассматривая женщину, и, словно побоявшись заразиться от нее тревогой, с пронзительным криком взмыла в воздух. Джоан, испугавшись, резко подскочила и, нахмутив брови, решила вернуться в отель, не забыв купить внучке кофе. Когда она поднималась на свой этаж и

отпирала ключом дверь, Хоуп уже не спала. Она сидела на постели, отрешенно уставившись в выключенный телевизор, пока солнце с каждой секундой поднималось все выше, до-трагиваясь до мягкой щеки рассеянным светом.

– Доброе утро. Не ожидала, что ты так рано проснешься.

Хоуп поморгала, похоже впервые за несколько минут, и улыбнулась.

– Я и сама не ожидала. Вижу ты принесла кофе. Это хо-рошо.

Девушка отправилась в ванную, зашумела вода. К тому времени как Хоуп привела себя в порядок, полчаса рассмат-ривая в зеркале отросшие корни, и они с бабушкой позав-тракали, пришел Грег.

– Доброе утро!

– Доброе, – в один голос ответили женщины.

– Ты готова?

– Да, пойдём.

Джоан осталась одна. У нее было достаточно времени, чтобы собрать свою одежду, которую она брала в недолгую поездку, и отдохнуть перед длинной дорогой. Женщина по-ставила чемодан перед дверью и осмотрела комнату в поис-ках случайно забытых вещей. Вот и все. Можно прилечь. Ко-гда она почти погрузилась в сон, ей на ум пришла идея. Че-рез минуту Джоан крепко спала.

Женщина проснулась за два часа до прихода внучки, чув-

ствуя себя более разбитой чем утром. Она кинула в стакан с водой две таблетки аспирина и наблюдала как они растворяются, выпуская из себя шипучие пузырьки. Джоан выпила лекарство и приказала себе прийти в норму, сетуя на то, что как раз, когда она должна быть максимально собранной, чувствует себя старой развалиной. Когда аспирин подействовал, женщина позвонила в аэропорт и заказала билеты, до вылета оставалось пять часов. Пока она принимала душ, входная дверь открылась и Хоуп крикнула:

– Ба, я пришла.

Джоан выключила воду и, надев халат, вошла в спальню. На диване рядом с внучкой сидел Грег. Парень вскочил и смущенно произнес:

– Я, наверное, пойду.

– Подожди, я переоденусь в другой комнате и вернусь к вам. Есть разговор, – больше ничего не добавив, Джоан вышла.

Женщина переделалась в просторный легкий костюм и причесалась. В голове заметно прояснилось. Грег и Хоуп так и сидели в неловком молчании, пытаясь понять, что хотела сказать Джоан. Женщина присела напротив и начала:

– Наши планы немного поменялись. Мы отправимся домой самолетом. Во–первых, так быстрее, во–вторых, я не буду чувствовать себя усталой после долгой дороги.

– А что с машиной? – спросила Хоуп.

– Ее заберет Грег.

– Я? Но...

– Права у тебя с собой?

– Да...

– Страховка на машину не ограничена, я просто впишу туда тебя.

– Но зачем? Что я с ней буду делать? Мне нужно ехать домой.

– Поедешь домой на машине, а потом привезешь ее ко мне. Когда сможешь.

Подростки молча переглянулись. Хоуп пожала плечами.

– Во сколько у нас самолет?

– Через три часа. Грег отвезет нас, хорошо?

Парень кивнул. Он был все еще слишком шокирован, чтобы что-то сказать.

Объявили посадку, и Грег, до этого не знавший куда деть свои руки, крепко прижал к себе девушку и прошептал:

– Позвони мне, иначе я приеду к тебе, и ты пожалеешь, что не набрала мой номер.

– Я позвоню.

Он дотронулся губами до ее лба и отпустил. Хоуп улыбнулась напоследок и ушла, не оглядываясь.

Полет длился около четырех часов. По ее прикидкам они приедут в особняк около полуночи, тогда и сработает эффект неожиданности. За то время, пока вечно улыбающиеся стюардессы разносили еду и интересовались их нуждами,

Джоан нужно было многое обсудить с внучкой. Она дождалась пока самолет поднимется в воздух, оттолкнувшись шасси от поверхности взлетной полосы, и они смогут расстегнуть ремни, и уже тогда спросила:

– Ты уверена, что готова встретится с ним?

Хоуп смотрела в окно на проплывающие мимо облака, внизу стелился опутанный сетью горящих фонарей неунывающий город.

– Не знаю. С одной стороны, я хочу разобраться во всем, с другой... закрыть глаза и делать вид, что это меня не касается. Но я, наверное, не смогу жить дальше, не прояснив все, верно?

– Думаю, да. Послушай, я знаю, что ты скучаешь по матери и сестре, но не нужно думать о них, когда будешь разговаривать с ним, это тебя только отвлечет.

– Я скучаю только по Лилиан. Родителей у меня никогда не было.

– Почему ты так говоришь? Разве Рейчел обижала тебя?

Хоуп замолчала. Как ответить на этот вопрос? Да, обижала, только не так, как это делал отец, она своим молчанием проделала в груди дочери дыру, которая никак не может зарастить. Вспомнив все те ночи, когда в нескольких шагах от комнаты матери маленькая девочка заливалась слезами и молча звала маму, которая так и не пришла, она разозлилась. В голове зазвучал голос Грега, призывающий ее успокоиться и посмотреть на ситуацию со стороны, чтобы сохранить в себе

хладнокровие. Придя в себя, Хоуп ответила:

– Она вообще не обращала на нас с Лилиан внимания. Словно мы пустое место. Где она была, когда... Она притворялась, что ничего не знает и не видит, потому что никогда меня не любила и не хотела помочь.

Джоан грустно вздохнула, понимая гнев внучки и ее нежелание понять и примириться с матерью. Думал ли так же Джеймс, когда был маленьким мальчиком и засыпал каждую ночь, не слыша сказки в материнском исполнении? Если так, то станет ли Хоуп через двадцать лет такой же бесчувственной и жестокой? Женщина взглянула на девушку, которая молча следила за уплывающими в хвост самолета милями, и ужаснулась своим мыслям. Не может быть, чтобы ее любимая внучка превратилась в тирана, это просто невозможно. Джоан не должна этого допустить, хотя бы одного ребенка она обязана спасти.

– Рейчел тоже многое пришлось пережить. Я понимаю, что это не оправдание ее бездействию, но возможно она действительно ничего не знала. Некоторые родители стараются отстраниться от детей, потому что думают, что защищают их. Она боялась будет хуже, если она начнет общаться с вами.

– Мне от этого не легче.

Джоан замолчала, ее попытка приблизить Хоуп к родной матери не увенчалась успехом, и она решила не беречь глубокие раны, это можно обсудить и позже, когда девочка за-

хочет. Следующие полчаса она летели в тишине. Потом Хоуп задала вопрос, заставивший Джоан открыть глаза.

– Что с ней случилось? С мамой.

Женщина, обдумав с чего начать, объяснила:

– Ее отец был жестоким человеком. Он превратил жизнерадостного ребенка в ходячую тень. Рейчел сказала все началось, когда он потерял работу, это его подкосило и он начал пить. Он бил и ее и мать. Каждый раз, когда соседи вызывали полицию, ее мать защищала отца, этим обрекая ее на страдания. Попробуй понять Рейчел. Я знаю, что простить будет трудно, но вы можете хотя бы поговорить по душам и разобраться во всем, что между вами было.

– Я не знала... Когда она рассказала тебе? Я думала, вы не общаетесь.

– Так и есть, но я была у них на свадьбе. Твой дед просил поехать, и я была вынуждена согласиться. Она выглядела очень красиво, в белом свадебном платье с распущенными волосами, но, если присмотреться, ее лицо было таким, будто ее вели на заклание, а не под венец. После праздника я решила остаться ненадолго и поговорить с ней, и я рада, что она мне тогда открылась, хоть и с трудом. Я могу поклясться в том, что твоя мать хорошая женщина, в ней нет злобы или ненависти, только глубокая печаль из-за потерянного детства. Но стоит задать правильный вопрос, и она тебе ответит.

Хоуп промолчала. Потерянное детство. Как ей это было знакомо, она и не знала, что они с матерью настолько похо-

жи, обе пострадали от рук отца и обеих не защитила мать. Девушка уговорила себя подумать об этом позже и оставшийся час представляла встречу с отцом. Джоан видела, как внучка нервничает, но ничем не могла ей помочь, она знала, что лучший способ побороть свой страх – это встретиться с ним лицом к лицу.

Они приземлились в аэропорту Нью-Йорка ровно в десять вечера, лил дождь, прибывая к асфальту пыль. Джоан вызвала такси и уже скоро они стояли у шикарного особняка, который Хоуп не смогла бы назвать домом.

– Ты готова?

Девушка кивнула.

– Я зайду первой, а потом позову тебя, стой возле его кабинета. Хорошо?

Снова кивок.

В доме еще горел свет, словно его жители знали: скоро что-то произойдет. Джоан постучала, за дверью послышались шаги. Пути назад нет.

Глава 16

Джеймс

Джеймс засиделся допоздна, шлифуя свою первую в жизни речь и готовясь к любым неожиданным вопросам со стороны представителей четвертой власти. Завтра он даст интервью «Таймс», делясь с ней своими планами и посвящая ее журналиста в созданную его руками историю семейного благополучия. Мужчина представлял, как многие из его кол-

лег удивятся, когда он, не признававший газет и их пронырливых журналюг, вдруг даст интервью по собственной инициативе. Но больше всего их удивит, а некоторых и разозлит, его желание направить взор на президентское кресло. Джеймс решил основательно подготовиться к завтрашнему дню, поэтому вместе с Моррисом начал составлять предвыборную компанию, и несколько из придуманных идей он закинет как приманку в разговоре с журналистом. Мужчину мучило лишь одно, что он, хотя и скрипя зубами, выложил все перед Уиллом, не тая подробностей. Когда у помощника ни один мускул на лице не дрогнул, Джеймс расслабился и дальнейший рассказ дался ему уже легче. Но все же, в случае опасности, разболтает он его тайны или промолчит в тряпочку? Брукс надеялся на второе.

Сегодняшний день был сумасшедшим, он проснулся чуть свет и сразу поехал на встречу с Моррисом, оттуда в банк, понадежнее припрятать денежки и сразу же вернулся домой готовить речь. Спина давно затекла, глаза начинали слезиться от долгой работы, но Джеймс продолжал писать и напрягать мозги, все должно быть идеально. Когда на часах пробило одиннадцать, он отложил ручку и откинулся на спинку мягкого кресла. Сквозь дрему, в которой ему успел пригнаться сон, где он словно царь входит на престол, он услышал стук в дверь. Джеймсу потребовалась доля секунды, чтобы открыть глаза и увидеть на пороге экономку, которая кротким голосом сообщала о посетителе. Мужчина бросил

взгляд на часы, минутная стрелка слегка перевалила за единицу, показывая, как краток был сон Джеймса. И кому пришлось в голову заявиться в такой час? Не дожидаясь разрешения, вошел гость, отеснив на задний план упирающуюся экономку. Мужчина удивленно уставился на вошедшего.

– Что сынок, язык проглотил? Вот решила навестить тебя и узнать, как дела?

Он все еще не мог собраться с мыслями и, тяжело дыша, смотрел на мать, которую не видел чуть меньше двадцати лет. Она заметно постарела, хотя и сохранила свежесть лица и фигуры, приобретенные с годами морщины лишь изредка пересекали лоб и прятались в уголках глаз, седые пряди переплетались со светлыми локонами, постепенно захватывая все больше территории. Но глаза, того же цвета, что и у Джеймса холодно-голубые смотрели прямо и светились умом, и сейчас к нему присоединилась еще и злость вперемешку с презрением. Джоан стояла в центре кабинета, со взглядом эксперта осматривая комнату и иногда морщась по неизвестной Джеймсу причине. Пока между ними тонкой линией протянулась тишина, он успел взять себя в руки и заметил, что мать все также богата, идеально сидящая на ней дизайнерская одежда явственно говорила об этом. Отбросив мысли о ее материальном положении, до которого ему не было никакого дела, Джеймс подумал о причине, по которой мать могла приехать в Нью-Йорк. Видимо все дело в Хоуп. Она решила прочитать мне лекцию о воспитании детей или

поторопить ее поиски? Решив, что гадать бессмысленно, он задал вполне ожидаемый вопрос:

– Зачем ты приехала?

– У тебя еще и со слухом проблемы? Я же сказала, соскучилась.

Джоан прошла по кабинету, сцепив руки за спиной, и попеременно останавливалась, чтобы внимательно рассмотреть ту или иную картину, которыми Джеймс любовно украсил свою святая святых. Мужчина поднялся, не желая смотреть на мать снизу–вверх, но и так особого преимущества он не получил – они были приблизительно одного роста.

– Не хотела отвлекать тебя от работы, но мне не терпится показать тебе мой подарок.

– Какой...

Что еще она выдумала? Я не люблю сюрпризов, особенно если они исходят от призраков прошлого. Не успел Джеймс об этом подумать, как Джоан крикнула:

– Входи!

Дверь распахнулась.

– Привет, папа.

Джеймс дернулся от слов девушки и почувствовал, как сжимаются легкие. Если бы перед ним сейчас стоял покойный отец, мужчина удивился бы меньше, чем от зрелища, которое он наблюдает сейчас. Брукс нервно сглотнул и, вернув себе непроницаемое выражение лица, спросил:

– Как ты здесь оказалась?

– Тебя, наверное, сбило с толку сообщение твоего подопечного. Так вот это моих рук дело. Не стоило тебе терять бдительности, сынок.

Он переводил взгляд с одной женщины на другую. Джеймс почувствовал, что теряет контроль над собой и над ситуацией, он постарался взять себя в руки и посмотрел на дочь. Девушка заговорила первой:

– Ба, оставь нас одних, пожалуйста.

Джоан с сомнением посмотрела на внучку, но Хоуп кивнула, говоря, что все нормально. Женщина кинула предостерегающий взгляд на сына и вышла за дверь. Воцарилась тишина. Хоуп заняла кресло для посетителей, мягко приземляясь на кожаную обивку. Как заметил Джеймс, отдышавшись от потрясения, ворвавшегося в его жизнь мощным потоком, девушка вела себя уверенно и прямо смотрела ему в глаза. В последний раз так было, когда ей только исполнилось десять и он держал свои руки при себе, не давая им свободы.

– Не хочешь присесть, разговор получится долгий.

Джеймс, пропустив ее слова мимо ушей, сделал шаг по направлению к дочери.

– Стой, где стоишь. И не смей приближаться, – голос Хоуп не изменился, только глаза лихорадочно блестели.

Мужчина смотрел на свою дочь, и не мог понять, что с ней стало всего за месяц. Раньше девочка никогда с ним так не разговаривала, всегда была кроткой и послушной. Джеймс не знал, что лучше: когда она смотрит на него со страстно

пылающими глазами или когда не поднимает головы. Он сделал, как она просила. Он молчал.

– Неужели тебе не стыдно за все то, что ты со мной сделал? – она задала этот вопрос, заранее зная ответ, поэтому и продолжала говорить, не дождавшись, пока он откроет рот. – Сейчас ты сидишь и смотришь мне прямо в глаза, но я не понимаю, что ты чувствуешь. Объясни мне, зачем? Чтобы подавить мою волю, сделав из меня марионетку, или наказать? Для чего ты все это делал?

– Потому что я люблю тебя.

Хоуп скривилась от отвращения.

– И ты называешь это любовью? Ты испоганил мне всю жизнь!

– Тебе не нужно стыдиться. Ни один из отцов так не любит свою дочь, как я люблю тебя.

– Вот именно, только такие психи как ты, – после небольшой паузы девушка добавила. – А убить меня ты тоже хотел из любви?

– Это неправда, я нанял того человека, чтобы он привез тебя ко мне. Я волновался.

– Ты врешь. И как я раньше этого не замечала, – она помолчала с минуту, слыша только свое дыхание и потрескивание в воздухе от накаляющегося напряжения. – Знаешь, папа, я начала видеть мир, отмечать его особенные черты. Мой новый друг меня многому научил.

– О ком речь?

– Ты не знаешь его, я познакомилась с ним в Луизиане. Мы много времени проводили вместе, и он заставил меня увидеть, не пройти мимо, пряча глаза, а остановиться и увидеть. Приятно знать, что где-то есть человек, которому можно полностью довериться.

На лбу Джеймса выступила вена. Пульс зашкаливал.

– Хоуп, тебе всего шестнадцать, дружба с мальчиками...

– Вот именно, папа, мне всего шестнадцать. Почему ты не говорил себе тоже самое, когда шел в мою спальню? Ведь мне тогда было десять! Мне интересно, чтобы ты делал, когда я выросла? Запер меня в этом доме и никуда не отпускал? Ты поэтому отправил меня в Спенс, чтобы я ненароком не влюбилась и не дала тебе отпор? Ну так вот, сейчас я даю тебе отпор. Ты больше никогда не прикоснешься ко мне или к кому-либо еще.

Джеймс начинал закипать. По какому праву малолетняя девчонка смеет указывать ему, что делать, а что нет? Он никогда не спрашивал чужого разрешения и впредь не намерен этого делать. Мужчина решил опустить дочь с небес на землю, ударив единственно верным оружием:

– Ты не подумала, что, сбежав, оставила Лилиан со мной? Наедине. Ты же понимаешь, что твою мать брать в расчет не стоит. Она здесь вместо мебели.

Хоуп вцепилась пальцами в подлокотники, так что почти услышала звук рвущейся кожи у себя на костяшках. Она вся задрожала от гнева:

– Не может... Это вранье!

– Уверена в этом? – на лице Джеймса появилась хитрая ухмылка.

– Ты за все ответишь, никакой адвокат не возьмется за твоё дело. Я ведь могу рассказать кое-что ещё. Или ты решил, я все забыла?

Он лениво махнул рукой, отражая её угрозы:

– Ты не можешь вспомнить...

– Алекс Милтон, твоё последнее дело. Или, например, Генри Торн. Название корпорации ты не называл, но я уверена, что с лёгкостью найду нужную информацию. Дальше...

– Хватит! Я понял. Ты хочешь, чтобы я извинился?

– Мне твои извинения ни к чему, они ничего не исправят, к тому же искренности в них ни грамма. Я просто хочу видеть тебя сидящим за решеткой. Мой новый друг сказал мне, что в тюрьме педофилов не жалуют. Так что, если тебя вдруг убьют, я не буду жалеть.

– А с чего ты взяла, что я тебя послушаю? Ты полностью уверена в том, что за дверью тебя не поджидает наемник, который сделает всю грязную работу за меня? Я даже пущу слезу, когда приедут репортеры снимать твоё остывшее тело. Он может охотиться за тобой и в другом месте, – добавил Джеймс, когда девушка невольно посмотрела в окно. – Кто тебе поможет? Инфантильная мать или малолетняя сестра? Ах да, как я мог забыть про мою дорогую мамочку. Знаешь, Хоуп, в чем прелесть профессиональных убийц? Они совер-

шенствуют свои методы. Один укол и сердечный приступ обеспечен. Естественная смерть, что тут скажешь. Так вот мы сейчас сидим вдвоем, уже далеко за полночь, все спят. И возможно по нашим ступенькам поднимается человек, который пришел тебя убить, ты даже можешь услышать его шаги. Тебе ведь страшно? Хоть ты и пытаешься храбриться, но ты жалкая девчонка, которая не представляет насколько трудна жизнь. Неужели ты решила, что я – самая большая твоя проблема. Я гарантирую, впереди будет много всяко дерьма, которое в один прекрасный день тебя сломает пополам. И это будет значить, что я победил.

Грудь Хоуп тяжело вздымалась, кровь била в голову, она не боялась никого, больше никого. Что ей смерть, когда она уже умерла? Она боялась этого человека, который сейчас сидел перед ней, казалось очень давно, хотя на самом деле это было всего каких-то пару часов назад. Стоило девушке только увидеть его, разглядеть страх на его лице, как она тут же перестала трястись от одного его присутствия и поняла, насколько он жалок. Хоуп поднялась на ноги и направилась к двери.

– Я слишком долго терпела и ждала пока меня спасут. Сейчас я знаю: рассчитывать нужно только на себя.

Девушка потянулась к дверной ручке, когда ее резко дернуло назад. Сильные руки прижали ее к груди и сдавили горло. Хоуп ударила отца в колено, на секунду хватка ослабла, этого хватило, чтобы развернуться и нанести удар в пах.

Джеймс вскрикнул и толкнул дочь, она ударилась спиной о тяжелый стол и упала. Пока девушка старалась отдышаться, мужчина придавил ее к полу и принялся душить. Руки Хоуп беспорядочно задергались, она запаниковала. В это время раздался выстрел и Джеймс от неожиданности отпустил дочь, она ударила его в горло и отползла.

В дверях стояла Рейчел и в дрожащих руках держала пистолет. На шум прибежала Джоан, испуганными глазами выискивая среди суматохи внучку. Мужчина тяжело поднимался на ноги, поглаживая шею.

– Лучше тебе оставаться на месте Джеймс, иначе я выпущу всю обойму.

Брукс попытался рассмеяться, но болезненное горло издало лишь хрип.

– Рейч, ты знаешь, что делают с убийцами? Тюремная роба тебе не к лицу.

– Я лучше проведу всю жизнь в тюрьме, чем позволю тронуть мою дочь.

Хоуп переводила взгляд с одного родителя на другого не в силах поверить, что это ее семья. Она сидела на полу, стараясь привести дыхание в норму. Девушка чувствовала, как на шее проступают синяки.

– Ну тогда стреляй, – Джеймс развел руки, подставляя грудь. Рейчел прицелилась.

– Мама, не надо!

– Хоуп, хотя бы сейчас я должна тебе помочь.

Девушка все также сидела на полу, страшась дотронуться до матери и услышать выстрел; она тянула к ней руки и, стараясь преодолеть боль, сипло заговорила:

– Тогда не делай этого. Что... что я буду делать одна? Тебя посадят, а он останется со мной. Не делай этого. Пожалуйста, мама.

За окном с оглушительной громкостью завывали полицейские сирены, Рейчел устало опустила пистолет и обняла подбежавшую дочь. Джоан подошла к сыну и прошептала ему на ухо:

– Шах и мат.

Рейчел

Джеймса давно увели в наручниках, а женщины все еще стояли в обнимку и плакали, избавляясь от горя и боли. Рейчел гладила дочь по волосам и повторяла «все будет хорошо», как заезженная пластинка, не меняя мелодии. Весь сегодняшний день в груди зудело беспокойство, заранее давая понять, что произойдет нечто удивительное. Удивительно гадкое. В побеге дочери Рейчел винила только себя, ясно видя все недостатки, которые только множились и разрастались с годами. Она считала, что девочка устала жить без матери и поэтому поехала куда подальше в поисках счастья. Но дело оказалось в другом. Жаль, что прошлое вернуть нельзя.

– Прости меня, милая. Я не знаю, как могла не заметить... этого. Мне так жаль, что тебе пришлось пережить настоящий кошмар.

Хоуп не знала, что ответить. Общаться с матерью было для нее в новинку. Слышать голос, не металлический, словно у робота, а настоящий, живой, срывающийся на теплые нотки. Джоан пришла им на помощь.

– Рейчел, а где Лилиан?

Женщина нехотя разомкнула объятия и вытерла слезы. Она, казалось, была в своем мире, откуда ее безжалостно вырвали, задав невинный вопрос.

– Она ночует у подруги. Я отправила ее.

Джоан удивленно взглянула на невестку и поинтересовалась:

– Ты? Но почему?

– Я не знаю, – Рейчел пожала плечами. – Было много причин. Нас и так постоянно заваливают вопросами, особенно подруги Хоуп, – сказав это, она посмотрела на дочь, – но на самом деле, я хотела чтобы она была подальше отсюда сегодня. Не знаю как, но у меня было дурное предчувствие утром.

Джоан дотронулась до ее плеча и ободряюще сказала:

– Ты правильно сделала, ни к чему ей было все это видеть, – женщина улыбнулась Рейчел и Хоуп и, заражая всех своим оптимизмом, предложила. – Давайте уйдем отсюда и поговорим за чашкой чая.

Они вышли в коридор и спустились на кухню. В темноте нашарив выключатель, Джоан включила свет, заливая комнату мягким, лунным сиянием. Она ловкими движениями поста-

вила чайник на плиту и нашла чашки. Рейчел и Хоуп стояли на входе в кухню, не решаясь продвинуться дальше, будто кухонная плитка – это минное поле.

– Садитесь, а то в пол вращёте.

Чайник засвистел и Джоан, приготовив чай, села напротив женщин. Она решила не нарушать молчание, пока Рейчел или Хоуп не захотят поговорить, пока они не будут полностью готовы открыться друг другу. Первой попробовала Рейчел:

– Расскажи мне... что ты делала весь этот месяц?

Хоуп вздохнула и повторила все то, что сказала бабушке, не упомянув, что Грег в курсе этой истории. Рейчел внимательно слушала и ни разу не перебила. Когда девушка закончила, мать сказала:

– Несколько дней назад я потребовала развод у Джеймса. Я хотела забрать Лилиан и уехать. Надеялась, что ты решишь вернуться и мы будем жить только втроем. Он отказал, потому что собирался баллотироваться на пост президента, и разрушенная семья на данный момент только повредит.

– И ты согласилась с ним? – спросила Хоуп с обидой в голосе.

– Нет, он пригрозил... избавиться от тебя, если я заведу разговор о разводе. Я не знала, пустые это угрозы или он не шутит, но рисковать не хотелось.

Рейчел закусил губу, чтобы вновь не расплакаться.

– Я не думала, что он способен на такое. Даже предполо-

жить не могла.

– Знаешь, мам, если бы этого не случилось, ты бы всю жизнь со мной не разговаривала. При любом раскладе я осталась бы с одним родителем. Не знаю, где теперь хорошо, а где – плохо. Я хочу спать. Устала, – она выплеснула недопитый чай в раковину и поднялась в свою комнату.

– Она никогда меня не простит, – Рейчел смотрела дочери вслед.

Джоан дотронулась до ладони невестки.

– Ей тяжело, и по щелчку пальцев ничего не пройдет. Наладить контакт спустя много лет – трудная работа. Дай ей время Рейчел. Другого выхода у тебя нет. Я обещаю помочь, завтра сразу же мы пойдем в полицию, и Хоуп все расскажет. Все, что знает. Затем займемся разводом. Я привлеку своих знакомых, они помогут ускорить события.

– Хорошо. Спасибо вам, Джоан.

– Милая, мы одна семья, давно пора перейти на ты.

Рейчел улыбнулась.

– Как скажешь.

Было три часа ночи, когда женщины пошли спать. У спальни Рейчел Джоан внезапно остановилась и сказала:

– И еще одно, я хочу отправить Хоуп к себе в Техас. Пока мы будем разбираться с делами, она отдохнет наедине с собой.

– Но она только вернулась. И как отпустить ее одну?

– Она ненадолго останется одна. Попрошу подругу при-

смотреть за ней. Поверь мне, здесь она в большей опасности, чем в Техасе. Так будет лучше для нее.

– Я не знаю. Нужно спросить мнение Хоуп.

– Отлично. Обсудим завтра. Иди спать.

Этой ночью Рейчел не спала. Она ворочалась в постели и со страхом ждала, когда к ней в комнату ворвется Джеймс, чтобы убить. Она видела, как сквозь шторы пробиваются утренние лучи, стелясь по мягкому ковру. Женщина решила не мучить себя и встала с постели. Спускаясь по ступенькам, она услышала шум на кухне: Хоуп варила кофе. Рейчел остановилась на пороге и следила за выверенными движениями дочери. Она изменилась, будто прошло несколько лет с ее отъезда, и вот она вернулась в родной дом. Такая взрослая и в то же время еще ребенок, которого Рейчел обязана была защищать, что у нее не получилось. Женщина подошла поближе.

– Не думала, что ты поднимешься так рано.

– Мне не спалось. Думала, что делать дальше.

– Джоан хочет, чтобы ты пожила у нее.

– Я слышала ваш разговор. И я согласна с ней, у меня сейчас не сил объяснять Лилиан и моим подругам, почему я сбежала. О нас и так будут все соседи судачить.

– Ты думаешь уехать сегодня?

– Если не понадобится в полиции, то да, сегодня.

– Я надеялась, мы сможем поговорить перед твоим отъез-

дом.

– Мам, давай не сейчас.

– Меня разбудил запах великолепного кофе, – Джоан пришла вовремя, сгладив неудачно начавшийся разговор.

– Доброе утро, бабушка.

– Доброе, милая.

Хоуп ушла в гостиную, оставив женщин наедине.

– Рейчел, ты будешь кофе?

– Нет, спасибо.

Джоан поставила наполненную кружку на стол и посмотрела на женщину. Под глазами темные круги, отчетливо выступают скулы.

– Выглядишь ты неважно.

– Я в порядке. Только в последнее время от всего воротит.

– Ты хотя бы питаешься? Или держишься на одном кислороде? – Джоан подошла к холодильнику в поисках еды. Она достала масло, хлеб и приготовила невестке бутерброд. – Сделаю тебе чай.

Рейчел поднесла ко рту бутерброд и сразу же откинула его, после чего вскочила со стула и убежала в туалет. Джоан бросилась за ней. Две пробежавшие мимо женщины отвлекли Хоуп от ее мыслей. Она поставила кружку на стеклянный столик и прошла вглубь дома, где, столкнувшись с внучкой, из ванной вышла Джоан. На ее лице четко обозначилась тревога.

– Что случилось?

– Рейчел стало плохо, сегодня отвезем ее к врачу.

– Ее вырвало? – услышав характерные звуки, спросила Хоуп.

– Да.

– Может это отравление?

– Судя по тому, что я поняла: она ничего не ела в последнее время. Она истощена, в таком состоянии к ней любая зараза прилипнет.

Джоан ушла за телефоном, а Хоуп осталась сторожить стеклянные двери, сквозь которые просвечивался расплывчатый темный силуэт матери. Звуки за стеной пугали. Она осторожно приотворила дверь и увидела мать, сидящую на полу. Рейчел была мертвенно-бледной, по худым рукам струились голубоватые вены, опущенные веки слегка дрожали. Девочка подошла и села рядом.

– Совсем плохо?

Женщина открыла глаза и слабо улыбнулась.

– Нет. Всего лишь беспокойная ночь. Все пройдет.

– Мы отвезем тебя в больницу.

– Не нужно, я всего лишь устала.

– Мама, у тебя две дочери, ты должна себя беречь хотя бы ради нас, – слова Хоуп вселяли надежду.

Джоан крикнула из коридора:

– Водитель готов ехать.

– Вот видишь, тебе не отвертеться.

Рейчел вышла из ванной, опираясь на руку дочери. Они

переоделись и уехали по направлению к Мэйсон Авеню.

Рейчел осмотрели и велели сдать кровь. Они решили дождаться результатов и всем вместе поехать в полицейский участок, чтобы раз и навсегда разобраться с Джеймсом. Через пол часа седой мужчина вызвал Рейчел в кабинет.

– Проходите, садитесь.

В кабинете приятно пахло мятой и свежей краской, в открытое окно врывались потоки теплого воздуха вперемешку с ароматом роз, стоящих на подоконнике. Рейчел присела на стул и замолчала в ожидании страшного диагноза, ведь она знала, что беда не приходит одна. Мужчина писал заключение в толстой тетради.

– Ну что ж, поздравляю, вы беременны, – он сказал, не отрываясь от бумаг.

Это застало Рейчел врасплох. Она скосила глаза на бейджик врача и прочитала Рей Бейтс, гинеколог. Она настолько задумалась, что даже не заметила в чей кабинет зашла.

– Извините, я, наверное, ошиблась дверью.

Мужчина посмотрел на нее поверх очков и сказал:

– Если ваше имя – Рейчел Брукс, то вы по адресу. По анализу крови значится, что вы беременны. Срок три недели. Я проведу осмотр, назначу вам витамины и распишу рацион. Потом договоримся о следующем приеме.

В ушах у Рейчел зашумело, она вспомнила ту ночь, когда Джеймс в порыве гнева ворвался к ней в комнату, и случи-

лось то, чего давно уже между ними не было. После этого он сразу же ушел, оставив ее переваривать происходящее и смиряться с унижением, через которое она только что прошла. Да, в ту ночь женщина не сомкнула глаз, думая, что муж вернется, и поступала так в несколько последующих, но он больше не переступал порога ее комнаты и не требовал от нее выполнения супружеских обязанностей. Она это пережила и вроде бы забыла. Но ребенок! Ребенок! Результат всего одной ночи. Женщина закрыла лицо руками, внезапно нахлынула грусть, сменяемая тошнотой. Что же мне делать? Для таких как она существовало три варианта: аборт, смирение с судьбой или приют, чего Рейчел не хотела. Слишком много ужасных историй достигали ее ушей, когда она была еще ребенком. Врач осмотрел ее и выписал рецепт, все это время женщина не слышала его слов и не понимала происходящего. События разворачивались как в тумане. Она на негнущихся ногах вышла в коридор, держа в руках бумажку.

Джона успела подхватить Рейчел до того, как она упала. В глазах стоящей рядом дочери отражался ужас.

– Мама, что сказал врач?

Прежде чем над женщиной сомкнулась черная пелена, она пробормотала:

– Я беременна.

Шок от услышанного не проходил в течение часа, женщины не могли сказать ни слова. Когда Рейчел пришла в себя, они решили поехать в полицейский участок, а вечером об-

судить услышанное. Само собой, Джеймсу об этом никто не расскажет, пока они не решат, как поступать с возникшей неурядицей.

Они провели в участке больше трех часов, показания Хоуп проверили несколько раз и тщательно задокументировали. На отъезд из штата ей дали согласие. В любом случае телефонную связь никто не отменял и с ней могут связаться в любое время для дачи показаний или нового допроса. Девушка как можно быстрее покинула офис полиции, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Начинало темнеть. Хоуп казалось, им не хватит и дня, чтобы обсудить положение, в которое они попали и которое произошло так не вовремя, не дав им отдохнуть от насущных бед. Девушка сидела в машине, отвозящей ее и двух близких ей людей домой. Женщины молчали, каждая думала о своем. Прошло долгих шестьдесят минут перед тем как они подъехали к дому. Первой из машины вышла Хоуп, она прошла в дом напрямиком на кухню, предварительно включив свет.

– Я сделаю всем чай, – девушка загремела посудой.

В воздухе витала тишина. Хоуп поставила три чашки на стол и села напротив матери, Джоан сидела рядом с побледневшей женщиной.

– Хоуп, тебе, наверное, лучше уйти в свою комнату, – начала бабушка.

– Ну уж нет, я – член этой семьи, и я не хочу сидеть в стороне, к тому же мне есть что сказать.

– Хорошо. Как знаешь.

Рейчел не принимала участия в дискуссии, она молча гре-ла руки об кружку с горячим чаем.

– Милая, может ты объяснишь, как такое возможно? – как можно мягче спросила Джоан.

Рейчел скривилась, не желая вновь освежать в памяти со-бытия почти месячной давности, и нехотя заговорила:

– Это произошло около трех недель назад. Он говорил, для его имиджа будет полезно иметь двоих детей, поэтому пытался создать идеальную американскую семью.

– И как ты думаешь поступить?

– Я не знаю. Аборт еще возможен...

– Можно теперь мне сказать? – подала голос Хоуп. Жен-щины кивнули. – Мама, тебе не пришло в голову, что ты по-лучила еще один шанс? Ты можешь начать все сначала и не допустить тех ошибок, из-за которых мы с Лилиан пострада-ли. Возможно это шанс для нас всех. Этот ребенок смо-жет нас многому научить. Я не хочу, чтобы ты избавлялась от него.

– А вдруг у меня не получится? Что тогда? Еще один несчастливый ребенок?

– Я верю, что сейчас ты будешь стараться. Тем более у тебя есть я и Лилиан и...бабушка. Кстати, ты что скажешь? – обратилась к бабушке Хоуп.

– Это серьезный выбор. Нельзя ничего решать на эмоци-ях. Я предлагаю все обдумать и поговорить завтра. Мы не

спали всю ночь и к тому же сегодняшней день полон событий.

– Нет, хватит откладывать. Я ничего не предприняла сразу, и посмотри к чему это привело, – Хоуп обернулась к матери и с нажимом сказала. – Если ты избавишься от ребенка, больше никогда меня не увидишь.

Девушка вскочила со стула и убежала наверх, оставив женщин один на один с новой проблемой.

Хоуп

Дверь в комнату Хоуп с треском захлопнулась. Девушку переполняли обида и горечь, она не понимала, как можно с таким пренебрежением относиться к человеческой жизни. Она до сих пор не могла простить себя за убийство ребенка, зародившегося где-то внутри ее, хотя в тот момент понимала, что так будет правильней. Хоуп помнила дикую боль внизу живота и жгучие слезы безысходности. Со временем боль не проходила, а становилась только сильнее, раздирая внутренности и сковывая поясницу. Девушка думала, что обязательно умрет. Чтобы повернуть это ей пришлось снять номер в мотеле, купить смертоносную таблетку и весь день валяться на белых простынях, моля Бога о милости: дать ей умереть. Хоуп не понимала, как она могла выжить после этого, но она выжила и даже вернулась домой, так, что никто и не заметил. Через месяц она сбежала, основательно все подготовив. И сейчас, вспомнив невзрачный голос матери, предлагавший аборт, Хоуп ощутила злость. В голове возник во-

прос: а рассматривала ли она другие варианты или, как только услышала новость из уст врача, сразу определилась с выбором? В дверь осторожно постучали.

– Входи.

Джоан ступила на мягкий ковер и больше не двинулась с места. Хоуп была слишком зла, чтобы начинать разговор первой.

– Я понимаю, что ты злишься.

Хоуп отвернулась от окна, в котором вот уже несколько минут пыталась найти успокоение и, испепеляя бабушку взглядом, ответила:

– Вот именно, ты должна понимать, как никто другой, что я испытываю. Мне пришлось убить ребенка, который был и моим тоже. У меня не было выбора, а у нее он есть, и она так беспечно рассуждает жить младенцу или умереть. Я не то что зла, мне больно. Я считала, что у меня остался хотя бы один родитель, а теперь и этого нет. Один – педофил, а другой – убийца.

– Хоуп, прекрати. Ты же не думаешь так на самом деле. Рейчел сложно, она понимает, что ей придется воспитывать ребенка без чужой помощи. Она к этому не привыкла.

Смешок, который вырвался из груди девушки, был полон желчи и злости:

– Она не привыкла? У нее было две дочери. Две! Которые любили ее и хотели ее любви. Вместо того, чтобы говорить с ними, обнимать их она потратила шестнадцать лет на

просиживание кресла! И она ничего не сделала, чтобы это исправить, хотя могла бы. Ты думаешь, я привыкла к тому, что со мной происходило? Нет! Мне больно и одиноко. Но я чувствую надежду, мне хочется верить, что еще не все потеряно и этот ребенок будет для нас спасением. Почему она не может хоть раз взять на себя ответственность? Если она решила потратить свою жизнь на игру в гляделки с окном, то я ее знать не хочу!

Из груди Хоуп вырывались рыдания, она приложила руку груди, стараясь унять дрожь. Джоан попыталась обнять девушку, но та оттолкнула ее:

– Ты с ней заодно. Уходи. Я не хочу вас видеть.

Женщина отшатнулась и опустила руки. Она стояла на месте, пока Хоуп не закричала:

– Убирайся!

Рыдания девушки еще долго звенели в ушах Джоан.

Первое, что увидела Хоуп, когда проснулась – туман за окном. Погода обещала быть ужасной, соединяясь и созвучно гармонируя с тем, что творилось в ее душе, а именно полная неразбериха и муть, через которую нельзя ничего разглядеть. Она лежала в постели и не хотела вставать, на плечи давил груз неразрешенных проблем. Девушка, не поднимая головы, пошарила по полу рукой в поисках телефона. Холодный металл мобильного обжег кожу. Прежде чем купить билеты она подумала: И что мне теперь делать? Если я поеду

в Техас, значит я сдалась и согласилась с их решением. Но мне больше некуда пойти. Вернуться в Новый Орлеан? Но как я посмотрю им в глаза, когда практически сбежала, не предупредив об уходе? Они просто на просто выставят меня за дверь и будут правы. Именно сейчас, когда проблемы валились на их семью градом, не хватало еще одной дилеммы: где укрыться? Хоуп могла взять деньги со своего счета, но мысль о том, чтобы держать в руках то, что заработано на чужих страданиях и лжи вызывало только тошноту. Через несколько минут девушка стала обладательницей билета в Техас, подумав, что поговорит с бабушкой позже. В любом случае, подыщет жилье там, если вдруг Джоан разозлится на нее и не позволит остаться в ее доме.

До вылета оставалось пять часов. Всего пять часов, которые она может провести в постели, чтобы не видеть лица матери и не заводить бессмысленных разговоров. Хоуп не чувствовала себя здесь нужной и не думала, что ее мнение кого-то волнует, поэтому она заранее знала, что мать поступит по-своему, наплевав на ее желания. Она вспомнила, как Гудманы учитывали ее голос перед тем, как взять Грега на работу. Чужие ей люди считались с ее чувствами и желаниями, а семью не волнует, чего хочет Хоуп. Девушка с раздражением села и решила не прятать голову в песок, а прямо встречать сопротивление, поэтому она поднялась с постели и подошла к зеркалу. Увидев свое отражение, Хоуп подумала, что пора расстаться с привычкой засыпать в слезах, иначе

однажды утром она не сможет открыть глаз.

К тому моменту, как девушка привела себя в порядок и собрала чемодан, дом начал просыпаться. Она слышала шум льющейся воды и свист чайника, где-то за окном звук встречающихся браншей садовых ножниц резал утреннюю тишину. Хоуп спустила скудный багаж вниз и пошла на кухню, своим видом показывая, что она никоим образом не задета. За столом уже сидела мать.

– Доброе утро.

Хоуп промолчала.

– Милая, если ты хочешь, чтобы я оставила ребенка, я так и сделаю.

Девушка горько усмехнулась и посмотрела на Рейчел:

– Мне нужно, чтобы ты этого хотела. Неужели ты ничего не чувствуешь? В тебе зарождается жизнь, а ты говоришь о ней, словно о паре старых ботинок. Это ребенок, мама. Живой человек.

– Я понимаю! Но что мне делать, если я пока ничего не чувствую?

– Тогда избавься от него, выкинь как мусор, смой в унитаз. И тогда в нашей семье это войдет в традицию.

– О чем ты говоришь?

– Ни о чем, мама.

Рейчел схватила дочь за руку и потребовала:

– Объясни мне.

– Хочешь объяснений? Пожалуйста. Я бы не сбежала, если

бы мне было на кого положиться! Но ты как всегда была в полной отключке.

Удар по щеке толкнул девушку назад. Она в изумлении смотрела на мать, в глазах которой видела испуг и удивление от своего поступка.

– Хоуп, я...

– Молчи. С такими методами воспитания тебе лучше сделать аборт.

Она выплеснула кофе в раковину и вышла во двор. Ее сразу же окутали прохлада и сырость, тонкой пленкой лежащая на плечи, это помогло ей немного остыть. Хоуп не говорила Джоан, когда они встретились на одной из улиц Нового Орлеана или, когда разговаривали в отеле или, когда летели в самолете, что она надеется на свою мать, надеется, что, узнав о случившемся, у нее появится хотя бы один настоящий родитель. То ли Хоуп боялась спугнуть такую эфемерную мечту, то ли думала, что от вслух произнесенных слов станет еще больнее. Ведь Джоан бы уверила ее в том, что на самом деле все будет хорошо, что мать наконец проснется и они будут жить все вместе, вчетвером, не зная бед. Но все это несбыточно, Хоуп осталась одна. Она не сомневалась, что сестра любит ее всегда будет любить, но как она сможет вырвать малолетнего ребенка из семьи, оставив его без опеки взрослых? За такой глупый проступок ее только посадят. Да и Джоан заботилась бы о внучке, но она также защищает Рейчел, тем самым находясь между двух огней. А Хоуп хоте-

ла, чтобы выбрали ее безоговорочно и не обдумывая, чтобы хоть раз в жизни кто-то был на ее стороне и заботился только о ней, ведь она может позволить себе побыть эгоистичной.

Девушка скрылась в излюбленном месте на огромном участке, в зарослях кустарников, прячущих ее ото всего мира. Хоуп достала из заднего кармана шорт мобильник и повертела в руке. Она обещала позвонить, но рассказывать о вчерашних событиях не хотелось. Грег в любом случае услышит, в каком она настроении и тогда завалит ее вопросами, на которые сейчас нет сил отвечать. Она вернула телефон на место и решила позвонить, когда придет... куда-нибудь, лишь бы подальше от этого места, в которое Хоуп точно не захочет вернуться. Она еще немного посидела в прохладе, наблюдая как солнечные лучи, прилагая невероятные усилия, пробиваются сквозь сплошное серое полотно и, неловко поднявшись с земли, пошла в сторону особняка. За два часа до отъезда в аэропорт девушка осмотрела комнату в поисках нужных вещей и вызвав такси, вышла поговорить с Джоан. Женщина сидела на крыльце в ожидании внучки.

– Рейчел мне все рассказала. Ей жаль.

– Мне все равно. Я хочу поговорить о другом. Ты позволишь мне остаться в своем доме или мне искать другое жилье?

– Мой дом – твой дом. Но я не думаю, что ты захочешь уехать, не попрощавшись с матерью.

– Не в первой. Она переживет.

– Хоуп, не говори так. Она же – твоя мать.

– А я – ее дочь, но это не помешало ей не обращать на меня внимание все шестнадцать лет, – понизив голос, она добавила. – Я хотела сказать, ее решение по поводу ребенка меня не волнует. Я все равно ничего не могу изменить, жить с этим только ей.

Хоуп увидела, как подъехало такси и сказала:

– Мне пора.

Она взяла свою сумку и пошла к машине, водитель помог ей уложить вещи в багажник. Девушка села на заднее сиденье и такси уехало. Джоан смотрела ему вслед.

Снова аэропорт. Через пол часа объявят ее посадку, и еще через шесть часов она будет открывать дверь другого дома. Вокруг нее в зале ожидания сидели люди, одни читали книги, другие негромко переговаривались с соседями или спали, прикрыв лица бейсболками или тонкими шарфами. Когда Хоуп вот так же ждала самолета, отправляющегося из Нового Орлеана, рядом был Грег. Он улыбался ей и говорил, что она справится, в то время как тепло его руки грело ей спину. Это было совсем недавно, когда она еще верила в победу. Да, несомненно, все шло прекрасно, Джоан не позволит Джеймсу остаться на свободе, и они смогут спокойно жить, избавившись от его влияния. Но как быть с матерью, которая также, как и раньше не понимает свою дочь, которая хочет избавиться от ребенка, как от страшной заразы. Ин-

тересно, она также думала, когда забеременела мной и Лириан? Или ее отвращение к растущему внутри плоду было сильнее? Хоуп поморщилась, поняв, что такие мысли ей сейчас ни к чему. Скоро начнется новая жизнь вдали от Нью-Йорка, нужно думать об этом. Впереди ее ждет только хорошее или...нет? Сможет ли она все забыть? Поможет ли ей время или, по мере того, как оно будет бежать вперед, она останется стоять на месте?

Женский голос объявил посадку, Хоуп со вздохом поднялась. Она надеялась, что Техас сможет ее принять.

Все шесть часов полета девушка спала, даже вездесущие стюардессы не тревожили ее сон, проходя мимо. Она приземлилась в аэропорту Олдем Каунти, вышла из самолета и села в первое попавшееся такси. Через час девушка уже была на месте.

Хоуп, стоя перед домом, все пыталась сосчитать, сколько раз она здесь бывала и, как бы это ни было странно, не замечала самого строения, которое старомодным стилем, но в тоже время авторитетной устойчивостью перед любыми бурями манило в свои сети. Она, оторвавшись от созерцания фасада, отперла дверь ключом, найденным по инструкции Джоан, и вошла в дом. Повеяло холодом. Девушка включила свет и, кинув сумку у входа, бросилась разжигать камин. Холодильник был забит продуктами, поэтому Хоуп не пришлось думать, что приготовить на ужин, к тому же есть совсем не хотелось. Она приготовила какао и села в кресле на-

против огня. Затем достала из кармана телефон и набрала номер. Трубку подняли после второго гудка. Женский голос произнес:

– Алло.

Хоуп растерялась.

– Алло, я вас слушаю.

– Я... Здравствуйте, можно Грега к телефону?

– Конечно, – женщина крикнула, – Грег, тебя к телефону!

В трубке послышался шорох и тихие голоса, Хоуп уже хотела бросить трубку, но не успела, услышав:

– Привет, боец.

– Как ты узнал, что это я?

– Из девушек с милым голосом мне позвонить можешь только ты. Теперь придется объясняться с матерью. Она о тебе ничего не знает, – пояснил Грег.

– Приятно слышать, что я понравилась твоей маме, по крайней мере мой голос.

– Ты еще подожди, она точно захочет с тобой познакомиться. Как дела дома? – задал Грег давно интересующий его вопрос.

– Тебе соврать или сказать честно?

– Предпочту честность.

– Тогда ужасно.

– Он тебя обидел?

– Как раз с отцом я разобралась. Его арестовали, я дала против него показания и дело будет разбираться. Бабушка

использует свои связи, чтобы он не смог вывернуться. Дело в другом. И я даже не могу тебе этого рассказать.

– Родные подслушивают?

– Нет, я не дома. Час назад прилетела в Техас.

На другом конце провода на секунду повисла тишина.

– Техас? Я что-то пропустил?

– Мы решили, так будет лучше. Я хочу разобраться во всем...подальше от Нью-Йорка и неприятных воспоминаний.

– Я бы мог тебе соврать, но не стану. Неприятные воспоминания поедут за тобой, куда бы ты не решила отправиться.

– Лучше бы и правда соврал, – Хоуп невесело рассмеялась.

– Слушай, я не хочу говорить по телефону, это слишком личное. Завтра или в крайнем случае послезавтра я привезу твоей бабушке ее машину, и мы поговорим? Если ты конечно хочешь меня видеть и не собираешься отправиться в новое путешествие по стране.

– Я никуда не уеду. Буду ждать тебя.

– Договорились. Мне нужно бежать, я позвоню тебе перед тем как соберусь выезжать. Хорошо?

– Конечно.

Хоуп повесила трубку.

Глава 17

Грег

Он гнал машину в сторону солнечной Калифорнии, сле-

дя за стрелкой спидометра. Не хватало еще попасться полиции, к тому же на чужой машине, и получить штраф за превышение скорости. Кондиционер был выключен, вместо этого Грег открыл все окна и слушал свист ветра в ушах, который проникал под футболку и остужал тело. До пункта назначения оставалось три часа, если верить навигатору. Он покинул Новый Орлеан практически сразу после отъезда Хопу. Парень посмотрел, как их самолет оторвался от земли и, мысленно пожелав ей удачи, покинул здание аэропорта. Он ехал по улицам Нового Орлеана и по-другому смотрел на проходящих мимо людей и разноцветные огни, покрывающие словно одеяло весь Французский квартал. Ему казалось, что в этом месте его уже ничего не держало, к тому же мама ждала его приезда еще неделю назад. Оставалось забрать вещи и попрощаться с Арчи и его семьей. Грег зашел в кафе, когда оно уже закрывалось, выпроваживая последних посетителей. Сегодня была среда, поэтому бар не работал, желающие выпить должны были ждать выходных или наведаться в другое место. Арчи стоял за прилавком и считал выручку. Он поднял голову, когда вошел Грег.

– Привет, парень. Уходишь?

– Как ты...

– Догадался? Ты бы видел свое выражение лица, вины в нем хватит на пятерых. Не думай, что я буду злиться на тебя. Я только рад, что ты готов идти дальше.

– Спасибо. Мне нужно отработать две недели или сколько

там положено?

– Нет, на «Кракен» это правило не распространяется. И кстати, пока не забыл, в – он отсчитал от пухлой стопки несколько купюр и передал Грегу. – Это ваши с Пайпер деньги, она знает, сколько ей причитается. Сможешь ей передать?

– Да, думаю смогу.

Парень перебросился с Арчи еще парой слов и, попрощавшись с Мартой, вышел из кафе. Через полчаса он уже мчался домой. Всего за три недели, которые он здесь провел, Грег успел прикипеть к этому месту, найти здесь друзей и смысл. Возможно Хоуп думала, что многому научилась у Грега, например, защищать себя в случае опасности или замечать детали, которых раньше в упор не видела. Но она и не подозревала, что парень многому научился у нее. После издевательств и предательства собственной семьи она встала на ноги и с большей страстью хотела жить, стремиться к тому, чтобы примириться с собой и отпустить прошлое. Когда Грег обнимал девушку в машине Джоан, а она плакала, обвиняя себя во всех смертных грехах, он твердил ей, что она не виновата в случившемся. И сейчас, вспоминая эти слова, парень подумал, что они могут относиться и к нему, ведь он не мог предотвратить того, что произошло, это было не под силу двенадцатилетнему ребенку. Грег чувствовал, что может начать все заново и перестать злиться на весь мир. Пора уже следовать своему совету и оставить прошлое в прошлом. Думал бы я так, если бы не встретил Хоуп, или все также

смотрел на всех с желанием убить? Хотелось думать, что он в любом случае стал бы другим человеком.

Взглянув на одометр, Грег тяжело вздохнул, казалось, что мили тянулись словно жевательная резинка, не приближая его к дому, а только увеличивая расстояние. Путь на самом деле был долгим, еще и от того, что приходилось несколько раз останавливаться, чтобы не уснуть за рулем. Отдохнув, он вновь наматывал бесконечные мили. Ждать было невыносимо, по мере приближения к дому сердце волнительно бухало в груди. Когда Грег проехал табличку, извещавшую о том, что он въехал в Реддинг, радость его затопила. Он любил свой дом, место, где родился и вырос, несмотря на все, что здесь произошло. К тому же скоро он увидит маму. Навигатор стал ненужным, Грег медленно продвигался по знакомым улицам; мимо школы и центра, где он занимался боксом, мимо парка, где он часто бегал с отцом и мимо домов своих бывших друзей. К счастью, за месяц его отсутствия ничего не изменилось, он не знал, как бы отреагировал на перемены.

Грег подъехал к своему дому и выключил мотор. Он с волнением распахнул входную дверь и прошел внутрь, оглядываясь по сторонам.

– Мам, я дома!

Наверху послышались шаги, Грег вбежал на второй этаж и столкнулся там с матерью. Она обняла его и расплакалась.

– Слава богу, ты здесь. Я так волновалась за тебя.

Когда поток слез остановился, посыпались вопросы:

– Почему ты не позвонил мне, когда выехал? Тебе хватило денег? Как ты себя чувствуешь?

– Мам, помедленней. Я отвечу на все твои вопросы, только не в таком темпе.

Хлопнула входная дверь и снизу крикнули:

– Сара, я приехал.

– Это Джерри, – пояснила мать.

Они спустились на первый этаж и увидели мужчину, он стоял в гостиной и смотрел в окно. С лица не сходила напряженность.

– Чья эта машина возле твоего дома?

Джерри обернулся и заметил Грега.

– Вот это да! Когда ты успел приехать? Мне Сара ничего не сказала.

– Я и сама ничего не знала. И о какой машине речь, – она проследила за взглядом Джерри и непроизвольно ахнула. – Я понятия не имею, знаю только, что она точно не моя.

– Я на ней приехал, – сказал Грег. – И предсказывая будущие вопросы, сразу скажу: я ее не украл и не выиграл в лотерею. Мне ее одолжили. Это долгая история, – добавил парень, видя сомневающиеся лица.

– У меня времени достаточно, – сказала Сара.

Грег вкратце поведал им историю знакомства с Хоуп, опуская личные подробности. Он упомянул о Гудманах и работе, и о том, как он счастлив вернуться домой. По мере его

рассказа, Сара расслаблялась: сын ни во что не ввязался, и история кончилась благополучно.

– Теперь вы мне расскажите. Что там с Блейком? И не думай, мам, что я поверил твоему рассказу по телефону.

Сара посмотрела на Джерри в поисках поддержки. Он поймал ее взгляд и сказал:

– Он должен знать.

– Что я должен знать? – Грег занервничал. – Говорите.

Женщина вздохнула, собираясь с силами, и на мгновение закрыла глаза. Парень терпеливо ждал.

– Ты прав. Блейка никуда не перевели. Я соврала тебе, – она сделала паузу. – Он сейчас лежит в коме в госпитале Бейкерсфилда, – Сара замолчала, не зная, как объяснить сыну все то, что случилось раньше. Джерри взял ее за руку и сказал:

– Давай лучше я, – после кивка женщины он продолжил. – Я начну сначала, Грег. Так тебе проще будет понять. В феврале этого года мы прорабатывали одну очень неприятную компанию, которая фигурировала в расследовании шесть лет назад. Я тогда работал в другом месте, поэтому не был посвящен в детали дела. По нему значилось, что твоему отцу поступил вызов, он, тогда как раз был на дежурстве, о взломе склада на окраине города. Как ты знаешь, его напарником был Блейк. Они отправились туда, но увидели нечто другое. Компания наркодельцов, несколько мелких и пара крупных. Твой отец вызвал подкрепление и попытался начать задер-

жание. Но началась стрельба, в которой он и был убит. Многих удалось поймать в тот вечер и оказывается все они говорили одно и тоже: им не нужны были проблемы, и никто из них не стрелял.

Грег нахмурил брови, пытаясь осмыслить сказанное. Он не понимал, к чему клонит Джерри и зачем ему все это знать, но это разговор парню уже не нравился.

– Они могли сговориться.

Джерри покачал головой:

– Не успели. Подмога приехала быстро, они только начали разбегаться, как их поймали и с того момента вместе не сидели. Я тоже подумал, что допрос оказался ошибочным. А потом у меня зародились сомнения. Только подумай: пять человек, и все из них описывают события одинаково. Я начал копаться в этом деле и заметил не состыковку: пуля, которая попала в Майкла, не была выпущена из пистолетов задержанных. Пистолета так и не нашли. Мне объяснили, что это сделал тот, кто успел сбежать. Звучит логично. Но чутье мне подсказывало, что все было не так. Единственный, кого мне оставалось проверить, был Блейк. С тех пор, как он стал напарником твоего отца, многие операции срывались. Я начал копать глубже и еще раз поговорил с теми, кого тогда посадили. Один из них, наиболее приближенный к главарю рассказал о мужчине, который звонками предупреждал их об облавах. Тогда я все понял и начал действовать. Рассказал все твоей матери, и она согласилась помочь.

– Стоп, когда ты ей рассказал?

– В конце апреля.

– То есть ты знала это уже давно? – обратился Грег к матери, вскочив с кресла. – И даже ничего мне не сказала. Как ты могла позволить жить этому ублюдку в одном доме с Шерри?

– Блейк не должен был догадаться о том, что мы что-то планируем, – вставил Джерри.

– Я не с тобой сейчас говорю. Мама, почему ты мне ничего не сказала?

Женщина смотрела на него с мольбой, призывая понять.

– Мне было страшно, что ты натворишь что-нибудь. И тогда наказали бы тебя, а не его.

– Это твои слова или ты повторяешь за капитаном О’Брайаном? – едко спросил Грег.

Сара поднялась с дивана, где сидела на протяжении всего рассказа. Она подошла к сыну.

– Грег, я не хотела подвергать вас опасности. Ты сам можешь представить свою реакцию. А если бы ты его убил с горяча? Я бы себе никогда этого не простила.

– Скажи вслух, что он сделал. Скажи мне это.

– Грег, я...

– Скажи!

– Он убил Майкла, – произнес Джерри, не дав Саре заговорить.

Вот он тот момент, когда казалось его мир рухнул. Он столько лет пытался примириться с тем, что отца убили ка-

кие—то подонки, которые в любом случае плохо кончат, что он погиб, защищая людей от паразитов, населяющих улицы. В этом случае его смерть приобретала бы хоть какой—то смысл: борьба за правое дело, несение своего долга и прочие высокопарные слова, но сейчас... Он умер от рук человека, которому доверял, который должен был прикрывать его спину, но напарник оказался на другой стороне. Грег посмотрел на мужчину, сообщившему новость, о которой он всегда догадывался, но не хотел принимать, и злобно сверкнул глазами. Джерри попытался его успокоить.

— Майкл был моим другом, он мне во многом помог. Поэтому я и не оставил этого, а продолжал искать. Я многое откопал, несколько дней назад мы задержали банду, которая в этом участвовала, и они все рассказали. Волноваться больше не о чем. Неужели ты хочешь убить его и таким образом освободить от тюрьмы?

— Нет, я хочу, чтобы он вечно гнил там. И я успокоюсь только тогда, когда его закроют.

— Значит не совершай поступков, о которых можешь потом пожалеть.

Прежде чем кто—то из них заговорил, прошло несколько очень долгих минут, которые были им нужны, чтобы они могли собраться с мыслями. За окном, словно издеваясь над ними, слышался детский смех, который разносился по всему двору, царапая стекла. Когда кровавая пелена сошла с его глаз, Грег спросил:

– Почему он в коме? И как оказался в Бейкерсфилде?

– Его отправили туда помочь местной полиции. За несколько дней до этого в местном баре произошел взрыв, погибли несколько копов. В тот день, когда туда приехал Блейк, коллеги решили почтить память погибших и засели в другом баре. Снова взрыв.

– Сколько он уже в коме?

– Неделю.

– Я хочу поехать туда. Сейчас.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Мне плевать, что ты думаешь, Джерри. Я хочу поговорить с ним. Он услышит все, что я ему скажу.

– Хорошо, мы поедem, но сначала успокойся. Сходи прими душ и поешь, тогда я вас отвезу.

Грег злился, но несмотря на это не мог не согласиться с Джерри. Он дико устал, преодолевая сотни миль под палящим солнцем, к тому же нервное напряжение и злость давили ему на мозги, сковывая его тело усталостью. Ему нужно, даже необходимо подумать, поесть и принять холодный душ, чтобы взбодриться и задышать ровнее. Не хватало еще, чтобы Блейк увидел боль и злость Грега и воспользовался этим. Никогда он ему этого не покажет, врагу никогда нельзя давать преимущества, так любил говорить его тренер. Стоит только заметить противнику твое слабое место, и ты побежден.

Парень поднялся наверх и зашел в свою комнату. Кровать

все также была не заправлена, как Грег ее и оставил. Наверняка мать, чтобы легче переживать разлуку, создавала иллюзию его присутствия. Он схватил полотенце и через минуту уже стоял в душе, остывая под холодными струями. Вода сняла усталость и напряжение. Он готов к разговору. Когда они сидели за столом в полной тишине, слушая лишь стук вилок о фаянсовые тарелки, раздался звонок. Сара подняла трубку.

– Это тебя, Грег.

Парень подошел и к телефону и услышал мягкий голос Хоуп. Сердце забилося быстрее. Он слушал ее и набирался сил, принимая ее поддержку, хотя она даже не догадывалась, как была нужна ее помощь Грегу. Когда парень положил трубку, то чувствовал себя спокойнее, он обернулся и встретился глазами с матерью.

– Это та самая девушка?

– Да.

Больше Сара ничего не спрашивала.

Они доехали до госпиталя Бейкерсфилда за два часа, два часа, за которые Грег все не мог успокоиться и взывал к машине, прося двигаться быстрее. Солнце садилось, когда их приняла кондиционированная прохлада больницы. На стойке регистрации Джерри показал свой значок, и они без затруднений прошли в палату. На больничной койке лежал Блейк, его лицо было перебинтовано, также, как и тело; прибор по правую сторону от кровати следил за сердечным рит-

мом. Грег подошел и сел в кресло для посетителей, Сара и Джерри стояли в дверях.

– Я хочу остаться с ним наедине.

Сара сделала шаг в сторону сына, желая отговорить его от этой затеи:

– Грег...

– Мама, даже не думай меня отговаривать, – чтобы успокоить ее он добавил, – я ничего с ним не сделаю, даже не дотронусь, обещаю.

Сара смотрела на сына и ее сердце сжималось от того, что ему так рано пришлось повзрослеть и встретиться лицом к лицу со страшной правдой. Она отвернулась, пряча слезы, и быстро вышла за дверь.

Когда Грег остался один, он еще долго сидел на месте и смотрел на распростертое тело. Писк медицинского оборудования действовал гипнотически, парню казалось, что он засыпает. Долгая дорога за рулем давала о себе знать. Он встал с кресла и подошел поближе. Зачем ты это сделал? Чего хотел добиться? Я и не думал, что в тебе столько ненависти, недооценивал тебя. Но теперь я буду начеку, не сомневайся в этом.

Грег долго думал, что же сказать Блейку. Какие слова стоит произнести вслух, а какие навеки похоронить в своем сознании. Прошло несколько томительных минут, прежде чем Грег решился. Он склонился к его уху и начал говорить.

Блейк

Сначала ему казалось, что он умер. Слишком легким стало тело, и земные проблемы ушли на второй план. Он парил в высоте, медленно поднимаясь и также плавно опускаясь на сырую землю. Неспешно текли минуты. Блейк не знал, сколько ему пришлось находиться в невесомости: прошло два дня или десять лет. Здесь не было времени или пространства. Был только он. Блейк помнил каждый свой сон. Ему снились родители: сначала отец бросал пить и в доме наконец—то царил покой, а потом последний день их жизни. В этом сне он умирал вместе с ними снова и снова. Сначала из его горла лилась кровь, затопляя ковер черной гущей, затем в виске зияла дыра, последний раз он умер, задохнувшись от мозолистых отцовских рук. Картинка резко сменялась, не давая ему возможности отойти от прошлой боли, и вот Блейк уже стоит над телом напарника и повторяет, что он победил. Один из счастливых дней в его жизни. Он забрал у Майкла все, что тот имел: жизнь, прекрасную жену и детей, которые были в принципе ему не нужны. К сожалению, избавиться от них не представлялось возможным.

Последнее видение повторялось раз за разом, так, что Блейк выучил все подробности того злосчастного вечера. Это напоминало день сурка, проживаешь один и тот же день и не можешь вырваться из порочного круга. Мужчина помнил, как сидел с другими полицейскими за столиком, их было восемь человек. В какой—то момент захотелось отлить, и он поднялся. Удар настиг его у дверей туалета. В своем сне

Блейк чувствовал, как плавится его кожа, и он ничем не может себе помочь. Донован слышал крики умирающих людей и думал, что он следующий, огонь полностью поглотит его, оставив только горстку пепла. Умирать было страшно.

Когда видения оставляли его в покое, давая ему время отдохнуть от назойливых образов и боли, Блейк слышал женские голоса, они доносились до его слуха будто сквозь вату. Глухо и неразборчиво. В какой-то момент он даже увидел силуэт, а потом решил, что это ему показалось. Тут же над ухом кто-то зашептал:

– Я знаю, что ты сделал. И не только я. Так что у тебя два варианта: либо ты проснешься и докажешь свою невиновность, либо умрешь убийцей. Я надеюсь, ты сейчас очень страдаешь. Мучаешься от боли по всему телу.

Блейк почувствовал сильный разряд, прокатившийся от локтя к плечу. Про себя он неистово закричал.

– Больно? Думаю, да. Лучше тебе проснуться, иначе я буду сидеть здесь и медленно тебя мучить.

От очередной вспышки боли, Блейк открыл глаза.

Последующие дни он провел, позволяя врачам исследовать его мозг и тело, словно у лабораторной крысы. У него брали анализы, протыкая иглками обожжённую кожу, и посылали на различные процедуры, просвечивая мозг и внутренние органы. Прогноз был утешительным, он выкарабкается. Ожоги постепенно заживали, оставляя на коже уродли-

вые рубцы. Речь и психика были в норме. Когда к Блейку разрешили подойти полицейским, он услышал зачитанные права и причину его ареста. Пока он не сможет самостоятельно встать с постели, и не будут сняты все бинты, возле его палаты поставят дежурить полицейского. Позже состоится суд, которого Грег ждал с нетерпением. Блейк не мог понять, как так вышло, что он теперь осужденный и с большей вероятностью попадет за решетку. Ведь все шло прекрасно, он предупредил об облаве, получил свои деньги и тут же уехал, что случилось после, он не знал. Взрыв вырвал его из реальности на несколько дней, за которые, как он видел, много чего произошло. На десятый день его пробуждения в палату вошел Джерри, он плотно закрыл за собой дверь и сказал:

– Доброе утро, Блейк. Как самочувствие?

Мужчина ухмыльнулся и тут же охнул от боли, бинты все еще покрывали его лицо.

– Будто тебя это волнует. Говори зачем пришел, мне не хочется слушать твои соболезнования.

Джерри присел на стул в углу комнаты и посмотрел на Блейка. Мужчина старался понять, что происходит у Донована в голове, как он мыслит и что чувствует, зная, что его поймали. Его глаза оставались непроницаемыми, но Джерри не сомневался, что Блейк боится.

– Убить Майкла было серьезной ошибкой. Сегодня утром во мне вдруг проснулось любопытство, и я задал себе вопрос: зачем ты это сделал? Возможно причины этого лежат

на самой поверхности и каждому ясны, но я уверен, что дело в другом. Так чего ты хотел добиться, Блейк?

– Я и представить не мог, что ты настолько туп, О’Брайан.

– Так и думал, что ты это скажешь. У меня было несколько версий. Например, Майкла все любили, а над твоим рвением подлизаться к начальству все только посмеивались. Хотелось иметь все то, что было у него, не так ли? Счастливая семья, двое детей, уважение коллег.

Блейк повернулся к Джерри и в его глазах мелькнуло подтверждение.

– Ты еще не безнадежен, капитан.

Мужчина продолжил, пропустив комментарий Донована мимо ушей:

– Когда я до этого додумался, в голове возник еще один вопрос. Удалось ли тебе получить все, что хотел? Я так думаю, нет. Коллеги тебя также презирают, как и раньше. Сара ненавидит, а дети... Грег, например, желает тебе вечно гнить в тюрьме. Ты сказал, что я слишком тупой, но мне бы никогда не пришла в голову такая бесполезная идея, как убить своего напарника. Все, что ты мог получить – это лишь глубокое чувство удовлетворения. И как скоро оно прошло Блейк? Неделя или пока город не перестал говорить об этом на всех углах. За несколько дней нездорового счастья, ты получишь пожизненное. Не спорю, возможно в тюрьме тебя будут уважать, ты же убил копа. Но не забывай, что ты тоже полицейский и даже такие головорезы, которых содержат

наши тюрьмы, не признают предательства среди своих. Так что, ты снова проиграл.

– Зато они страдают. Папочку им уже не вернуть.

– Они смогут начать новую жизнь. Они свободны, а ты – нет.

– Ты так уверен в этом? И кто поможет забыться бедняжке Саре? Пока я отсутствую, ты согреешь ее постель? – Блейк попытался засмеяться, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип.

Джерри молча смотрел на него. Сейчас Блейк был лишь жалкой пародией на убийцу. Слабый, не уверенный в себе человек, который решил украсть чужое.

– Ты жалок, – озвучил капитан свои мысли. – Когда получил желаемое, не знал, что делать с ним дальше. Ведь так?

Блейк отвернулся к окну, тем самым ответив на вопрос.

– Так я и думал. Ты все еще озабоченный подросток, так и не вырос со дня смерти своих родителей.

– Не смей упоминать их! – в его глазах пылала ненависть.

– А то что? Подашь на меня в суд?

Джерри поднялся со стула и сделав вид, что забыл сказать нечто важное, остановился на пороге.

– Ах да, я думаю ты в курсе, что я допрашивал Карлоса.

Блейк молчал.

– Ну так вот, он кое о чем меня попросил, и я не мог не выполнить его просьбу. Так что, когда тебя посадят, передавай соседу по камере мой привет.

Сказав это, мужчина вышел из палаты, до его ушей донесся дикий крик.

Сара

Вчера Блейк очнулся. Сара помнила, как Грег выбежал из палаты и позвал их. Вокруг сразу же засуетились врачи, вытесняя посторонних из комнаты, началась настоящая суматоха. Они не дождались, когда Блейка оставят в покое, основательно осмотрев, и уехали домой. Той ночью женщина не могла уснуть, думая о том, как дальше строить свою жизнь и с чего в первую очередь начать. Она наконец добилась своей цели, отомстила подонку и почувствовала, как счастье медленно разрастается в ней от одной брошенной семечки. Пора подумать о семье, которую она забросила несколько лет назад, придавленная грузом боли и смерти. Проснувшись утром, Сара позвонила матери и поговорила с дочкой. Детский звенящий голосок залечил раны, она пообещала, что скоро заберет ее домой.

Еще до пробуждения матери, Грег уехал в Техас. Она снова осталась дома одна, конечно, женщина знала, что это ненадолго, но на сердце становилось тяжелее. Она поняла, что давно должна была сделать то, что вечно откладывала на потом. Сара вышла из дома и села в машину, дорога займет около десяти минут.

Кладбище святого Джозефа было спрятано от проезжающих мимо автомобилей по трассе Юрика-уэй высокими деревьями и кустарниками, стоящими на некоторой возвышен-

ности. Сара притормозила у едва заметного поворота и через двести метров заглушила мотор. Она вышла из машины и прошла чуть дальше, по узкой дороге. По правую руку от нее располагалась небольшая часовня, в которой родственники могли проститься с любимыми, в последний раз прикоснувшись губами к холодному лбу. Сара прошла мимо, стараясь не возрождать в памяти грустные воспоминания, и приблизилась к небольшой ограде, именуемой воротами. Ворота кладбища, судя по резкому запаху, доносившему ветром, недавно покрасили, будто усопших беспокоила потрескавшаяся краска. Женщина преодолела несколько метров, огибая ровные белые плиты, и увидела каменное надгробие: любимый муж и отец. Слишком банально для такого человека как Майкл. Он был не только отличным отцом и супругом, но еще и другом, на которого всегда можно положиться, и полицейским, защищавшим граждан своего города. Сара села на влажную после дождя землю, подогнув под себя ноги. Нужно было что-то сказать, ведь именно для этого она и приехала. Чем сильнее она оттягивала этот момент, тем сложнее было начать.

– Прости меня, Майкл. Наверное, ты смотришь на меня и винишь в том, что я не смогла защитить наших детей. Поверь, я старалась сделать все, что могла. Старалась поступить по совести. Ты бы никогда не позволил преступнику остаться безнаказанным, и я решила, что мне нужно бороться. В память о тебе. Я любила тебя и люблю до сих пор. И теперь,

когда я сделала все, что могла, не представляю, как двигаться дальше, – женщина замолчала, после недолгой паузы она продолжила. – Вчера я звонила твоей сестре, совершенно забыла о времени: мой звонок разбудил ее посреди ночи. Но она рада была услышать, что все кончилось. Говорить так еще рано, но я не стала ее переубеждать. Хочется надеяться на лучшее, к тому же, я уверена, что Джерри просто так этого не оставит. Он будет бороться до конца, и Блейка накажут.

Сара заплакала. Она посмотрела на небо, где в кучу сдвигались темные тучи. Проносившийся мимо ветер высушил слезы на ее щеках, женщина готова была продолжить.

– Мне стыдно за то, что я не смогла рассмотреть в нем злобы и зависти. Я не заметила правды и этим предала тебя. С тех пор как я обо всем узнала, не перестаю задавать себе вопрос: знал ли ты его настоящего, чувствовал, что он тебя ненавидит? Я никогда этого не узнаю, но хочу думать, что ты не знал. Иначе бы предпринял хоть что-то, чтобы не допустить своей смерти, чтобы не оставить нас одних.

В горле пересохло, женщина на негнущихся ногах поднялась с земли и направилась к выходу. Как только она села в машину, по крыше закапал дождь. Сара завела мотор и направилась к дому. На душе стало легче.

Вечером зашел Джерри, чтобы рассказать, как продвигается дело с Блейком, но на самом деле он решил проверить Сару, и женщина это понимала. Добежав от машины до две-

рей, мужчина уже полностью промок. Сара открыла дверь и выпустила его. По ее опухшему лицу, Джерри понял, что она плакала.

– Погодка та еще, – сказал капитан, сделав вид, что ничего не заметил.

– Мне, к счастью, не удалось попасть под дождь. Проходи, я принесу тебе сухие вещи. Можешь принять душ.

– Спасибо, Сара.

Джерри моментально согрелся, включив холодную воду на полную мощность и, выйдя из ванной, переоделся в вещи Майкла. Чувствовать на себе его одежду было неудобно, будто он украл у друга самое ценное. Он спустился вниз, Сара готовила ужин. Когда он вошел на кухню, она подняла на него глаза и с грустью посмотрела на спортивный костюм мужа, который по размеру подходил Джерри. Мужчина, заметив этот взгляд, засунул руки в карманы и сказал:

– Если ты хочешь, я переоденусь в свою одежду.

Она будто только сейчас увидела, что он здесь, он, а не Майкл, покачала головой и вернулась к плите:

– Нет, все хорошо. Я давно должна была найти его вещам применение, – после паузы, чтобы между ними не росла неловкость, женщина добавила: – Вообще я думала, что сегодня буду одна.

– Я могу уйти.

Она с упреком посмотрела на него:

– Джерри, не обращай со мной как с вазой. Я не разо-

бьюсь, – сейчас она была очень похожа на Грега, такая же сильная и уверенная в себе. – Будет лучше, если ты останешься. Я уже устала постоянно находиться здесь одна.

– Ты все еще боишься?

– Нет, и никогда не боялась, только за детей. Мне просто скучно и одиноко, даже поговорить не с кем.

– Значит тебе повезло, что я пришел.

Сара рассмеялась и ответила:

– Не знала, что ты такой самодовольный.

Пока она резала овощи в салат, Джерри молча наблюдал за ее движениями. Ее светлые волосы слегка касались ключицы и бились о нежную кожу, когда она нарезала помидоры. Мужчина решил не ступать на опасную территорию и задал вопрос:

– Я заметил, что машины нет. Грег уехал в Техас?

– Да, сегодня утром. Он оставил записку. Написал, что хочет побыстрее доехать, поэтому и поднялся в такую рань.

Джерри загадочно улыбнулся.

– Почему ты так улыбаешься?

– Что-то мне подсказывает, что в Техасе его ждет не только владелица машины.

– Ты считаешь, он поехал к этой девушке?

– Я предполагаю. Возможно, он просто решил побыть подальше отсюда. Успокоиться и приехать домой другим человеком.

– Я волнуюсь за него. Правда давит тяжелым грузом. Ты

думаешь, он справится с этим?

– Грег сильный парень, Сара. С твоей помощью он все переживет.

Они поели, обсуждая погоду и цены на бензин. Оба старались как могли не затрагивать тему расследования, сейчас им нужно было что-то простое и доброе. Когда Сара убрала всю посуду, Джерри сказал:

– Ну что ж, теперь, когда дело практически закрыто, я могу больше не приходить так часто...или вообще не приходить. Если ты этого хочешь.

– Я не знаю, чего хочу, Джерри. Знаю только, что твоя поддержка помогла мне, и я не могу отказаться от такого хорошего друга.

Джерри улыбнулся женщине и взял ее за руку. День приближался к концу.

Глава 18

Хоуп

Хоуп видела его силуэт, обрамленный светом фонаря. Джеймс стоял и смотрел на нее, ничего не говоря. Шли минуты, а он все не двигался, но ждать оставалось недолго, он наклонился к ней и прикоснулся холодной рукой к плечу. Она знала, что нужно закричать и позвать на помощь, знала, что отец пришел сюда не затем, чего хотел раньше, а чтобы убить ее, но она не могла открыть рта. Хоуп видела каждое его методичное движение, и не в силах терпеть, она закрыла глаза. Это не помогло. Его нависшая темная фигура проса-

чивалась даже сквозь опущенные веки. Она не знала, сколько это может длиться, и когда он уже сделает свое дело, ведь ожидание пытки хуже самой пытки. Отец медленно протянул руку к ее шее, в груди неистово билось сердце, отзываясь набатом в ушах. Этот звук заполнял все пространство, и она уже ничего не могла видеть. Звук все нарастал, режущий, мерзкий и взрывал дикой болью барабанные перепонки. Хоуп проснулась.

Тот звук, который спас ее от ночного кошмара и смерти во сне, был всего лишь стуком в дверь. Она посмотрела на часы, стрелки сошлись, указывая на север. Спросонья Хоуп не могла понять, кто может прийти так поздно, она неловко поднялась с дивана, на котором уснула пару часов назад и медленно подошла к двери. Девушка не задумываясь открыла дверь, словно лунатик, вся во власти сна. На пороге стоял Грег.

– Ты даже не спросила, кто это. Тебе не мешает поучиться осторожности.

Вместо ответа Хоуп крепко обняла парня.

– Такой прием мне нравится, – Грег ответил на объятие. – Надеюсь, у тебя есть, что перекусить, я жутко голоден.

– Холодильник забит до отвала, бабушка видимо считает, что я способна все это съесть.

Они прошли на кухню, и Хоуп приготовила Грегу сэндвичи. Каждому было что сказать, но никто не мог начать первым. Девушка убрала тарелки в мойку и сделала чай. На кух-

не горел приглушенный свет, скрывая их лица.

– Прости, что так поздно, я старался не вылезать из машины и гнать побыстрее.

– Ничего, я рада тебя видеть. Поспать я в любое время смогу, – она смотрела на него, пытаясь отогнать от себя страх, который настиг ее несколько минут назад и нарушая молчание спросила: – Как дела дома?

– Как ты там говорила, ужасно? Я думаю, для меня это тоже подходит.

– Что случилось?

– Сложно объяснить.

– Попробуй, думаю, я пойму.

Грег начал говорить не сразу:

– Помнишь, я рассказывал тебе о смерти отца?

– Конечно, ты говорил, он умер на задании.

– Так вот. Его убил напарник, тот же человек, который приклеился к моей матери после его смерти.

– О боже, не может быть!

Получается, что и рядом с Грегом в непосредственной близости от его комнаты жил человек, который запросто мог причинить боль и ему, и его семье. Оказывается, у них было больше общего, чем думала Хоуп.

– Я тоже так подумал, но доказательства говорят сами за себя. Он прикрывался полицейской формой и делал, что хочет. Теперь его посадят.

– Как твоя мама отреагировала на это?

– Оказывается, она знала об этом давно, поэтому и отослала нас с сестрой подальше. Я думал, причина в другом, а оказалось мы жили под одной крышей с убийцей.

– Мне так жаль, это ужасно.

Грег ненадолго замолчал, Хоуп решила не прерывать его размышлений и просто сидела рядом. Девушка очень хотела ему помочь, сделать так, чтобы он больше не переживал и не хмурился. Но она не знала, как это делается. Нужно сказать что-то правильное или обнять? Но вдруг Грегу это не понравится, и он ее оттолкнет. Так и не найдя верного решения, Хоуп решила оставить все как есть.

– А что у тебя дома?

– Ты действительно хочешь об этом говорить? На тебя и так сейчас все навалилось, не хочу еще больше грузить.

– Все нормально, так я хотя бы отвлекусь.

Хоуп посмотрела на него с сомнением, но он заставил ее рассказать.

– Даже не знаю с чего начать, – она сделала паузу, собирая в клубок разрозненные мысли. – Я приехала домой и поговорила в тот же вечер с отцом. Не буду вдаваться детали, скажу только, что твои уроки не прошли даром.

– Он тебя ударил? – Грег в эту минуту забыл о своих проблемах и, посмотрев на девушку, заметил на ее шее синяки.

– Все не так страшно, как ты думаешь. Он пострадал сильнее. Бабушка вовремя вызвала полицию.

– Я надеюсь, он за решеткой?

– Да. На следующий день я дала показания, и на него завели дело. Не знаю, чем это кончится, но возвращаться в Нью-Йорк я не хочу. Сегодня я весь день думала, что мне делать дальше. Самое сложное осталось позади, теперь нужно стать обычным человеком и чем-то себя занять, – она провела по ободку кружки ногтем и продолжила. – Скорее всего останусь здесь, перейду в местную школу, а потом поступлю в колледж где-нибудь в другом штате.

– Почему ты не хочешь остаться в Техасе?

Ну почему он задает вопросы, на которые она не хочет и не знает, что ответить. Было множество причин. Например, она решила, что лучше быть одной, чем среди тех, кто не может с ней считаться, и к тому же она не могла каждый день видеть лицо матери и знать, что она сделала, их отношения во всяком случае уже не наладятся. Хоуп подошла к раковине, став к Грегу спиной, и тихо сказала:

– Дома произошло кое-что еще, это повлияло на мое решение уехать.

– Ты меня пугаешь. Что случилось?

Хоуп сполоснула кружку и вернулась за стол, вложив свои руки в ладони Грега. Он почувствовал, что она замерзла.

– Пойдем, я разожгу камин, ты совсем заледенела.

Они перешли в гостиную, и пока Грег подкидывал дрова, Хоуп сидела на диване и куталась в плед. Закончив с камином, парень подошел к ней и сел рядом.

– Рассказывай.

– Начну с того, что, когда я дралась с отцом, в кабинет ворвалась моя мать с пистолетом в руках, угрожая убить его, если он не оставит меня в покое. Да, это надо было видеть, – добавила Хоуп, увидев изумленное лицо Грега. – Я думала, мои отношения с матерью наладятся, потому что казалось, она старается стать лучше. На следующее утро ей стало плохо, и мы с бабушкой отвезли ее в больницу. Она оказалась беременной, – на лице Хоуп проскользнула горечь, которая тут же сменилась злостью. – Сначала я не знала, что и думать, а потом до меня дошло. Это наш шанс. Шанс для мамы начать все сначала и правильно воспитать ребенка, шанс для меня увидеть новую жизнь. Поэтому, когда я услышала, что она хочет сделать аборт, я взбесилась. Наорала на бабушку и в конце поссорилась с мамой. Я уехала, не попрощавшись с ней и что самое страшное, мне за это не стыдно. Я даже не знаю, что они решили, жив ли этот ребенок или уже нет.

Грег выслушал ее молча и после того, как она закончила, парень понял: он не знает, что сказать. Он хотел, чтобы Хоуп видела его на своей стороне, поэтому Грег должен был найти правильные слова.

– Послушай, может твоя мать просто боится, что у нее снова не получится. Я, конечно, не знаю ее, но если ей хватило смелости угрожать твоему отцу пистолетом, то думаю, она тебя любит. Просто не знает, как это показать.

– Возможно ты прав, но я не могу ей простить того, что она хочет убить собственного ребенка.

Хоуп отвернулась к огню, давая понять, что больше не хочет говорить. Грег привлек девушку к себе. Они сидели рядом, слушая треск поленьев, наконец Хоуп севшим голосом сказала:

– Поцелуй меня.

Грег подумал, что ему послышалось, но девушка подняла голову и добавила:

– Пожалуйста.

Парень нервно сглотнул, неготовый к тому, о чем она сейчас его попросила и спросил:

– Ты уверена в этом?

– Да.

Его ладони внезапно задрожали, когда он коснулся ее щеки. Грег приблизился к ней и поцеловал, почувствовав в животе жар. Он не знал, что делать дальше, ведь Хоуп может стать страшно, если он позволит себе лишнего. Парень поцеловал ее снова, не претендуя на большее и услышал, как Хоуп подавшись назад, попросила:

– Сделай так, чтобы я о нем забыла. Я не смогу так жить.

Он прижал ее к себе и погладил по волосам. Что он мог сделать ради нее? Да все, что угодно. Но то, о чем она просила... Это было слишком. Грег не ответил и снова поцеловал ее. Его руки опустились девушке на плечи и перешли чуть ниже, плавно спускаясь по спине. Грег не услышал, а почувствовал, как она тихонько всплакнула, напрягая спину, словно он вылил на нее кипяток. Не выдержав того, что ей

больно, он немного отстранился, и Хоуп заплакала.

– Прости, я не хотел обидеть тебя.

Она вскочила и убежала в ванную, захлопнув за собой дверь. Грег остался сидеть на месте, пытаясь унять бешенное биение сердца. Именно тогда он понял, что любит Хоуп.

Она сидела в ванной, опираясь на холодный акрил и рыдала, не в силах остановиться. Девушка злилась на себя, на обстоятельства, на весь мир и в особенности на того, кто с ней это сделал. Она понимала, что ничего не вернуть и что дальше так продолжаться не может, и у нее есть только два варианта: либо она рискнет, испытывая боль и стыд, либо останется одна. Хоуп умылась холодной водой и вышла в коридор. В доме было тихо. Грег не оставил даже записки, просто ушел и девушка не могла его в этом винить. Он и так ей помог сполна, возился с ней, как с ребенком, хотя ему это было нужно меньше всех, и дальше терпеть он не стал. Девушка села на диван и поплотней укуталась в махровый плед. Окно осветили первые солнечные лучи. Вот я и осталась одна.

Грег

Он добрался до шоссе пешком, следуя указателям. Полчаса Грег ждал, пока хоть одна машина остановится, чтобы увезти его на несколько миль к западу. К черту осторожность, доберется попутками. Наконец, услышав его мольбы, рядом с ним остановился грузовик с номерами Аризоны. Уже кое-что. Мужчина с длинной бородой, сидящий за рулем, поначалу не вызывал доверия, но по мере разговора

Грег расслаблялся, решив, что ему можно доверять. Мужчина довез его до Финикса, и пожелал счастливого пути. Во всю разгорался день, парень простоял около часа на палящем солнце, пока не подъехала нужная машина, молодая женщина согласилась подвезти его до Лос-Анджелеса. Прибыв в город ангелов, он перекусил в ближайшей закусочной и двинулся дальше, часть пути пройдя пешком, остальную проехав на такси. Он добрался до своей улицы, когда уже стемнело. По крайней мере так намного быстрее, чем ехать автобусом. Парень вошел в дом, стараясь не потревожить мать и поднялся наверх. Как только его голова коснулась подушки, он провалился в сон.

Проснувшись утром, Грег решил, что стоит переварить события вчерашнего дня, не откладывая на потом. Он винил в случившемся только себя, потому что должен был понять, что Хоуп не готова. Ей и так пришлось натерпеться, помимо разбирательств с отцом и натянутых отношений с матерью. Мысль уехать возникла почти сразу после побега Хоуп в ванную, Грег решил так будет лучше для всех, вряд ли она, вернувшись в гостиную, захотела бы видеть его. Поэтому парень, взглянув на дверь, где спряталась девушка и услышав ее плач, вышел во тьму. Даже не стал писать записку, считая это бессмысленным оттягиванием неизбежного. Не к чему Грегу привязывать ее к себе, Хоуп должна начать новую жизнь, забыв старую и соответственно его тоже. С каждым

шагом, удалявшим Грегa от девушки, он думал, что сейчас с ней происходит, что она чувствует. Его силком тянуло назад, но он продолжал идти, не оглядываясь.

Парень услышал, как мимо его двери прошла мать и спустилась вниз. Тут же загремела посуда. Он любил эти звуки, обыденные и монотонные, они создавали иллюзию стабильности и нормальности, которой ему сейчас так не хватало. Грег поднялся с постели, чувствуя, как облепившая его за вчерашний день пыль придавливает обратно вниз, и пошел в душ, чтобы смыть с себя всю грязь. Дышать стало легче. Он спустился вниз, когда Сара начала готовить завтрак.

– Ты приехал? Я думала, ты будешь дома не раньше завтрашнего дня.

– Получилось приехать раньше.

– Как дела? Выглядишь грустным.

– Я много думал о том, что делать дальше. Мне нужно поговорить с тобой и Джерри.

– Что ты придумал? И при чем тут Джерри?

– Его это тоже касается.

Сара посмотрела на сына, нахмутив лоб. Вместо озвучивания мыслей, которые крутились в ее голове, она сказала:

– Он зайдет перед работой.

Грег кивнул и вышел во двор, на лужайке валялась утренняя газета, парень поднял ее и развернул. Пока новостей о Блейке не наблюдается, но как только об этом пронюхают, он будет красоваться на первой странице. К дому подъехал

Джерри. Он вышел из машины и подошел к Грегу, разговаривая по телефону.

– Не думал, что ты так рано приедешь. Добирался на попутках? – спросил он с упреком в голосе, убирая мобильник в карман.

– Только матери не говори.

– Не скажу, если не будешь делать так снова.

Они вместе вошли в дом, и Сара позвала их завтракать.

Джерри отказался:

– Я уже выпил кофе, спасибо, Сара.

Покончив с завтраком, мать спросила:

– Грег, о чем ты хотел с нами поговорить?

Парень сидел напротив матери и Джерри и переводил взгляд с одного на другого. Он был уверен, что поступает правильно.

– Я хочу уехать в Монтану. Закончить последний год школы там.

– Но почему Монтана?

– Хочу быть поближе к семье, но подальше отсюда. После школы пойду в армию, потом начну служить в полиции. Я не смогу начать здесь, где все знают моего отца, жалеют меня и будут пытаться помочь. Мне хочется добиться к себе уважения самому, чтобы это была только моя заслуга. И я хочу уехать сейчас.

– Ты же только вернулся. Я так по тебе скучала, а ты снова хочешь уехать?

– На это есть причины мама. Во–первых, я хочу побыть с сестрой, неизвестно, когда я снова смогу ее увидеть, и во–вторых, я даю вам шанс побыть наедине последний летний месяц.

На щеках Сары появился румянец.

– О чем ты говоришь, Грег? При чем тут...

– Мам, я не слепой. В любом случае, я своего решения не поменяю.

Сара и Джерри молча переглянулись. Женщина была огорошена новостью и не хотела отпускать сына, но понимала, что он только разозлится на нее, если она откажет. Джерри даже бровью не повел, когда Грег поделился с ними своими планами, будто он знал, чего желает парень. Мужчина пожал плечами, принимая молчание за всеобщее согласие и сказал:

– Я отвезу тебя на станцию, придется ехать с пересадками.

– Ничего, переживу.

Грег как можно быстрее собрал вещи, чтобы не оттягивать момент прощания и обнял напоследок мать. Она прижала его к себе с такой силой, что парню стало больно дышать:

– Мам, если ты решила меня прикончить, чтобы я не уезжал, у тебя хорошо получается, – он отстранился и посмотрел ей в глаза. – Мы еще увидимся. Я не на войну ухожу.

Сара натянуто улыбнулась и потребовала:

– Позвони, как приедешь туда. Я сообщу бабушке, что ты останешься у нее. Думаю, она будет только рада.

Грег сел в машину Джерри и помахал матери рукой, они

поехали в сторону автобусной станции. Полицейский заговорил первым.

– Если вдруг решишь остаться на службе в армии, подумай, что тебя там ждет. Все, что показано в фильмах слишком эстетично: солдаты умирают красиво, смело участвуют в боях, и даже самого безнадежного героя можно спасти, перебинтовав руку. В действительности все не так. Это страшно и грязно, повсюду кровь и кишки, которые и по ночам не дают спать. Я не смог остаться там и видеть, как умирают мои друзья, у которых были жены и дети, – Джерри вспомнил о Викторе и продолжил. – Ты можешь сражаться из последних сил и завоевывать территории, а потом политики решат передать их обратно по особому соглашению. И тогда ты спрашиваешь себя, зачем было рисковать своей жизнью, если все оказалось зря? Я не знаю, как ты себя поведешь в такой ситуации, но хорошо подумай перед тем, как отправиться туда. И будь уверен, война всех меняет, ты уже не будешь прежним, когда вернешься, и в первую очередь это заметят твои близкие.

Они быстро подъехали к станции, но Грег не спешил уходить.

– Не думай, что я решил пойти в армию, чтобы найти там свою смерть или показать, какой я крутой. Армия для меня – это тренировка перед службой в полиции, – Грег опустил взгляд на бейсболку, лежащую у него на коленях. – Я думаю там есть и хорошее, иначе никто бы не становился солдатом.

– Возможно ты прав, и я буду рад, если ты это найдешь.
Береги себя и не пользуйся попутками.

– Есть, сэр.

Мужчина усмехнулся. Они пожали друг другу руки, и Грег, натянув бейсболку, вышел из машины. Он закинул на плечо сумку, медленно продвигаясь в сторону станции. Джерри посмотрел ему вслед, дождавшись пока парень войдет в здание, и выехал с парковки.

Эпилог

– Задувай свечи!

– Я что по-твоему маленькая? – возмутилась девушка.

– Если тебе исполнилось четырнадцать, это еще не значит, что ты выросла, малявка.

Шерри Марлоу закатила глаза и сделала, как сказал брат. Он победно улыбнулся, и полароид вытолкнул готовую фотографию.

– Ну вот, другое дело. Хотя лицо можно было и не кривить.

Сестра засмеялась, толкнув Грега локтем в бок. Она отошла к столу, все еще смеясь, и взяла нож для торта. Молодой мужчина смотрел на девушку и не мог понять, как она успела так быстро вырасти. Еще совсем недавно девочке было всего шесть, и она верила в Санту и в то, что если она объестся конфет, то на нее слетятся все пчелы в округе, а сейчас Шерри уже такая взрослая и красивая. По мере того как сестра взрослела, она избавлялась от избыточной скром-

ности и впечатлительности. Девушка становилась общительной и смелой, тот, кто над ней подшучивал, сразу же жалел об этом. Шерри постепенно теряла материнские черты, становясь все больше похожей на отца, темные волосы и ярко голубые глаза, которые четко отражали беснующиеся в груди ее эмоции.

Сегодня вся семья приехала в Монтану, чтобы вместе отпраздновать день рождения Шерри. За столом собрались недавно сыгравшие свадьбу Сара и Джерри, которые попеременно, не упуская случая, касались друг друга, словно дети, боясь, что это сон; Тереза и лучший друг бабушки, Рич. Грег чувствовал себя счастливым. Наконец, спустя долгие годы все сложилось именно так, как он хотел. Они болтали о мелочах и вспоминали только счастливые моменты, опуская события, произошедшие восемь лет назад. Грег как-то заговорил с Шерри об их поездке в Новый Орлеан, она призналась, что немного помнит из того лета. Услышав это, парень вздохнул с облегчением. Сидящая рядом с Грегом бабушка внезапно всплеснула руками.

– Совсем забыла купить мужчинам выпить к сегодняшнему барбекю.

– Я съезжу, бабушка, – сказал мужчина.

Он вышел во двор и сел в машину, до супермаркета было десять минут езды. Окна были открыты, обдувая горячее лицо, из радио вместе с музыкой лилось хорошее настроение. Грег вошел в прохладное помещение магазина и подошел к

алкогольному отделу, стараясь как можно быстрее вернуться к семье. Вдалеке спиной к нему стояла женщина, он не мог ее знать, но что-то внутри болезненно сжалось, Грег подошел к ней и тронул за плечо, девушка обернулась.

– Хоуп. Вот так встреча.

– Привет. Да уж.

Оба смотрели друг на друга и не знали, что сказать. Грег смотрел на нее и отмечал все изменения, которые с ней произошли. Волосы вернули свой первоначальный золотистый цвет, в глазах появилась сила и решительность, девушка стала выше.

– Какими судьбами в Биллингсе?

– Долгая история.

Мужчина пожал плечами и сказал:

– У меня есть время.

Они вышли из супермаркета и направились к машине Грега, по обоюдному согласию решив отправиться в местный парк, чтобы спокойно поговорить.

– Я работаю в службе опеки, – начала Хоуп, когда они выбрали наиболее уединенное место. Они сидели на скамейке, скрытые ото всех цветущей зеленью. – Закончила школу в Техасе. Мы переехали туда, когда все разрешилось. Потом отучилась в колледже и теперь стараюсь помогать детям, которых обижают собственные семьи. Я приехала сюда только вчера, девочка, которая стояла на учете в Амарилло, переехала со своей семьей в Биллингс. Я решила лично передать

все документы касательно этого дела и просто поддержать ее. Я обещала, что буду рядом, а сейчас получается, что я ее обманула. Ей всего шесть лет. Мать постоянно приводит в дом любовников, которые издеваются над девочкой, – сказав это, Хоуп болезненно поморщилась.

– Мне жаль, но как бы это грубо не звучало – ты не сможешь помочь всем. Я уверен, ты делаешь, что можешь.

Девушка благодарно улыбнулась ему и спросила, стараясь не думать о истерзанном ребенке:

– А как твоя жизнь? Чем занимаешься?

– Закончил в школе Биллингса последний год, пошел в армию и после этого стал служить в полиции. Сейчас я офицер, всего год на службе. Стремлюсь к вершинам.

– Краткое описание жизни длиной в восемь лет.

– Оказывается рассказывать особо нечего. Как семья?

Хоуп немного напряглась, и Грег понял почему. Разговор о сугубо личном обоим давался нелегко, за прошедшие восемь лет они стали чужими друг другу. Она откинула со лба пряди светлых волос и, видимо решив, что в его вопросе нет ничего страшного, ответила:

– Это отдельная история, – Хоуп рассмеялась. – Представляешь, моя сестра уже водит машину, только недавно она была еще совсем малышкой, а сейчас... До сих пор не верится, что прошло столько времени.

– Да, мне тоже. Сегодня Шерри исполнилось четырнадцать, и мы собрались всей семьей у бабушки.

– Это здорово! Поздравляю.

– Спасибо, – Грег улыбнулся, – я рад, что у нее есть полноценная семья, оба родителя рядом.

– Твоя мама вышла замуж?

– Да, и на этот раз за отличного парня. Он тоже работает в полиции.

– Должно быть она счастлива.

– Я думаю, да. А что... что с твоей мамой, она оправилась после той истории?

– Да, она полностью изменилась. Ребенок ее оживил. Кстати, у меня есть младший брат. Ему исполняется семь в этом году, – Хоуп счастливо улыбнулась. – Поначалу мама не отходила от него ни на шаг, боялась, что с ним что-то может случиться. А потом вроде успокоилась и стала себя вести как нормальная мать.

Они долго говорили, вспоминая все то, что случилось с ними за последние восемь лет и, чувствуя, что несмотря на годы все так же нуждались в друг друге, в обычном разговоре по душам. Когда рассказать уже было нечего, Хоуп с сожалением призналась, что ей нужно идти, Грег и не заметил, как много времени прошло.

– Завтра тяжелый день. Сначала нужно передать документы, а вечером уже самолет.

– Я думал ты задержишься в городе, – Грег старался не выдавать своего разочарования.

– Не могу, дела не ждут.

– Тогда я подброшу тебя.

– Не нужно, отель в двух шагах.

Неужели она все еще боится меня и поэтому отталкивает? Ведь прошло столько лет. Грег только потом, прокручивая разговор в голове, понял, что они не обсудили самое важное. Последнюю ночь. Мужчина знал, что ему не удастся сказать ей об этом, возвратив их назад, и поэтому, он жалел вдвойне, что не смог исправить ситуацию и извиниться. Хоуп больше на него не смотрела, устремляя взгляд далеко за горизонт и думая о чем-то своем. Ему не хотелось с ней расставаться, но заставлять ее он не имел права. Грег провел рукой по волосам и сдавленно произнес:

– Ну что ж, до встречи. Надеюсь это когда-нибудь случится.

Его слова вырвали ее из глубоких раздумий, она тепло улыбнулась и согласно кивнула головой:

– Я тоже. Пока, Грег.

Хоуп поднялась со скамейки, оставив мужчину одного, и направилась к выходу. Больше Грег ее не видел.

Продолжение следует.